

КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ

Северо-Запад®

КОНАН
И
РЫЖИЙ ЯСТРЕБ

Санкт-Петербург
"ТРОЛЬ"
1996

**Конан и Рыжий Ястреб: Романы и повести. — СПб.,
«Тролль», 1996 — 448 с.**

ISBN 5-87365-038-1

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в любой форме,
в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

© Д.Лэнгтон, 1996
© Д.Уолмер, 1996
© С.Григорьев, обложка, 1996
© А.Федоренко, графика, 1996
© «Тролль», составление и подготовка текста
© «Северо-Запад», серийное оформление
обложки и форзаца

Глава 1

Ветер лихо раскачивал верхушки горных сосен. Кто часто бывал в этих местах, тот несомненно знал, что эти порывы нельзя назвать настоящим горным ветром. Но кроны вековых деревьев шумели грозно и настороженно, узкие расщелины и склоны горных отрогов спускались к тропе, ведущей через ущелье с запада на восток, ветер шипел и посвистывал, пробираясь сквозь извилистые лабиринты в скалах.

Над ущельем сгушалась темнота. До настоящей ночи было еще далеко, но солнце давно опустилось на покой и больше не светило в спины четырем всадникам, что медленно двигались по тропе, которая пролегала на самом дне Серого ущелья. Это был малоизвестный путь через горные перевалы Кофа. Но, по слухам, один из самых безопасных. Одинокiй всадник на мощной лошади еще мог пробраться здешними извилистыми тропками, хотя даже на совесть подкованные животные кое-где рисковали сорваться в расщелину. Однако здесь, по крутым каменистым тропкам, скользким и влажным, не могли пройти нагруженные товарами караваны. А где нет поживы, там нет и лихих людей. Или, по крайней мере, здесь их было немного.

Четверо всадников двигались неторопливо. Правда, едва они вступили в ущелье, лошадей приходилось чаще погонять, чем сдерживать. И молодой плечистый мужчина, что ехал во главе процессии, то и дело подхлестывал своего жеребца.

Темные глаза всадника напряженно вглядывались в надвигающуюся ночную мглу. Но ни тени страха не было на его обветренном лице, выдававшем в нем человека бывалого, скорее привыкшего к лишениям, чем к шелкам и благовониям дамских спален. Он вел своих спутников по горному ущелью невозмутимо, как будто бы не один раз приходилось ему бывать в этих сумрачных местах. Под плотным шерстяным плащом всадника скрывался внушительных размеров меч, но рукоятка торчала наружу, ибо хозяин меча был готов к любым неожиданностям. Весь облик, а особенно несколько высокомерное выражение лица мужчины, его неторопливые жесты и полная достоинства манера сидеть в седле давали понять, что этот молодой воин несомненно знатного происхождения. И становилось ясно, откуда в его темных глазах взялся надменный огонек.

Сей благородный воин был потомком знатного офирского рода, и к миссии своей, занесшей его в этот горный край, относился так же, как и к своей воинской службе — как к делу чести.

Двое других всадников, что ехали позади, двигались бок о бок и негромко переговаривались. Оба они были всего лишь солдатами-наемниками и радовались удобному случаю перемыть косточки своему командиру за его спиной.

Четвертой в маленьком отряде была девушка, что ехала на своей низкорослой лошади между благородным воином и наемниками. В пути ей пришлось быть ничем иным, как объектом бдительной охраны. И хотя девушка была еще совсем юной, в седле она держалась свободно и по сторонам поглядывала так, будто бы это не ее сопровождали воины, а она сама прокладывала путь. И если бы кто-нибудь вздумал вслух усомниться в обратном, чуть косящие изумрудные глаза облили бы наглеца презрением. Если бы шутник не понял своей ошибки, пухлые губки сжались бы в суровую, совсем не подобающую этому почти детскому личику гримасу, и узкая девичья ладонь с длинными холеными пальчиками легла бы на небольшой

кинжал, что висел у нее на поясе под зеленым плащом. А если и после этого в чьих-то неосторожных словах она усмотрела бы оскорбление, шутник навсегда зарекся бы насмехаться над девушками.

— Госпожа Карела еще не устала? — ехавший впереди всадник обернулся и с вежливой улыбкой обратился к девушке.

— С чего ты взял, Эльрис? — нахмурилась девушка. — Я могу еще скакать и скакать вперед. Если ты сам не держишься в седле, так и скажи!

Благородный офирец пожал плечами и ответил невозмутимо:

— Пока хоть на десять шагов впереди можно разглядеть дорогу, нам стоит поспешить, иначе один Митра ведает, в каком диком месте нам придется останавливаться на ночлег... Эй, бездельники! — окликнул он солдат. — А ну, прибавить шагу!

Маленький отряд рванулся вперед.

Карела молча направляла свою кобылу след вслед за лошадью Эльриса. Не то чтобы она солгала ему, говоря, что не устала, но все же ей хотелось бы, чтобы скачка по ночному ущелью скорее прекратилась. Но признаться в этом высокородному Эльрису? Она лучше умрет, чем пойдет даже на такую мелкую уступку мужскому тщеславию. Лучше немного потерпеть, чем лишний раз потешить мужское самомнение.

В душе Карела проклинала и этот вечер, и это ущелье, и эту дорогу. Ей не хотелось вообще пускаться в путь. Что могло быть хорошего в том, чтобы оказаться в совершенно чужой и незнакомой Заморе, где она никогда не бывала и никого не знала? Куда милее ей были просторные равнины восточного Офира, покрытые скудным низкорослым лесом, где она росла, почти не стесненная никакими условностями. Неужели теперь бойкая и дерзкая девчонка с неумным взглядом больших зеленых глаз и пышной копной огненных волос обречена на жизнь в душных покоях на женской половине богатого Шадизарского дома? Карела мало плакала, даже когда

была ребенком, но одна мысль о том, какое будущее ее ждет, вызывала у нее злые безнадежные слезы, и она была благодарна горному ветру за то, что он мог бы послужить прекрасным оправданием в случае, если ее слабость будет замечена.

За свои семнадцать лет Карела хорошо уяснила — на собственном опыте — что как только мужчина обнаруживает в женщине то, что ожидал: слабость, глупость, беспомощность, — он, во-первых, теряет к ней всякий интерес, а во-вторых, пытается отвести ей место где-нибудь на задворках. На такое Карела никогда бы не согласилась. А значит, нельзя было уподобляться тем женщинам, которых Кареле удалось повидать в гарнизоне золотого прииска. Там были и почтенные дамы, матери семейств, озабоченные потомством и положением своих мужей, и ветреные молодые особы, сводящие с ума мужчин при первом свидании и прискучившие уже на втором, и глупые куклы, пригодные только для надзора за котлами в кухне, или в лучшем случае для вышивания.

Карела еще не знала, чего ей хотелось бы получить от жизни. Но она точно знала, чего бы ей не хотелось. Ей не хотелось, чтобы кто-то, пусть даже самый близкий человек, ограничивал ее свободу, ставил рамки, предписывал, что и как стоит делать... Пока был жив ее отец, старый и опытный воин, начальник гарнизона, никто не смел стеснять свободу белокожей и рыжеволосой девицы, его маленькой дочери, которая незаметно превратилась из надоедливой любопытной девчонки в самую красивую невесту в округе, глядя вслед которой, восхищенно вздыхали все мужчины — от безбородых знатных юнцов до пожилых чумазных и пропыленных пилигримов.

Ее отец полжизни прожил в Офире и был одним из самых преданных и опытных, а значит и самых высокооплачиваемых наемников в офирской армии, и стал он таким только благодаря своему совершенно замечательному характеру, от которого стонало и скрежетало зубами множество самого разнообразного народа. Это был суровый и властный человек, не терпящий неповиновения и

никому не делающий поблажек из сострадания или по какой-либо иной причине. Карела сознавала, что эту черту отца она переняла в полной мере. Хотя в ее жилах текла не только кровь кофийского наемника, но и гордой золотоволосой немедийки, своим упрямством и своеволием Карела перещеголяла и мать, и отца. Старый солдат смирился с тем, что его единственным ребенком была девочка, поскольку манеры у этой девочки были, скорее, замашками мальчишки-сорванца. Снисходительно смотрел старый Клорус на то, как его дочурка, облачившись в длинные кожаные штаны и куртку, спрятав волнистую копну волос за воротник, скачет без удержу на лошади, как она метает кинжал или фехтует с тем из солдат, который имел несчастье слегка задеть ее гордыню или был настолько глуп, что внял ее просьбе и согласился немного «поиграть» с резвой доченькой командира.

Наверное, как все отцы, Клорус мечтал выдать непослушную проказницу замуж в надежде, что она, наконец, остепенится. И поэтому, когда в гарнизоне появился молодой офицер Эльрис, старик воспрянул духом.

Красивый, знатный воин, уже украшенный боевыми отметинами доблести, Эльрис пленил все женское население городка. Но не Карелу. Благоволить тому, кого тебе так явно навязывают? Ну уж нет! Вот если бы отец был против, тогда Карела назло отцу еще могла бы пофлиртовать с дворянином... Но поскольку Клорус, что ни день, заводил разговор о красоте и силе господина Эльриса, Карела проводила ночи с тем, с кем желала, проходя мимо Эльриса с гордо поднятой головой и презрением во взгляде, которое скрывать даже не пыталась.

Но старый Клорус умер, и Карела, осиротев, осталась одна. Она собиралась податься в столицу, или остаться в вольных степях Офира, но Клорус перед смертью рассудил по-иному.

И вот Карела в сопровождении Эльриса и двух солдат-наемников ехала в Замору, где жила сестра Клоруса, что была замужем за судьей Шадизара. Никогда в жизни не видев свою тетку, Карела плохо представляла себе,

что может ждать ее там. И прибывать в конечный пункт их путешествия у нее не было никакого желания.

Несколько раз уже Карелу посещала мысль, что от спутников ей не худо было бы и отделаться. Не здесь, конечно, не в холодных, мрачных горах, а после, когда они выберутся в степи Заморы. Карела нисколько не сомневалась, что постоять за себя она сумела бы.

Но ночь над Серым ущельем сгущала тьму, и Эльрис снова сбавил темп. Лошади поплелись, оскальзываясь на каменистых склонах и подъемах. И до Карелы донесся приглушенный разговор солдат. Вряд ли они представляли себе, что девушка слышит их. Мало кто знал, какой острый слух был у рыжеволосой бестии.

— Какой день уже без удобного ночлега, без нормальной еды, да еще и без женщины, — проворчал один из солдат, и Карела узнала басовитый говорок молодого пройдохи по имени Бриан. Этот светловолосый бородатый немедиец был известен своим разгульным нравом. В сопровождение он пошел только потому, что по завершении пути солдатам причиталась некоторая дополнительная к обычному жалованию плата. Если бы не это, никогда и никто не заставил бы его покинуть гарнизон, где ему жилось вольготно.

— Куда ты торопишься? Хоть путь и не близкий, будет тебе и достойный ночлег, и хорошее вино, и жаркие да любезные заморанки, а если не будешь швыряться деньгами, ждут тебя хорошие деньки, — рассудил второй, чей голос звучал глуше и принадлежал человеку значительно старшему, нежели Бриан.

— Да ну тебя, Мусто. Тебе монету посули, ты уже счастлив, а мне будет мало того, что нам обещали! — возмутился Бриан. — Разве же на тридцать монет можно погулять?

— Экий ты нетерпеливый, братец, — отвечал ему второй голос, хрипловатый и куда более спокойный. — Дорога хоть и не быстрая, но и не хлопотная. Уж не говори, что ты перетрудился. Тебе и меч-то обнажить не довелось.

Только едем всю дорогу да глазеем в спину дочке покойного Клоруса, да упокоит Иштар его душу.

— Вот еще удовольствие нашел — глазеть в спину, — фыркнул Бриан и резко добавил: — Если бы не этот надутый индюк Эльрис, давно бы стоило взглянуть на красотку не в спину, а совсем с другой стороны...

Едва сдержалась Карела. Но достоин ли неотесанный мужлан ее гнева? Что и ждать от него, как не грязных замечаний за спиной. К тому же при всем своем нетерпеливом и несдержанном нраве Карела понимала, когда стоит смолчать. Два меча в мужских руках против одного меча и девичьего кинжала... О том, что даже старый рассудительный Мусто в случае конфликта запросто может оказаться на стороне Бриана, она старалась не забывать. На горной ночной дороге такого гуся, как Бриан, лучше не дразнить. Но вот пусть они только окажутся на равнине, Бриан пожалеет о том, что отправился в это путешествие. А пока она наострила уши, стараясь не пропустить ни слова.

— Слушай, Мусто, а ведь деньги-то у него с собой! — заговорил снова Бриан. — И не только то, что он нам обязался уплатить по прибытии в Шадизар, но и его собственный кошель.

— Так что же? — лениво отозвался Мусто. — Что же удивительного в том, что молодой дворянин не только богат, но и бережлив?

Карела невольно усмехнулась. Солдаты и офицеры Офира не могли пожаловаться на бедность. И только у таких разгильдяев, как Бриан, не знающих меры ни в чем, могла возникнуть зависть к содержимому чужих кошель.

— Дурак ты, Мусто, — раздраженно ответил Бриан. — Можно подумать, что тебе лишняя сотня монет помешает. Слушай, братец, я тут подумал, а есть ли смысл ждать расчета от Эльриса?

— Не понял... — протянул Мусто. — Да разразит тебя Иштар! Ты болван, парень! Мы взялись доставить эту

девчонку в Шадизар и получим там свои денежки. Что тебя так разбирает?

— Да не ори ты, праведник! — зашипел на приятеля Бриан. — Ну сам посуди. Приедем мы в Шадизар, доставим дочь Клоруса на место. И что? Эльрис тут же примется отвоевывать у родни девицы свое, и я думаю, что небезуспешно. А мы с тобой? Несколько дней в трак-тире, несколько женщин и несколько похмелий — вот и все, что мы будем иметь с этого приключения. Даже если мы соберемся обратно в Офир, то добираться до места придется с пустыми карманами.

— Можно будет попытать счастье в гарнизоне Шади-зара, — вставил Мусто, но Бриан решительно оборвал его:

— Да что его пытаться, когда вот оно! Впереди скачет. Мне кажется, что расщелины здесь есть довольно глубо-кие, и два юных тела будут чувствовать себя там очень уютненько! — хихикнул он. — На первом же привале: Эльрису нож в спину, а деньги поделим. Да и все. К тому же девчонка — хороша стервочка. Столько раз меня отшивала, теперь не отвертится. И тебе дам попробовать, так уж и быть. Ну, что молчишь, Мусто?

— Ну, деньги я, пожалуй, взял бы. А девчонка... Жалко, молоденькая еще, ребенок.

— А ты считал, сколько тот ребенок с солдатами травки намял в кустах? — заржал Бриан и добавил: — Да и какая разница, ребенок или нет, все они Митрой для одного дела приспособлены. Можем натешиться да отпустить восвояси.

Мусто ничего не ответил, но поскольку Бриан прекра-тил уговоры, она с гневом поняла, что Мусто, скорее всего, кивнул в знак согласия.

Карела испытующе глянула на Эльриса. Ждет ли за-носчивый офирский дворянин обычного низкого преда-тельства от своих же собственных солдат? Эльрис был, на ее взгляд, слишком надменным, и поэтому вряд ли он мог себе такое вообразить. Он вел своих людей так уве-ренно, словно принял вместе с ними не один бой.

Карела была вынуждена признать, что молодой офи-рец, мощный и крепкий, с пепельными волосами и темной бородкой нравился ей. Но то, как он настойчиво домо-гался ее благосклонности, очевидно и неприкрыто оскорб-ляясь неудачами на этом поприще, забавляло ее. А муж-чина, забавлявший Карелу, не мог стать объектом ее восхищения, будь он хоть трижды красавец. Поэтому Карела решила подождать привала, посмотреть, не ока-жутся ли дерзкие намеки Бриана досужим пустословием. Если же эти грязные псы и вправду замыслили дурное, поверит ли Эльрис ее предупреждению? Почему-то Карела в этом сомневалась.

* * *

Темным и мрачным было ночное небо, но еще более сурово и безрадостно было на земле. Там, где горные отроги утонули в тяжелых тучах, нависших над северо-востоком Кофа, бушевал ветер. А внизу, у самого подно-жия череды скал, было на редкость спокойно и тихо.

Одиноким всадник спешился и с усилием, вставая на цыпочки, снял притороченные к седлу вьюки. Они были слишком тяжелыми и объемными для путника, поэтому, поднимаясь со своей ношей по узкой и едва заметной тропе, что вела снизу к глубокой щели в скале, невысокий худощавый человек, больше смахивающий на подростка, пыхтел и изгибался, ловя равновесие.

Преодолев большую часть подъема, путник уронил свой тюк и опустился на него в изнеможении. Кожанный вы-сокий шлем со стальными пластинами был надвинут на самые брови, короткая накидка из темной шерсти за-крывала шею и плечи. Узкое смуглое лицо выглядело усталым и равнодушным. Только глаза сверкали двумя темными, блестящими капельками, словно у собаки, иду-щей по следу.

— Это здесь, я чувствую, что это здесь, — произнес человек неожиданно мягким голосом. Тонкая рука гра-циозно поднялась и сняла с головы шлем. Блестящие черные волосы высыпались из-под него, укрывая плечи

молодой женщины. Она тяжело вздохнула, потрясла головой и решительно встала. — Неужели я нашла, наконец, это место?

Оставив свою поклажу, невысокая и хрупкая женщина, забыв про усталость и изнурительную дорогу, бойко полезла вверх, ко все приближающейся щели в скале. Она знала, что ждет ее там. Это был вход в пещеру, к которой она стремилась всю свою жизнь и которую искала в этих краях вот уже почти два месяца.

Ей с успехом удалось избежать множества опасностей, которым так легко подвергнуться любой женщине, путешествующей в одиночку. Любой, но не Михар, в совершенстве владеющей могуществом, которому позавидовали бы многие. Она с усмешкой вспоминала сейчас тех несчастных, кому встреча с ней стоила жизни. Презренные твари!

Добравшись до входа в пещеру, Михар задержалась, переводя дыхание.

— Славсья, Деркэто! — провозгласила она и ступила под своды пещеры. Не успела она сделать и пару шагов, как невероятной силы невидимые флюиды охватили все ее существо. Невероятные ощущения, которые вдруг свалились на нее, вызвали сильную дрожь во всем теле, но это не было дрожью ужаса. Это было нетерпение.

Окунувшись во тьму пещеры, Михар остановилась. Она ничего не видела в темноте, но кожей почувствовала, что стоит лицом к лицу с огромным пространством и великой божественной силой. И она пришла сюда, готовая к тому, чтобы впитать в себя эту силу.

Вне себя от возбуждения, она метнулась назад, вниз, и спустилась к своему тюку. Тяжело дыша, она поволокла его в пещеру. Развязав веревку, стягивающую край тюка, Михар вынула из глубины завернутый в войлок светильник и бутылку с пальмовым маслом. Провозившись немного, Михар разожгла светильник и снова направилась внутрь пещеры. Некоторое время она шла по низкому и узкому коридору, но вот он закончился, и женщина ступила в большой зал.

Только взглянув по сторонам, Михар едва не лишилась рассудка от счастья: она нашла то, что искала! Храм мести Деркэто встретил ее таким, каким он был в ее снах и грезах!

Кто-то словно выгрыз в скале пространство, напоминающее по форме огромное полушарие. Пол пещеры был сухим и гладким, словно отполированным. Прямо напротив входа около дальней стены пещеры застыло каменное изваяние.

Это был мощный обнаженный мужчина. Он стоял на коленях, запрокинув голову и протягивая вперед руки. Застывшее лицо с грубыми чертами было искажено страшной, мучительной гримасой... Конечно, кому приятно каменеть заживо, чувствуя, как сначала ноги, потом тело, руки, все становится частью горной скалы... Каменные мускулы напряглись и вздулись, и если бы этот мужчина был из плоти и крови, он наверное мог сокрушить все вокруг себя. Но месть Деркэто была неумолима, и этот гигант никому из женщин не принесет больше горя. Богиня страсти позаботилась о том, чтобы он вечно простирался в мольбе на полу тайного храма Деркэто в горах Кофа на пятачке трех границ. И суждено ему лишь ненадолго быть освобожденным из каменного плена, чтобы потом снова кануть в небытие, на этот раз уже навсегда.

И Михар пришла сюда именно для того, чтобы осуществить все это, чтобы претворить в жизнь заветное Деркэто.

Никто никогда бы и не подумал, что в таком безлюдном месте может находиться храм самой великой и самой могущественной из женщин — богини Деркэто. Уж очень далеко он был от тех мест, где люди поклонялись этой богине. Как стигийцы, так и шемиты вряд ли часто бывали в этих горах. Здесь, где к востоку простиралась степи Заморы, к западу — равнины Офира, а с севера высился Карпашский хребет, почти никто не жил, а значит, не могло быть и храмов.

Так считалось. Но люди потому и люди, что попадают в плен своих заблуждений.

В этом месте, диком, неприглядном, мрачном, действительно находился храм богини страсти, как свидетельство того, что неумолимая и могущественная Деркэто не обошла вниманием и эту землю.

Храм мести Деркэто создан был вовсе не людьми, а самой богиней. Она сама устроила эту обитель для того, кто был ей мил, и она своей рукой убила того, кто не смог оценить великий дар — любовь и страсть самой Деркэто.

Как зачарованная, стояла Михар, глядя на каменное изваяние, протягивающее к ней руки. Каково было ему стоять здесь не один век и тяжело раскаиваться в том, что пренебрег любовью Деркэто? Конечно, он не подозревал, с кем имеет дело, когда на глаза ему попалась восхитительная женщина. Разве мог он даже представить себе, что Деркэто объявилась в этих краях?

Но боги — не люди, заперты в границах своего душевного мирка. Боги сходят на землю так часто, как пожелают, там, где захотят, и в таком виде, какой им больше нравится.

Еще мать Михар, могущественная стигийская чародейка, прочитала в древних письменах эту легенду о мести Деркэто. О том, как, натосковавшись по земной страсти, спустилась богиня на землю туда, где нашелся человек, достойный стать ее возлюбленным. Этот человек, молодой, сильный и независимый, уединенно жил в этих местах, забытых всеми богами. И она пришла к нему, прекрасная и гордая, и предложила ему свою любовь. Он не отверг страсть и нежность, но, отведав сладостей любви, предназначил богине место своей служанки, покорной и бессловесной. Гордая женщина была ему не нужна. С горечью поняла Деркэто, что ошиблась, что ее возлюбленный не из числа тех достойных ее любви, которым нужна не тряпка, валяющаяся под ногами, а женщина, стоящая с мужчиной вровень. Сильно обиделась Деркэто и превратила своего возлюбленного в камень. И

положила к его ногам свое оружие. И пообещала той, которая завершит ее заветы, красоту, силу и страсть, способную сводить с ума каждого мужчину и дающую женщине неограниченную власть над мужскими сердцами, телами и душами.

Михар подошла поближе. Рядом с каменными коленями изваяния лежала небольшая кривая сабля, на эфесе которой мерцал сапфир размером с голубиное яйцо.

— Славься, Деркэто! Пришла та, которая хочет принять от тебя силу и страсть, вечную молодость и великолепие, — прошептала женщина и опустилась на гладкий пол. — Я та, которая желает стать восприимницей твоей власти на земле.

Руки Михар невольно потянулись к сабле богини. Но она заставила себя отвести их. Нельзя было ей касаться оружия, на которое было наложено заклятье Деркэто! Ни один человек из смертных не мог взять его в руки и остаться в живых, даже чародейка Михар.

Получить оружие Деркэто, а вместе с ним силу ее заклятья, можно было только из рук каменного изваяния. А для этого Михар предстояло немало потрудиться.

Едва пришла в себя черноволосая женщина и осторожно встала на ноги. Отойдя к стене и поставив на пол светильник, она медленно, пошатываясь, побрела наружу, к своим вещам.

Несколько минут в храме, казалось, прибавили ей сил. Выйдя из пещеры, она вдруг ощутила прилив энергии, словно и не провела она в седле много-много часов. Почти вприпрыжку молодая женщина сбежала вниз, к лошади, забрала второй тюк и потащила его вверх, даже не останавливаясь, чтобы передохнуть.

Вскоре все вещи Михар уже лежали в пещере. Подстилка из тонкого и мягкого, но прочного войлока была развернута, и расшитые шелковые подушки разложены на ней. Ларец со снадобьями, инкрустированный серебром, примостился рядом.

Приглушенный писк и вой заставил Михар метнуться

к одному из мешков. С причитаниями женщина стала расшнуровывать завязки.

— Милый ты мой дружок, как же я о тебе забыла?

Их мешка, отряхиваясь и потягиваясь, вылез головатый дымчато-серый кот с огромными желтыми глазами.

— Фипон, киска, не сердись на хозяйку, больше я о тебе не забуду! — Михар подняла кота на руки, прижалась лицом к его боку, потискала. — Беги, Фипон, погуляй, да не потеряй дорогу назад! — ласково сказала она и спустила животное на пол.

Кот громко мяукнул и стремглав бросился наружу. Надоела ему долгая дорога в душном мешке, и он с удовольствием отправился на первую свою прогулку на новом месте.

* * *

Под гулким каменным сводом раздавался нежный женский голосок. Светловолосая девушка плавно кружилась в такт своей песенке, воздев тонкие грациозные руки. Ее полные груди, едва прикрытые изящными чашами с переливчатой вышивкой, заманчиво колыхались, бедра призывно покачивались и вращались то в одну, то в другую сторону, заставляя тонкий и совершенно прозрачный шелк, свисающий с пояса, отделанного изумрудами, взлетать и открывать взору соблазнительной близости и упругости округлые ягодицы.

Девушка танцевала с удовольствием, то отходя дальше, то приближаясь к своему единственному зрителю, дразня и возбуждая его.

Наблюдавшего за танцем трудно было назвать мужчиной. Скорее, это был юноша лет восемнадцати-девятнадцати, кудрявый и темноволосый. Он с любопытством смотрел на танцовщицу, склоняя голову то к левому, то к правому плечу, и недовольно хмурился, когда она отдалялась от него в повороте. На юноше были короткие штаны из мягкой кожи, невысокие сапоги и безрукавка,

надетая мехом внутрь. Он сидел у самого костра и смотрел на девушку сквозь пламя.

Бедняжка, она была так рада своему чудесному спасению... Случайно отбившись от своих спутников на прошлой неделе, она заблудилась в горах и несколько дней проплутала, обессилев и едва не умерев от страха и голода.

Как счастлива была она, когда красивый улыбчивый юноша вдруг встретился ей на тропе и протянул руку помощи. Он привел ее в грот, закрытый от холодных горных ветров, напоил чистой водой и накормил еще свежими лепешками, согрел у костра. И теперь она готова была на все для улыбчивого паренька, который не выглядел ни воинственным, ни опасным. Он жадно смотрел на нее, радовался ее смеху, тому, что слезы на ее лице просохли, а румянец снова вернулся на пухлые щечки. И он ничего от нее не требовал и не задавал вопросов. Он не был похож ни на жреца-пилигрима, ни на солдата, решившего сменить нанимателя. Скорее, он был похож на пастуха, так решила девушка. Ей было невдомек, что в этих местах не было пастбищ, и по крутым склонам здешних ущелий не водили караванов.

Она сама была всего лишь невольницей, для которой происшествие в горах едва не стало роковым.

— Танцуй, Ганда, танцуй! — прошептал юноша и даже языком прищелкнул, когда тугие гладкие бедра снова промелькнули невдалеке от его лица.

Еще несколько минут он с удовольствием смотрел на девушку и, наконец, протянул к ней руки. Она пошла к нему, не прекращая петь, и опустилась на колени, заглядывая в глаза своему спасителю.

— Иди ко мне, Ганда! — мягко сказал юноша, но девушка почувствовала в его просьбе неожиданно непреклонную силу приказа. Она вдруг поняла, что не в силах воспротивиться ему. Ей не очень-то хотелось сопротивляться этим блестящим карим глазам, но сила, потекшая вдруг с пальцев юноши, едва он тронул плечи Ганды, почему-то испугала ее. Однако, она ни слова не сказала,

позволяя ему увлечь себя прямиком на мягкий войлок. Едва спина ее коснулась подстилки, а руки юноши развязали шнурок, удерживающий на ее груди расшитые чаши, Ганда прикрыла глаза и отдалась этим рукам, которые принялись неторопливо и изощренно ласкать девушку.

— О, Табасх! — прошептала она, и губы юноши нежным поцелуем оборвали ее слова. Она несколько не воспротивилась, когда Табасх решительно расстегнул застежку на ее поясе.

Что-то мягкое и пушистое коснулось ее плеча и осторожно двинулось вниз, коснулось полной груди, плоского живота, поползло по бедру. Так же мягко шекотал ее своей бородой хозяин, в чьем гареме она была последние пять месяцев... Но у Табасха нет ни бороды, ни усов. Чем же он ласкает ее?

Ганда с любопытством открыла глаза, чтобы взглянуть на Табасха... Над ней нависало, тяжело и прерывисто дыша, жуткое чудовище, мохнатое и уродливое, с широкими влажными губами и круглыми выпученными глазами!

Ганда, оцепенев от ужаса, уставилась на чудовище и в правом глазу его увидела отблески жарко пылающего костра и себя, обнаженную и расprostертую под мохнатой нечистью, на широких губах которой скапливалась слюна.

— Ганда, милая! — простонало чудовище, высунуло огромный сиреневый язык и медленно лизнуло враз побледневшую девушку.

Не в силах больше переносить этот ужас, Ганда пронзительно завизжала и потеряла сознание.

Чудовище слезло с тела девушки, тряся головой, встало на колени и провело что-то. В звуках его голоса отчетливо проявился мотив той простенькой, но зажигательной песенки, которую напевала девушка, танцуя перед ним. Он завыл громче, и постепенно его голос стал совершенно человеческим. Встряхнувшись, словно вылезшее из воды животное, чудовище стало меняться на глазах. Исчезла, словно выпадая, шерсть, выпрямились руки и ноги, за-

блестели кудрявые черные волосы. Преобразившийся на глазах Табасх снова присел подле Ганды и погладил ладонью нежную грудь девушки.

— Эй, милая, что с тобой?! Расскажи, что тебе привиделось? Открой глаза, пожалуйста!

Но Ганда лежала в глубоком обмороке. И Табасх неожиданно весело рассмеялся. И эта красавица тоже не смогла выдержать его любимой шуточки с перевоплощением... Неужели его мохнач так страшен? Взглянуть бы на самого себя хоть одним глазком! Но зеркала у Табасха не было.

Он оборвал смех так же внезапно. Ох, если бы это было и вправду шуткой. Другое дело, что иногда это забавляло Табасха. Он веселился, глядя на то, как его вид повергает людей в ужас. Но сейчас это было очень некстати и совершенно не смешно.

С тоской и неожиданной грустью взглянул он на девушку. Разве может продолжаться дальше такая мука? Стоило Табасху пожелать женщину, как немедленно, само собой, наступало это превращение. И пока ничего с этим поделать было нельзя. Освободиться от такого тяжкого проклятья было совсем не просто.

Схватившись за голову, Табасх заскулил, пряча лицо в колени. Нет ему никакой радости от того, что происходит. И бедняжку Ганду напугал до потери сознания... Что ж, придется избавиться от нее, пока он не принес невинной девушке еще большей беды. Оставить ее в гроте и уйти самому дальше в горы?

Он-то не пропадет, а вот Ганда очнется одна у потухшего костра, испуганная и замерзшая, и что ей останется? Скитания по скалам в поисках даже не пищи — какая уж пища в таком месте для девушки, не представляющей, что такое охота, — а хотя бы горных родников. И будет она в страхе бродить, пока не отыщет свою смерть, ведь вряд ли она после всего случившегося доверится даже безобидному на вид путнику в горах.

— Прости меня, Ганда, — задумчиво сказал Табасх. И под сводами грота зазвучало заклинание, извлеченное

взбудораженным сознанием Табасха из самых глубин древней мудрости. Табасх давно уже не задумывался, откуда известны ему подобные заклинания. Он уяснил, что таким он рожден на свет. Он просто повиновался первому же порыву и начинал произносить слова, даже не зная заранее, к чему они приведут. И только уже взглянув на результат, он понимал, что слова найдены им верно.

И вот на мягкой подстилке из войлока рядом с расшитыми чашами и небрежно брошенным поясом лежала белая чайка, беспомощная и неподвижная. Ее глаза-бусинки были замутнены, но сердечко глухо и редко билось в ее груди.

— Вот и все, Ганда, теперь ты улетишь отсюда и станешь вольной. Будешь ли ты вспоминать об этой ночи, хотя бы как о страшном сне, в котором ты, свободная птица, была невольницей и едва не погибла в горах?..

Табасх взял птицу в руки и медленно вышел из грота. Пройдя несколько шагов, он положил птицу на камень и отошел в сторону. Облокотившись на каменную гряду, Табасх заглянул вниз, на еле заметную тропу, что вилась по ущелью.

Да, уже несколько дней никто не проезжал и не проходил здесь, кроме офирского купца с целым отрядом охраны. Хитрый купец решил пройти малохоженой тропой в надежде избежать грабежа. Если ему это удастся, если купец выберется в Замору живым, он будет очень удивлен, заглянув в сумки, которые берег в пути пуще глаза. Табасх не удержался от съедавшего его желания хоть чем-нибудь насолить упитанному настороженному бородачу. Вряд ли плоские камешки, куски глины и мелкие осколки щебня покажутся купцу достойной заменой слиткам золота.

Само же золото Табасх скинул в пропасть, оставив лишь слиток размером с кошачью голову. Его он бросил на дно горного родника. И пусть повезет тому, кто его найдет.

За его спиной послышался хлопок.

Табасх обернулся. Крупная белая чайка стояла на камне, с удивлением глядя на него.

— Как ты себя чувствуешь, Ганда? — поинтересовался Табасх с грустной улыбкой.

Чайка гаркнула, взлетела и унеслась прочь. Не один день пути предстоит ей, прежде чем она достигнет берегов моря Вилайет. И никогда больше в ее птичью голову не придет мысль о том, что она когда-то действительно была соблазнительной девушкой.

Оставшись один, Табасх совсем загрустил. Четыре года скитаний сделали его привычным к одиночеству. И встречи с людьми только выбивали его из колеи. Он приносил людям несчастья, да и ему самому люди доставляли только лишние проблемы. Но он так хотел стать одним из них. Он мечтал в один прекрасный день выйти к людям, и чтобы никто не заподозрил в нем того, кем он был на самом деле. Он хотел исходить вдоль и поперек землю, завести друзей и сразиться с врагами, благо в последних недостатка не бывает никогда. Стоит лишь пройти поперек многолюдного места и наступить на ногу подвыпившему мужлану, и нескучное времяпровождение обеспечено. Он хотел бы любить красивых женщин, таких, как Ганда.

Но пока он все еще тот, кем рожден, а значит, ему надлежит прятаться от людей и искать путь к избавлению. Путь этот он знал, и не зря пришел в Серое ущелье Кофских гор. Пока он жив и помнит о том, кто он такой, у него есть надежда на лучшее. А без такой надежды нет смысла жить никому, человек ты или нелюдь.

Проводив взглядом чайку, с криком исчезнувшую в ночном небе, Табасх уже хотел вернуться к костру, но отдаленный стук копыт задержал его у каменной гряды. Когда звук приблизился настолько, что Табасх смог различить, сколько именно лошадей бредет по тропе, он решил остаться и подождать, посмотреть, как маленький отряд проедет мимо.

Темнота была уже почти полной, но зоркие глаза Табасха различили и знатного воина, возглавляющего

отряд, и солдат, замыкающих процессию. И девушку с волнистыми и очень густыми волосами, которые она убрала с лица, перевязав их лентой. Ему показалась, что девушка еще очень юна и очень красива. А уж если что он и смог сказать определенно, так это то, что двое солдат, один из которых был довольно молод и подвижен, а второй, пожилой, крайне нетороплив, просто источали вокруг себя какое-то черное напряжение. Табасх почувствовал такие знакомые ему по прежним встречам с людьми волны необузданной алчности и похоти, злобы и зависти. И тревога шевельнулась в его душе. Он не хотел, чтобы рядом с его тихим горным пристанищем развернулась какая-нибудь трагедия. На сегодня ему уже хватило и Ганды.

Вспомнив о ней, Табасх совсем опечалился. Если уж на то пошло, не худо было бы и спросить девушку, что ей больше по нраву: умереть человеком или окончить дни чайкой.

Что ж, теперь поздно было сожалеть об этом. Табасх еще раз взглянул на то, как, повинуясь приказу командира, солдаты начинают разбивать лагерь на ночь, и медленно побрел обратно в грот.

* * *

Отказавшись от еды и от вина, Карела уединилась и теперь молча лежала в своей палатке. Полог был чуть приоткрыт, и она хорошо видела Эльриса, сидящего у костра. Ни словом не перемолвилась она с ним. Во-первых, потому что он снова попытался подать ей руку, когда она слезала с лошади, и, во-вторых, потому, что спросил, не желает ли она оставить на ночь в палатке зажженный светильник. Он вообразил, видите ли, что ей страшно! Подумать только, что за мысли посещают его благородную голову! Правду сказал Бриан, индюк — он и есть индюк!

А между тем, Кареле было страшновато. Или нет, скорее беспокойно. Уж больно непохожи были слова Бриана на пустую нудную болтовню. Бриан был известен в гарнизоне Клоруса и своей редкостной жадностью, и охо-

той до женщин. И ни в первом, ни во втором не знал удержу. Оставалось только удивляться, почему он до сих пор был в наемниках, а не разбойничал на большой дороге. Самое ему место там. Неизвестно, задумал ли он дурное, но опасаться его, конечно, следовало.

А посему Карела лежала под своим плащом, вынув кинжал из ножен и положив его рядом по правую руку. Ей не хотелось, чтобы что-нибудь застало ее врасплох.

Она любила своего отца, но никак не могла ни понять, ни простить ему его последней воли. Ну что ей делать в Шадизаре, в компании с престарелой теткой?

Она всегда мнила себя вольной и решительной. Она считала, что готова к тому, чтобы взять в собственные руки свою судьбу. Ну и что, если она женщина? Ну и что с того, что молода? Велика ли беда в том, что мускулы, хоть и крепкие, слабее, чем у Эльриса и Бриана? Кроме грубой силы есть у Карелы многое другое. А если чего нет — наживем! Так думала Карела.

Пусть кто-нибудь попробует остановить ее, если ей чего-нибудь захочется! Она выросла с открытыми глазами и представляла, из чего состоит мир, окружавший ее. Карела быстро поняла, что нигде ни в грош не ставилась человеческая жизнь, которую отдавали и брали в обмен за минутные удовольствия или за подлинные, а то и за мифические богатства.

Здесь невозможно было отыскать хоть что-нибудь, чему стоило бы отдаться, забыв себя. Мало что значили слова о любви, привязанности, преданности и чести. Возможно, такие вещи и существовали, но на глаза Кареле они пока не попадались. И она уже твердо знала, что мир переделке не подлежит.

И если мысли Карелы о ее способности противостоять жизненным трудностям в одиночку были, возможно, несколько наивными, ее решение принять правила игры было далеко от наивности и говорило о том, что в голове у юной красавицы не мякина.

И Карела была готова к тому, что нужно быть твердой и независимой. Для себя она давно решила, что никто

не заставит ее делать то, что ей не по нраву. И вдруг.. Этот бессмысленный переход в чужую страну, где ее не может ждать ничего хорошего. Ну, если она, конечно, прибудет на место. А в последнем она сильно сомневалась.

Темная тень упала на палатку. Карела замерла и напряглась. Это Бриан бесшумно прошел мимо и присел рядом с офицером.

— Клянусь Митрой, господин Эльрис, нечего тебе сидеть всю ночь да пялиться на огонь. Места здесь тихие и безобидные, зверья и то нет, — буркнул он, зевая.

— Иди да спи, Бриан, сменишь меня под утро, — угрюмо ответил Эльрис. Видимо, он решил исполнять свой долг до конца. Еще бы, добро, которое он берег в дороге, он почитал уже наполовину своим.

Карела знала, что отец перед смертью написал письмо своей сестре в Шадизар, где заявил, что не будет против, если Эльрис попросит руки Карелы. Не забыть бы украсть да уничтожить письмо, подумала вскользя девушка.

— Под утро Мусто уже выспится да и сменит дежурного, — неторопливо возразил Бриан. — Иди отдыхать, высокородный, а я посижу, погляжу по сторонам.

Эльрис встал и, отойдя всего на несколько шагов, опустился среди сложенных тюков. Сняв плащ, он ослабил ремни, стягивающие на нем легкие доспехи, и улегся, накрывшись плащом.

Да, он действительно болван! Как можно было так слепо доверять такому прохиндею, как этот Бриан?! Карела негодовала! А если бы она была такой, какой Эльрис мечтает видеть свою жену — тихой да бессловесной мышкой, беспомощной и жалкой? Если бы она вверила себя, свою жизнь и честь этому самоуверенному человеку? Но, благодаря богам, Карела не такая! И если Эльрис влипнет в историю, пусть пеняет на себя!

Воцарилась тишина. Только еле слышно потрескивал костер, да временами где-то в вышине гортанно и жалобно, словно плача, кричала одинокая чайка, невесть как попавшая в эти горные земли.

Усталость все-таки давала о себе знать, и Карела незаметно для себя задремала. Однако ушко ее сразу же уловило еле слышные звуки, и, открыв глаза, она увидела Бриана и Мусто, стоящих у костра в полный рост. Они ничего не говорили друг другу, только обменивались жестами. В руке Бриан держал короткий узкий кинжал, а у Мусто из кармана торчал моток пеньковой веревки.

Бриан махнул Мусто рукой, указывая на палатку Карелы, а сам осторожно, стараясь не зашуметь, двинулся к спящему неподалеку офицеру.

Карела стиснула рукоятку своего кинжала, откинула укрывающий ее плащ и повернулась на правый бок, готовая стремительным выпадом поразить того, кто подойдет к ней сзади.

Зашуршала ткань полога. Огромная тень Мусто пролегла в палатке. Карела слышала, как колотилось ее сердце, стремясь вырваться из груди. Но толстокожий недалекий Мусто не мог ни слышать, ни вообразить себе, что его уже ждут. Как только рука солдата легко коснулась ее плеча, Карела слегка шевельнулась и сонным голосом забормотала что-то.

— Госпожа Карела! — Старик потряс ее за плечо. Он рассчитывал, что разморенная сном девушка развернется к нему, и он без труда свяжет ее. Ха! Ну-ну...

Карела начала поворачиваться и... нанесла удар со всей своей силой!

Но то, что она действовала только на слух, подвело ее. Кинжал вонзился Мусто не в грудь, как она рассчитывала, а всего лишь в руку между плечом и локтем. Тем не менее солдат заревел от неожиданной боли, присел — и Карела толчком ноги опрокинула его на спину, одновременно извлекая из руки Мусто свое оружие.

Грязно ругаясь, Мусто сразу же принялся вставать.

Отскочив назад, Карела поняла, что даже с пожилым раненым солдатом она может и не справиться. Вонзив кинжал в ткань палатки, она сделала два быстрых надреза и в прыжке юркнула в образовавшуюся щель в тот

самый момент, когда Мусто был уже на ногах и собирался схватить ее за лодыжку.

Больно шлепнувшись на землю, девушка постаралась побыстрее вскочить и рванулась прочь, закричав пронзительно:

— Эльрис! Эльрис, проснись!

Но ответом ей был громкий вскрик от костра, стон и возня вперемешку с отвратительной руганью солдат.

— Эльрис! — крикнула она еще раз, в надежде, что офицер отзовется, и сразу же поняла, что совершила глупейшую ошибку.

Эльрис-то, скорее всего, был уже мертв, а Кареле удалось укрыться в густой темноте ущелья, где за десять шагов от костра невозможно было разглядеть человека. И если бы не подала она голоса, солдаты долго бы искали ее, и наверняка ей удалось бы тихо и незаметно удрать на безопасное расстояние. Но увы!

Оба охотника до легких денег и женщин сразу же сориентировались, и Карела увидела, как от костра в ее сторону двигаются два силуэта.

Она бросилась бежать, но почти сразу же поняла, что на тропе она будет схвачена через минуту. И тогда даже ленивый Мусто, разгневанный своей раной, не упустит случая отыграться на ней.

И девушка метнулась к скалам. Почти прилипнув к горной гряде, она быстро передвигалась вдоль нее на ощупь, пытаясь найти хоть какую-нибудь мелкую расщелину, куда можно было спрятаться, или тропку, что позволит подняться вверх по склону.

Когда ее рука вдруг сорвалась с гряды, и она упала на камни, раздирая колени и локти, Карела поняла, что нашла как раз то, что искала. Стараясь не выдать себя ни единым стоном или громким вздохом, девушка стала карабкаться по обнаруженной расщелине вверх.

Но мелкие камешки с тихим шуршанием посыпались из-под подметок ее низких сапожек, и оба преследователя с ревом и воплями бросились за ней.

Карела старалась быть проворнее их, но кинжал в

руке мешал ей цепляться за скалы. Она убрала кинжал в ножны и потратила на это такое драгоценное в ее положении мгновение. Голоса солдат были уже близко. Настолько близко, что они вряд ли теперь потеряют девушку из вида.

Расщелина вывела ее на странную плоскую площадку. Глядя снизу, с тропы, никто бы и не догадался, что здесь вдоль горной гряды кем-то проложена целая дорога.

Карела побежала по ней, слыша сзади уже не голоса, а только тяжелое, сбивчивое дыхание своих преследователей. Она с неожиданным злорадством подумала, что спокойная гарнизонная жизнь, обжорство да распутство не очень-то способствуют поддержанию хорошей формы. Подъем вымотал обоих солдат так, что они уже и словом не могли перемолвиться друг с другом... Но тут же Карела с ужасом поняла, что несмотря на очевидную усталость двое бандитов неумолимо приближаются к ней.

Заметив слева от себя черноту какого-то проема, Карела поспешила туда и замерла за скалой. Вцепившись зубами в собственную руку, чтобы заглушить хриплое дыхание, она смотрела на остановившихся в растерянности солдат.

Напряженный, как сжатая пружина, Бриан вертелся из стороны в сторону, ища беглянку, а старый Мусто стоял, сгорбившись, и зажимал рукой рану на плече.

— Где эта стерва? — процедил Мусто. — Ты видишь ее?

— Погоди, погоди, братец. Никуда ей не деться. Заплатит она и за переполох, и за твою рану! Тут она где-то.

Карела протянула руку к ножнам и медленно вытаскивала кинжал.

Убьют, непременно убьют, подумала она. Не найдут ее ночью, так отыщут с рассветом.

Неожиданно откуда-то сзади потянуло дымком костра. И прямо из-за спины Карелы стал постепенно разгораться свет. И не только затаившаяся девушка почувствовала это сразу же, но и Бриан тут же зашмыгал носом:

— Дым!.. И свет! Неужели девчонка, прах ее побери?!
А ну-ка, проверим!

Они двинулись прямо на Карелу, и в разгорающемся свете сразу же заметили силуэт девушки, в ужасе прижавшейся к скале.

— Ага! Вот и птичка-невеличка! — злобно и плотно пропел Бриан. Карела уже видела, как блестят его глаза, как ухмыляется в кривой улыбке белозубый рот!

Она попятилась. Сзади потянуло теплом. Свет залил пространство огромного грота, пребывавшего за минуту до этого в полной темноте. Кареле некогда было задуматься о том, что там, позади нее, кто разжег костер, и не будет ли для нее это место еще большим злом, попасть в лапы которому не приятнее, чем к двум разъяренным насильникам.

Продолжая пятиться, Карела споткнулась о задранный край войлочной подстилки и упала на спину. Подняв к лицу руку с кинжалом, она уставилась на оскалившегося Бриана и перекошенного от боли Мусто, которые в зловещем молчании приближались к ней.

Глава 2

Табасх сам не понял, что заставило его снова вернуться в оставленный им грот. Он принял решение немедленно уйти и даже сделал это. Просто ему стало вдруг ясно, что вернуться надо. С ним часто случалось такое: он начинал чувствовать необходимость того или иного поступка без всяких на то объяснений. Некое знамение свыше всегда виделось ему в подобного рода предчувствиях, поэтому Табасх обычно безропотно подчинялся им. Вот и сейчас он с готовностью повернул обратно.

Слышал он и шум, и крики внизу, и даже подозревал ссору или того хуже — драку. Все, что происходило у людей, совершенно его не касалось. Но это всегда было ему интересно. Эта была часть того мира, куда он стремился. Из шума, криков, склок и кровавых стычек и состоял целиком мир людей.

Может быть поэтому, а возможно и по какой-то иной неизвестной причине Табасх вернулся. Он чувствовал, что в оставленном им гроте готово вот-вот произойти нечто ужасное. Издалека он проследил за тем, как стремительная женская фигурка промчалась вдоль каменной гряды, заслонявшей вход в его покинутое только что убежище. Следом за ней, пыхтя и переругиваясь, пробежали двое дюжих мужчин.

Табасху стали очевидны их намерения. Женщина пыталась скрыться от преследователей, а те были полны решимости схватить ее.

И Табасх оживил потушенный им самим костер в

гrote — для него это было проще простого. Он почувствовал потянувшийся запах дыма. И когда вся троица скрылась внутри грота, Табасх поспешил туда. Место предлобпытнейшего зрелища было им подготовлено, и действующие лица были на месте.

Прокравшись бесшумно и незаметно, он спрятался за выступом скалы у самого входа. Он увидел именно то, что ожидал.

За широкими спинами двух солдат, у самого костра на оставленной Табасхом подстилке лежала женщина. Ее чуть раскосые зеленые глаза горели гневным огнем. Опираясь на локоть левой руки, в правой она грозно зажала небольшой кинжал. Тонкие пальчики от напряжения стали белыми, как алебастр. Сжатые губки вздрагивали с каждым шагом солдат. Плечи девушки были обернуты широким и длинным куском превосходной шерстяной материи, выкрашенной в густо-зеленый цвет. Ткань растрепалась, развернулась, обнажая великолепную пышную грудь, а темно-коричневые просторные шаровары, заправленные в короткие узкие сапожки, были покрыты пылью. Лента, которую Табасх заметил на ней прежде, была, видимо, потеряна, и густые и блестящие огненно-каштановые волосы раскинулись по войлочной подстилке.

Табасх был просто ослеплен необычайной броской красотой девушки, которой, судя по всему, едва ли исполнилось семнадцать. Два необузданных преследователя, несомненно, нагнали на нее смертельный ужас. Но решимость и самообладание, с какими девушка пыталась его преодолеть, заслуживали самого искреннего восхищения!

Мужчины разделились, обходя девушку с разных сторон. Видно, кинжальчик в ее руках чего-нибудь да стоил. Не зря же куртка и штаны пожилого колченогого солдата, старающегося не отстать от своего молодого приятеля, были обильно залиты кровью.

Девушка стремительно переводила взгляд с одного солдата на другого и бледнела с каждой секундой. Мужчины одновременно бросились к ней с разных сторон.

Она отчаянно брыкалась и извивалась в их руках. Прежде чем молодой солдат поймал ее запястье и грубо, едва не сломав ей руку, выкрутил его и отобрал кинжал, она успела пару раз полоснуть им по плечу нападавшего и, кажется, рассекла ему правое ухо... Но через несколько секунд она была уже распластана на войлоке, а затем ее перевернули на живот и связали за спиной локти.

Оба солдата отвратительно и без умолку поливали ее руганью, но она молчала даже тогда, когда молодой принялся стаскивать с нее шаровары, только попыталась укусить руку раненого старика, намотавшего на кулак ее волосы, да лягнула в грудь того, кто ее раздевал.

Табасх уже знал, что непременно вмешается, но он не торопился. Нагота рыжей красавицы показалась ему настолько пленительной, что, стоя в своем укрытии, Табасх не мог оторвать глаз от свежей тугой груди, так призывно вздымающейся в такт учащенному дыханию, от бархатных белоснежных бедер, что никак не хотели покориться грубости насильников. Двоих солдат было явно недостаточно, чтобы силой заставить девушку лежать спокойно. Мускулы крепкого женского тела не могли сбросить цепкие руки мужчин, но красавица не переставала отчаянно сопротивляться.

Табасх смотрел на девушку, словно зачарованный. И созерцание судорожных рывков такого соблазнительного обнаженного юного тела сделало свое дело. Сильное желание охватило Табасха. Вцепившись в выступ камня, он напрасно старался подавить его. И вот уже привычное покалывание во всем теле подтвердило, что его усилия совершенно тщетны. Юная красавица с такой силой разожгла его собственный огонь, что сдерживаться больше Табасх не смог. Он вышел из своего укрытия.

Его лохматые, покрывшиеся вдруг шерстью руки и ноги зачесались. Табасх почувствовал, как увеличиваются в размерах его глазные яблоки, вылезая из глазниц, как распухает и не вмещается больше во рту язык, вываливаясь через расползшиеся вдруг губы.

Возня на войлоке не прекращалась. Сопротивление

рыжей девушки все еще было достаточно упорным. Ее приходилось сдерживать в четыре руки, и у молодого солдата не было даже времени на то, чтобы раздеться самому. Изрядно подустав корчить из себя дамского угодника — в его понимании, — он размахнулся и ударил свою упрямую жертву. Девушка вздрогнула и, устремив на насильника сухие от ненависти и гнева глаза, плюнула ему в лицо. Взревав от негодования, он размахнулся для второго удара, но тут взгляд девушки упал на медленно приближающегося Табасха.

Большие зеленые глаза и вовсе округлились и стали, как два блюдца. Девушка истошно закричала.

Такого крика Табасху еще не приходилось слышать. От вопля ему заложило уши, и он остановился. Сначала Табасх даже не понял, что именно поразило его, и только потом осознал: да, девушка кричала, как никто еще не кричал. Но при этом она не собиралась ни падать в обморок, ни прятаться, ни бежать.

А такая возможность у нее появилась: раненый солдат, увидев, что именно приближается к ним от входа в грот, сразу же выпустил плечи и волосы девушки, а она тут же скинула с рук ослабшую в борьбе веревку.

Молодой светловолосый насильник обернулся, от увиденного челюсть его отвисла, глаза остекленели. О своей жертве он совершенно позабыл.

К удивлению Табасха, старик опомнился раньше, и, не вполне, видимо, понимая, что делает, набросился на Табасха. Подосадовав вскользь на то, что приходится поступать именно так, Табасх схватил руки старика своими мохнатыми лапами и резко притянул человека к себе. Он увидел полные беспросветного страха выцветшие глаза на морщинистом лице и легонько боднул человека в лоб. Хруст шейных позвонков возвестил о том, что старик больше не причинит беспокойства. Отбросив в сторону труп, Табасх повернулся к светловолосому солдату.

Новая неожиданность ждала Табасха. Мужчина лежал на войлоке, неловко запрокинувшись и закатив глаза

так, что из-под полуприкрытых век виднелись одни налитые кровью белки. Два пореза на плече и мочка правого уха кровоточили, но больше никаких повреждений не было. Табасх в изумлении уставился на солдата, гадая, что бы могло значить это неожиданное поведение сильного крепкого мужчины.

Табасх вздохнул и перевел дыхание. Он почувствовал, что снова приходит в норму. Тело снова зачесалось, кожа стала гладкой, и все органы приняли свои привычные размеры.

Он взглянул на девушку. Она сидела, поджав ноги и закрыв лицо ладонями. Табасх шагнул к ней и присел напротив. В полной тишине прошло несколько минут. Табасх ждал.

Девушка по-прежнему не шевелилась и сидела так тихо, что он не слышал даже ее дыхания. Наконец на ладони правой руки, плотно прижатой к лицу, слегка раздвинулись тонкие белые пальчики, и зеленый глаз выглянул из своего ненадежного укрытия. Глаз уставился на Табасха и широко раскрылся, куда шире, чем даже прежде, когда преображенный Табасх выбрался из-за своей скалы.

Девушка медленно отвела руки от лица и провела языком по пересохшим губам:

— Одна Иштар ведает, что мне привиделось! — прошептала она и посмотрела вокруг. — Неужели ты один отправил этих двоих мерзавцев в гости к Нергалу?! — В ее голосе прозвучало восхищение. — И голыми руками?

— Не совсем голыми, — уклончиво ответил Табасх и, подобрав с подстилки шаровары и зеленую шерстяную ткань, передал девушке. — Хотя здесь и не холодно, тебе, возможно, хочется одеться.

Без всякого стеснения девушка поднялась на ноги и стала одеваться. Табасх отвел глаза, но не из ложного приличия. Ему хотелось смотреть на ее обнаженное тело бесконечно. Но он внезапно испугался, что снова не сможет взять себя в руки.

Девушка невозмутимо затянула шнурок шаровар и

стала наматывать на плечи зеленую шерсть. Делала она это неспешно и довольно мастерски. Когда Табасх снова взглянул на нее, ее глаза уже горели каким-то новым огнем. Возможно, виной этому был зеленый цвет ее шерстяной накидки, который невероятно шел ей.

— Признаться, я думала, что мне конец, — произнесла она и с яростью пнула ногой труп старика. — А отец имел глупость хорошо отзываться об этом негодяе!

Она подошла к своему кинжалу, что лежал в стороне от костра, и вернула его обратно в ножны на поясе.

Наконец она взглянула на Табасха и испытующе изучила его с головы до ног.

— Ты не похож на воина, — уверенно сказала она. — Ты вообще ни на кого не похож. Кто ты такой?

— Меня зовут Табасх, — ответил он. — Я просто странник.

— Просто странник, которому есть дело до чужих проблем? — удивилась девушка. Было ясно, что ответ Табасха ее не устроил. — По-моему, простых странников вообще не бывает, а если и бывают, то они никому не ломают шеи. Любопытно, из каких краев привела тебя сюда сиятельная Иштар?

Табасх хотел ответить, что если кто-то и вел его сюда, то уж никак не Иштар. Хоть внешность Табасха и выдавала в нем южанина, к этой достойной и почитаемой многими народами богине он не имел никакого отношения. Но Табасх смолчал и только пожал плечами.

— Какая разница, откуда? Главное, что я оказался в нужное время в нужном месте, что обычно мне редко удается. Мне показалось, что эти двое зажились на этом свете.

— Ты прав, клянусь Иштар! — Глаза девушки сверкнули. — Не скажу, что твое вмешательство было лишним!

Она принялась плести свои непослушные волосы в толстый жгут и просунула его на спине под свою зеленую накидку.

— Между прочим, — спохватилась девушка. — Меня зовут Карела.

— Я запомню, — сдержанно отозвался Табасх, хотя имя необычной девушки музыкой зазвучало под сводами грота.

— Послушай, а что мы будем делать с этим гнилым дерьмом? — неожиданно резко спросила Карела. — Бросим здесь?

— Не стоит, — улыбнулся Табасх. — Зачем захламлять такой удобный грот, который послужит хорошим ночлегом еще не одному пилигриму? Дерьму самое место на дне пропасти.

— Ну да, — согласно вздохнула Карела. — Вот только руки марать...

— Зачем марать? — удивился Табасх и кивнул в сторону, где у стены валялся забытый им небольшой мешочек: — Положим этих крыс сюда и выбросим в пропасть.

— Да в такой мешок даже один вонючий сапог Бриана и то едва влезет, — разочарованно протянула Карела, разглядев брошенную вещь.

Пока она оглядывалась назад и изучала мешок, Табасх пробормотал заклинание. А когда девушка снова посмотрела на него, на этот раз укоризненно, он опять улыбнулся:

— Ты не права. Они обе туда прекрасно поместятся!

— Обе? Обе кто? — опешила Карела.

— Обе крысы, — пояснил Табасх.

В гроте уже не было трупов. Только одежда лежала на тех местах, где только что были солдаты, причем в тех же самых позах, в которых тела находились за мгновение перед тем, как исчезли. Остолбеневшая Карела только тихо охнула и отпрянула назад, в смятении глядя на одежду солдат.

Табасх встал и, порывшись в тряпках старика, вытащил оттуда за хвост крупную коричневую с проседью дохлую крысу с окровавленной передней лапой и свернутой шеей.

— Окажи любезность, подай мешок, — попросил Табасх.

Не отрывая взгляда от крысы, Карела принялась шарить за спиной. Нащупав мешок, она встряхнула его, расправляя, и протянула Табаску. Табасх бросил крысу на дно мешка и, скомкав тряпки, сунул их туда же. Он старался не смотреть на Карелу. Девушка была перепугана, но молчала и даже не задавала вопросов. Он уже собрался заняться второй грудой одежды, но Карела неожиданно опередила его. Она подползла к месту, где распластались куртка и штаны молодого солдата, и запустила руку внутрь.

С гадливой гримаской она вытащила за хвост белую толстую крысу с лоснящейся шкурой и с разрезанным обвисшим ухом. Держа ее на вытянутой руке, Карела медленно стала поворачиваться к Табаску, подставившему раскрытый мешок. Но крыса неожиданно дернулась и взбрыкнула лапами.

— Ой! — взвизгнула Карела, выпустив крысинный хвост из пальцев и отскакивая в сторону с проворством горной козочки. — Ой, Табасх, она еще жива!!!

Ударившись о землю, крыса забила лапками, задержалась, перевернулась и заметалась по пещере. Через мгновение, найдя наконец-то выход, животное стремительно выскочило наружу.

— Ты боишься крыс? — изумился Табасх. — Ты?

— Я... Да... Нет... — замялась Карела. Она разругалась от возбуждения. Ее попытка исправить свой промах была очаровательна. Она резко возразила. — Я не боюсь! Нет, правда, я не боюсь, просто я не ожидала, что она подскочит у меня в руках! Уж не думаешь же ты, что я боюсь каких-то крыс?!

— Ни в коем случае! — твердо ответил Табасх. — Пока я думаю лишь о том, что она убежала.

— Кто, Бриан? — уточнила Карела, приводя в порядок растрепавшиеся волосы.

— Крыса. Брианом ему уже не быть никогда, — пояснил Табасх, сгребая и засовывая в мешок одежду.

— Он это заслужил. Пусть теперь побеждает на четырех

лапах! — назидательно сказала девушка. — А ты... Может быть, ты объяснишь, как ты это делаешь?

Ее глаза светились настороженным любопытством. Не ускользнуло от глаз Табасха и то, что Карела передвинула ножны на поясе так, чтобы кинжал был всегда под рукой.

Он замешкался с ответом, не зная, как ему заговорить обо всем, а прежде всего, стоит ли ему это делать.

Неожиданный шорох и стон совсем рядом заставил из обоих вскочить на ноги. Карела немедленно выхватила кинжал. Табасх сделал ей предупреждающий знак и уже хотел сам пойти и посмотреть, в чем там дело, но в ту же секунду из темного проема вывалился и упал, раскинув руки, окровавленный человек в разорванной куртке и грязных штанах. Его белесые волосы и темная бородка тоже были в крови. В правой руке он крепко сжимал меч.

Табасх остановился над ним в нерешительности, но удивленный голос Карелы прервал его размышления.

— Эльрис? — изумленно прошептала девушка и бросилась к бездыханному телу мужчины. — Как же ты добрался сюда, Эльрис?!

* * *

В бронзовой чеканной чаше, изготовленной в виде черепа, курились благовония, наполняя горный храм диковинными ароматами. Возможно, это была всего лишь иллюзия, но Михар казалось, что здесь привычные ей запахи ощущаются сильнее, опьяняют, сводят с ума.

Небольшой костер был со знанием дела сложен рядом с войлочной подстилкой. Легкий дымок поднимался вверх и терялся где-то в темноте неровных каменных сводов. Пространство пещеры было слишком велико, чтобы дым всего одного костра мог затруднить дыхание Михар.

Молодая женщина уже сняла свою запыленную дорожную одежду. Теперь на ней была всего лишь одна обычная короткая юбка на узком жемчужном поясе. Сидя на расстеленном войлоке, Михар медленно расчесывала

костяным гребнем прямые черные волосы, разглядывая себя в овальное зеркало, прислоненное к ларцу.

Зрелище не доставляло ей удовольствия. Узкое лицо, острые скулы, глубоко запавшие глаза и необычно густые черные брови огрубляли ее лицо, а иссиня-черные волосы делали его еще более мрачным и строгим. С тоской и сожалением бросала Михар удрученные взгляды на свое отражение. Не на что было там посмотреть: выпирающие ключицы, плоская грудь, по которой никогда не скользили иные взгляды, кроме равнодушных.

О, как злилась она на богов, обделивших ее своими милостями! Она была женщиной, и не обычной смертной, а чародейкой, овладевшей секретами магии в еще большей степени, чем ее мать! Но этого ей было мало! Она хотела пленять, она хотела сводить с ума всех! Мужчины должны были желать ее, лишь однажды увидев, а женщины — терять рассудок от зависти!

Однако ни те, ни другие не торопились осуществлять тайную мечту Михар. Это была мечта обозлившейся ущербной женщины, но Михар скорее умерла бы, чем призналась себе в этом. Мечта привела ее сюда, в горы Кофа. Теперь у нее появилась надежда. Теперь она могла начать действовать.

Ей предстояла задача еще более сложная, чем поиск горного храма. Жертвой заклатья Деркэто пал не только незадачливый возлюбленный могущественной богини, чары заклатья лежали не только на каменном изваянии и небольшой сабле.

Михар покосилась на изваяние и невольно содрогнулась. Какая мощь чувствуется в этом каменном теле! И какова была та сила, что одолела его! Михар получит ее, непременно получит. Но для этого придется потрудиться. Прежде всего, отыскать Табасха.

С досадой подумала Михар о том, что плохо представляет себе, где ей искать брата. Он всегда был себе на уме, пропадал где вздумается, а исчезнув четыре года назад, домой больше не вернулся.

Она чувствовала, что рано или поздно Табасх придет

сюда в храм Деркэто, потому что и он тоже привязан заклатьем к этому месту. Но такой расклад не устраивал Михар, ей решительно не подходил вариант «поздно». Табасха нужно было привести сюда немедленно, потому что только его руки могут коснуться заветной сабли Деркэто, и только он должен вложить ее в ладонь каменного гиганта. Табасх знал об этом. И знал о том, что может за этим последовать. И конечно же, он не горел желанием делать что-либо, что было на руку Михар. В горном храме был у него свой интерес, только здесь мог Табасх исполнить какую-то другую часть заклатья, в точности неизвестную даже самой Михар.

Михар с неприязнью подумала о матери, которая так и не рассказала никому из детей всей правды. Дочери она поведала о том, как может женщина стать новым земным воплощением Деркэто, ее силы и ее мести. А сыну она рассказала о том, как он может освободиться от проклятья богини. Догадывайся теперь, что может выкинуть сумасброд Табасх. Он поистине одержим желанием стать человеком, и теперь он наверняка где-то поблизости.

Что ж, если набраться терпения, все получится. И мечта Михар того стоит. Она лелеяла свою мечту, как ребенка. Многих могущественных женщин в разных уголках мира повидала она. Были среди них и богатые знатные дамы, в ногах которых валялись мужчины, прельщенные их богатством. Были очаровательные и соблазнительные невольницы-куртизанки, вертевшие своими сюзеренами, словно прислужкой, и влияющие на ход войн и на капризы правосудия. Встречались Михар и дерзкие вольные женщины, поставившие себя вне закона везде, где бы они ни появлялись, перед которыми трепетали лихие люди.

Богатство не интересовало Михар. Она могла бы стать богатой немедленно, если бы только захотела этого. Многие тайные обряды, позволяющие это сделать, были известны ей еще от матери. Но богатство для многих, а если посмотреть глубже, то и для всех — лишь инструмент, быстрее прочих прокладывающий дорогу к власти.

Именно к власти стремятся те, кто дает волю своей неумной алчности и не интересуется вроде бы ничем иным, кроме богатства. Чужая зависть для них — живое воплощение их власти в этом мире.

Не такой власти и силы жаждала Михар. Она хотела стать совершенством, способным жестоко мстить тем, кто отвергал и презирал ее тогда, когда она была костлявой смуглой худышкой... Конечно, она и сейчас была вполне способна на месть, но насыпать на людей тайные напасти — это было совсем не то! А стать всемогущим воплощением богини любви и страсти — это означало конец всем ее страданиям. Теперь она будет нести проклятье и муки, в первую очередь мужчинам. Всем без исключения. Так завещала Деркэто своей восприимнице. А уж она знала толк в мужчинах и знала, чего заслуживает подавляющее большинство из них.

С гневом и яростью взглянула Михар на каменного истукана. С какой радостью она будет наблюдать за тем, как этот негодяй воскреснет и умрет снова! И если бы она могла, она бесконечно повторяла бы это, каждый раз с наслаждением вслушиваясь в его мольбы об избавлении!

Легкое шуршание отвлекло ее внимание. Обернувшись, Михар увидела своего четвероногого любимца, который вбежал в пещеру, таща в зубах что-то большое и белое...

— Фипон, что за гадость ты принес! — возмутилась она и поманила кота: — А ну, киска, иди-ка сюда, иди к Михар. Кис-кис...

Кот нерешительно замялся на месте, не зная, куда кинуться. Расставаться с добычей он не хотел. Но Михар быстро подбежала к нему и отобрала у него крупную белую крысу. Шкурка животного была испачкана и взломачена, порозовела от крови. Красные глазки крысы остекленели и казались мертвыми.

— Да где ж ты ее нашел, Фипон? — удивилась Михар. Она не могла, конечно, знать всю живность, что водится в горах, но никогда не слышала о том, чтобы в таких местах водились белые крысы, да еще такие упитанные,

словно животное только что сбежало из золотой клетки в богатом доме, где дети держали крысу из прихоти.

Она взяла ее в руку и сразу же почувствовала сердцебиение животного. Фипон не додушил свою добычу. Да какая разница, в конце концов, чем решил позабавиться кот. Михар уже хотела вернуть коту его ужин, но странное покалывание в ладони, на которой лежала крыса, остановило ее.

Михар положила крысу на колени и потрясла рукой. Когда покалывание прошло, она снова взяла животное в руки... Точно! Покалывание снова заявило о себе, и на этот раз почти сразу же.

Ох, как хорошо было знакомо Михар это ощущение! Она сразу же вспомнила, как в детстве подбегала к огромной чаше с фруктами и хватала какое-нибудь лакомство. И как множеством иголок начинало колоть ей руку, и с каждой секундой все сильнее и сильнее, пока она с криком не выпускала из рук персик или гроздь винограда. Но не успев долететь до пола, фрукт превращался в птицу, и, ошав от вновь обретенной свободы, птица начинала метаться по залу или по галерее, пока не находила путь на волю! Михар вопила от испуга и обиды, а из-за какой-нибудь колонны за ее негодованием с веселой издевкой наблюдали маленькие темные влажные глазенки, которые она готова была тут же выпарапать, если бы мать не вступалась за своего любимчика. С малолетства братишка был мастер на такие фокусы, которые самой Михар давались не всегда и с трудом.

И сейчас, держа на ладони полудохлую крысу, Михар безошибочно определила — крыса отнюдь не коренная жительница Кофских гор. Она — очередная жертва изощренных проказ Табасха, этого маленького ублюдка. Хотя, не такого уж и маленького. Табасх был моложе Михар всего на шесть лет, а значит, сейчас он уже достаточно взрослый мальчик. Только продолжает развлекаться все в том же духе.

Михар отшвырнула от себя крысу, потому что вибрация плоти на ладони вдруг настолько усилилась, что

женщине показалось, будто мышцы сейчас начнут отслаиваться от костей...

Она вдруг счастливо рассмеялась, несмотря на боль в руке. Если Фипон так быстро поймал и притащил сюда эту гадкую тварь, значит, Табасх совсем рядом! И возможно, если прокричать его имя с вершины горной гряды, горный ветер, путешествующий по отрогам самыми причудливыми тропками, донесет зов до ушей этого ублюдка. Но вот беда, Михар не знала то имя своего брата, которое было ей необходимо. И ни осталось на земле ни одного человека, кто знал бы его...

— Ничего страшного! Деркэто привела меня сюда и дала мне знать, что Табасх близко! Значит, она решила не лишать меня своей милости, — твердо сказала Михар и покосилась на толстую крысу, которая начала судорожно подергивать лапками.

Вот кто может помочь ей поскорее найти Табасха!

Женщина метнулась к своему ларцу и извлекла оттуда небольшую книгу в тисненном кожаном переплете. Раскрыв ее на нужном месте, она громко и торжественно произнесла короткие фразы заклинания.

Она не ошиблась, это было именно то заклинание, которое и раньше помогало ей устранять последствия проделок Табасха. Только на этот раз оно не действовало так же моментально, как должно было.

Видимо, Табасх придумал за два года что-то новое! Вместо того, чтобы сразу превратиться в человека, крыса сначала выросла до размеров высокого и мощного человеческого тела, потом лапы ее начали вытягиваться, а тело уменьшаться, потом шерсть стала не пропадать без следа, а выпадать клочками, обнажая покрытую неровным загаром кожу... Особенно долго менялась голова. Лицо с трудом избавилось от крысиных черт, а правое ухо, разрезанное, мягкое, круглое крысиное ухо размером с хороший лист лопуха, долго сморщивалось и усыхало, пока не превратилось в человеческое. Из рассеченной мочки снова потекла кровь.

Утомившись вконец ждать окончания превращения,

Михар под села к телу, что корчилося и вздрагивало на полу рядом с ее подстилкой.

Перед ней лежал не толстый, как можно было предположить, глядя на тугой крысиный животик, а превосходно развитый мощный мужчина. Правда, его крепкие мускулы были сведены жестокой судорогой, сквозь стиснутые зубы сочилась кровавая пена, и если бы Михар не знала наверняка, что это состояние скоро пройдет, она бы решила, что это агония. Мучимый превращением человек показался ей очень похожим на каменного идола, жертву мести Деркэто.

Но вот конвульсии утихли, мышцы расслабились, руки беспомощно вытянулись вдоль тела. Мужчина открыл налитые кровью глаза и громко застонал. Михар наклонилась к лицу бедняги, жадно вглядываясь в него. Это был молодой, полный сил человек, которого, к тому же, трудно было назвать уродом. Он показался Михар даже красивым. Его прекрасное обнаженное тело блестело от пота, белки глаз приобретали постепенно свой нормальный цвет, кровь прилила к полным чувственным губам мужчины, а взгляд, наконец, стал осмысленным. Увидев над собой незнакомую женщину, чье тело было прикрыто лишь тонкой юбочкой и шелковистыми черными волосами, он вздрогнул, и глаза его забегали по сторонам. Он что-то искал и, вроде бы, боялся обнаружить это что-то рядом с собой.

— Где оно? Где оно?! — зашептал он лихорадочно.

— Оно? О чем ты, незнакомец? — строго спросила Михар.

Мужчина приподнялся на локтях и повертел головой. Увидев в нескольких шагах от себя огромного каменного истукана, он задрожал и сжался.

— Почему ты боишься его? — удивилась Михар. — Это просто камень.

— Его я не боюсь! — пробормотал мужчина. — Да это и совсем не то место, где я видел чудовище.

— Чудовище? Какое чудовище? — заинтересовалась Михар.

Мужчина открыл рот, но потом подозрительно уставился на женщину:

— А кто ты такая вообще? И где это я?

— Ты не смеешь так обращаться ко мне, смертный! — сурово ответила Михар. — Вспомни о почтении, с каким следует обращаться к госпоже, а не то мне придется снова вернуть тебе твой голый хвост и скормить тебя на ужин моему коту!

Мужчина покосился на кота, крайне недовольного утратой деликатеса. Кошачья морда с наглыми желтыми глазами не обещала ему ничего хорошего.

— Прошу прощения, госпожа...

— Михар.

— ..госпожа Михар... Если это ты спасла меня от чудовища... — начал мужчина, но Михар перебила его:

— Спас тебя, по всему видно, мой Фипон, но вот заклятье с тебя сняла именно я. Поэтому учти: любое неповиновение — и я запросто превращу тебя в навозного червя, и ты сдохнешь с голоду, прежде чем доползешь до ближайшей кучки навоза в этих диких горах.

Поскольку возразить несчастному было решительно нечего, Михар снова приступила к допросу:

— Как твое имя, и что ты делаешь в горах?

— Меня зовут Бриан, — запинаясь, произнес мужчина. — Родом я из Немедии, а последние три года был наемником в Офире, в гарнизоне на золоторудном прииске. Мы сопровождали в Замору одну девуцу...

Бриан замолчал. Его снова охватила дрожь, когда он вспомнил все, что с ним случилось. Михар сделала вид, что терпеливо ждет продолжения. А на самом деле ее просто сжигал огонь нетерпения. Она повернулась к Фипону и ласково заговорила с ним:

— Что загрустил, милый? Кушать хочешь, маленький? Подожди, я чувствую, что голодать тебе недолго.

— О, г-госпож-жа!.. Митрой клянусь, я все расскажу! — завопил Бриан, бросаясь на колени перед Михар.

Немного полюбовавшись позой распростертого у ее ног мужчины, она снисходительно заметила:

— Жду с нетерпением! И Фипон тоже.

— Да... Да, госпожа Михар! — Бриан затараторил, уткнувшись лицом в пол. — Мы ехали уже несколько дней, и мне наконец все надоело...

Он вздохнул, рассказывая о своем приключении, а Михар молча слушала, поглаживала кота и чувствовала, как поднимается в ней предчувствие близкого ее торжества.

* * *

Карела подбросила в костер еще немного из принесенного Табасхом хвороста и снова устала на проем в скале, который уже не был таким темным: снаружи давно занялся рассвет.

Эльрис крепко спал на войлоке. Карела не пожалела своих коленых ручек, отмывая его тело от крови чистой родниковой водой, которую Табасх принес в кожаном мешке.

Кудрявые пепельные волосы офира уже просохли и распушились. Разглядывая раненого, Карела невольно подумала о том, что в такие роскошные шелковистые пряди очень приятно было бы запустить пальцы. Но она прогнала прочь эти мысли. А то так всегда бывает: сначала кудри приглянулись, потом плечи широкие понравились, затем внимание переключится на что-нибудь еще, и... пошло-поехало. Глядишь, а слово-то, самой себе данное, позабыто.

Спящий выглядел совершенно безмятежным, словно и не было на его груди глубокой раны. Казалось, что она совсем не беспокоит его, лишь иногда смутная тень пробежала по точеному породистому лицу молодого воина, словно виделся ему в эту минуту гадкий сон.

В грот вошел Табасх, как всегда, совершенно бесшумно. Карела в который раз уже оглядела его мягкие сапоги странного фасона и подивилась его неслышной походке.

— Он еще не просыпался? — удивился Табасх. — В таком случае, он еще крепче, чем мне показалось. Боль должна была уже разбудить его...

Уверенность, с которой говорил темноглазый юноша,

не могла не вызвать изумления Карелы. Таких юных лекарей она никогда в жизни не видела. Она и вообще-то видела всего двух врачей, и оба были старыми высохшими рыбинами, к тому же, скорее всего, шарлатанами.

А Табасх был полон сил и обаяния. Кровь, казалось, так и кипит в его жилах. Мускулы, которых не скрывала легкая одежда паренька, так и поигрывали при каждом его движении. Он часто улыбался и был совершенно не похож ни на солдат, которых кроме жратвы, вина и женщин, ничего не интересовало, ни на совершающего паломничество жреца, сурового отшельника, покорного божественным канонам. Весь он был какой-то не такой. Не видела Карела ни на одном мужском лице такой мягкой, чуть виноватой улыбки. Мужчины умели, в лучшем случае, ухмыляться да скалиться, ну или еще гоготать над плоской шуточкой. По крайней мере, те мужчины, которых знала Карела. А она видела их в своей жизни ровно столько, сколько нужно, чтобы сделать некоторые обобщения.

Нет, конечно, мягкость и улыбчивость, более свойственные женственности, Карела никогда не относила к качествам, необходимым мужчине. Но Табасха нельзя было назвать излишне женственным. Одному негодю он сломал шею, а другого довел до обморока. А после...

Карела не хотела думать о том, что было после. Она была тогда настолько взвинчена, что со страху ей могло привидеться что-нибудь похуже лохматой пучеглазой твари... Карела настолько стыдилась признаться в своем испуге, что не стала расспрашивать Табасха о лохматом уроде. Она была уверена, что только с большого перепугу можно было спутать темноволосого юношу, чья внешность слегка напоминала о его стигийском происхождении, с мохнатым чудищем. А кому же приятно признаваться в собственном страхе?

Но вот крысы... Допустим, крысы тоже были из области полуобморочных видений, но ведь одну из них Карела собственной рукой держала за хвост!

Несомненно, это магия, и ничто другое. Все спокойно

обдумав, Карела пришла к выводу, что только этим можно было объяснить необычность Табасха.

Тогда Карела впервые в жизни видела живого чародея. Это было удивительно, но она не испытывала перед ним ни малейшего страха. Он не только спас ее. Он сам, не дожидаясь просьб, помог ей промыть рану Эльриса и привести офира в порядок, он носил хворост и воду, и ни о чем ее не спрашивал. Правда, как и она его.

— Не знаю, правильно ли я сделал, но я собрал внизу ваши вещи и брошенное оружие, — сказал Табасх. — Лошади привязаны были накрепко, поэтому они тоже на месте. Если вы захотите тронуться в путь, можете делать это хоть прямо сейчас.

— В путь? — удивилась Карела. — Да вряд ли он сможет.

Словно слыша ее, Эльрис застонал сквозь зубы и с трудом открыл глаза. Еще не успев понять, где он и что с ним, он зашарил рукой по войлоку, нащупал лежащий рядом меч и неожиданно крепко и ловко ухватился за рукоятку.

— Эльрис! Эльрис, все в порядке! — встрепелась Карела и бросилась к нему, чтобы успокоить.

Ее маленькая ладонь легла на воспаленный лоб офира, она постаралась поймать взгляд мутных темно-серых глаз.

— Все в порядке, Эльрис, — Карела склонилась к нему.

Рука офира медленно разжалась и выпустила меч. Раненый часто и тяжело задышал, словно выплескивая напряжение.

— Карела, где эти два подонка? — прошептал Эльрис, ища взглядом врагов.

— Их здесь нет. Они мертвы, — решительно ответила Карела. — Оба.

— А это кто? — подозрительно спросил офира. Превозмогая боль, он приподнялся и сел. Пот градом катился по его вискам, но он, тем не менее, встал на колени, а потом поднялся на ноги. Рана на груди снова стала

кровоточить, но он только покосился на нее, сморщился от боли и шагнул к сидящему Табасху. Видимо, то, что у Табасха не было видно никакого оружия, заставило Эльриса на время забыть о своем мече.

— Я хочу знать, кто это и какого черта он тут делает! — повторил офирец.

В ответ на грубый тон Эльриса Табасх нахмурился, но смолчал.

— Это друг, — поспешно сказала Карела. — Не трогай его, Эльрис, это может стоить тебе дороже, чем ножевая рана.

Эльрис резко повернулся к девушке. Он был бледен и еле держался на ногах, но в глазах его блеснул огонь:

— «Может стоить мне дороже»? Я должен бояться простолюдина? Безоружного бродягу? Опомнись, Карела, я не узнаю тебя!

Табасх тоже встал. Его лицо стало недоброе. Точно таким же, каким оно было перед тем, как трупы солдат стали двумя крысами.

— Ты кто? — грубо спросил Эльрис. — Если собираешься и дальше молчать, я сброшу тебя со скалы!

Эльрис протянул руку, пытаясь схватить Табасха за полу безрукавки.

Еще не поняв толком, зачем она это делает, и стоит ли ей поступать именно так, Карела сорвалась с места и вклинилась между двумя мужчинами.

— Табасх! Не трогай его! — Она вложила в свой голос всю мольбу, на которую была способна. Она редко просила кого-нибудь даже о мелочах. Но сейчас она решительно заслонила собой еле живого офирца и впиалась взглядом в посеревшее от ярости лицо Табасха. Ее новый приятель готов был взорваться. А Карела поняла, что если ей не удастся погасить ссору, в пропасть полетит еще одна крыса, или что еще хуже, раненая жаба... — Табасх! Не надо, посмотри на него, он же не понимает, что говорит!

— Я очень хорошо понимаю... — начал Эльрис, но вдруг навалился на Карелу и стал оседать.

И Табасх, по-прежнему сурово поджавший губы, нехотя подставил свое плечо, освобождая девушку от непосильной ноши.

— Я дам ему выпить эликсир, — проворчал Табасх, укладывая Эльриса обратно на войлок. — Он снимет жар и, может быть, добавит ему немного разума.

— Разума у него достаточно, — вздохнула Карела, присаживаясь рядом с потерявшим сознание офирцем. — Выкачать бы из него немного спеси.

— Да, он крайне кичлив, но, будем надеяться, что, придя в себя, он поймет свою ошибку, — согласился Табасх и отошел к своей сумке. Порывшись в ней, он достал глиняный флакончик и стертую с одного бока деревянную ложечку.

Всего несколько капель эликсира наполнили глот резким и пряным запахом. Табасх подсел к Эльрису, ловко открыл ему рот и влил туда содержимое ложки. Эльрис причмокнул, скривился и неожиданно резко сел. Тараща глаза, он посмотрел по сторонам и покачал головой:

— Слово огонь проглотил...

Он пристально взглянул на Табасха. Карела заметила совершенно чистый и незамутненный взгляд офирца. За считанные секунды! Эльрис повертел головой и взглянул на свою грудь:

— Клянусь Митрой, этот ублюдок Бриан всадил мне лезвие на целую ладонь, не меньше! Почему же боль такая, словно меня ранили уже пару недель назад.

— Наверное, — Карела пожала плечами и осторожно посмотрела на еще сердитого Табасха. — Наверное, потому что тебя лечил Табасх. А ты был непростительно груб с ним, Эльрис!

— Я увидел подле тебя незнакомого подозрительного человека! — решительно возразил Эльрис. — Если меня предали собственные солдаты, могу ли я довериться первому встречному?

— Этот первый встречный!.. — запальчиво начала Карела, но Табасх вдруг поднял руку:

— Он прав, Карела. Доверяться нельзя никому. Разве вы оба доверяете друг другу?

Карела насупилась. Конечно, она помнила свои собственные размышления. Она не доверяла своим провожатым и оказалась права. Надменный офирец не смог защитить ее от насильников, да и она, если честно, поступила крайне необдуманно, не рассказав Эльрису сразу о подслушанном разговоре.

— Но Табасх?! Зачем же ты тогда помогаешь, если советуешь самого себя опасаться? — недоуменно спросила Карела.

— Потому что я знаю себя, — произнес Табасх и отвернулся. — Меня надо опасаться.

Он пошел к своей сумке убирать ложку. А Эльрис снова потянулся за своим мечом. Карела была уверена, что офирец собирается непременно убрать чудного странника. На всякий случай.

Однако Табасх, не оборачиваясь, заметил:

— Ну, за меч ты зря хватаешься, досточтимый Эльрис. Убить меня не так-то просто, и уж во всяком случае не этим железом.

Растерянno захлопав глазами, Эльрис посмотрел на Карелу. Она пожала в ответ плечами, и офирец полуувердительно заявил:

— Так ты колдун?

— Нет, не колдун, — усмехнувшись, ответил Табасх. — Хуже.

— Хуже? — переспросил Эльрис. — Во имя пресветлого Митры, что может быть хуже колдовства?!

— О-о-о, досточтимый, — с легкой издевкой заметил Табасх, подходя ближе. — Есть множество такого, в сравнении с чем магия покажется невинной игрой. Но в моем случае речь идет немного о другом. Да, я колдую помаленьку, и небезуспешно, в чем Карела имела случай убедиться. Но если колдуном называют человека, овладевшего магией, то это не про меня. Потому что я не человек.

Карела ясно почувствовала, как сердце стало медленно

проваливаться в пятки. Вспомнив чудовище, которым показался ей Табасх, она несмело произнесла:

— Значит... той лохматой тварью был ты? Значит, то чудовище на самом деле было?!

Табасх повернулся к ней. Казалось, что глаза его, темные и бездонные, наполнены болью и тоской. Без улыбки он ответил:

— Оно было на самом деле, и это был я.

Эльрис крепче сжал меч и одним прыжком вскочил на колени. Он протянул руку и коснулся плеча Карелы:

— Отойди-ка от него подальше, я прошу тебя!

Но Табасх не собирался ни нападать, ни защищаться. Он поджал ноги и обхватил руками колени. Спрятав лицо в коленях, он замер, поглощенный своими мыслями.

Карела давно почувствовала, что с этим юношей не все так просто. Но не одно существо в здравом уме, к тому же похожее на человека, не станет само признаваться в том, что оно не человек. Потому что кому охота подставлять свою голову под меч приверженца пресветлого Митры?

Эльрис зловеще усмехнулся и, вытянув меч, кольнул Табасха острием в колено:

— Значит, ты был чудовищем?.. Так ты не демон ли случаем?

— Хуже, — отозвался Табасх.

— «Хуже, хуже»! — вспыхнул Эльрис. — Начал говорить, так скажи все, как есть, я тебя за язык не тянул!

— Я рожден от женщины-стигийки и демона, которого она сама создала силой своего магического искусства, — произнес Табасх. — Это значит, что я не человек и не демон. Я демон-полукровка. А это много хуже и обычного человеческого колдовства, и демонического могущества, потому что это ни то ни се...

Эльрис глянул на Карелу и нахмурился. Вопросительно вздев брови, он покрутил пальцем у виска, дескать, похоже, парень просто совершенно спятил.

— Ну насчет «ни то ни се» ты перегнул, — сказала

Карела, чтобы хоть как-то разрядить тяжелое молчание. — Ты человек.

Карела имела в виду то, что Табасх на взгляд ничем совершенно не отличается от человека. Но всего лишь внешнее сходство, видимо, мало утешало Табасха.

— Не надо меня уговаривать! — взорвался он. — Я не для того сказал вам об этом, чтобы меня сочли ненормальным! Я не боюсь ни вас, ни ваших угроз, потому что стоит мне произнести пару слов, и с вами будет покончено! Но я не хочу этого делать! Не хочу, потому что больше не хочу быть таким, какой я есть! И мне вдруг показалось, что вы можете помочь мне, — голос Табасха оборвался на высокой ноте, и он глухо закончил. — Вижу, что я ошибся... Вы люди. Вы привыкли поступать по-другому.

Табасх встал, подошел к своей сумке и закинул ее на плечо. Неслышно ступая, он направился к выходу из грота.

— Нужно было прикончить его, — буркнул Эльрис, когда Табасх скрылся из вида. — Кто бы он ни был, он вполне заслужил это.

— Он не лгал нам, Эльрис, — задумчиво сказала Карела. — Не лгал. И нам стоило терпеливо выслушать его. Дело даже не в том, что он спас меня и вылечил тебя...

— Сдается мне, что дело именно в этом! Обычная история! Чудом уцелевшая женщина до слез благодарна таинственному пилигриму... с большой дороги! — процедил Эльрис.

Карела едва сдержалась, чтобы не вlepить ему пощечину. Сообразив, что в споре с Эльрисом весомых аргументов у нее не будет, она замолчала и насупилась. Что-либо доказать прямолинейному офицеру было возможно только силой. А ссориться следовало не здесь, а после, когда он вывезет ее из горных ущелий куда-нибудь в более обжитое место.

— Ты сердись на меня, Карела? Конечно, я виноват, — заговорил Эльрис. — Из меня получился плохой

страж. Когда об этом узнают мои друзья, меня подымут на смех. Рана затянется, а я всю жизнь буду помнить, как едва не погубил самую красивую женщину офирских степей. Никогда себе не прощу, что так крепко и безмятежно уснул. Хвала великому Митре, он уберег тебя!

— При чем тут Митра?! — возмутилась Карела. — Я знала, что не должна спать, потому что слышала разговор солдат.

— Слышала? — Эльрис хмурил брови, соображая. Наконец, он помрачнел, склонил голову и горько сказал: — Что ж, не за тебя, а за себя самого надо благодарить мне солнцеликого. Ты едва не добилась своей цели. Еще бы чуть-чуть, и ты навсегда бы от меня избавилась. Если это желание не перегорело, попробуй повторить, если сможешь. Но я поклялся Митрой и своей жизнью, что доставлю тебя в Шадизар, и сделаю это, чего бы мне это ни стоило!

Он замолчал и осторожно лег на войлок, распахнув куртку и подставив рану свежему воздуху.

Карела немного пожалела о том, что невольно выдала себя, но ее сожаление быстро прошло. На ее взгляд, Эльрис получил хороший урок. Но вот о Табасхе она подумала с неожиданной и острой тоской. С ним было немного жутковато, но как-то совершенно необычно...

От такого попутчика, как Табасх, Карела бы не отказалась. Зачем они так неосторожно прогнали ненормального беднягу-пилигрима?

Минуты проходили в молчании. Карела ждала, что Эльрис заговорит, но он не издавал ни звука. Рана на его груди, залеченная изумительным даром Табасха, порозовела и затянулась. Офицер лежал с закрытыми глазами, но ресницы его беспокойно трепетали. Он не спал.

— Пить будешь, Эльрис? — спросила Карела.

— Не буду. Зальем костер и пора трогаться в путь.

Эльрис поднялся, взял кожаный мешок с водой и вылил ее на тлеющие угли. Подбрав свой меч, офицер пошел вперед, по-прежнему не желая разговаривать с Карелой.

Девушка шла за ним и сама не знала, рада ли она тому, как обернулось дело, или не рада.

— Что это?! — пораженно выдохнул Эльрис и остановился.

Карела взглянула вперед. На ровной тропе, опоясывающей скалу, в полусотне шагов от грота лежал, скорчившись, Табасх.

Девушка почти бегом поспешила к нему, не обращая внимания на предостерегающий вскрик Эльриса. Офирец не выдержал и, плюнув на боль в свежей ране, обогнал Карелу и был у тела Табасха первым.

Перевернув Табасха на спину, Эльрис приподнял его и встряхнул. Юноша попытался снова свернуться клубочком, и только подоспевшей Кареле удалось привести его в чувство легкими хлопками по щекам.

Табасх открыл глаза и прохрипел:

— Это Михар. Сестра знает, что я рядом. Что же мне делать?..

Глава 3

Михар внимательно следила, как на дне чаши высасывается грязно-зеленый тягучий сгусток. Ей так хотелось продлить все это подольше, но всему есть предел. Михар утешала себя тем, что и эти несколько минут, пока действовали чары, ее братцу пришлось не сладко. Мучительная боль должна была ненадолго подержать его в объятиях. И как Михар сразу же определила близкое присутствие Табасха, едва взяв в руки крысу, так и Табасх не мог не вспомнить парализующую силу заклинаний сестры, которая всегда умела хоть недолго, но очень чувствительно «ласкать» братишку.

Сначала Михар колебалась, стоит ли ей выдавать себя из-за того только, что желание слегка помучить Табасха было совершенно непреодолимо. Но, подумав немного, она рассудила, что, даже узнав о том, что Михар уже в Сером ущелье, Табасх не бросится прочь, сломя голову. Даже если бы у него и появилась мысль избежать свидания с сестрой, он ни за что не ушел бы из Кофских гор. Даже опасность, не очень серьезная, но ощутимая, не заставит его отказаться от намерения сбросить с себя проклятье Деркэто. А сделать это он сможет только здесь, в храме мести. И глупейшее его желание стать человеком непременно приведет его прямо в руки Михар.

Она улыбнулась своим мыслям, глядя на уже совсем прозрачную воду в чаше. Боль Табасха рассосалась, и теперь у него есть возможность подумать и взвесить свои силы.

Вдруг поймав себя на том, что она по-прежнему продолжает думать о Табасхе снисходительно, Михар резко одернула себя. Быть к Табасху снисходительной было нельзя. Табасх был существом весьма опасным. И как бы не хотелось Михар презирать брата, подобное пренебрежение могло очень дорого стоить стигийке.

И она попыталась рассуждать трезво. Сразу же Михар вынуждена была признать, насколько же ее брат на самом деле силен. Его мощь позволяла ему выкидывать фокусы куда сложнее, чем превращения. И если Михар требовалось подчас много времени, чтобы подготовить амулеты, снадобья или отыскать заклинание в древних книгах, то Табасху ничего этого не требовалось. Его демоническое начало не просто умело, оно *ЗНАЛО* все это, и на проделки свои Табасх не затрачивал ни времени, ни каких-то чрезмерных усилий.

И если бы этот вздорный придурок повиновался своей демонической половине, не нашлось бы, наверное, никого, кто мог бы осилить его. Потому что как ребенок, рожденный от отца и матери, происходящих из разных рас, бывает необычайно красив, силен и крепок здоровьем, так и существо, родившееся от женщины и демона, не знает себе равных в жизненной и магической силе.

Но Табасх то ли по глупости своей, то ли еще по какой причине, не вполне достойной его происхождения, вбил себе в голову вздорную и нелепую мысль — заплатить своими демоническими способностями за возможность стать обычным человеком.

Судорожно прижав к груди кулаки, Михар закричала зубами от бессильной злобы. Какая несправедливость!.. Почему такому маленькому никчемному существу, даже не понимающему очевидных выгод своего положения, дано то, чего так жаждут другие, и прежде всего Михар?! Да если бы Михар была на месте своего брата, она по достоинству оценила бы дар судьбы. Этот же фокусник по совершенно непонятной причине извелся, истрадался по человеческой беспомощности. Он всегда мечтал выйти к людям, расставшись с вынужденным уединением. Ради

чего? Отказаться от редкого могущества, которое при умелом использовании может потешить любые самые изощренные прихоти человеческой, да и не только человеческой натуры! Несчастный недоумок. Михар презрительно скривилась. Какой глупец! Не мечтать ни о чем другом, кроме как погрязнуть в мелких склоках, бессмысленных и кровавых стычках, обыденном предательстве и низменных страстях, присущих всякому месту, где люди собираются количеством более двух! Быть свободным от этого и, тем не менее, этого же всего жаждать...

Михар вдруг ощутила нечто вроде легкой жалости к нерадивому братцу.

Но нет, Табасх не глуп, он всего-навсего сумасшедший, заключила, наконец, Михар свои рассуждения. Что хоть и не одно и то же, но в данном случае — совершенно сходные обстоятельства. Более того, благоприятные обстоятельства!

Михар встала и прошла под сводом храма, покачивая бедрами. Вообще-то, там не было особо чем покачивать. Но она уже видела себя умопомрачительно прекрасной, такой, какой она станет благодаря милости Деркэто.. И тогда все мужчины будут у ее ног, и она будет решать, как ей поступить с каждым из них.

А пока у нее был только один воздыхатель — Бриан. Михар подозревала, что мозгов у немедийца не слишком много, но их, возможно, хватит на то, чтобы уяснить: со стигийкой шутки плохи. Михар давно наблюдала за трясущимся беднягой. То, как он терпеливо молчал, не жалуясь даже на промозглый холод, означало, что мужчина напуган до полусмерти.

Михар возымела власть над ним даже не будучи одаренной милостью Деркэто. Ну и что такого в том, что власть эта зиждется ни на бессильном вождении, как мечталось Михар, а на животном страхе? И из такой ситуации можно извлечь массу приятного для себя. Напряженные от холода мощные мускулы немедийца вызвали у Михар довольно недвусмысленные желания, и

она уже начала упиваться своей властью, предвкушая большего.

Михар решила, что вполне может оставить в покое Табасха на некоторое время. В конце концов, зачем добиваться какой бы то ни было власти, если не оставлять времени для того, чтобы воспользоваться приятными ее плодами?

Немедиец сидел, скорчившись, у дальней стены и стучал зубами. Поскольку Бриан был на две головы выше Михар и втрое шире ее в плечах, она не смогла бы пожаловать ему что-либо из своего гардероба, даже если и захотела бы. Поэтому Бриану оставалось прибегнуть к старому, как мир, способу самообогрева — дрожать сильнее. Что он и сделал, продолжая с опаской наблюдать за костлявой и смуглой юркой женщиной, угрозы которой звучали воистину божьей карой за все те порочные излишества, которые теперь назойливо припоминались немедийцу.

«О, Митра, милостивый и справедливый, клянусь, что больше ни одного глотка вина... сверх меры! Ни одной шлюхи! Ни одной украденной монеты! Женюсь... на дочери какого-нибудь трактирщика! В кости играть брошу! И... И... — Бриан с тоской подыскивал еще что-нибудь, что можно было бы пообещать пресветлому. — На храмы пожертвую! Пилигримов кормить буду! Только убереги от этой проклятой стигийки! Жизнью своей клянусь, никогда больше!.. Никогда!..» — истово твердил немедиец и сам верил своим словам.

Михар остановилась перед своим пленником, которого отнюдь не веревки и не цепи, а всепоглощающий страх удерживал даже от мыслей о возможности побега.

— Замерз? — догадалась Михар. — Могу предложить Фипона в качестве грелки.

Дремлющий у маленького костерка Фипон, слышав свою кличку, приоткрыл один глаз и покосился на немедийца, которого, похоже, до сих пор считал огромной и наглой безволосой загорелой крысой.

— Благодарю, госпожа Михар, — заикаясь, ответил

Бриан. — Но... Стоит ли из-за меня мучить вашу киску? Я, знаете ли, люблю животных... Кошечек там, лошадок...

— Крысок, — добавила Михар с усмешкой.

Язык Бриана прилип к гортани. Он промычал что-то вовсе невнятное и низко склонился перед чародейкой.

— Впрочем, — продолжила Михар, — Я могу предложить тебе еще кое-что, что вполне сойдется для обогрева...

Бриан несмело взглянул на стигийку. Ее темные глаза, в которых невозможно было отличить зрачок от радужки, повлажнели. Женщина провела языком по сухим бескровным губам и произнесла загадочно:

— Полагаю, что ты не вздумаешь отказаться...

Не сводя глаз с оцепеневшего немедийца, Михар отстегнула пояс и сняла прозрачную короткую юбочку. Мотнув головой, она откинула назад свои блестящие волосы — то единственное, что было у нее действительно достойным восхищения.

С торжеством и возжеланием смотрела Михар на мужчину, прекрасно сознавая, что ее власть над ним безгранична, и стоит ей сейчас приказать ему, он будет неутомим и послушен ей, а если не захочет — пожалеет, что родился на свет.

— Что ты думаешь обо мне? — промяукала Михар, подходя вплотную к немедийцу.

Бедняга еле разлепил губы. С тоской глядя на тощую и крайне неаппетитную плоть цвета незрелой оливки, Бриан вскользь подумал, что в сравнении с котом новая грелка несомненно проигрывает. Но он отчаянно взмахнул рукой:

— Моя госпожа прекрасна!..

Михар в упор смотрела на немедийца, и ее взгляд недвусмысленно приказывал Бриану поторопиться.

Что-то, а чувство самосохранения, позволившее Бриану вовремя упасть в обморок перед Табасхом, было развито у немедийца сильнее прочих. «Если она останется мной недовольна, Фипона будет ждать сытный ужин», — безошибочно догадался Бриан. И неистребимая жажда

уцелеть во что бы то ни стало оказалась на высоте. Она умудрилась вовремя скомандовать нужным органам, а те, не будь дураками, вовремя послушались.

Бриан принял в объятия свою грозную госпожу, взывая к Митре о прощении.

* * *

Карела осторожно зачерпнула воды из родника и подала глиняную кружку Табасху. Он жадно глотал, проливая воду, и его безрукавка мгновенно потемнела. Бессильно откинувшись на толстый тук, рядом с которым его посадил Эльрис, Табасх вытер лицо. Его посиневшие губы дрожали, а в глазах стояли слезы.

— Ты не мужчина, — презрительно буркнул Эльрис. — От боли нюни распустил, как изнеженная баба.

— Эльрис, прекрати сейчас же! — строго сказала Карела.

Она чувствовала к беспомощному Табасху почти материнскую нежность и считала, что должна непременно оградить его от бессовестных нападок офирца.

— Если бы я пускал слезы по поводу каждой царапины, которую получил в своей жизни, я заплакал бы глаза годам к семнадцати, — сухо возразил Эльрис. — Впрочем, я многого от него и не требую, чего можно ждать от грязного прохожего странника, к тому же больного падучей.

— Я здоров, — отозвался Табасх. — И никакой падучей у меня отродясь не было. Это все чары моей сестры! Я узнал бы их, в каком бы месте и в каком бы виде она их не преподносила. Мы с ней хорошо изучили друг друга еще в детстве. Она не уверена, что справится со мной, но знает, каково мне бывает от ее нападков.

По молодости лет Карела страдала любопытством. И, возможно, это была единственная из чисто женских черт, присущая ей в полной мере. Поэтому она уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но поймала сумрачный взгляд Эльриса:

— Нас это не касается, Карела! Кто там с кем хочет

справиться, это не наше дело. Боги они, демоны или просто недоумки — пусть разбираются между собой сами.

Карела встала, отошла от притихшего Табасха и решительно подошла к офирцу. Если рассудить здраво, Эльрис говорил дельные вещи, опираясь на свой немалый уже жизненный опыт. Двадцать пять лет для воина, взявшего в руки меч еще в нежном юном возрасте, это срок, достаточный для того, чтобы иметь право поучать пылких девушек, ничегошеньки не смыслящих в том, что такое магия.

Но Карела не признавала за Эльрисом этого права. Если даже покойного отца, от одного взгляда которого трепетали многие, Карела всего лишь слушала, но никогда не слушалась, что можно говорить об Эльрисе?

Да, Карела была готова признать, что в магии она понимала мало, но она твердо произнесла, глядя на офирца в упор:

— Если ты и вправду намерен и дальше сопровождать меня, тебе придется смириться с тем, как я отношусь к Табасху. Можешь думать о нем, что хочешь. Но не пытайся в чем-либо меня переубедить. Перестань задирать его. Я так хочу.

— Клянусь Митрой, Карела, ты еще пожалеешь об этом! — побледнел Эльрис, и рука его нервно ухватилась за рукоятку покоящегося в ножнах меча. — Этот таинственный пилигрим еще встанет у нас поперек горла! И тогда, возможно, будет поздно!

— Не страдай! Ты слышал мои слова, и иного не дождешься! — закончила Карела и повернулась к Табасху.

Тот уже вставал, поправлял безрукавку и поднимал свою сумку.

— Табасх, — начала Карела. — У нас две лишние лошади. Не хочешь ли отправиться в путь вместе с нами?

Темные, еще не оправившиеся от боли глаза, с нежностью взглянули на девушку:

— Нам не по пути, Карела. Мне жаль, но нам не по пути.

— Так ты идешь в Офир? — расстроилась Карела.

— Нет, не в Офир. Но и не в Замору, — неопределенно ответил Табасх.

— Что ж, тогда все равно, возьми одного коня, — предложила Карела. — Зачем идти пешком, когда можно ехать верхом.

— Благодарю тебя, а также... досточтимого Эльриса, — Табасх покосился на мрачного офирца. — ...за то, что он до сих пор не снес мне голову своим грозным мечом. Но конь мне не нужен. Я никуда не еду, Карела. Дело в том, что я уже на месте. Теперь я знаю, что не ошибся и не сбился с пути. Если здесь рядом Михар, значит, и моя цель тоже рядом. Жаль только, что сестра оказалась на месте раньше, чем я. Но выбирать мне теперь не приходится.

Он забросил за плечо свою объемистую кожаную суму и молча склонил голову перед Карелой.

— Подожди, подожди-ка! — Карела схватила его за плечо. — Ты идешь прямо в лапы той женщины, что наслала на тебя муку? Ради чего? Не разумнее ли было бы избежать такой встречи?..

— Похоже, что наш пилигрим так же, как и ты, Карела, не обращает внимание на здравый смысл! — буркнул Эльрис. — Но позвольте заметить, нам давно пора двигаться в путь, и я хотел бы, чтобы вы поскорее распрощались.

Карела вздохнула: Эльрис был прав. Оставаться на тропе горного ущелья дольше было бессмысленно. Вещи были собраны, лошади напоены, Эльрис прекрасно держался на ногах... Она взглянула на Табасха, и слова прощания застряли у нее в горле. Темные глаза звали ее за собой. И преодолеть этот зов было почти невозможно.

— Табасх... — прошептала она, едва ворочая языком от внезапной слабости. — Что ты хочешь от меня? Куда ты меня зовешь?

— Я не смею... Вернее, не должен этого делать, но... — Табасх облизнул губы и сглотнул. — Карела, ты не зря

встретилась мне на этой дороге... Ты — мой добрый вестник. Если бы ты могла мне немного помочь...

Эльрис издал какой-то возмущенный звук и демонстративно повернулся спиной к Табасху и девушке.

— Как я могу избегать встречи с сестрой, если она опередила меня? Она уже в храме Деркэто и ждет меня там, — заговорил Табасх. — И вся беда в том, что мне не миновать этого храма. Я два года его искал. Там мое спасение. Деркэто повесила на меня заклятье, словно я один должен страдать за мужскую слепоту, низость и бесчувственность. Правда, сиятельная богиня оставила мне шанс...

— Сиятельная богиня?! — взорвался Эльрис, разворачиваясь резким прыжком. Он был набожным человеком, и оскорбленная душа истинного митрианца не выдержала слов Табасха. — Сиятельная шлюха Сэта, ты хочешь сказать! Не поминай при мне это имя, пилигрим, или твоя больная голова все же найдет себе покой на дне одной из расщелин!

Табасх прищурился, на удивление спокойно переждал тираду офирца и ответил:

— Богов не трогают ни поклепы невежд, ни славословие велеречивых жрецов, ни заблуждения простых смертных. Боги слишком хорошо осведомлены о сущности человеческой, чтобы обращать внимание на пустые слова. И я счел за благо следовать их примеру. К тому же Деркэто уже наказала тебя за то, за что сочла нужным, а ты даже не задумался об этом... досточтимый Эльрис.

— Наказала? Чем же это?

— Тем, что лишила тебя благосклонности самой прекрасной женщины на свете! — четко сказал Табасх. — Не думаю, что ты когда-нибудь добьешься любви Карелы!

— Ах ты, Нергал тебя забери! — пораженно выдохнул офирец, столбенея от невиданной наглости. — Негоже поднимать руку на безоружных юнцов, но Митра простит мне этот грех!..

Меч взлетел в воздух и со свистом опустился... вдоль правой руки Табасха. Вне себя от негодования Эльрис

снова занес оружие и с отчаянным усилием, в которое вложил всю свою ненависть к юному стигийцу, снова... рубанул воздух.

— Ну я же говорил, что железом меня убить очень затруднительно. И до тех пор, пока я не сброшу с себя заклятье Деркэто и не стану таким же, как ты, досточтимый, вряд ли тебе удастся отвести душу! — с усмешкой сказал Табасх. — Если хочешь, можешь немного подождать.

— Вот это, — тяжело дыша, Эльрис вытянул руку и ткнул указательным пальцем в лицо Табасха. — Вот это, звереныш, единственная достойная причина к тому, чтобы остаться в этом ущелье и понаблюдать за тем, как ты, вонючий отброс, собираешься становиться человеком!.. И клянусь Митрой, коль скоро Карела не спешит в Шадизар, я не буду ей препятствовать!

Пока мужчины ссорились не на жизнь, а на смерть, Карела, словно окаменев, смотрела на них, и тревожное предчувствие сначала слегка, а потом все сильнее и сильнее зашевелилось в ее душе. Намерения свои Эльрис выразил красочно и недвусмысленно, и Табасху, действительно, могла теперь угрожать опасность.

— Ну ладно, замолчите-ка вы оба! — грозно оборвала их Карела.

Мужчины устали на нее в ожидании. Только Табасх смотрел на девушку благоговейно и восхищенно, а Эльрис словно хотел сожрать красавицу целиком, во взгляде его сквозило возмущение и гнев оскорбленной гордыни.

— Мое решение таково — я остаюсь в Сером ущелье ровно настолько, насколько захочу, — возвестила Карела. — А поскольку дольше стоять на тропе совершенно незачем, пусть Табасх поможет мне перенести мои вещи обратно в грот! Жаль только, что костер залили, теперь на новом месте кострище складывать...

— Об этом не думай, Карела! — радостно перебил ее Табасх. — Костер снова горит на прежнем месте!

Табасх подхватил тюки, на которые указала ему Карела, и полез по расщелине наверх к гроту.

Карела деловито поправила волосы, подпернула ножны на поясе и решительно двинулась вслед за своим новым другом.

Она немного удивилась тому, что офирец молчит и не останавливает ее. Пускать дело на самотек было не в обычае досточтимого Эльриса. Кареле нравились ее постоянные стычки с офирецом, они подогревали ее, заставляя кровь быстрее течь по жилам. Поэтому то, что молодой воин сейчас молча стоял и просто наблюдал за тем, как девушка претворяет в жизнь свой очередной каприз, изумило ее.

Обернувшись к Эльрису, она заметила:

— А ты? Что, едешь дальше один?

— Ехать одному? У меня другие планы, Карела, и ты о них знаешь. Дальше я поеду не один, а с тобой, и выполню обещание, которое я дал старому Клорусу перед его смертью, — хмуро ответил Эльрис.

— Если тебя тяготит это обещание, я снимаю его с тебя. Я не буду в претензии, если ты исчезнешь сейчас и навсегда!

— Не тебе освобождать меня от клятв, которые я приносил другим! — обиделся Эльрис. Но вдруг лицо его смягчилось, и он быстро заговорил. — Карела, я давно знаю тебя и даже смирился с твоими вздорными причудами. Поверь мне, я кое-чего повидал! Женщины не созданы для крови, стычек и опасных приключений, в которых и мужчины-то частенько остаются без голов! Я умоляю тебя, опомнись! Я готов ради тебя на все, а ты даже не хочешь прислушиваться к моим словам! Ну если ты не хочешь ехать в Замору, давай повернем назад, я отвезу тебя в родительский дом! Никто никогда не посмеет сказать тебе грубого слова, никто не оскорбит даже взглядом! Все, чего ты не пожелаешь, в ту же минуту будет у твоих ног! Моя жена ни в чем не будет знать отказа и никогда не пожалеет, что стала моей!

— Твоя жена, Эльрис, ни о чем не пожалеет, охотно

верю, — оборвала его Карела. — Но не я, потому что никогда не стану твоей, как, впрочем, и ничьей! Я — своя собственная!

— Ты еще дитя, Карела, — растерялся Эльрис. — То есть, ты, конечно, необыкновенно прекрасная расцветшая женщина, и я сверну шею тому, кто посмеет это оспорить, но ты ничего не смыслишь в жизни.

— Или ты ничего не смыслишь в женщинах, — буркнула Карела. — Не заговаривай мне зубы, досточтимый Эльрис, и вообще... Не вынуждай меня становиться твоим врагом, потому что тогда уже твоя голова будет в опасности! И в этом я обойдусь без чудес Табасха, потому что с детства знакома с тем, за какой конец клинка надо браться! Ты не забывай, досточтимый, что я не принцесса, и даже не захудалая дворянка. Я дочь солдата, Эльрис!

— Твоя мать была знатных немедийских кровей! — возразил Эльрис, но Карела постаралась вложить во взгляд все кипевшее в ней раздражение. И офирец замолчал.

— Чего ты хочешь, Эльрис? Чтобы я стала твоей собачонкой, невольницей, украшением твоей богатой спальни?

— Я... Я... Я люблю тебя, Карела! — проговорил офирец с содроганием, словно непривычные слова кололи ему язык. Дорогого стоило признание человеку, высокомерно полагавшему, что чувства и намерения его должны быть поняты без слов и приняты с благодарностью.

А девушка в ответ лишь презрительно хмыкнула.

— Во имя Митры, Карела! Я никогда не произносил таких слов! Зачем ты унижаешь меня?! Я не какой-то там безбородый юнец, на которого можно так просто наплевать! — Голос Эльриса задрожал от негодования.

— Прошу прощения, благородный Эльрис, но плевать я еще даже и не начинала, — запальчиво возразила Карела, глядя на бледное лицо офирца, по которому уже пошли красные пятна. — Не гневайся на меня, вздорная

девчонка не достойна такого знатного, богатого и доблестного воина, как ты... досточтимый!

Карела попробовала говорить серьезно, но уже на середине фразы не смогла сдержать улыбку. Эльрис закусил губу так, что, казалось, кровь готова вот-вот брызнуть. Но офирец справился с собой, решив, видимо, что не пристало благородному человеку так недостойно поддаваться гневу и обиде перед женщиной. Он махнул рукой и взялся за оставшийся тюк с провизией:

— Прах тебя побери, Карела! Забудем все, что только что наговорили друг другу. Будем считать, что у нас длинный привал по дороге в Шадизар.

И хотя едва затянувшаяся рана сильно ему мешала, длинные крепкие ноги офирца ловко и быстро принялись преодолевать подъем по расщелине.

Карела молча смотрела ему вслед. Где-то в глубине души она чувствовала неловкость, но торжество победило. Последнее слово осталось за ней! А на иное Карела ни за что не согласилась бы.

* * *

Когда с едой было покончено, Эльрис предпочел отползти в самый дальний угол грота. Здесь до него едва доходило тепло костра, но зато он был достаточно далеко от ненавистного стигийца.

Оскорбленное самолюбие клокотало в груди офирца. Разве же мог он предположить, что прекрасная дочь Клоруса, по которой Эльрис затосковал сразу же, как впервые увидел ее, окажется на деле такой безжалостной и совершенно безмозглой!..

Любой другой давно уже плюнул бы и, оставив непокорную рыжеволосую красавицу в компании странного улыбчивого чародея, убрался бы восвояси! Пропaday, если добрые слова мимо ушей и мимо сердца пропускаешь!

Эльрис был потомком очень знатного офирского рода. Предки его всегда были не последними при дворе Ианты. А значит, гордость была у Эльриса в крови. Мужчину, нанесшему оскорбление, подобное тому, на которое осме-

лился Табасх, Эльрис порубил бы на куски в ту же секунду. Но стигиец просто-напросто высмеял его, да еще совершенно безнаказанно! А эта рыжая бестия!.. Эльрис всегда был снисходителен к женщинам, но после сегодняшнего он начинал уже склоняться к мысли о том, что и хорошенькая женская попка иногда вполне заслуживает порки!

С неожиданной злобой и жаждой мести Эльрис представил, как бы он осуществил это наказание! Но... Это могло оставаться только мечтами. Он лежал, положив голову на суму с тряпьем и, не отрываясь, смотрел на точеный профиль девушки, сидящей у костра рядом с Табасхом. Он не смел сейчас даже подойти к ней, не то что поднять на нее руку. Отвергнутый и осмеянный, он сердился и в то же время решительно признавался себе, что все отдал бы за один ласковый покорный взгляд или нежное, ободряющее слово... Но дочь Клоруса не знала таких слов!

Может быть потому, что многое в жизни доставалось Эльрису слишком просто, явное сопротивление Карелы не только злило, но и разжигало азарт. Эльрис вдруг понял, что сам перестанет уважать себя, если не переломит девчонку. Крепость противника, не желающую сдаваться добровольно, следует брать осадой, а при крайней стойкости осажденных, военачальник может применить и штурм, грозящий разрушениями цитадели противника. Но на разрушения можно не обращать внимания, если покоренный объект не потеряет главной своей прелести. Карела еще лет двадцать, а то и больше, не утратит своих прелестей, которые будут будоражить мужскую фантазию.

И несмотря на обиду Эльрис словно наяву видел, как Карела плавно идет ему навстречу по галерее его дома в Ианте, ставшего их общим домом, идет с улыбкой, затаенная в тончайший зеленый бархат с золотой вышивкой, окутав прозрачной воздушной тканью полуобнаженную грудь... В конце концов, хоть Эльрис еще довольно молод, скитания и сражения, развлекавшие его в юности,

уже не были для него пределом мечтаний. У него не было необходимости добывать средства к существованию, его род всегда был богат... Почему бы и не осесть в столице с юной красавицей женой?

А может быть, выбросить из головы все это, забыть прелести своей возжеленной цитадели? Ведь на любых невольничьих торгах мало кто сможет перебить цену, которую Эльрис в состоянии предложить за приглянувшуюся рабыню! Любая невольница сочтет за великое счастье принадлежать молодому, красивому и богатому хозяину, который к тому же не имеет обыкновения издеваться над женщинами...

Но как ни уговаривал себя Эльрис, пышная точеная фигурка Карелы и взгляд ее зеленых глаз острой занозой засели в сердце оскорбленного офира. Судорожно пытаясь сглотнуть непослушный комок, застрявший в горле, Эльрис жадно поедая глазами рыжеволосую грациозную девушку и спокойно сидящего рядом с ней у костра Табасха.

Ох, как люто ненавидел Эльрис этого смуглого сопляка в поношенной безрукавке и коротких штанах, которые в приличном доме Офира и на последнего конюха не наденут! Мальчишка был сведущ в тонкостях стигийской магии, в этом не могло быть никаких сомнений. Но в целом Эльрис не мог найти приемлемого объяснения всем причудам Табасха. Что было у него на уме?

Мрачные и злобные колдуны. Они проводят свои дни среди глухих стен грозных и зловещих замков, в окружении источающих мрак и тлен амулетов и изваяний. Они вынашивают грязные планы, цель которых — столкнуть человечество прямоиком в пасть целой уйме богов и божков, обосновавшихся в преисподней. Так Эльрис все это себе представлял.

Но никогда не слышал он, чтобы стигийский полудемон пустился странствовать по свету с целью стать человеком. Это было похоже то ли на бред, то ли на сказку, сочиненную наивным ребенком, ни разу еще в жизни не пострадавшим от порчи, наведенной чародеем.

Грезя наяву, негодуя и страдая, Эльрис, тем не менее, не забывал о том, что неспешная беседа, которую вела Карела со своим драгоценным стигийцем, все еще продолжалась. И он слушал все, что говорил этот нищий ублюдок.

— ...Михар всегда ненавидела меня просто за то, что я есть на свете, а потом, когда она поняла, насколько я сильнее ее, я стал первым и главным из ее врагов, — сказал Табасх. — Наша мать была изгнана из своего круга, поскольку пренебрегла теми канонами, которых придерживались прочие жрицы Держэто. Ей посулили проклятье богини, но она не остановилась ни перед чем. Зная во всех подробностях ту историю о мести Держэто, мать стала внушать своей дочери мысль о том, что именно Михар должна стать новым земным воплощением богини страсти. Мать давно это задумала, когда дочь ее была еще младенцем, и для того, чтобы Михар выросла и смогла это осуществить, согласно завету богини, должен был появиться я. Мать много трудилась, и ею был вызван из глубин мрака один из демонов, подвластных самой Держэто. Она зачала от него, и родился я.

Табасх надолго замолчал, глядя на огонь. Карела уже стала нетерпеливо ерзать на своем месте, и Табасх очнулся от дум:

— Мать моя была все-таки человеком, и видимо тогда, когда я, беспомощный и плачущий, лежал у нее на руках, сердце ее дрогнуло. Она полюбила меня, как обычно мать любит свое дитя, и, может быть, пожалела о том, что затеяла все это. Но остановить начатое она уже не могла. Она должна была дать мне имя, чтобы я обрел силу демона, но она нашла выход из положения и дала мне два имени. Мое человеческое имя — Табасх. В устах моей матери оно звучало нежной музыкой... Мое демоническое имя она сообщила мне самому и Держэто. И дала мне строжайший наказ — никогда, нигде, никому не называть своего второго имени, и даже никогда не произносить его вслух наедине с самим собой. Потому что стоит моим ушам услышать это имя, зазвучавшее рядом со мной, и

я начну делать то, что предназначено мне первым заветом Держэто, то есть именно то, чего сейчас ждет от меня Михар. Но пока ей не известно это имя, жизни моей ничего не угрожает. Мы с Михар можем бесконечно бороться, мучая друг друга, но она никогда не возьмет надо мной верх!..

— Разве нет у нее возможности узнать это имя? — поинтересовалась Карела, глаза которой от услышанного загорелись огнем острого любопытства.

— Не думаю, что сиятельная Держэто спустится на землю и шепнет его на ухо моей сестре! — засмеялся Табасх. — Это имя — два коротких слова на древнейшем и всеми забытом языке, и они означают «повинующийся завету». Михар никогда его не узнает.

— Ты сказал, что, услышав имя, начнешь выполнять первое завету, а что, есть и второе?

— Да, есть и второе, — помрачнел Табасх. — Но оно никак не зависит от того, кто и как меня назовет.

— Расскажи, — попросила Карела.

— Да ты видела, — вздохнул Табасх. — Страшный мохнач, исходящий слюной... Я молод, здоров, в конце концов я мужчина, я хочу любить женщин, но завету Держэто всякий раз превращает меня в чудовище, как только я дам волю своей страсти!

Эльриса, молча слушающего рассказ Табасха, только передернуло от брезгливости и негодования. А Карела нахмурилась и уточнила сочувственно:

— Тебе бывает больно?

— Больно? О, нет, — покачал головой Табасх. — Только тело чешется от этой вонючей шерсти... Сколько уже раз я не смог обуздать себя! Я убивал этих несчастных женщин, потому что не в силах был отказаться от их тел... Они умирали то ли от страха, то ли от тех ран, что наносил им мохнач... Любить — и быть отвергнутым, любить, убивая и не видя в этом смысла: вот в чем проклятье богини. Многие мужчины, если не все, заслужили его в свое время, но именно мне, как сыну моих родителей, нести эту кару...

— Но ты говорил, что от этого можно освободиться! — напомнила Карела.

Табасх едва поднял склоненную голову и тоскливо вздохнул.

— Можно. Можно стать обычным мужчиной, потеряв все способности к магии, и освободиться от ненавистного проклятья. Но для этого кое-что нужно...

— Что? — уточнила Карела.

Табасх молчал.

— Как, ты не знаешь? — удивилась девушка.

— Он все знает, Карела, — Эльрис не выдержал и приподнялся со своего места. — Он не хочет говорить это тебе, потому что уверен: если ты узнаешь, без оглядки умчишься от него!

— Это правда, Табасх? Ты... ты способен на то, чтобы просто заморочить мне голову, а потом предать? — возмущилась девушка.

— Не иначе, Деркэто требует с него жертвоприношения. И возможно, только ослепительные красавицы подходят для таких целей! — продолжал говорить Эльрис. Офирец чувствовал свою правоту. И он знал, что должен уберечь свое сокровище от хитрого демона, чего бы это ему ни стоило.

Табасх молчал. Отвернувшись от своих собеседников, он сжался, дрожа от напряжения. Чтобы добить врага, пока он не успел поднять головы, Эльрис закончил обвинительную речь:

— Ты очень наивная девушка, Карела, в тебе еще осталась способность к состраданию. И он этим пользуется! Да ты посмотри на него! Он преспокойно убивал всякого, кого пожелает, загубил, видимо, не одну несчастную жертву своей похоти, а прикидывается таким невинным созданием, страдающим за всю мужскую половину человечества. Если бы он и вправду был невинен, он не стал бы морочить тебе голову трогательными сказками про добрую маму. А впрочем, Карела, я обещал не настаивать... Я ложусь спать, потому что уже больше суток не смыкал глаз, да и рана ноет. Если я проснусь

и найду здесь твой растерзанный труп, Карела, я, по крайней мере, не удивлюсь.

— То-то и оно, что если проснешься, — спокойно заметил Табасх, но от его ровного голоса повеяло таким холодом, что Эльрис невольно вздрогнул.

— Угроза?! — вскинулся Эльрис, но невидимая и неодолимая сила мягко швырнула офирца на спину. Веки отяжелели, уши заложило, тяжелый, душный сон охватил досточтимого Эльриса так быстро, как он сам никогда не смог бы заснуть.

* * *

Подскочив с места, Карела несколько секунд постояла в оцепенении, очаровательно приоткрыв пухлый алый ротик, а потом с негодующим возгласом бросилась к неподвижному телу офирца.

— Эльрис! Эльрис! — Она принялась ощупывать его, потом взяла в ладони его голову и вгляделась в странно безмятежное лицо высокомерного дворянина. — Эльрис, скажи что-нибудь!

Но офирец молчал, а когда Карела выпустила из рук его голову, Эльрис грузно и безвольно свалился между мешками. Раскрасневшись от возмущения, Карела повернулась к Табасху:

— Зачем? Зачем ты это сделал?!!

— Да что я сделал? — нетерпеливо махнул рукой Табасх. — Пускай поспит себе крепко, как младенец. А то его нудный голос мне, право, уже сильно поднадоел.

— Так он всего лишь спит? — недоверчиво уточнила Карела.

— Всего лишь спит, — подтвердил Табасх.

Он откровенно любовался девушкой. Он вообще любил резвых и грациозных женщин, но из этой жизни просто была ключом, и сам не заметил Табасх, как восхищенная улыбка перестала сходиться с его губ.

— Ну что ты улыбаешься? — недовольно нахмурилась Карела, бросая взгляд вниз, на свою одежду. Но там все

было в порядке, и она уже раздраженно воззрилась на юношу: — Так в чем дело, Табасх?

— Да ни в чем, — пробормотал он, едва заставив себя отвести взгляд от разрумянившихся щечек и рыжеватых прядей. Мысли принялись цепляться одна за другую, и вот уже недавно виденная им сцена насилия, печально закончившаяся для Мусто и Бриана, припомнилась Табасху ясно и красочно... И противная щекотка, от которой хотелось чесаться, уподобившись блошиной обезьяне, разом охватила тело Табасха.

Он в ужасе метнулся к дальней стене, пытаясь выйти из полосы света. Чесотка не прекращалась. Скорчившись на полу, Табасх закрыл глаза, заткнул уши, стараясь забыться, вытеснить из памяти и из воспаленного мозга все то, что так некстати могло ему помешать.

— Что с тобой? — легкая ладонь тронула его за плечо.

— Ничего, — только и смог выдавить из себя Табасх, по-прежнему не открывая глаз и настойчиво убеждая себя, что к нему прикасается не восхитительная молодая женщина, а старая сморщенная карга, чудом сохранившая такой нежный, такой волнующий голосок.

— О, Иштар! — выкрикнула вдруг Карела, и Табасх услышал, как девушка отскочила от него, да так стремительно, что мелкие камешки, отскочившие из-под ее сапожек, больно царапнули голые ноги Табасха. — Прекрати сейчас же, или...

Табасх был бы рад прекратить. На худой конец, он был бы согласен на «или». Чтобы закончить со всей этой мукой раз и навсегда, он, пожалуй решился бы свести счеты с жизнью. Тем более, если разгневанная и перепуганная красавица поспособствует ему в этом... Ради этого Табасх смог бы даже пригасить свою магическую защиту ровно настолько, чтобы стальной клинок смог беспрепятственно войти в его сердце. Так он и сделал бы, и немедленно, если бы не существовало шанса обрести, наконец, покой, оставшись к тому же в живых.

Почувствовав, наконец, что ему удалось обуздать мох-

нача, Табасх открыл глаза и отер ладонью потное лицо. Поискав глазами Карелу, он увидел ее около костра. Табасх ожидал, что девушка будет ждать дальнейших событий если и не с кинжалом в руке, то по крайней мере с ладонью на его рукоятке. Однако Карела сидела, подтянув колени к подбородку и обняв себя за ноги, и смотрела на Табасха заинтересованно и грустно.

— Почему?... — проговорил Табасх, но дыхание его сбилось, и он закашлялся.

— Почему что? — ровным голосом спросила Карела.

— Ты не убежала, не отошла подальше, и даже... даже не готова защититься. А если бы я не смог справиться с этим?

Карела немного покраснела:

— Я увидела, как ты хотел справиться. Я решила, что это подвластно тебе.

— Я же уже говорил, что почти нет, — сокрушенно сказал Табасх. — Наверное, мне стоит быть очень осторожным до тех пор, пока я не попаду в храм Деркэто и не сброшу с себя заклятье. Я бы не хотел подвергать тебя опасности.

«...До тех пор, пока не перестану в тебе нуждаться!» Этих слов Табасх не произнес. Он скорее откусил бы себе язык. Скажи он об этом, и любопытная Карела шаг за шагом вытащила бы из него все объяснения до одного. И тогда, как справедливо заметил заносчивый офирец, Карела умчалась бы без оглядки. И возжеленное избавление было бы отложено на совершенно неопределенный срок... Досточтимый Эльрис, когда говорил об этом, строил только догадки и брызгал слюной исключительно с досады и в жгучей своей обиде. Ни сам Эльрис, ни тем более Карела даже не подозревали, до какой степени офирец был прав в своих предсказаниях, полных злобы и желчи.

— Ну спасибо, что предупредил, — пожала плечами Карела. — Я постараюсь не вводить тебя в искушение и теперь буду отходить от тебя подальше, когда мне нужно будет поправить сползшую с плеч ткань.

Табасх видел, что девушка немного раздражена. Никогда, видимо, не задумывалась она о том, какое впечатление производит она на мужчин, потому что не встречалось прежде на ее пути такое всеми проклятое существо, как Табасх.

— Значит... Значит, вы с сестрой оба искали это место?

— Да. Я сбежал из дома сразу же после смерти матери, — отозвался Табасх, радуясь случаю переключиться на воспоминания, которые хоть и мучали, но не ставили под угрозу все дальнейшие планы демона-полукровки, как это делали его вольные грезы. — Я четыре года бродил по свету...

— Совсем один?

— Некоторые пытались показать мне всю легкомысленность и опасность таких странствий для подростка, — угрюмо усмехнулся Табасх.

— И что с ними случилось? — поинтересовалась Карела.

— А это кому как повезло. Или не повезло, — нехотя ответил Табасх. Карела все чаще и чаще демонстрировала ему, что причуды и фокусы чародея не коробят и не страшат ее. Но у него не было желания еще раз проверять это и вести страшные рассказы.

— Почему же ты так долго бродил где-то, а сюда попал только тогда, когда здесь оказалась и твоя сестра? Почему не пошел сразу сюда?

— Михар имела почти точный план. У меня были только рассказы матери и слухи, которые я наскреб по разным закоулкам, — лениво засмеялся Табасх. — Все всегда складывалось для меня неудачно, поэтому и сюда я прибыл несколькими часами позже Михар.

— Ну, на неудачника ты, положим, не очень похож, — уверенно сказала Карела. — Чего не скажешь о моем ретивом телохранителе.

Девушка с презрительной гримаской оглядела Эльриса, который храпел между тюками, время от времени аппетитно причмокивая.

Табасх немного помялся, но все-таки заметил:

— Зря ты дразнишь его. Такие люди, если их дразнить,

свое родовое достоинство перекачивают в ненависть, а правила хорошего тона до капли переплавляют в жажду мести. И вместо благородного дворянина может объявиться самый натуральный разбойник.

— Ну, может быть, ты и прав, — усмехнулась Карела. — Но поверь мне, Табасх, иметь дело с разбойником мне будет много проще, чем с изысканным спесивым мужчиной. На каком языке разговаривать с разбойниками, я представляю! — добавила девушка, и зеленое пламя, вспыхнувшее в глазах ее, подтвердило, что слова ее справедливы. Не уточнялось, правда, хватит ли силенок, чтобы добавить их в случае чего к представлениям прекрасной воительницы, но Табасх предпочел не вдаваться в такие детали, чтобы не сделать девушку своим врагом.

Он должен будет войти под каменный свод храма рука об руку с прекрасной женщиной. А поскольку не исключалось, что за ближайшей, кроме Карелы, прекрасной женщиной идти пришлось бы не один день, следовало не спугнуть подарок судьбы, которая обычно была не очень-то щедра к несчастному чародею. Он был очарован Карелой и сразу же понял, что никакая другая женщина не подойдет так идеально для свершения его заветной мечты.

— Кстати, а чего хочет от тебя твоя сестра? — поинтересовалась Карела.

Табасх почувствовал облегчение от того, что Карела спросила его вначале именно об этом. Чем дольше девушку не заинтересует вопрос, а чем именно она, Карела, может помочь Табасху, тем больше у него шансов вовлечь красавицу в свое предприятие.

— Разве я не говорил? — удивился Табасх. — Михар хочет стать земным воплощением самой Деркэто, а без меня у нее это не получится.

— Разве ты способен превратить обычную женщину в неотразимое существо и предмет вожделений? — недоверчиво фыркнула Карела.

— Я — нет. Но моя кровь — да, — выговорил Табасх, с трудом скрывая, какой трепет охватил его при одной

мысли о том, что ждет его, если... Впрочем, стоит ли опасаться Михар настолько? Пока не услышит Табасх, как рядом звучит его имя, сестричка может до потери сознания любоваться в зеркало своей плоской желтой грудью и мохнатыми бровями.

— Что же она не наняла никого прирезать тебя во сне? — засмеялась Карела. — Она не настолько сообразительна?

— Нет, она умна. Настолько, насколько может быть умна женщина, одержимая страстью избавиться от собственной неполноценности. Но ей нужна не кровь Табасха, а кровь демона-мохнача. И не добытая по случаю, а пролившаяся на каменный пол храма мести из-под клинка Деркэто. Каменный исполин, жертва своего бездушия и недалекого ума, неминуемо отсечет мохначу голову, как только в его руки ляжет сабля Деркэто.

Карела нахмурила хорошенький чистый лобик:

— Для этого не надо слишком многого: мохнач должен стоять перед ним. А сабля Деркэто?

— Она лежит у каменных ног. Едва она коснется рук изваяния, камень оживет. Но никто из людей не может взять ее в руки и передать ее каменному исполину. Тронувший саблю человек умрет в муках. Только я могу взять ее и передать ее кому угодно.

— Так не делай этого! — вскричала Карела.

— Так и не делаю! — усмехнулся Табасх. — Не делаю, потому что пока не услышал свое второе имя. А лишь только услышу — обращусь в мохнача, забуду обо всем, даже о своей мечте и о своих страхах и побегу в храм, возьму саблю и сам передам ее в руки своему палачу. Один взмах — и... Михар останется лишь подставить чашу и глотнуть моей крови.

— Я поняла. Только как-то это все запутано!.. — вздохнула девушка.

— Есть немного, — согласился Табасх. — Но это потому лишь, что Деркэто — слишком изощренная сущность. Да к тому же не одно заклятье может свершиться

в храме. Если я попаду туда в своем человеческом облике и передам саблю...

Табасх в ужасе прикусил язык. Да что это с ним сегодня такое. Улыбчивый колдун, так располагающий к себе, не был ни наивным, ни простодушным. Ему было, конечно, за что похвалить себя, но Табасх знал, что для своей цели он готов поступиться многим и взойти к ней по чьим угодно костям. Почему же он уже в который раз едва сдерживается, чтобы не выдать своих истинных намерений? Да, девушка, несомненно, не только красива, но и горда, энергична, очаровательно упряма и норовиста, но... Это, к сожалению, не причина, чтобы ради нее забыть о себе.

— Что-что? — произнесла Карела.

— Чуть после, — отозвался Табасх. — И не здесь. Пойдем-ка на воздух.

Он схватил ее за руку, рывком поднял на ноги и потянул к выходу из грота.

— А Эльрис? — слабо сопротивляясь Табасху и оглядываясь на офирца, пробормотала Карела. — Эльрис проснется?

— Куда он денется? — проворчал Табасх. Судьба высокородного Эльриса волновала его куда меньше, чем судьба чайки по имени Ганда, чей крик все еще чудился Табасху в рассветном небе над горами северо-восточного Кофа.

Глава 4

Я не надеюсь на то, что кому-нибудь, например, тебе удастся осилить моего брата. Обычному человеку никогда с ним не справиться. Тебе так даже и пытаться не стоит... Но нам нужно знать не только где он, но и с кем он. Я думаю, что он сейчас там в гроте не один, поэтому хорошо бы присмотреться к их убежищу. И скорее! Скорее! Как мне не хочется ждать! Поскорее бы добраться до него!

Михар раскинулась на мягком войлоке рядом с Брианом и мяукала, почти как Фипон. Небольшой костерок, разведенный ею в углу обширной каменной пещеры, давал ровно столько тепла, сколько хватало, чтобы согреть два обнаженных тела.

Настроение у стигийки было лучше некуда, и поэтому хоть она и разговаривала с немедийцем повелительным тоном, в ее голосе уже слышалась не угроза, а снисходительность. Приподнявшись, она одобрительно взглянула на свой неутомимый и такой послушный трофей. Бриан, поймав ее взгляд, судорожно сжался и немедленно вскочил на ноги.

— Ну-ну, побегай, побегай, а то снова замерзнешь, — усмехнулась Михар. — Так и быть, я поищу тебе накидку.

Ей нравилось, что сильный молодой мужчина трепещет, как былинка, от одного ее взгляда. Да и немного найдется женщин, которым такое не понравится.

— Ты к тому же еще и голоден, не так ли? — спросила Михар.

Бриан кивнул.

Запасы продовольствия у Михар были невелики. Но стоило ли морить немедийца голодом?

Подумав, Михар пододвинула к нему серебряное блюдо с лепешкой и сушеным мясом.

Сначала с опаской, а потом все быстрее и быстрее, Бриан принялся поглощать пищу. Он так старался ничем не прогневать стигийку, но никак не мог удержаться от утробных чавкающих звуков. Эти звуки наполнили пещерку, и Михар не смогла удержаться от довольной улыбки: инстинкты немедийца не смог приглушить даже страх. А это не так уж и плохо. Мужчины, подобные Бриану, умеют верно распоряжаться своей неиссякаемой жаждой жизни. Особо не задумываясь и не напрягаясь, Бриан сможет верно рассудить, как именно ему лучше поступить, чтобы уцелеть.

Судя по тому, как быстро немедиец справлялся с мясом, голоден он был зверски. И хотя силы в его мощном теле пока еще не угасли, этот жалкий кусочек вряд ли насытит Бриана. Наблюдая за ним, Михар подумала о том, что кормить до отвала эту внушительную гору мышц будет крайне обременительно. В идеале было бы неплохо, чтобы ее помощник сам добывал себе пропитание. Но это в идеале. Как бы ни заводило Михар нетерпение, она понимала, что пока Бриан зависит от нее, и до поры до времени придется его не только кормить. Михар придется позаботиться по-хозяйски о своем имуществе.

Имущество того стоило, поскольку оказалось на редкость работоспособным. И хотя многого требовать от перепуганного солдата пока было бессмысленно, Михар надеялась, что он немного придет в себя и вполне может сгодиться еще кое на что, кроме плотских утех. В последнем, кстати, Бриан оказался довольно сведущ, и Михар решила учесть это, как весьма достойное внимания обстоятельство.

Однако, сильные мужские руки были ей нужны не только на ложе страсти. Оставалась еще и кое-какая грязная работа. Конечно, Михар предпочла бы, чтобы в

ее распоряжении оказался небольшой отряд сильных, послушных и желательно бесстрашных до безрассудства воинов. Хотя, конечно, на всей земле, возможно, не сыскать ни одного человека, даже среди мощных и опытных вояк, который не дрогнул бы, столкнувшись с выкрутасами Табасха. А если и есть такой, возможно, он еще в колыбели. Как бы то ни было, на его поиски может уйти вся жизнь. Поэтому придется брать Табасха не мощью и не числом, а по возможности хитростью, да еще надеясь на благоприятный случай. Жаль будет, если для этого придется пожертвовать таким превосходным экземпляром, как Бриан. Имуществом своим Михар дорожила всегда.

Немедиец почти молниеносно умял мясо. У него не достало смелости объявить о скудности пайка, и он с тоскливой обреченностью принялся пожирать глазами свою госпожу. Он был достаточно сообразительным, чтобы понять, что так просто от него не отстанут, и он терялся теперь в догадках, какая же участь ему уготована.

В том, что Митра решил на некоторое время оставить своего грешного приверженца без особого внимания, стало для Бриана очевидным. Обидно, конечно, но положив руку на сердце, Бриан признавался, что удивляться этому не приходилось: не утруждал себя молодой повеса соблюдением строгих догматов. Однако немедиец по-прежнему повторял про себя свои клятвы, надеясь на снисходительность солнцеликого.

Потянувшись к своим вещам, Михар принялась копаться в тюках, разыскивая какую-нибудь тряпицу побольше, чтобы мужчина мог хоть чем-нибудь прикрыться от холода. Глупо было бы выпускать его из храма с важным поручением, не позаботившись о нем после его такой добросовестной работы. Для того, чтобы он безропотно послушался ее, вовсе необязательно мучить его холодом... Да, все-таки Михар была заботливой хозяйкой.

— У меня есть поручение для тебя, Бриан, — произнесла она, поворачиваясь к немедийцу с куском пестрой тонкой шерстяной материи в руках.

Бриан попытался придать своему лицу покорное вы-

ражение, но страх все равно так и просачивался наружу. Уже сам тон голоса стигийки подсказал ему, что его ожидает. Поэтому мученическая гримаса появилась на его лице в ответ на слова Михар.

Она едва удержалась от презрительной улыбки:

— Да, Бриан, ты не ошибся. Поручение довольно хлопотное и опасное. Ты должен будешь отыскать моего брата.

— О моя госпожа! — Бриан задохнулся от ужаса. — Смилуйся! Разве... Разве я был неловок или груб с тобой, моя госпожа?!

На глаза немедийца навернулись слезы. Слез на глазах человека, который если и плакал в своей жизни, то уже давно забыл, когда, могли разжалобить бездушный камень. Но разжалобить Михар могло одно-единственное существо — ее любимец Фипон, да и то только когда его кусали клещи, трепали коты-соперники или приключалась другая какая беда.

— Успокойся! — нахмурилась Михар. — Я тобой довольна. Но тебе придется сделать то, что я велю!

Немедиец схватился за голову и смотрел на свою госпожу, точно уже в ней он видел лохматое чудовище.

— О, моя госпожа! Я умоляю! Это ужасное чудовище! — Бриан упал на колени.

— Помолчи! — повысила голос Михар.

Она встала с войлока и медленно оделась. Слыша за своей спиной сдавленное ужасом дыхание Бриана, она размышляла, не попытается ли ее имущество сбежать тотчас же после того, как скроется с ее глаз. Это было бы довольно смело с его стороны, но вряд ли благоразумно. Конечно, она знает способы, как проследить за человеком, давая к тому же знать ему о постоянном своем присутствии, но это было слишком долгое и сложное занятие, всегда отнимавшее у нее почти все силы, поэтому она решила, что просто запугать Бриана до смерти будет легче, быстрее и вряд ли менее действенно.

Михар повернулась к немедийцу.

— Подойди ко мне, Бриан!

Он встал на ноги и приблизился, дрожа и бледнея. Развернув пеструю ткань, Михар принялась закутывать Бриана, делая это довольно ловко. Ткани было много, и умелые руки Михар хорошо знали подобную работу.

Через некоторое время немедиец стал напоминать новоиспеченного жреца-пилигрима, уже решившего отказаться от излишеств и роскоши, но еще не успевшего извести в лишениях и странствиях свою крепкую литую плоть. Михар с удовольствием оглядела свое произведение. Приятно, когда даже в мелочах все получается.

— Слушай меня внимательно, — строго сказала Михар, сдвинув брови. — Слушай и запоминай! Сейчас ты пойдешь туда, где встретился с моим братом Табасхом в первый раз...

— Госпожа Михар! — прошептал немедиец. — Умоляю!

— И слушать даже не желаю! — оборвала его стигийка негромко, но попыталась подлечь в свой голос столько льда, сколько нужно, чтобы у мужчины язык примерз к гортани. — Ты пойдешь туда, Бриан, пойдешь в тот самый грот... Не дрожи до времени, возможно, что Табасха там уже нет. Он ведь пришел сюда не затем, чтобы отлеживать себе бока у костра... Осторожно проверь, а вдруг он там, и нет ли с ним той девицы, о которой ты мне говорил... Кстати, Бриан, она красива?

От невинного на первый взгляд вопроса немедиец окаменел. По своему собственному богатому опыту Бриан знал, что если наедине с трактирной шлюхой похвалить прелести да умения той другой, с которой был накануне, о приятной ночи можно даже и не мечтать. Самая уродливая женщина, даже если она сама о себе невысокого мнения, никогда не простит мужчине слов явного одобрения, сказанных в адрес другой, даже если она сама понимает, что та другая стократ привлекательней... Никогда не мог понять Бриан женщин. Но он знал, чего от них можно ждать. Поэтому-то он мучался от страха и молчал, выкатив глаза и совершенно не мигая.

— Я задала тебе вопрос, Бриан. И не слишком слож-

ный! — Михар повысила голос. — Неужели связная речь тебе уже не по силам? Так красива ли та девица?

В горле Бриана что-то булькнуло, и от едва разлепил губы:

— Я не знаю, госпожа. Это дело вкуса... Она еще девчонка, но... Все, кто знает ее, говорят, что боги были к ней щедры.

Сжалось сердце Михар от горькой досады. Знала она, с детства знала, что к ней боги щедры не были. Дав ей талант освоить силу магического искусства, они решили, видимо, что этого достаточно.

Если рассуждать хладнокровно, то боги были не так уж и неправы. Добиться своего вполне можно было и теми средствами, которые Михар были уже доступны. Ведь приручила же она смазливового немедийца. Да так приручила, что у того и сердце из пяток не поднимается... Почему бы и с остальными не поступить так же? Это было бы разумно.

Но на то Михар и женщина, чтобы, во-первых, не мириться со скудными дарами всемогущих, а во-вторых, не внимать доводам разума. И то, сказать по правде, даже те женщины, слава о которых гремит по свету, становятся известны благодаря множеству качеств, среди которых крайне редко можно встретить холодное благоразумие. Мужчины почему-то бывают этим неприятно поражены каждый раз, как вновь, хотя два этих качества они обнаруживают в женщинах от сотворения мира. Чему удивляются?

Женщинам не только хочется странных подчас вещей, но и добиться их женщины обычно пытаются отнюдь не самым простым и доступным, а самым изощренным, но милым их сердцу способом. Мужчинам тоже важно, как добиться цели, но для них больше подходит путь напролом, как самый кратчайший.

Михар знала свой кратчайший путь. Постоянно прибегая к магии, используя которую с умом, можно подчинить себе кого угодно, Михар давно уже удалось бы окружить себя целой свитой безупречных во всех отно-

нениях слуг, помощников и страстных любовников, которые грызлись бы за право взойти на ложе своей всемогущей и неумолимой госпожи или хотя бы преклонить колени у ее ног... Но Михар хотела достичь всего этого, обрета милость Деркэто и воспользовавшись теми невероятными сладостными возможностями, которые будут ей дарованы, чтобы жертвы ее попадались к ней в руки по доброй воле, будучи не в силах противостоять ее женской силе. Она хотела соблазнять и карать силой божественной красоты и неземной прелести. Только так и никак иначе. К тому же она знала способ, как это сделать.

Поэтому, досада и горечь, пробужденная словами немедийца, быстро улетучились. Подумав немного, Михар снова заговорила:

— Что ж, то, что она красива, может несколько облегчить нам задачу. Табасх, возможно, уже решил воспользоваться для своих целей именно ею, этой самой девицей. А это значит, он не уйдет никуда из Серого ущелья, потому что ему ни к чему больше пускаться на поиски. Да! — Михар вдруг очень оживилась. — Тут есть еще одна очень интересная возможность для нас! Табасх, насколько я его знаю, всегда таял перед красотой! Так было, даже когда он был ребенком. А значит, он мог расслабиться да и рассказать ей многое. Имя свое он, конечно, не назвал, но мог намекнуть. А значит, даже лучше, чем Табасх, нам нужна эта девица.

Михар взглянула на Бриана, который покорно хлопал глазами и, видимо, добросовестно пытался вникнуть в размышления стигийки. От планов этой бледнокожей когтистой женщины зависела его жизнь. Он был беспомощен, совершенно беспомощен перед нею. Слушать и подчиняться — это все, что ему оставалось.

— Да, Бриан. Она нам нужна. Во-первых, она может нам рассказать много интересного, во-вторых, Табасх непременно примчится вслед за нею, даже если он собирался повременить с нашим свиданием. Поэтому ты, Бриан, пойдешь и доставишь мне ее любой ценой.

— Но госпожа! То чудовище, лохматое и вонючее... — снова взмолился Бриан о своем. — Оно же свернет мне шею, так же точно, как и старику Мусто!

— Ну это вовсе не обязательно, — фыркнула Михар. — Табасх иногда бывает на редкость жалостливым... Но поверь мне, если что-то дурное с тобой все же случится, я буду очень огорчена! А если ты возьмешься вдруг упорствовать и посмеешь мне не подчиниться...

— Мяс! — раздалось снизу.

Проснувшийся Фипон терся о ноги хозяйки. Проходя с дымчатым хвостом потому так был мил сердцу Михар, что ей всегда казалось, будто кот не то понимает, не то чувствует все, что говорит и делает Михар. Вот и сейчас он наверняка сообразил, что хозяйка угрожает ненавистному человеку, и решил напомнить о том, что может по мере сил принять участие в экзекуции.

Бриан, похоже, подумал о том же, потому что отпрянул в сторону, и кот грозно зашипел на него, выгнув спину.

— Нет, мой милый Фипон, — усмехнулась Михар, — Я знаю, ты не потерял надежды отведать любимого мяса, но извини, если этот болван вздумает со мной спорить, я сделаю с ним нечто совсем другое...

Бриан снова рухнул на колени. Похоже, что он был уже готов на все, лишь бы отвести от себя гнев.

— Если ты и дальше будешь со мной препираться, то ты возмечтаешь оказаться в зубах Фипона, — ровным голосом пообещала Михар. — Потому что если ты думаешь, что превратить тебя в какую-либо тварь — это предел моих способностей, то ты ошибаешься. Я знаю, как поступить с человеком, чтобы он пожалел о том, что родился на свет. И я это сделаю с тобой. Подумай, Бриан. Сильных и красивых мужчин много ходит по свету, и мне нетрудно будет найти тебе замену. А вот лично у тебя жизнь всего одна. Не подталкивай же ее к концу!

Плечи немедийца бессильно опустились. Возражать и сопротивляться было бесполезно. Пытаться вырваться на свободу — бессмысленно. Что же ему оставалось? По-

слушно выполнять приказ стигийки. Вдруг да получится что-нибудь?

— Ты хоть справишься с девчонкой в одиночку? — немного насмешливо уточнила Михар. — Вы же ее тогда вдвоем не одолели.

— Я справлюсь, моя госпожа! — промямлил Бриан.

— Уж постарайся, — фыркнула Михар. — Впрочем, выбора у тебя нет. И учти, каждый твой шаг будет мне доподлинно известен! Ступай!

Бриан поклонился и пошел туда, где из расщелины, ведущей из горного храма наружу, пробивался дневной свет.

— Он будет стараться, — задумчиво кивнула Михар, усаживаясь на подстилку и беря на руки Фипона. — Посмотрим, что у него получится. Если же Табасх свернет ему шею, нам придется придумывать что-нибудь еще.

* * *

Бриан остановился, поправил накидку, спадающую с плеча, и со вздохом присел на камень. Тонкая ткань странной расцветки не спасала, однако Бриан все-таки чувствовал себя немного лучше, чем в храме пред очами грозной стигийки.

Было, конечно, холодно. С тоской вспоминал Бриан свою отличнейшую куртку, теплые штаны и крепкие сапоги, которых он недавно лишился. Разве простой тряпки достаточно? Правда, Бриан предпочел бы снова оказаться голышом, но не здесь, а где-нибудь поблизости от оставленного прииска.

Ноги немедийца просто заledenели. Босые ступни приобрели синий оттенок, из разрезанных острыми камнями подошв кое-где местами сочилась кровь.

Нет, не доводит до добра размеренная жизнь в благополучном гарнизоне в небедной стране! Как босиком-то ходить, и то позабыл.

Морщась и пыхтя, Бриан огляделся. Грот, к которому он держал путь, был уже близко, за поворотом широкой горной тропки, опоясывающей высокую скалу. Стоило все-

го лишь встать и сделать полсотни шагов. Никогда Бриан не думал о себе, как о трусе. Да и теперь он скорее жалел себя, чем презирал. Прежде, чем сделать последний рывок к тому месту, куда послала его таинственная и неумолимая госпожа, Бриан готов был посидеть и поразмыслить хорошенько над своей несчастной судьбой.

Очень уж не хотелось Бриану мириться со своей новой ролью невольника. Вроде бы и без цепей и колодок, но слова и жесты стигийки потяжелее всяких колодок, да их к тому же и не скинешь! Колдунья обещала ему, что будет за ним следить. Не представлял Бриан, как она собиралась это делать. Может быть, обратилась она вот в эту зеленую навозную муху, что кружит сейчас перед носом Бриана? Взять, что ли, попробовать поймать да задавить?.. «Я схожу с ума!» — понял Бриан. Конечно же, мухи тут совсем ни при чем, но немедиец, тем не менее, прямо-таки спиной чувствовал нависшую над ним угрозу неудержимой жестокой женщины. Не было у бедняги повода сомневаться в реальности угроз, да и только полнейший дурак решил бы попробовать послушаться, чтобы проверить серьезность намерений чародейки.

Едва только покинув грот и оставшись один, Бриан поначалу даже любые мысли гнал от себя, пока ему казалось, что стигийка может с легкостью их прочитать. Но постепенно, уходя все дальше и дальше от горного храма, Бриан осмелел. Если говорить о смелости в его положении вообще имело смысл. Но по крайней мере, он мнил, что мысли его в безопасности. Мало-помалу, он стал роптать и хотя бы в размышлениях своих искать пути избавления.

В том, что Михар — могущественная колдунья, он не сомневался, но ужасное косматое существо, внезапно напавшее на него и Мусто, казалось Бриану непобедимым и всесильным демоном, с которым слабой женщине бороться не след, даже если она иногда умудряется замутить воду в ритуальной чаше... Никто не убедил бы Бриана в обратном, и поэтому немедиец не видел способа выйти невредимым из грота, случись ему туда войти.

Будь его воля, он сразу же удрал бы из Кофских гор и вернулся бы поскорее назад, в Офир. Да и, пожалуй, выполнил бы все те обеты, которые дал сгоряча пресветлому Митре. В конце концов, сменить жизнь вольную и разгульную на чинную и спокойную означает всего лишь сменить жизнь на жизнь. А находиться во власти Михар в любом случае означает сменить жизнь на смерть. И попытка побега тоже грозит смертью. Вот так влип!

В бессильной злобе Бриан ударил кулаком по шершавой поверхности камня и взвыл, теперь уже от боли.

— Вот влип! — с досадой произнес он самому себе еще раз.

Не было на памяти Бриана таких случаев, когда бы ему приходилось так много и бесплодно размышлять. Размышления не входили в число его любимых способов убивать время. Он привык спать, когда уставал, есть, когда бывал голоден, любить женщин, когда они ему нравились. И не желал рассматривать ситуации, в которых он был бы вынужден поступать против своих желаний.

А что получалось? Он был голоден, но пришлось довольствоваться жалкими крохами. Он устал и замерз, но не улегся спокойно в тепле, а бредет по холодным камням, разбивая в кровь ноги и кутаясь в тонкий лоскут. Он хотел немного позабавиться со смазливой девчонкой, а вместо этого два часа кряду ублажал сухую смуглую женщину, в чью сторону никогда даже и не взглянул бы по собственной воле. Да как же это так?! За что? Почему?

Но надежда еще теплилась в нем. Бриан решил не опускать руки, и пока выхода не было видно, он решил хоть как-то создать видимость полного подчинения Михар.

Он храбрился, пытался вытеснить из памяти то, как он только что изображал из себя страстного поклонника в то время, как ему хотелось ослепнуть и не видеть жадно горящих темных глаз ненасытной женщины... Но он помнил свой страх. Страх жил в нем, как ни в чем не бывало, и никуда уходить даже не собирался.

— О, Митра! Пусть ты оставил меня и обошел своими милостями, знай, что делаю я все это не по доброй воле, а по наущению вероломной стигийской ведьмы! — взмолился Бриан.

Но боги имеют обыкновение молчать в беседе с теми, кто не умеет их слушать. Поэтому ни слова не услышал Бриан в ответ. Выбираться из кошмара ему предстояло самому.

Немедиец встал и с горечью подумал о том, как потешались бы над ним его дружки, если бы увидели его таким: жалким, перепуганным, замотанным в нелепую пеструю тряпку, да еще идущим выполнять поручение женщины, играющей им, как кошка мышкой. Позору не оберешься! Бриан сплюнул со злостью и побрел вперед.

Завернув за скалу, Бриан притаился на краю расщелины совсем недалеко от входа в грот. Внимательно прислушавшись, он не уловил ни одного звука. Возможно ли было, что оба: и чудовище, и дочка Клоруса — находятся внутри и молчат? Или спят среди бела дня? Да скорее всего, чудовище уже полакомилось мягким упругим телом девушки и спокойно отдыхает в ожидании очередного простака, который забредет на огонек.

С опаской, не сводя глаз с отверстия в скале, Бриан несколькими неловкими прыжками пересек тропу и перегнулся через каменный парапет, построенный на горной тропе самой природой.

С удивлением увидел он четверых лошадей, спокойно стоящих на привязи у невысокой сосны, и следы костра, который разводили они с Мусто после того, как стали лагерем на ночевку.

Не было ни вещей, ни оружия. Не было не только девчонки Клоруса, но нигде не видно было также и трупа высокородного офира, которого Бриан прирезал прошлой ночью и успел даже раздеть в надежде забрать доспехи и богатую одежду господина Эльриса.

Только лошади и следы костра.

— Ну и ну, — присвистнул Бриан. — Если кони здесь, значит, и девчонка здесь. Вот только где же именно она

прячется, проклятая?! Не стала бы она пускаться в путь на своих двоих ни днем, ни ночью. Не привыкли ее нежные ножки лазать по горным дорогам пешком... Как и мои тоже, прах их побери! Да и тело Эльриса... Куда оно делось? Не могла же девица забрать его с собой. Не то это сокровище...

Размышляя вслух, немедиец пытался побороть растерянность и немного встряхнуться. Ему хотелось решить задачу, по возможности не приближаясь к гроту, и уж конечно, не входя туда. Вот если бы девица вышла вдруг навстречу ему, одна, без оружия... Вот это была бы не просто удача, а добрый знак прощения, посланный Митрой!

Но никто не выходил из грота и не входил туда. Бриан помедлил немного и, помня о грозном предупреждении Михар, наскоро помолился об успехе своего предприятия и шагнул к входу в грот.

По мере того, как он продвигался по расширяющемуся проходу, весьма понятная оторопь овладевала им. До конца своих дней не сможет он забыть, что пришлось ему пережить, когда посреди довольно хлопотного занятия, сулившего множество удовольствия в конце, он оглянулся назад и увидел такое... Такое, что не всякому еще и приснится! До сих пор в ушах Бриана стоял хруст шейных позвонков Мусто. О нет, ни в коем случае Бриан не питал никакой привязанности к старому солдату, как впрочем и ни к кому на свете, но видеть и слышать такое, понимая, что следующая очередь будет твоя!

Ноги Бриана стали совсем непослушными. Если бы он не переставал помнить строгий наказ своей госпожи, он уже давно повернул бы назад. Но покуда немедиец не мог решить, какой из двух его страхов страшнее.

У последнего выступа, заслоняющего его от входа в грот, Бриан остановился и вгляделся в пространство пещеры.

Очаг теплился все на том же месте, слабо освещая грот, и войлок был все так же расстелен рядом. Только... Бриан с удивлением узнал те самые мешки с вещами,

которые они везли на своих лошадях из самого гарнизона. Кто-то приволок их сюда все до одного и не швырнул, как попало, а аккуратно расставил.

Тут послышалось негромкое ворчание и между мешками что-то слегка зашевелилось. Пот прошиб Бриана, а глаза его отказались вдруг различать что-либо. Да скажи ему кто-нибудь раньше, что он будет так отчаянно трусить, плохо бы пришлось тому пророку. Бриан был известен своей бесшабашной храбростью. Но одно дело — кровопролитное солдатское ремесло, и совсем другое — попробовать выжить, попав между двух огней, оказавшись между двумя ненавидящими друг друга чародеями.

Однако кое-что было очевидным: прямо посреди мешков кто-то спал, вздыхая и бормоча что-то во сне.

«Чудовище!» — мелькнула мысль в голове Бриана, и он принялся пристально изучать грот. Девушки нигде не было. «Он уже сожрал дочку Клоруса. Это точно. Если я его разбужу, он закусит и мной тоже... Нет уж, если Михар хочет повидать братца, пускай идет сюда сама!» — решил Бриан, и уже хотел опрометью броситься назад. Но что-то вдруг удержало его.

То, что спало среди мешков, неожиданно зашевелилось и медленно село, трясая головой... Бриан всмотрелся и в ужасе присел, вжимаясь в холодную скалу. «Эльрис!.. Нергал его заberi!» — едва шевеля мозгами, подумал Бриан. — «Неужели и этот еще явился из преисподней по мою несчастную душу?! Ну нет, это уже совершенно никуда не годится! Можно подумать, что нет никого на этом свете сквернее и грешнее бедняги Бриана!»

— Карела?.. — раздался из грота сбивчивый удивленный голос.

Никто не собирался отзываться на зов Эльриса. Больше в гроте не было ни одной живой души. Ероша себе волосы и отряхиваясь от пыли, дворянин все еще приходил в себя после на редкость крепкого и безмятежного сна.

«О боги, неужели он жив?!» — Бриан перевел дыхание, и вдруг ему стало смешно. Ну, конечно же, офирец жив. Стал бы Нергал уделять внимание его, Бриана, скромной

персоне, как же! Да и благочестивый дворянин вряд ли мог бы быть его посланцем, потому что не угодил бы Эльрис после смерти в такое явно им не заслуженное гиблое место. Не иначе как дрогнула рука немедийца в тот момент, когда девчонка, удирая от Мусто, принялась взывать к Эльрису... А в таком случае никогда не поздно доделать то, в чем недавно дал маху.

Подобравшись, Бриан выскочил из своего укрытия и в два прыжка добрался до сладко зевающего офирца. Тот успел заметить метнувшийся к нему из темноты пестрый силуэт и успел выставить руки. Сцепившись, противники свалились между тюков, барахтаясь там и пытаясь дотянуться каждый до глотки своего врага.

Разглядев нависшего над ним Бриана, Эльрис вытаращил глаза и разразился такими сочными проклятиями, какие не очень-то приличествовали высокородию офирца. Бриан не остался в долгу. Переругиваясь, они отчаянно боролись, и каждый стремился поскорее одолеть противника. Но оба они были сильны и молоды, и не вчера стали служивыми людьми, поэтому судьба никак не могла выбрать, кому из них помочь.

— Ну, погоди, подонок! Доберусь я до тебя! — хрипел Эльрис, пытаясь высвободить руку и дотянуться до своего оружия. — Ты у меня узнаешь, дерьмо, как нападать исподтишка!

— Извини, высокородный! Нергал попутал! Больше не повторится! Впредь буду сразу глотку перерезать... — огрызнулся Бриан, пробуя улучшить мгновение и самому завладеть мечом Эльриса.

Эльрис оказался не то сильнее, не то ловчее, его руки вдруг железным кольцом сдавили шею Бриана. Обезумев от досады и злобы, Бриан сделал отчаянный рывок, пытаясь хотя бы слабеющими кулаками немного достать Эльриса. И когда после нескольких не слишком-то сильных толчков в грудь Эльрис вдруг застонал, ослабил тиски на шее Бриана и бессильно свалился на немедийца, Бриан несказанно удивился. Но, скинув в себя отяжелевшее тело и осмотревшись, Бриан увидел кровь на своих

руках и открывшуюся рану на груди офирца, из которой и сочилась свежая кровь.

— Ага, тот удар кинжалом был сделан не напрасно! — пробормотал Бриан и пнул ногой Эльриса.

Бриану не хотелось думать о том, чем кончилась бы их схватка, если бы Эльрис был здоров.

Недолго думая, Бриан стащил с Эльриса сапоги, потом вытряхнул офирца из превосходных почти новых штанов и с удовольствием облачился в них, скинув прочь ненавистную тряпку Михар. Куртка Эльриса была немного порвана и порезана, но Бриан все же натянул ее на себя за неимением лучшего. Ну а, надев и затянув на талии пояс с ножнами, в которых покоился очень даже неплохой по всем меркам меч дворянина, Бриан почувствовал себя почти отлично. Хуже дались Бриану сапоги. Хотя и пришлось они впору, израненные ноги даже в хороших сапогах разнылись сильнее. Правда, поразмыслив, Бриан решил, что возвращаться назад ему будет лучше обутому.

Пока он проделывал все это, раненый не шевелился, но к концу переодевания Бриана Эльрис начал понемногу подавать признаки жизни, и немедийцу пришлось подумать о дальнейших своих действиях.

Достойное применение пестрой шерстяной ткани он нашел почти сразу же. Довольно бесцеремонно ворочая раненого с боку на бок, он спеленал его пестрой тряпкой наподобие кокона. Эльрис, однако, начав приходить в себя, несколько раз напряг мускулы так, что немедийцу стало ясно: лоскута будет недостаточно. Вспомнив, где были уложены веревки в дорогу, Бриан бросился к тюку.

Убивать знатного офирца ему больше не хотелось. Ему поручили найти девчонку, а сделать это будет, возможно, не так-то просто без Эльриса. На худой конец, Михар будет иметь хоть кого-то в своем распоряжении, кто сможет выполнить эту задачу лучше Бриана. Сейчас после минут липкого страха, которые Бриан пережил на подступах к гроту, ему стало казаться, что он с удовольствием вернулся бы в постель госпожи, предоставив офир-

цу совершать подвиги и отбивать девушку у лохматого чудовища.

Бездыханное тело Эльриса было тщательно увязано наподобие выючного мешка. Когда офирец открыл глаза, он мог только вращать головой. Грубые веревки врезались в его тело: Бриан постарался, чтобы у Эльриса не осталось никакой надежды освободиться.

— Слушай ты, мерзавец! — задыхаясь от боли, пробормотал Эльрис. — Не особо радуйся, сюда должны вернуться...

— Я не боюсь женщин. Тем более таких, как госпожа Карела! Я буду рад увидеть ее снова! И не только увидеть! — ухмыльнулся Бриан.

С удивлением он заметил, что и губы Эльриса исказила вдруг издевательская усмешка, немного смазанная болью.

— Что веселишься, высокородный? — с раздражением спросил Бриан. — Извини уж, но мысли о помолвке с красавицей тебе придется оставить на некоторое время, пока ты не воссоединишься с любезной госпожой Карелой где-нибудь на дне ущелья.

— Кажется, такие планы не в первый раз приходят в твою дурную голову, Бриан! — пробормотал Эльрис. — Не думаю, чтобы и на этот раз тебе повезло. Учти, меня он почему-то терпит и не добивает, хотя это ему не стоило бы никаких усилий. Тебя же он раздавит, как муравья.

— Кто? — уточнил Бриан, копаясь в тюках в поисках бутылки с вином. После стольких волнений немедийцу хотелось глотнуть чего-нибудь покрепче родниковой воды. Наконец, он нашел, что искал, и извлек бутылку из мешка, потряхнул, убеждаясь в достаточном количестве содержимого, вытащил обернутую тряпицей пробку и припал к горлышку, жадно глотая.

— Как кто? — через силу усмехнулся Эльрис. — Табасх, стигийский демон.

Рука немедийца дрогнула, вино полилось на камни, а сам Бриан едва не поперхнулся последним глотком. Он едва не уронил драгоценную емкость, но все же взял себя

в руки и нашел в себе силы спокойно вернуть пробку на место и поставить бутылку в мешок.

— Демон? Табасх? Сюда?.. Зачем ему сюда возвращаться? За тобой?

— Почему же? За тобой... — съязвил Эльрис.

Бриан взгляделся в лицо офирца. На нем читалась и боль, и злоба, и горькая досада, но не только. Вместо страха, которого ожидал Бриан, Эльрис испытывал какое-то спокойное злорадство, словно он мнил себя под покровительством стигийского демона.

— Так! — Бриан вскочил на ноги. — Ждать здесь твоего демона я не буду. Мне нужна дочка Клоруса.

— Карела не так глупа, чтобы попасть тебе в руки, — заметил Эльрис. После всплеска гнева и отчаяния офирец был спокоен. Это бросалось в глаза и было подозрительным.

— Где твоя красотка? — Бриан снова пнул связанного Эльриса ногой.

— Она мне не докладывала, — с горечью сказал офирец. — Но учти, мерзавец, я тебя предупредил.

— А ты не переживай за меня, высокородный! Я не собираюсь сидеть здесь и ждать это чудовище.

С сожалением подумав о том, что нет возможности взять с собой кое-какие вещи и бутылки, Бриан взвалил Эльриса на спину и потащил прочь из грота, не обращая внимания на его ругань и протесты.

— Куда ты тащишь меня, недоносок?! — разъярился Эльрис после того, как оголенные плечи его несколько раз приложились к неровным острым краям скал. Вися на спине Бриана вниз головой, Эльрис делал отчаянные попытки сменить крайне невыгодное, неудобное и опасное для него положение.

— Потерпи, высокородный! Познакомлю тебя с одной любопытнейшей женщиной! В обиде не будешь. О Кареле своей враз и думать-то забудешь, уж поверь мне! — пообещал Бриан, а поскольку офирец продолжал извиваться и дергаться, Бриан приблизился к самой гряде скал и резко развернулся, так, что офирец крепко и

сильно ударился головой о твердую и корявую поверхность.

Болезненно протонав, Эльрис потерял сознание.

— Молчи, хороший мальчик, — усмехнулся Бриан, обхватил покрепче обмякшее тело за ноги и побрел обратной дорогой в горный храм. Путь ему предстоял неблизкий, сбитым ногам легче не становилось, поэтому Бриан стиснул зубы и молча продолжил свой путь. Пусть он сделал не совсем то, чего хотела от него госпожа, но все-таки такая добыча лучше, чем совсем ничего.

Бриан мало смотрел по сторонам, только чтобы не сбиться с дороги. Вверх голову он и вовсе не поднимал. Если бы он выкроил время и собрал сил на то, чтобы внимательно оглядеться, возможно, он заметил бы кое-что интересное. Но ему было не до того. А тем временем, сверху, с края плоского плато, на которое забраться можно было только едва заметными крутыми тропками, смотрели на него внимательные и хитрые темные глаза.

* * *

— Да что ты там нашел, Табасх?

Кареле уже прискучил великолепный вид, открывающийся с плоского участка скалистого плато, поросшего травой и кустарником. Она давно уже перестала любоваться этим видом и теперь следила за Табасхом, а он уже довольно долго лежал на животе у самого края и смотрел куда-то вниз, словно на безлюдной дороге он смог найти объект, достойный столь пристального изучения.

— Ничего особенного, — отозвался Табасх, выпрямляясь. — Так, крысы бегают. Одна тащила другую...

Карела молча пожала плечами. Порой ей начинало казаться, что Эльрис был прав. Возможно, многолетние скитания и противоборство с сестрой — если таковая имеется на самом деле — только способствовали тому, что... юноша повредился в уме. Видно, даже полу-демоны не гарантированы от душевных расстройств.

— Ладно, оставим крыс в покое, — заметил Табасх,

откидываясь на спину и устремляя взгляд ввысь. — Тебе действительно так уж не хочется в Замору?

Карела ожидала рассказа Табасха, а не его вопроса. Но вопрос был невинен, поэтому она спокойно отозвалась.

— Не знаю, что и сказать тебе. Я никогда там не была. Я нигде не была, кроме степей Офира. Может быть, везде есть что-нибудь стоящее. Но если кто-то непременно хочет, чтобы я отправилась в Шадизар, я отвечаю, что не хочу этого, и не собираюсь подчиняться.

— Даже если этот кто-то — твой отец? — удивился Табасх.

— Отец лучше других знал, что я такое. Удивляюсь даже, что его последняя воля была такой... Такой безжалостной и даже вздорной, — вздохнула девушка. — Иногда мне даже кажется, что кто-то нарочно выдумал все это, чтобы заточить меня в Шадизаре. Ну да ладно, это у них не пройдет. Зря Эльрис надеется, что ему удастся доставить меня на место.

— Странно, — задумчиво сказал Табасх. — Скольких женщин я видел, все, как одна, мечтали об удачном замужестве или, если уж замужество оказалось не очень удачным — об отличном любовнике.

— Я же хочу, чтобы никто не мешал мне понять, чего я хочу! — фыркнула Карела. — А уж когда пойму, никто не сможет помешать мне сделать это!

— Твои речи очень похожи на слова моей сестры, — угрюмо сказал Табасх.

Карела замолчала. Кажется, разговор их Табасху не понравился. Карела никогда не считала своим другом высокородного Эльриса, и поэтому с удовольствием могла немного поморочить и помучать его. Но она не хотела быть неискренней с человеком... который был ей симпатичен.

— Мне наплевать, на что похожи мои слова. Главное, чтобы они были похожи на мои мысли. Если же я почувствую, что в разговоре с тобой мне хочется что-то скрывать, я просто пошлю тебя подальше! — рассерди-

лась Карела. — Там в гроте уже спит один такой, которому надо слышать только то, что ему хочется!

— Я не хотел тебя разозлить, — поспешно сказал Табасх. Он по-прежнему смотрел в ясное небо, и только теперь его пальцы с силой вцепились в пучки травы. — Наверное, я непроходимый болван, если умудряюсь поссориться с женщиной, которая хочет мне помочь.

— Советую поумнеть, — мрачно сказала Карела. — Зачем вообще ты притащил меня сюда?

— Мне не очень нравится то место, мне не очень нравится то, что мне предстоит сделать, наконец, мне не нравится... — начал Табасх, но Карела решительно подняла руку:

— Вот что, Табасх. Может быть, у демонов так принято, но сейчас ты с людьми и хочешь стать таким же. Поэтому послушай человека и сделай выводы...

Табасх приподнялся и уставился на нее.

— Мне не нравятся долгие нудные разговоры с намеками, — заявила Карела. — Не скажу, чтобы у меня раньше было много учителей и мудрых собеседников, но, как я теперь понимаю, если бы они были, они замучали бы меня насмерть еще в детстве. Скажи мне прямо, что ты от меня хочешь.

Табасх поджал губы. Карела видела, что у юноши есть несомненная причина для таких проволочек, но дольше мириться с ней девушка не хотела. Поэтому, набравшись терпения для завершения объяснений, Карела серьезно добавила:

— Возможно, я не стану и пальцем шевелить для тебя, если ты захочешь слишком многого, но я обещаю, что любые слова сочту лишь словами, и если мы тотчас же расстанемся, то расстанемся друзьями.

— Я прошу тебя помочь найти храм мести Держэто и пойти туда вместе со мной, — произнес Табасх.

— И все? — подозрительно спросила Карела.

Табасх опустил глаза и ровно сказал:

— Этого будет достаточно...

— Для чего?

— Для того, чтобы я чувствовал себя уверенным.

И ради простой прогулки до горного храма городить такой частокол недомолвок? Да парень, пожалуй, принимает ее за дурочку!

— Конечно, я понимаю, тебе кажется странным, что я ничего не говорю об опасностях, — поспешно добавил Табасх. — Да, ты права, Карела, там, в храме, уже ждет меня сестра, Михар. И ты не можешь не думать о собственной безопасности.

— Ты считаешь, кажется, что я не смогу защитить себя от женщины? Ты действительно так считаешь?! — вскинулась Карела. Она почувствовала, как от гнева у нее вспыхнули щеки. Она положила ладонь на рукоятку кинжала: — Ты еще ни разу не видел, как я обращаюсь с этой штукой?

Табасх сложил ладони перед грудью и покачал головой:

— Я и вправду, кажется, еще не видел, но упаси меня Держэто сомневаться в твоём воинском искусстве! Раз видевший твои глаза, Карела, никогда не осмелится усомниться в твоих словах! Это я, привыкший действовать скорее заклинанием, чем клинком, не представляю, как смогу привыкнуть к жизни без магии. Я хочу этого и боюсь. Но пока я еще не потерял своих умений, я думаю, что твой кинжал и мое колдовство способны защитить нас обоих и от заклинаний моей сестры, и от рук ее слуг.

— Слуг? Каких еще слуг? Так она не одна?

Табасх слегка покраснел, и Карела поняла, что он что-то скрывает.

— Да, видишь ли, она обожает издеваться над теми, кто попадает ей под руку, — промямлил Табасх. — Не знаю, как тебе это понравится, но на этот раз под руку ей попала наша сбежавшая крыса.

— Кто? — перебила его Карела. — Ты о Бриане?

— Вот именно, — вздохнул Табасх. — Уж как он к ней попал, ума не приложу. Но она его расколдовала. Причем так удачно, что этот подонок имеет совершенно

нормальные человеческие конечности и, похоже, даже ходит без хвоста. Раньше Михар это не удавалось.

— Мне наплевать на успехи твоей Михар! — возмутилась Карела. — Так это Бриана ты видел сейчас внизу?!

— Да, его.

— И ты посмел ничего мне не сказать!

Карела метнулась к краю плато, шлепнулась на живот и заглянула вниз с обрыва. Но там уже никого не было. На мгновение Карела сильно пожалела, что мерзавец Бриан снова ходит на двух ногах, да еще и без хвоста. Дорого бы она дала, чтобы взглянуть на такое диво.

Услышав рядом с собой дыхание Табасха, Карела бесцеремонно толкнула его локтем и раздраженно спросила:

— А вторая?

— Что вторая? — не понял Табасх.

— Вторая крыса? Ты же сказал, что одна крыса тащила другую... Так кто эта другая?

Табасх поднялся на ноги, и Карела тоже вскочила.

— М-м-м... — замялся Табасх. — Это понравится тебе еще меньше...

Карела взглянула на хитрого чародея, и догадка пришла сама собой, едва она заметила мстительный огонек в темных влажных глазах.

— Эльрис?!

Табасх хмуро потупился. Едва сдержалась Карела, чтобы не выхватить кинжал. Но она вспомнила столь безуспешные попытки Эльриса проучить Табасха сталью. Она с досадой отправила уже чуть-чуть извлеченное наружу лезвие обратно в ножны и в гневе топнула ногой.

— Ты обещал мне, что с ним ничего не случится! Не так ли?! Ты обманул меня, стигиец!

— Э, нет, Карела! Я обещал тебе, что он проснется невредимым, и даже думаю, что так оно и было. Но вот моя сестра Михар не давала тебе никакого обещания! С нее и спрашивай! — возразил Табасх, и Карела только вздохнула: что верно, то верно. Кто же знал, что в гроте объявится посланец колдуньи?

— Не понимаю, как Эльрис позволил ему справиться с собой? — пробормотала Карела. — Несмотря на то, что он невыносим и заносчив, за что я его просто ненавижу, он неплохой воин... Да что там душой кривить, он отличный воин!

— Думаю, рана сослужила офицеру плохую службу, — заметил Табасх. — Но я смотрю и поражаюсь: ты взволнована, Карела!

Карела и сама поражалась. Она терпеть не могла Эльриса рядом с собой. Но если теперь ей не с кем будет спорить и не от кого удирать по равнинам Заморы... Кажется, кто-то посмел лишить ее азартной игры, вмешаться в ее достаточно невинные, но смелые планы!

— Зачем Эльрис нужен твоей сестре? — уточнила она вместо ответа.

— Да не нужен он ей вовсе, — отмахнулся Табасх.

— Но тогда он нужен мне! — заявила Карела. — И я не намерена отдавать его твоей Михар. В конце концов, отец поручил ему мою судьбу, поэтому надо дать ему шанс вернуться к исполнению его обета, к которому он до сих пор так серьезно относился. Бросить его на погибель будет неуважением к памяти моего отца. Верно я говорю, Табасх? Я не должна бросать Эльриса в беде!

Стигиец во все глаза смотрел на девушку и от удивления лишился дара речи. Карела взглянула на него и расхохоталась:

— Не пугайся, приятель! Я не из тех, кто сходит с ума по красавцам. Или по крайней мере, не из тех, кто выставляет это напоказ. Все дело в том, Табасх, что не худо будет лишний раз унижить досточтимого Эльриса. А что может быть унижительней для благородного воина, если одна женщина спасет его из рук другой? Как считаешь?

Табасх пожал плечами:

— Ой, Карела... Я что-то перестал понимать, когда ты шутишь, а когда серьезна.

— Я всегда серьезна, но редко даю это понять, — парировала девушка.

— Все-таки, твои намерения уязвить Эльриса больше говорят за то, что ты безразлична к его судьбе... Ты равнодушна к нему, Карела! — поставил диагноз Табасх, и в голосе его Карела уловила нотки плохо скрытой досады.

— Ты мне друг, Табасх, и я по-дружески должна тебя предупредить: поменьше задумывайся о моем отношении к Эльрису, и еще меньше обо мне! — грозно сказала Карела.

— Да о тебе-то почему нельзя? — опешил Табасх.

— Шерстка начнет чесаться! — прищутив глаза, ответила Карела, с удовольствием отмечая, как побледнел Табасх.

Однако стигиец овладел собой и даже слегка улыбнулся:

— Ладно, Карела, в твоих словах есть доля истины... Если ты не передумала, пойдем выручать из беды твоего офира. Хотя я не уверен, что это хорошая идея.

— Ты оставил бы все, как есть?

— Да. Но я — это я. Я этого хотел бы, или, вернее, меня бы это устроило. Тебя же это не устраивает. Что ж, я готов помочь, чем смогу.

Карела едва сдержала смех:

— Ой, только не прикидывайся, Табасх! Ты готов мне помочь? Почему бы не быть честным и не сказать прямо, что тебе очень на руку то, что я теперь сама, без твоих полунамеков, собираюсь искать этот злосчастный горный храм?

Табасх опустил глаза. Карела поняла, что верно разгадала его мысли, и покачала головой:

— Да, Табасх, да, я настолько глупа, что закрываю глаза на те подвохи, которые ты мне подготовил, и иду выручать человека, которого даже и другом-то не считаю!

— Ты не глупа, Карела! — оборвал ее стигиец. — Ни в коем случае!

— Это я так думаю! Меня не интересует, что считаешь ты! И уж во всяком случае, не нужно мне поддакивать! — фыркнула Карела и махнула рукой: — Ищи снова свои

тропы, демон. Веди меня вниз, поищем вместе твой драгоценный храм.

Она сразу же заметила, что у стигийца отлегло от сердца.

— Я постараюсь, чтобы ты не пожалела об этом, Карела! — заверил Табасх.

— Но ты сам не веришь в то, что у тебя это получится, верно?

Карела полюбовалась растерянностью юноши и легонько подтолкнула его в спину, потирающая.

Стараясь быть честной с самой собою, она охотно признавала, что ее мотивы к поискам Эльриса действительно далеки от благородства, а тем более они никак не связаны с нежными чувствами.

Пока Кареле даже сложно было бы представить того мужчину, которого она могла бы полюбить. Нет, она не была настолько спесива, чтобы считать, что ни один из мужчин не достоин ее любви. Одни боги ведают, кто чего достоин. Но тот, кто сможет похитить ее сердце, будет, несомненно, личностью замечательной, и уж никак не из тех, чьи достоинства рассыпаются в прах, едва к ним прикасается рука Карелы.

Эльрис чем-то уже подпортил свою репутацию в ее глазах. То ли нелепой непримиримостью к Табасху, основанной наполовину на ревности, наполовину на вздорных предрассудках. То ли тем, что так открыто показывал свои намерения в отношении Карелы и не скрывал раздражения и обиды на ее отказы. Так или иначе, Эльрис был неприятен Кареле, однако пока в ее душе еще было место такому понятию, как долг. Наплевать на офира казалось ей неблагодарностью, поэтому она принялась решительно торопить Табасха, строго-настрого приказав себе не забывать о необходимости держать ухо востро с ее новым другом. Не то, чтобы она считала Табасха способным на предательство, но все же... С тем, кто не до конца понятен, нужно быть особо осторожной.

Глава 5

Та-ак! — Михар обошла лежащего на полу храма мужчину и строго посмотрела на гордо стоящего в стороне Бриана. — Может быть, я сошла с ума, Бриан? Если это твоя красавица, то я не знаю, что и сказать тебе...

Видимо, от одной только мысли, что его добыча не произвела на госпожу достойного впечатления, Бриан побледнел и заискивающе пояснил:

— Это высокородный Эльрис, госпожа. Он знатный офирский дворянин, и это он сопровождал девчонку в Замору. Кому, как ни ему знать, где сейчас она и этот... самый...

— Неужели? — кисло сморщилась Михар. — Я же тебе велела привести женщину. С нее мы еще могли бы что-нибудь иметь. Думаю, что ради этого человека Табасх и шагу не ступит, будь этот Эльрис хоть трижды высокородным. Что в нем проку?

Михар была раздосадована. Впрочем, Бриан был явно доволен своей находкой, а Михар не хотелось тратить слова на выражение своего недовольства. Присмотревшись повнимательнее к офирцу, накрепко увязанному, как окорок, приготовленный к тому, чтобы его подвесили в копильне, Михар вдруг передумала гневаться на Бриана. Зачем впустую сотрясать воздух? Пользоваться надо тем, что есть под рукой. А теперь под рукой у Михар оказался еще один неплохой экземпляр мужской половины чело-

вечества. Еще раз бегло оглядев неподвижное тело, Михар с удовлетворением подтвердила: да, действительно отменный экземпляр.

— Развяжи-ка его! — приказала Михар.

Пока Бриан возился с запутавшимися веревками, Михар внимательно изучала лицо молодого человека.

Да, этот был несомненно породистее немедийца. Какое холеное лицо, какие упрямые губы... А волосы! Да это настоящий светлый шелк! И темный оттенок аккуратной бородки... Как этот Эльрис выгодно отличается от Бриана...

Михар взглянула на немедийца, все еще копающегося с узлами, и с нетерпением рывкнула:

— Да что ты его завязал, словно на всю жизнь?! Боялся, что он даже в бесчувствии удерет от тебя?! Быстрее давай!

Когда взору Михар предстало великолепное мужское тело, она одобрительно хмыкнула: неизвестно, из каких побуждений притащил Бриан сюда этого человека, но сделал он это не напрасно.

— Воды, Бриан, — коротко приказала она.

Приняв из рук немедийца чашу с водой, она осторожно смыла кровь со лба Эльриса и с испарянных плеч. Молодой воин был ранен, но Михар отметила, что справиться с повреждениями ей будет совсем просто... Удивительно, но ей хотелось это сделать. Хотелось залечить раны, выслушать жаркие слова благодарности и воспользоваться после плодами своего труда. Но пока Михар не спешила отпускать на волю свою фантазию, потому что еще не знала, насколько приятным будет более близкое знакомство с офирцем.

Едва прохладная вода пролилась на лицо Эльриса, он стал приходить в себя, а когда Михар убрала свои влажные руки, Эльрис открыл глаза и сразу же сел. Его взгляд скользнул по стоящему невдалеке Бриану, и глаза офирца сверкнули ненавистью. Затем он посмотрел на каменного исполина, и лицо его стало озадаченным. Наконец, Эльрис уставился на Михар и прищурился:

— Во имя Митры, зачем я вам понадобился?

Голос мужчины был красивым и густым, и несмотря на капризные и властные нотки, понравился Михар.

— Не думаю, чтобы тебе пришлось пожалеть! — проговорила Михар.

— Не думаю, что тебе стоит делать такие выводы, женщина! — презрительно сказал Эльрис. — Пожалеть придется, но не мне. В первую очередь — ему! — Офирец ткнул пальцем в сторону притихшего Бриана. — Ему в первую очередь, это я обещаю! А если ты, женщина, вознамеришься задеть меня или причинить вред Кареле, тебе тоже придется пожалеть о том, что вы оба со мной связались!

Слова его не очень-то обрадовали Михар.

— Не хочешь ли спросить Бриана, к чему ведет плохое поведение и грубость? — проворковала она.

Эльрис вместо ответа слегка провел пальцем по своим плечам, касаясь свежих царапин, потрогал рану на лбу и покачал головой:

— Прах вас побери! Бриана я спрашивать ни о чем не собираюсь, он в любом случае уже покойник! А вот ты, женщина, можешь мне кое-что рассказать!

— Например? — усмехнулась Михар и встала. Наивное упрямство человека, привыкшего, что в любом обществе окружающие воздадут должное его высокому происхождению, прямо-таки умилило ее. И оттого, что бедняга Эльрис еще не до конца осознал свою участь, сердце Михар сладко замирало. Сколько приятных мгновений ждет ее, когда прозрение начнет наступать шаг за шагом. И первое слово мольбы, услышанное ею из уст офирца, станет для нее верхом наслаждения. А в том, что так оно и будет, Михар не сомневалась. Сломать спесивого красавца — ну чем не удовольствие? Не просто удовольствие, а лучше многих прочих!

— Например, я хотел бы узнать, не ты ли та самая Михар, о которой я слышал от Табасха? — грубовато спросил Эльрис.

— Да, я та самая, — отозвалась стигийка с улыбкой.

— А это не тот ли храм, куда так стремился твой брат?

— Он самый, но тебе-то что с того? — поинтересовалась Михар.

Но Эльрис не обратил внимание на вопрос. Сосредоточенно нахмурившись, он внимательно изучил каменного исполина, все пространство храма, подстилку, очаг и вещи Михар у дальней стены, замершего в напряженном ожидании немедийца... И если поначалу он был довольно спокоен, лишь только его взгляд упал на Бриана, облаченного в его, Эльриса, одежду, яростным гневом загорелись глаза офирца:

— А ну, верни мне вещи, мерзавец!

Бриан продолжал улыбаться, но госпожа его почему-то молчала и ни словом не обмолвилась в его защиту, и улыбка Бриана исказилась, смазалась. Немедиец понял, что отбиваться придется самому:

— Э, нет, это моя добыча, высокородный! — отчаянно храбрясь и пытаясь одолеть оторопь, заговорил Бриан. — Если госпожа будет так же добра к тебе, как и ко мне, получишь шерстяную накидку. Будь полюбезнее с госпожой Михар!

— Заткнись, ты, огрызок! — Эльрис почти задохнулся от злобы. Он вскочил на ноги и осмотрелся, но Михар по-прежнему молча сидела на войлоке у маленького очага и, словно не слыша перебранки мужчин, смешивала в чаше редкие снадобья. Пусть немного разомнутся, подумала она. Оба они у нее в капкане, и даже если один пока этого не понимает, несколько часов, проведенных в храме, добавят ему ума.

Но пока от офирца трудно было ждать благоразумия. Благородная кровь играла в нем. Как это обычно бывает, высокое происхождение почему-то не помогло молодому воину исподволь нащупать верное поведение. Вместо того, чтобы осознать свою участь и смириться, Эльрис грозно и медленно пошел на Бриана, и его намерения не оставляли сомнений.

— Эй, эй, высокородный! А ну потише! — Бриан вынул

меч и угрожающе поднял его, выставив вперед. Подпущать офирца к себе он явно не собирался даже на пару шагов.

Тяжело дыша, Эльрис остановился. Его глаза зашакали по стенам и полу храма. Взгляд его остановился на небольшой кривой сабле в изящно украшенных кожаных ножнах, что лежала прямо около каменных колен статуи. Помедлив немного, Эльрис метнулся к оружию.

— Нет! — поспешно выкрикнула Михар, едва поняла, что задумал офирец. — Нельзя!

Стремительно сорвалась она с места, чтобы успеть преградить путь офирцу и, подбежав к Эльрису, схватила его за руку, почти повиснув на ней.

— На этой сабле заклятье! Только дотронься и погибнешь!

Гнев и недоверие прочла она в глазах Эльриса. Железная мужская рука одним движением перехватила ее ладонь и сжала тонкое запястье ситигийки, грозя переломить его, как сухую веточку.

— Прочь с дороги! Подожди-ка хвост, пока я не решил повоевать с женщиной!

Пренебрежительно сморщившись, сильным толчком Эльрис отправил Михар обратно, на ее войлочную подстилку. Она пролетела несколько шагов и шлепнулась вниз, едва не сломав себе руку.

Злоба вспыхнула в ней пополам с восхищением: какая сила, какая безудержная мощь! И как жаль, что этот бесподобный мужчина так пока и не понял, как можно, а как нельзя себя вести!

Она подползла к чаше и опустила туда обе ладони. Ничего, сейчас она поучит его уму-разуму... Да, это будет очень больно, но порой не оценишь выпавшего тебе удовольствия, не испытав прежде сжигающей боли. Если офирец решил идти именно таким, не самым легким и не самым приятным из путей познания, она охотно ему в этом поможет.

Эльрис тем временем раздумывал, не было ли предостережение Михар простой уловкой, обманом. Если бы

он не проспал беседу Карелы и Табасха, он знал бы, что вмешательство Михар спасло его от верной и мучительной смерти. Однако и без этого чутье, начавшее вдруг очень кстати просыпаться, подсказало Эльрису, что странного порыва стигийки лучше послушаться. Сабля, лежащая на каменном полу, была на первый взгляд безобидным легким оружием, которое больше подходило бы подростку, только начинающему обучаться воинскому искусству, или ловкой подвижной женщине. Но Эльрис не погнушался бы женской саблей для того, чтобы проучить солдата-предателя. Однако что-то помогло Эльрису не сделать роковой ошибки. Вздохнув, офирец отошел от сабли подалее.

Чуть шатаясь от слабости, офирец попытался обойти Бриана. Но немедиец был наготове, и острый кончик меча был направлен прямо в грудь Эльриса, и было очевидно, что разъяренному, но безоружному дворянину не проскользнуть в расщелину выхода мимо Бриана.

Михар покосилась на обнаженного офирца и, мешая вождение со злобой и обидой, быстро сделала под водой несколько заученных еще в детстве движений пальцами.

— Ох! — скрипнул зубами Эльрис и схватился за голову.

Бриан в изумлении тоже вскрикнул и отскочил назад, опустив меч.

Пытаясь сдержать стон, рвущийся из его груди, Эльрис замер, скорчившись. Не желая поддаваться боли, разрывающей его голову, он пытался выстоять. Он уже не обращал внимание на отступившего и освободившего проход Бриана. Теперь Эльрису было уже не до побега.

Бриан же смотрел на своего бывшего командира со смешанным выражением злорадства и обреченности.

Михар посмотрела на пораженного немедийца и сделала ему легкий знак.

— Порядок, Бриан, можешь больше не беспокоиться!

Бриан осторожно убрал меч в ножны, а сам предусмотрительно отошел и вовсе подальше в сторону. То, что начало происходить с Эльрисом, напугало его. Он и так

не сомневался в умениях стигийки, и лишний раз убеждаться во всем своими глазами ему почему-то не хотелось. Видимо потому, что он не забывал ни на мгновение, что и сам может оказаться на месте жертвы, стоит ему не так повернуться или не то сказать.

А офирец уже не просто держался за голову, он осел на колени и согнулся до самого пола, сжав руками виски.

Михар неторопливо продолжала шевелить тонкими пальчиками. Вода в чаше то мутнела, то становилась прозрачной, и приступы жестокой боли то схватывали Эльриса, то отступали, не давая ему даже разогнуться в перерывах. Это было самое простое колдовство, которому мать научила ее в раннем детстве, и с тех пор Михар могла до полусмерти замучить всякого, кого хотела.

— Иди сюда, офирец! Иди ко мне, — повелительно сказала она, увидев, что Эльрис поднял голову и оглядывается по сторонам.

Эльрис промывчал что-то и сделал движение, говорящее о том, что он собирается сделать как раз обратное: ползти к выходу. На четвереньках, упираясь руками в пол, он попытался отползти с того места, где его настигло колдовство Михар.

— Ну дело твое, упрямец! — прошипела Михар и сжала кулак под водой, пропуская между пальцами мутный темно-синий сгусток.

Эльрис дернулся, упал на бок. Его тело вдруг забилося, словно в приступе тяжелой болезни. Голова колотилась о каменный пол, руки судорожно пытались хоть за что-нибудь ухватиться, а спина прогибалась, словно чудовищная сила магии Михар стремилась переломить ему хребет пополам. Не выдержав, Эльрис без движения рухнул на каменный пол храма.

Но Михар была не так глупа, чтобы не суметь вовремя прерваться.

— Приведи-ка его в чувство, Бриан! — приказала она, вынимая ладони из чаши.

Почему-то встав на колени, Бриан быстро приблизился ползком к телу офирца и приподнял его голову.

— Эльрис... Господин Эльрис! Да разрази тебя Нергал! — расстроено забормотал Бриан. — Очнись, чтоб тебя!

Больше всего Бриан боялся, что Эльрис умрет во время пытки, и тогда Михар, чего доброго, решит завершить начатое на нем.

Эльрис открыл глаза, долго пытался сделать вдох и, наконец, узнав склоненное над ним лицо, прерывисто произнес:

— Будь ты проклят! Все это началось из-за тебя, ублюдок, и... это тебе даром не пройдет!

Не мешкая, так же ползком, Бриан вернулся на облюбванное им место.

Эльрис с трудом сел на полу и взглянул на Михар уже не презрительно, как прежде, а так, словно понял об этой женщине что-то важное и смирился с этим.

— Не понимаю... — проговорил Эльрис, облизывая губы. — Что тебе нужно от меня?

Наклонив голову к плечу, Михар усмехнулась:

— Ничего такого, что не свойственно тебе, как мужчине. Но это после. Сейчас мне нужна твоя девчонка, офирец. Строго говоря, и она-то мне совсем ни к чему, но за ней сюда примчится мой братец.

— А без Карелы он разве сюда не примчится? — перебил ее Эльрис. — Кликни его с высокой скалы! Думаю, что он рванется в твои родственные объятия. А Кареле тут делать нечего.

— Ох, как ты заботаешься об этой девчонке! Дурочка она, если не понимает даже, как ей повезло! — восхитилась Михар. — Табасх не пойдет сюда один, для него в этом нет смысла. Ему нужна спутница.

Эльрис стал снова вставать, но Михар грозно вскрикнула:

— А ну, сиди! И не вздумай дергаться! Мне нужно, чтобы ты нашел свою девчонку и привел ее сюда!

— А мне не нужно! — возразил Эльрис. — И хватит об этом.

Медленно опустила Михар руку в чашу и пошевелила

указательным пальцем. Вокруг пальца начала темнеть вода, но она становилась уже не синей, а красной. Красным стало наливаясь и бледное лицо Эльриса. Он вздрогнул и подобрался, напрягаясь. По лицу офирца пробежала тень страха.

Михар согнула и резко выпрямила палец, продираясь через плотный красный сгусток, и вот упругая струя алой крови с напором вырвалась из носа Эльриса, заливая ему грудь.

Со стоном упал офирец на спину, замотал головой. И только когда Михар легонько взболтала рукой воду, разгоняя сгустки, Эльрис перестал биться на полу.

— Что скажешь новенького, Эльрис? — проворковала Михар.

— Ничего не скажу, — прохрипел Эльрис. — Разбейся сама со своим братом...

— Хорошо. Вижу, что ты еще не устал. Но для того, чтобы ты все же правильно понял меня, попробую еще одно средство... — Михар решительно открыла маленький флакончик и, не дыша, капнула в воду всего одну крошечную капельку. — Потерпи, красавчик. Будет немного неприятно, а как долго — зависит от тебя!

Эльрис закрыл глаза и стиснул зубы. Михар снисходительно улыбнулась. Как упрям и терпелив благородный Эльрис. Это делает ему честь.

Она никогда не чувствовала на себе того, что собиралась делать сейчас с офирцем. Но она знала, как ломались от этой пытки далеко не слабые и не самые трусливые... Мышцы должны с болью отделяться от костей, а сосуды лопаться от напряжения, ткани и волокна будут рваться, не выдержав неумолимого натяжения... Но ничего, смерти его она не допустит, а после испытания Эльрис с благодарностью примет все, что бы Михар ни предложила ему.

* * *

Карела почти с головой погрузилась в ворох тряпья и копалась там уже довольно долго. Табасху уже начало

надоедать все это, потому что он никак не мог понять, что такое делает его подруга.

— Слушай-ка, что ты ищешь? — не выдержал он наконец. — Когда женщина долго копается в тряпках, то начинает казаться, что ни на что другое она уже не способна. То ты собиралась лететь на выручку Эльрису, но уже начало темнеть, а ты все еще роешься в тюках...

— Лететь, говоришь? — раздраженно отозвалась Карела, расшвыривая по сторонам лоскутки. — И в чем же я, по-твоему, полечу? Вот в этой тряпке, которая разворачивается, стоит только повести плечами?

Карела резко дернула за край тонкой зеленой материи, которой были обернуты ее плечи и грудь. Что и говорить, иного наряда желать было бы ни к чему. Небрежная драпировка, тонкие складки превосходной дорогой ткани так выгодно подчеркивали точеную фигуру девушки, пышность ее груди и стройность талии.

— Не смотри на меня! — строго сказала Карела, поймав взгляд Табасха. — В сторону! В сторону смотри!

Он с улыбкой отвернулся. Как быстро и ненавязчиво она берет его, Табасха, под свое начало. Даже не задумывается она о том, что Табасх нарочно изображает полное подчинение. Впрочем, пусть она не задумывается об этом и дальше. Она так очаровательна, эта румяная юная воительница!

— Ты зря думаешь, что я забочусь о том, как бы принарядиться! Дело в том, что нарядов у меня слишком много, а вещей, в которых можно было бы пуститься в опасное предприятие, совсем мало.

Она встряхнула какой-то мешок и завопила от восторга:

— Ох, хвала Иштар! Моя служанка в гарнизоне все-таки не выбросила это!

На свет была извлечена довольно потертая короткая куртка на частой шнуровке сверху донизу. Разложив находку на подстилке, Карела принялась расшнуровывать куртку.

— Это то, что надо, Табасх. Теперь хоть по скале

вверх, хоть вниз в водопад. Ничего ни за что не будет цепляться и разматываться! Одни боги ведают, зачем женщинам придумана такая неудобная одежда? Скорее всего все эти юбки, туники и накидки придуманы мужчинами, которые боялись, как бы женщины не стали в один ряд с ними!

— Как они были не правы, эти мужчины! — проговорил Табасх.

— Слушай, прекрати мне поддакивать! — рассердилась вдруг Карела.

— А разве лучше будет, если я начну тебе возражать? — удивился стигиец.

— Ну... — Карела замялась. — Отвернись-ка, ради твоей же пользы! — скомандовала она.

Табасх сел к ней спиной и слушал легкое шуршание тканей.

— Видишь ли, — заговорила Карела. — Когда мужчина начинает со мной соглашаться, в этом всегда есть какой-то подвох. Вот Эльрис...

— Эльрис, Эльрис... — проворчал Табасх. — Вот сначала отвоюй его у моей сестры, и будет тебе с кем спорить до хрипоты! А если тебе не нравится, что я поддакиваю, я могу и вовсе молчать!

— Вот и молчи! — огрызнулась Карела. — Можешь повернуться.

Табасх развернулся. Теперь на девушке была надета выдавшая виды курточка, почти до дыр протертая вдоль швов и на локтях. Снизу, на талии, и сверху на уровне ключиц шнуровка плотно подводила полы куртки друг к другу. Ну а на высокой полной груди оставался нестянутым зазор шириной чуть ли не в ладонь, и без ущерба для юной цветущей плоти стянуть шнуровку плотнее было невозможно.

— Ну да, — промямлил Табасх. — Для опасного путешествия как раз. Несомненно как раз.

— Отлично! — Карела наклонилась и сгребла все, что было разбросано, одним движением.

Она запихала все тряпки в один тюк и выпрямилась, отирая пот со лба:

— Ну вот и все, — Карела поправила ножны с кинжалом и серьезно взглянула на Табасха: — Я готова, пойдем, пожалуй.

— Там уже совсем темно, Карела. В горах темнеет рано, — неуверенно произнес Табасх.

— Я знаю, когда темнеет в горах, — нахмурилась Карела. — Я же сказала: идем!

Нехорошие предчувствия, давно уже мучившие Табасха, так настойчиво давали о себе знать, что юноша был уже готов на все, чтобы только предотвратить трагедию.

— Знаешь, Карела, твоя затея не очень удачна, — начал он, глядя девушке в глаза. Эти огромные, чуть косящие зеленые глаза окатили его потоком раздражения:

— Какая это моя затея?

— Идти со мной в храм.

— Но ты же этого хотел! — Девушка захлопала глазами.

Табасх замотал головой:

— Я хотел. Да, я хотел. И сейчас хочу. Но не надо этого делать, Карела. Пожалуйста!

— О, нет! — Карела всплеснула руками. — Да ты и верно, совсем помешался! Эльрис был прав!

— Вот, вот, именно. Эльрис был прав. Я помешался. Все правильно, — раздираемый самыми противоречивыми эмоциями, Табасх заматался по гроту, бормоча на ходу нелепые слова. — Вот и послушайся, Карела, мудрого офирского воина. Ни шагу отсюда, из грота. И ни шагу вместе со мной. Это может плохо кончиться!

Табасх попятился к стене, чтобы иметь хоть какую-то опору. Он сам себя не узнавал. И суток еще не прошло после того, как он решил, что нашел ту, которая ему нужна. И приказал себе не впускать в сердце жалость, не давать волю восхищению. Но рядом с такой девушкой это невозможно! Просто невозможно!

Карела стояла в нескольких шагах от него, поджав губы и тербя пальчиками подбородок. «Нет, — подумал

Табасх. — Если я куплю себе свою мечту ценой именно этой жертвы, это не принесет мне счастья, а только страдание до конца моих дней».

— Ну что ты мечешься вместо того, чтобы все объяснить?! — пожала плечами Карела. С сочувствием глядя на Табасху она вдруг прищелкнула пальцами и улыбнулась: — Ну-ка, выкладывай!

— Выложить все можно в двух словах: я приготовил тебя в жертву Деркэто, твой дворянин был в этом совершенно прав! — произнес Табасх, и напряжение тотчас же отпустило его. Видя, как хмурится и становится недоверчивым лицо девушки, Табасх поспешно заговорил: — Да, я намеревался сделать это. Но ты не бойся, если я об этом сказал, значит, я уже отказался от этой идеи.

— Зачем Деркэто нужна эта жертва? — спросила Карела. Ее правая рука медленно и плавно легла на талию, поближе к кинжалу.

— Она нужна мне. — Табасх шагнул вперед в ожидании, что Карела отшатнется, но она протянула ему левую руку и дернула вниз:

— Присядем к костру, — сказала Карела и опустилась на войлок так, чтобы ничего не загораживало ей кратчайший путь к выходу из грота.

Табасх помолчал, собираясь с мыслями. Ему не хотелось отпугивать девушку сейчас, когда почти никаких тайн между ними не осталось.

— Жертва нужна мне для исполнения моей давней мечты. Это второе заветное Деркэто. Согласно ему, я должен привести в храм прекрасную юную девушку, причем прийти туда она должна по доброй воле. Я должен сохранить при этом свой человеческий вид, что в случае с тобой мне дается очень трудно, и сама Деркэто тому свидетельница! — усмехнулся Табасх.

— Но твоя сестра, помнится мне, уже в храме. Почему бы не использовать ее присутствие для твоих целей? — перебила его Карела.

Табасх вытаращил глаза от неожиданности:

— Ох, Карела, если тебе доведется увидеть Михар, ты поймешь всю нелепость такой попытки! Моя сестра уже не слишком юна, а что до прелестей... — Табасх расхохотался. — Я не знаю, сильно ли изменилась она за то время, пока мы не виделись, но скорее всего, не дано крокодилу стать райской птичкой... За такую жертву, как Михар, Деркэто разгневалась бы на меня и на нескончаемые века превратила бы меня во что-нибудь вовсе непотребное.

— Бедная Михар! — произнесла Карела.

— О, да, бедная Михар, — кивнул Табасх. — Так вот. Я говорил тебе о сабле. Это оружие самой Деркэто, и ни один человек не может сейчас прикоснуться к нему до тех пор, пока оно не побывает в моих руках. Если я войду в храм с прекрасной спутницей, если, оставшись в человеческом виде, возьму в руки саблю и передам ее каменному исполину, он тоже оживет, как и в случае первого заветия. Но моя жизнь будет уже в безопасности. Великан обезглавит девушку, и ее свежая юная кровь навсегда вышибет из меня демоническое начало. Я стану обычным человеком!

Табасх замолчал и с опаской взглянул на Карелу.

Окаменевшая девушка смотрела ему в глаза. Ее коралловые губки даже слегка потеряли краску.

— Да чтоб тебе провалиться, стигиец! Ты хотел сделать это со мной? — еле слышно уточнила она.

— Да, я хотел сделать это с тобой. Но теперь могу честно признаться самому себе, что никогда не решусь на это. Любая другая, оказавшись на твоём месте, не миновала бы смерти от сабли Деркэто. Но я не сделаю тебе ничего дурного. У меня рука не подымется, хотя я понимаю, что мечта моя теперь снова далека и призрачна... — Табасх замолчал и опустил голову, чтобы не видеть остановившегося взгляда потухших зеленых глаз.

— И за что же мне дарована такая милость? — горько отозвалась девушка, и у Табасхы с болью сжалось сердце.

— Не мучай меня, Карела. Поставь себя на мое место и попробуй понять, чего мне стоит это признание.

— Но на что же ты надеешься, признаваясь?

— Ты недавно говорила, что все, что будет сказано между нами, сочтешь всего лишь словами! — взмолился Табасх.

— Я так сказала? — удивилась Карела. — А, ну да, верно. Только я, право, не предполагала, что это могут быть за слова.

Она отвернулась и замолчала. Когда она снова заговорила, Табасх поразился перемене в ее голосе:

— Не затянулась ли наша беседа? — бодро сказала девушка. — Ты отлично умеешь заговаривать зубы, Табасх. Но за беседой легко забыть о деле. Или я зря разыскивала эту старую куртку? Пока мы с тобой посидим у костра, твоя уродина-сестра, возможно, творит с Эльрисом дикие вещи. Уже за то, что он бывал иногда прав, он заслуживает лучшей участи... Вставай, демон, чтоб ты сгорел! Вставай и иди со мной, если хочешь. Или я пойду искать Эльриса одна!

— Конечно, я пойду с тобой! — Табасх немедленно вскочил на ноги. — Неужели ты не держишь на меня зла, Карела?

— С чего ты взял это?! — сердито отозвалась девушка. — Я зла! Я очень зла, и на тебя тоже. Ну а пуще всего на себя! Ну это надо же, быть такой дурой! И как это я забыла о том, что мужское коварство ничуть не меньше женского! Больше ты меня не надуешь, стигиец! Ладно, хватит разговоров, у меня уже язык болит! Шагай вперед, а не то я дам волю своей злости!

Она быстро пошла прочь из грота. Табасх помедлил немного, взъерошил свои темные волосы и бросился догонять ее.

Снаружи было уже совершенно темно и довольно холодно. Табасх поежился и огляделся. Девушки уже не было видно, все скрадывала темнота.

— Карела, где ты? — с досадой выкрикнул он.

— Здесь, чего орешь? — отозвалась Карела совсем

рядом. — Ты видел, куда Бриан тащил Эльриса? Так веди!

Он шагнул в ее сторону, и они пошли бок о бок по тропе, угрюмо помалкивая и только слушая дыхание друг друга.

— Ты не боишься? — подал голос Табасх.

— Чего я должна бояться? — огрызнулась Карела.

— Меня. Демона, который едва не предал твое доверие.

— Знаешь, стигиец, мой отец был опытным солдатом. После смерти моей матери он вообще не знал, что со мной делать, и редко меня воспитывал. Но если же он разговаривал со мной, почти всегда говорил дельные вещи. Так вот насчет страха. Отец как-то сказал мне, что страх — хороший советчик, но плохой попутчик. Со страхом стоит советоваться, но никогда не стоит брать его с собой. Со своим страхом я уже посоветовалась.

— Когда же ты успела? — удивился Табасх.

— Только что. В гроте.

— Ну и ну. Быстро же ты соображаешь.

— А то! — довольно хмыкнула Карела. — Не переживай за меня, демон. Возможно, в другой раз я уже не буду столь наивна. Мне не хотелось бы следовать еще одному совету моего отца, который он как-то дал мне.

— Это что ж за совет такой?

— Если ты считаешь, что тебя могут предать — предай первым. Совет этот мне не понравился, но на всякий случай я его запомнила.

— Мудрым человеком был твой отец, — проворчал Табасх.

Он не собирался предавать эту девушку. Не задумываясь больше над странностями собственного поведения, юный влюбленный демон молча шел за своей прекрасной предводительницей. Он готов был выполнить любой ее приказ и молился жестокой и коварной Деркэто, чтобы она смягчила на время боль его несбывшейся пока мечты.

Эльрис удивлялся, как ему удалось прийти в себя, но ни единым звуком или движением не показать этого.

Он лежал вниз лицом на ледяном камне, но холод был лекарством, отвлекающим от жестокой боли.

Офирец уже давно бросил считать свои шрамы, несколько лет назад, когда их число перевалило за два десятка. Были на его мощном теле и грубые рубцы от рваных ран, и следы от стрел, и ровные шрамы от легких клинков. Но все это копилось, не оставляя в душе Эльриса страха, разве воспоминания о некоторых неудачах... То, что сделала с ним тощая стигийка, не оставило на теле ни одной новой ранки. Но Эльрис даже подумать боялся о том, что творится у него внутри. Казалось, что все органы нынче сами по себе, плавают внутри кожаного мешка в кровавом месиве, как золотые рыбки в бассейне его дома в Ианте. И любопытно тогда, почему он еще жив?

Впрочем жизнь — штука неплохая, и сетовать Эльрису было не на что. В лапы Бриана он сам попался. Конечно, здесь у него появился какой-никакой выбор: уступить Михар и покончить с пытками. Но не хотелось высокородному дворянину допускать даже мысль о том, чтобы покупать себе избавление. Любая сделка с чародейкой казалась Эльрису недостойным шагом.

Он прислушался к звукам вокруг него.

Казалось, что где-то поблизости мурлыкал кот, а кроме того, слышалось чавканье человека и плеск воды. Наконец, раздался голос Михар:

— Кончай жевать, Бриан. Ну-ка посмотри, как поживает там наш господин Эльрис.

Эльрис стиснул зубы, представив, что грязные лапы ненавистного предателя сейчас начнут ворочать его. Но он вовремя спохватился и призвав на помощь всю свою выдержку, расслабился.

Бриан приподнял и уронил сначала руку, потом ногу Эльриса, пощупал его пульс на шее и сделал заключение:

— Он в обмороке госпожа. Может, водой его отлить?

— Ладно, оставь его пока. Пусть приходит в себя сам. Так ему будет лучше думать, как считаешь?

Но Бриан не был знатоком того, когда человеку лучше думается, поэтому он пробурчал что-то бессвязное.

— Уж не перестаралась ли я? — задумчиво проговорила Михар и добавила: — Мне было бы, право, очень жаль. Много хлопот с этим офирецом... Пожалуй, пока я научу его правилам поведения, пройдет немало времени. Так что придется тебе снова пускаться в путь, Бриан, и искать ту красотку. После того, как я дам ей попробовать такую же пилюлю, какую сегодня проглотил Эльрис, во-первых, офирец будет поговорчивее, во-вторых, мы будем иметь шанс услышать много интересного о планах Табасха.

Эльрис замер. От услышанного у него едва не зашевелились волосы. Ну ладно еще он, крепкий мужчина! Да со стигийки сто потов сойдет, прежде чем она услышит от Эльриса мольбу о пощаде. Да и чтобы убить офирца, нужно тоже немало сил. Но Карела! Юная, красивая, свежая...

Эльрис представил себе, как корчится и бьется под пыткой прекрасная, хрупкая девушка, которую уж точно не пожалеет эта ведьма. И он, Эльрис, ничем не сможет ее защитить. Или все-таки сможет? Не защитить, но хотя бы предотвратить все это...

Тяжело вздохнув, Эльрис зашевелился и стал подниматься.

— О, гляди-ка, Бриан, а вот и наш гость просыпается! — восхитилась Михар.

Голова Эльриса почему-то плохо держалась на шее, и он с трудом заставил ее не клевать носом. Оглядевшись, он отметил, что в храме ничего не изменилось с тех пор, как после довольно долгой и страшной боли его сознание, наконец, отключилось.

Только на коленях Михар теперь сидел довольно большой и упитанный дымчато-серый котик, сладко жмурясь.

— Как чувствуешь себя, Эльрис? — с улыбкой спросила Михар, поглаживая кота.

— Устал немного, — отозвался Эльрис. — Так что тебе от меня нужно, Михар?

— Покорности и послушания. Это прежде всего. А потом советую тебе предпринять усилия к тому, чтобы завоевать мое расположение. Посоветуйся со своим приятелем Брианом, он подскажет тебе, чем такой, как ты, сможет задобрить госпожу Михар.

Эльриса передернуло:

— Я больше склонен поговорить с тобой о деле.

Михар удивленно вскинула широкие брови:

— Какой толк может быть от тебя в моем деле?

— Что ты хотела знать о Табасхе, женщина? — спросил Эльрис, решивший не отступать от своего. — Кто знает, может быть, и я смогу быть тебе полезен. И не надо будет гонять Бриана на поиски невинной девушки.

— Ах, вот куда ты клонишь... Да мне, право, все едино, кого спрашивать, — подозрительно прищурилась Михар. — Но надо мне, что от нее, что от тебя, не так уж много, но и не мало. Мне нужно...

— Тебе нужно второе имя твоего брата! — сказал Эльрис.

Михар спихнула с колен кота и встала с войлока.

Пока женщина медленно шла к сидящему на полу Эльрису, он ощутил такую сильную дрожь, что его измученное тело отозвалось на нее тупой болью. Спокойно, сказал он себе. От его выдержки сейчас зависела не только его жизнь, но и жизнь его любимой, которая не вняла его предупреждениям и впуталась все-таки в это темное дело.

— Ты не только мужественный воин, ты еще и очень умен, — сказала Михар, становясь рядом с ним на колени. — Ты хорошо разобрался в том, что мне надо, но вряд ли ты можешь оказать мне эту услугу. Да и твоя девица тоже. Потому что мой брат хоть и сумасшедший, но не настолько, чтобы сообщить ей свое имя.

Эльрис поднял руку, и Михар замолчала.

Как-то посмотрит Карела на то, что Эльрис собирался сейчас сделать? Непохоже, чтобы она одобрила его поступок. Хотя, Табасх разговаривал с ними тогда, не делая никакой тайны из того, что сам поведал им в гроте.

Всего мгновение колебался Эльрис. Но сделать выбор между вздорным бродягой-полукровкой и желанной девушкой оказалось легче легкого.

— Его имя означает «повинующийся заклятью», — сказал Эльрис и добавил: — Это были его собственные слова.

— Эка новость! «Табасх» — это и означает «повинующийся заклятью», — медленно протянула Михар.

Эльрис растерялся. Конечно, с одной стороны, Табасх мог и обмануть их, когда разговаривал в гроте.

— Он сказал, что так его имя переводится с какого-то древнего и всеми забытого языка, — добавил Эльрис в надежде, что хоть это окажется правдой.

Михар неожиданно стала серьезной.

— Неужели же все было так просто, и оба его имени — это одни и те же слова?! — прошептала она.

Она вскочила и вскинула голову. Обняв себя за плечи, она шагнула к каменному великану.

— Ты слышишь меня, презренный? Скоро я задам работу твоим каменным рукам!

— Но твой брат говорил, что никто уже не знает и не помнит этого языка, поэтому даже если ты узнаешь то, что я тебе сейчас сказал, это тебе не поможет, — проговорил Эльрис, не понимая, что так возбудило Михар.

— Он всегда был дураком! Да если бы я знала раньше, что мать сыграла со мной такую шутку! — как разъяренная тигрица, Михар заметалась по горному храму. — Да, это действительно достойно моей матери и очень на нее похоже. Одни и те же слова на двух языках — вот тебе и имена, одно для человека, другое для демона! — Она повернулась к Эльрису. — Ну, спасибо тебе, офицер, удружил!

— Но тот язык...

Михар победно тряхнула волосами:

— У меня есть целых две книги на этом языке. Я обнаружила их совсем недавно и попыталась разобрать... Если этот язык кем-то и забыт, то не мной! Конечно, я тоже не все до конца поняла, но сочетание этих двух нужных мне слов я уже где-то встречала! Если бы знала сразу, я бы их запомнила! Но ничего. Ничего. Сейчас я найду их. Быстро найду и вспомню! И потом...

Михар внимательно посмотрела на притихшего в уголке Бриана:

— А ну-ка, немедиец, быстро снимай с себя то, что принадлежит высокородному Эльрису!

Бриан вытаращил глаза и затанул свое:

— Но, госпожа! Чем же я прогневал...

— Да ничем, чтоб ты лопнул! — Михар сжала кулаки. — Перестань канючить, или я голову тебе откручу! Неужели я непонятно говорю? Снимай штаны и куртку и верни Эльрису оружие!

Сначала медленно, но потом все быстрее и быстрее Бриан принялся исполнять новое распоряжение. Когда одежда легла к ногам Эльриса, офирец брезгливо потрогал ее, но взять не решился.

— Не время быть шепетильным, офирец! — фыркнула Михар, которая уже уселась за книгу. — Одевайся, если не хочешь нагишом предстать пред очи своей красоты!

— Ты меня отпускаешь? — удивился Эльрис.

— Отпускаю, — Михар сделала широкий жест. — На все четыре стороны. Но не прямо сейчас. Прежде я отыщу в книге нужные мне слова и сообщу их тебе.

— Мне-то они для чего? — не понял Эльрис, нерешительно потянувшись к одежде.

— Не знаешь? — усмехнулась Михар. — Да по всему видно, как ты жалуешь моего брата. А значит, ты хочешь поскорее спроводить его с глаз долой, не так ли?

— Да уж, не отказался бы! — скрипнул зубами Эльрис, вспоминая, какими глазами смотрела его возлюбленная в рот этому проходимцу, когда он рассказывал у костра свои байки, как защищала стигийца, оскорбляя при этом того, который был готов ради нее на все!

— Ну вот, — удовлетворенно сказала Михар. — Значит, повстречав Табасха и свою девушку, ты не откажешься шепнуть на ушко моему брату его собственное имя.

Эльрис ничего не ответил, но он был уже уверен, что именно так он и сделает.

* * *

— Это где-то совсем рядом, — уверенно сказал Табасх. — Я чувствую.

— Чувствуешь? Тогда скажи точно, куда идти! — огрызнулась Карела. — Что-то мне не верится, чтобы демоны так же просто, как и люди, сбивались с пути.

— Ты очень много хочешь от полукровки, — рассмеялся Табасх. — Все-таки ночью это очень затруднительно. Неплохо было бы все же дожидаться рассвета. Мне не хотелось бы вместо храма привести тебя в берлогу к горному медведю.

— Какая забота! — раздраженно фыркнула девушка.

Пока они бродили в горах, ветер разогнал облака, и луна теперь светила ярко. Табасх видел красивый точечный профиль Карелы и различал, как она рассержена: губки поджаты, брови нахмурены.

— Придется остановиться на ночлег, — промолвил он самым миролюбивым тоном.

— Здесь? — с недоверием огляделась Карела. — Да тут и голову-то преклонить некуда.

— А я говорил тебе, что не надо отправляться на ночь глядя! — веско сказал Табасх.

Карела промолчала.

— Ладно, — сказала она, наконец. — Задержимся здесь ненадолго. Все не так уж и страшно. Рассвет уже близко.

Табасх ощупал огромный гладкий валун и сел, привалившись к нему спиной. Девушка осталась стоять. Ее силуэт, словно замерший посреди стремительного порывистого движения, великолепно вписался в рисунок горных отрогов. Табасх любовался ею и не мог наглядеться.

— Ты сердишься, Карела?

— Пожалуй, сержусь. Только не знаю, на что.

Она пошевелилась, но садиться рядом с Табасхом не стала, а вскарабкавшись на валун, уселась там, поджав ноги.

— Ты не хочешь спать? — удивился Табасх. Он подумал о том, что с удовольствием провел бы остаток ночи, охраняя сон Карелы. Но похоже, у нее были совсем другие планы.

— Да какой тут сон? — проворчала Карела. — Если бы ты знал...

Но она не договорила. Резкий гортанный птичий крик раздался где-то совсем рядом.

— О, Иштар! — Карела сразу же забыла, о чем собиралась сказать Табасху. Вжав голову в плечи, она принялась вглядываться в темное небо у себя над головой. — Табасх, что это?

— Это чайка кричит, — сдержанно ответил Табасх, растерявшись.

— Чайка? Никогда не видела чаек. В степи Офира они не залетали. Но мне говорили, что это морская птица. Как же она попала сюда, в горы? — задумчиво произнесла девушка.

Табасх с облегчением понял, что Карела не ждет от него ответа. Она просто удивлялась. Да и Табасх был удивлен. Почему несчастная Ганда еще здесь? Ей бы вся краса сейчас парить в небе где-нибудь над Шадизаром, держа путь на море Вилайет...

Крик чайки повторился, на этот раз уже совсем близко. Он был еще тревожнее и грознее. Табасх почувствовал нечто недоброе.

— Карела, спустись-ка вниз, — попросил он, видя, как девушка встала на ноги и пытается все же разглядеть в ночном небе невиданную птицу.

— Зачем? — удивилась Карела.

— Я прошу тебя спуститься с этого камня! — повысил голос Табасх. — Это может быть опасно! Пожалуйста!

— Вот еще, — пожала плечами Карела.

Скорее чувствовал Табасх, чем видел, как с высоты поднебесья камнем падает на них несчастная белая птица.

— Нет, Ганда! — Он вскочил на ноги. — Не делай этого, Ганда!

Но было поздно. Громкие хлопки сильных крыльев, крик чайки и испуганный вопль девушки слились воедино. Белая чайка спикировала сверху на стоящую на валуне Карелу. Взмахнув руками, чтобы защитить голову, девушка отпрянула от удара грозного клюва, оступилась и соскользнула вниз.

Сердце оборвалось у Табасха. Пытаясь хоть что-нибудь разглядеть внизу, он заспешил туда, оскальзываясь на крутых влажных камнях. А чайка не успокаивалась. Она носилась над ним туда-сюда с громкими криками, несколько раз задев юношу крыльями по голове. Но он не обращал на нее внимания.

Увидев внизу неподвижное тело, Табасх почти скатился с тропы, ободрав колени.

— Карела! — Он осторожно перевернул тело своей подруги, с ужасом представляя, что вместо милого личика вполне может увидеть размозженное месиво. Но внешне девушка была в порядке. Проклиная все на свете, и эту Ганду, так некстати попавшуюся ему в горах, и эту темную ночь, не позволяющую ему даже выяснить, насколько серьезны повреждения, Табасх ощупывал Карелу и от ужаса ничего не мог понять.

Чайка кричала где-то совсем рядом. Табасх не мог понять, где она, что она еще задумала, и когда птица снова начала атаку, он едва успел наклониться над Карелой и заслонить плечом лицо подруги от удара птичьего клюва.

— Будь же ты проклята! — в отчаянии выкрикнул стигиец.

Он разогнулся и нашел взглядом стремительный силуэт, снова начавший падать на них.

Не помня себя от ярости, Табасх выставил вперед руку. Извилистая белая молния сорвалась с его ладони и охватила чайку.

Страшно, не по-птичьи вскрикнула чайка и упала на

камень рядом с Табасхом, поглощенная белым колдовским огнем.

Пока горела на камне чайка, в свете холодного пламени Табасх успел осмотреть Карелу. Бедняжка была без сознания, но ран Табасх так и не нашел. Обрадовавшись, Табасх заставил себя успокоиться и выполнить все, что следовало. Легкие поглаживания умелыми руками, способными нести не только смертельный огонь, влили свежие силы в обездвиженное ушибами тело — и вот девушка уже открыла глаза.

— Табасх, — простонала Карела. — О боги, почему она накинута на меня?

Табасх не успел ответить. Взгляд Карелы упал на мертвенно-белый огонь, шевелящийся рядом на камне.

— Во имя мудрой Иштар, что это такое, Табасх?

Она села с помощью юноши, и пока он, затаив дыхание, поддерживал ее за плечи, Карела, не отрываясь, смотрела, как обугленное птичье тельце теряет очертания, превращаясь в бесформенную кучку пепла.

— Это ты? Это ты ее сжег? — Карела в ужасе повернулась к Табасху.

— Но она... Она же сбросила тебя! — гневно отозвался Табасх. Больше он не испытывал к Ганде того сострадания, которое подсказало ему вчера превратить потерявшую от ужаса рассудок девушку в чайку. Лучше бы он воспользовался ее телом, как и прежде, или убил бы ее сразу.

— А кто такая Ганда? — подозрительно спросила Карела.

— Так звали чайку, — коротко сказал Табасх.

— Откуда ты можешь это знать? — удивилась Карела и встала на ноги с помощью Табасха.

Табасх не ответил, но, немного потоптавшись, разогнув ноги и потеряв рукой ушибленные места, Карела почти утвердительно уточнила:

— Ты знаешь ее имя, потому что она появилась в горах откуда же, откуда и белая крыса?

— Ох, Карела, ничего-то от тебя не скроешь, — вздохнул юноша. Какой был смысл отпираться? — Ты права.

Только не думал я, что чайка окажется еще мстительней крысы. Готов побиться об заклад, что Бриан и за кучу золота не захочет ко мне приблизиться. А Ганда не побоялась. Клянусь Деркэто, я не хотел ее убивать, ни тогда, ни сейчас. Она сама во всем виновата!..

— Может быть, — Карела оглянулась на пепел. — Хотя поверить трудно.

— Клянусь, Карела! Я не смог сдержаться, я очень испугался.

— Испугался? — Карела вытаращила глаза. — Ты? Чего же?

Табасх пожал плечами:

— Она могла тебя убить!

— Да, пожалуй, могла, — кивнула Карела. — Ты, похоже, совершил типичную мужскую ошибку. Знаешь, Табасх, постарайся никогда не становиться врагом женщины. Причиной вражды может стать любая случайность, но длиться такая вражда будет вечно.

— Какие умные дочери у офирских солдат! — восхитился Табасх. — Эту мысль тебе тоже отец подкинул?

— Мой отец был кофийцем! — поправила его Карела. — А мать — немедийкой. Так что я тоже полукровка, как и ты, Табасх. А смешанная кровь, как известно, это не так уж плохо во всех отношениях.

Что иного оставалось стигийцу, кроме как согласиться.

— А почему именно чайка, Табасх? — вдруг спросила Карела.

— Не понял, — растерялся юноша.

Карела с досадой поджала губы:

— Ну что тут непонятного? Я спрашиваю, почему эта бедняжка стала именно чайкой, а не совой и не ласточкой? Почему Бриан стал крысой, я понимаю. Но почему чайка?

— Не знаю, — протянул Табасх. — Она была беленькая, наверное, бритунка. Может быть поэтому...

Табасх вдруг различил в темноте, как хитро прищурились глаза Карелы, когда она спросила:

— А если бы я оказалась на месте Ганды, кем бы ты меня сделал?

— Да вразумит тебя сиятельная Держэто! — испугался Табасх. — Еще чего удумала! Не то, что говорить, даже думать об этом не желаю!

— И все же, Табасх! — азартно выкрикнула девушка. — Ну, говори же! Надеюсь, не курицей?

— Ну ты скажешь тоже! — рассмеялся Табасх. — Ты стала бы... Не знаю, как тебе это понравится, но я сделал бы тебя ястребом.

Он немного подумал и уверенно закончил:

— Да, ястребом. Ни на что другое, Карела, ты не похожа. Стремительный, гордый и грозный ястреб.

— Разве ястребы бывают рыжими? — Карела приснула со смеху, но было очевидно, что сравнение потешило ее самолюбие.

— Бывают, Карела, — подтвердил Табасх. — Бывают, поскольку одного из них, то есть одну из них, я прекрасно знаю. Ладно, вижу, что ты уже совсем пришла в себя...

— Да я никуда и не выходила! — фыркнула Карела. — Подумаешь, обморок! Хотя, конечно, спасибо, Табасх. Руки у тебя замечательные.

Скромно потупившись, Табасх принялся считать до десяти и обратно. Вспомнив, что и как он только что делал, как восхитительно нежна и прохладна была бархатистая упругая кожа Карелы, Табасх взялся за подсчеты с удвоенной скоростью. Видимо, поняв его проблемы, Карела легонько коснулась его плеча, отошла за ближайший крупный камень и опустила за него, сообщив:

— Скажешь, когда пройдет чесотка! А я подремлю немного.

Через силу улыбаясь, Табасх стоял, вцепившись в камень и старательно умиряя свое, как всегда некстати проснувшееся воображение, все же думал о том, что всю свою последующую жизнь: десять, двадцать, даже пятьдесят лет он отдал бы сразу и бесповоротно за возможность хотя бы всего одну-единственную ночь побыть обычным человеком. И провести эту ночь вместе с Карелой.

Глава 6

В Серое ущелье Кофских гор наконец-то заглянуло солнце. Стало немного теплее, на тех склонах, куда светили солнечные лучи, с поверхности камня местами даже начал подниматься легкий пар. Но руки скользили по еще влажным и холодным камням, а ноги срывались с крутых троп, с валунов, покрытых пестрым, немного колючим мхом.

Не в первый раз уже поскользнувшись на тропе, Карела ухватила за выступ камня, потеряла плечо и поморщилась.

— Что, болит? — сочувственно спросил Табасх за ее спиной.

С одной стороны, приятно, когда кто-то о тебе заботится, а с другой стороны, дай только волю мужскому сочувствию, только разреши кому-нибудь себя пожалеть, и сама рада не будешь...

— Ничего у меня не болит! — буркнула Карела, хотя она была совершенно уверена, что под ее выдавшей виды курткой скрывается не один кровоподтек, полученный ночью из-за проклятой белой чайки. Но она не могла позволить себе поддаваться слабости и пожаловаться. Конечно, вроде бы Табасх рядом и готов помочь и защитить, но если все время полагаться на помощь мужчин, в какой-нибудь не очень прекрасный день за это можно жестоко поплатиться. В этом Карела была уверена без всяких отцовских советов, а последние двое суток путе-

шествия только укрепили эту ее уверенность. И поэтому она склонна была сделать главным своим законом простую истину: всегда надейся только на свои силы и поменьше доверяйся тем, кто кажется совершенно безобидным или вполне надежным.

К Табасху это не относилось. Он не был безобидным, он был очень опасным существом. С первого же взгляда было видно, что стигийский юноша явно не от мира сего. Но, лишь узнав его поближе, Карела смогла оценить, насколько ошибалась, посчитав Табасха наивным и открытым. Доверяла ли она ему сейчас?

Карела не знала, что и думать по этому поводу. Доверяться тому, кто совсем недавно собирался подставить ее голову под клинок и глотнуть свежей крови из ее рассеченной шеи? Конечно же, решиться на такое доверие было бы слишком безрассудно. Но словно в насмешку какая-то сила заставляла Карелу верить лукавому демону.

Все дело было в том, что Карела почему-то хотела ему верить и чувствовала к нему совершенно необъяснимое влечение. С ним было легко иметь дело, да и каждый разговор с демоном кончался всегда неожиданно, и одно это уже было забавным.

Табасх был совсем не таким, как спесивый офирец. С тем все разговоры заканчивались одинаково: поучениями, обвинениями в легкомыслии со стороны Эльриса и в заносчивости со стороны Карелы, и, наконец, обидой друг на друга. Табасх же еще ни разу не дал Кареле повода ощутить неприязнь к себе. Ну разве что тогда, когда признался ей в своих тайных намерениях. Да и то досада Карелы длилась тогда очень недолго, потому что повинный взгляд красивых темных глаз быстро ее пригасил.

— Как ты считаешь, будет конец нашему пути? — грустно спросила Карела, глядя на задумчивое лицо своего друга.

Табасх остановился на нешироком уступе скалы и разглядывал, следует ли лезть выше или спуститься и

взять вправо, туда, где как будто бы виднелась крутая тропа в расщелине.

— Да, будет. Не мешай мне, Карела! Лучше проверь-ка, что там справа, можно ли там подняться?

Карела немного спустилась вниз и повернулась к крутой тропе. Конечно, там можно было подняться. Подняться можно почти везде, а если нельзя, но сильно надо, то везде без всякого «почти». Ей сегодня было надо, и довольно сильно, поэтому она не сомневалась ни на минуту, что одолеет подъем, даже если Табасх будет утверждать обратное.

Попробовав, крепко ли держится нога на округлом камне, Карела ухватила руками за верхний валун и стала подтягиваться.

Табасх прыгнул со своего уступа и тоже подошел к тому месту, откуда Карела начала путь вверх.

— Похоже, что это единственный проход к храму, — сказал стигиец, задрал голову и разглядывая девушку. — Я имею в виду, с этой стороны.

— Почему ты считаешь, что это именно он? — усомнилась Карела. С рассвета прошло уже порядочно времени, и оба они уже предприняли не одну попытку найти нужный путь. До сих пор тропы заводили их в тупик. Здесь, совсем высоко в горах было не только холоднее. Здесь было мертво, как в царстве самой смерти и ее подданных.

Трудно было представить Кареле, что сюда, именно сюда когда-то спускалась богиня любви. Но Табасх нынешней ночью так убедительно рассказывал эту историю, что Карела довольно живо представляла себе все это. Более того, Карела поняла, что окажись она на месте Деркэто, тоже бы нашла, чем отомстить мужчине, который презрительно отнесся к ее любви, не приняв ее всерьез. Ну, в камень его превращать и окружать его множеством самых немыслимых заклятий Карела не стала бы. Зачем так усложнять, когда можно отомстить его оружием: презрением и унижением? Чтобы человек ощутил нака-

зание, он должен быть вовсе не каменным, а совсем наоборот.

— Я не просто считаю, что это именно та тропа, которая нам нужна, — отозвался Табасх. — Я даже уверен, что цель нашего путешествия — вон та скала!

Карела взглянула в том направлении, куда показывал Табасх. Совсем недалеко возвышалась покрытая зелено-вато-бурым ковром горных мхов скала немного необычной формы. Она не была устремлена вверх остроконечным пиком, как ее соседки, ее не бороздили извилистые разломы. Она была гладкой, почти полукруглой, как юная упругая девичья грудь.

— Но я не вижу входа! — возразила Карела.

— И я не вижу. Но это не значит, что его нет. Думаю, что если мы доберемся туда и зайдем с другой стороны, попадем как раз ко входу в храм.

— Ну-ну, — вздохнула Карела. — Очень может быть.

— Более того, если бы ты не заставила меня лезть вверх на ночь глядя, я уверен, что покинув грот с рассветом, мы с тобой нашли бы простейший и легкий путь туда. Этот путь наверняка лежит совсем рядом. Он привел бы нас к этой скале с другой стороны, с той самой, с которой прибыла в горы Михар. Готов поклясться, Карела, что ее лошадь до сих пор стоит где-нибудь там, внизу.

Они выбрались на обширный плоский участок, и Табасх со стоном повалился на землю.

— Ты чего это? — подозрительно спросила Карела, присаживаясь рядом.

— Да сколько можно ползти по горам без передышки, — ворчливо отозвался стигиец.

Карела была готова поспорить с кем угодно, что молодой сильный парень, чьи мускулы свидетельствовали о недюжинном здоровье и природной ловкости, не мог выдохнуться так быстро. Конечно же, Табасх хитрил. Зная, что Карела сама ни за что не запросит отдыха, он решил притвориться уставшим. Можно было бы разоблачить его невинную хитрость, наорать, пристыдить и погнать дальше. Но Кареле не хотелось этого делать именно сейчас

по той простой причине, что притворство Табасха было кстати. Решив лишь слегка дать понять, что с ней все в порядке, Карела наморщила лоб и, сложив губы в презрительную гримасу, снисходительно отозвалась:

— Что ж, конечно, если ты больше не можешь идти, я немного подожду тебя. Но только немного. Думаю, Эль-рису придется очень нелегко...

Она не договорила. Совсем рядом послышалось какое-то шуршание. Карела, недавно испытывая, что может последовать за всякими непонятными звуками, вроде птичьего крика или шуршания, вжала голову в плечи и взглянула на друга:

— Табасх, что это еще?

— А я откуда знаю? — протянул он, и в его голосе Карела различила встревоженные нотки.

Не успела Карела сделать предположение, как сверху, с обрыва, на который им только предстояло взобраться, темной тенью свалилось что-то не очень большое и неслышно приземлилось рядом с Карелой.

У девушки дыхание остановилось с испуга, но упавший сверху предмет, оказавшийся огромным пушистым котом, жалобно мяукнув, заметался по площадке, а потом кубарем скатился вниз и исчез.

Карелу охватила запоздалая произвольная дрожь, которую она тут же поспешила переплавить в праведный гнев:

— Да какого же дьявола, Табасх! Сколько можно?! Ты просто наводнил Серое ущелье своими несчастными жертвами! — Она яростно толкнула стигийца в плечо. — Мышки, кошки, птички! Причем все они почему-то хотят непременно напугать меня до смерти или столкнуть в пропасть, да сожрет Нергал их души!

— Клянусь Держэто, Карела! Я впервые вижу этого кота! — возмутился Табасх.

— Откуда же здесь взялась домашняя кошка, упитанная, словно только что удрала из какой-нибудь харчевни?! Ты все врешь, Табасх!

Он встал и, подойдя к краю обрыва, попытался раз-

глядеть убежавшее животное. Да куда там, от котища и следа не осталось, только клочок дымчато-серой шерсти зацепился за острый край камня.

— А ведь и верно, вру, — согласился вдруг юноша. — Просто я совсем забыл о нем. Это Фипон, любимец Михар.

Не сказать, чтобы Карелу успокоило это известие:

— Ах, значит, это твоя сестрица приделала хвост какому-то бедолаге? — уточнила она.

Табасх засмеялся.

— Да нет, что ты. Это самый обычный кот. Правда, когда я видел его в последний раз, он был еще котенком. Михар никогда с ним не расставалась, значит, она где-то поблизости.

— В той скале? — кивнула Карела на каменное полушарие.

— Несомненно.

Карела тоже встала и подошла к стигийцу, чтобы взглянуть вниз и, если удастся, еще раз посмотреть на кота. Но он и не думал больше показываться им на глаза. Возможно, ему тоже не составило удовольствия вновь увидеть Табасха. Эти четвероногие твари еще лучше людей чувствуют, когда рядом с ними находится нечто не совсем обычной природы.

Звук падения чего-то тяжелого за ее спиной заставил Карелу выхватить кинжал. Обернувшись, она увидела мужчину, который разгибал ноги, выпрямляясь в полный рост после удачного приземления.

Карела была уже готова пустить в ход свое нехитрое оружие, но мужчина поднял бледное, исцарапанное лицо, и она узнала высокородного офирца.

— Эльрис! — Она рванулась к нему, пряча кинжал обратно. — А мы с Табасхом тебя ищем! Как здорово, что ты сам нас нашел!

— Неужели? — удивился офирец. — Ищете, да еще вместе? Я думал, что вы оба только руки потираете при мысли, что избавились от меня!

Его голос прозвучал довольно недобро. Кареле это не понравилось, но она решила списать недовольство на

усталость и раны офирца. Отдышавшись, Эльрис испытующе посмотрел на притихшего Табасха и добавил, продолжая свою мысль:

— По крайней мере, вот он должен был торжествовать, когда это ублюдок-немедиец напал на меня и уволок!

— Спроси у него, Карела, как ему удалось уйти от Михар, — подозрительно глядя на Эльриса, произнес Табасх. — Не думаю, что это очень просто. Во всяком случае, наш досточтимый дворянин хоть и утомлен, а так же несколько потрепан, у него, тем не менее, вид победителя, а это странно. Особенно если учесть, что Бриан волок его спеленутым, как младенца, и с рассеченным лбом...

— Так это ты подстроил мне все это, стигийский червяк?! — злобно оборвал его Эльрис, вставая в угрожающую позу и расправляя плечи. — Ты сделал все, чтобы убрать меня с дороги, не так ли?!

— Скажи ему, Карела, что он преувеличивает силу моей обиды, а также мои скромные способности, — буркнул Табасх, отодвигаясь подальше от разъяренного офирца и присаживаясь на камень.

— А ты сам лично не желаешь со мной разговаривать, да? — процедил Эльрис сквозь зубы, пораженный странным способом Табасха обращаться к нему.

— Да хватит вам! — заорала Карела. — Честное слово, как только вижу вас вместе, начинаю жалеть о том, что вообще связалась с каждым из вас. Вы что, не в состоянии и двух слов сказать друг другу по-человечески?

— А также скажи ему, Карела, что ты провела бессонную ночь в горах для того, чтобы найти этого гордого племенного петуха и спасти его от магического вертела моей сестренки, — тем же нудным голосом затянул Табасх.

— Неужели, Карела? Странно это слышать! — Эльрис вытаращил глаза. — Тебе не стоило беспокоиться, как видишь, я здесь, и я прекрасно сам справился с этой ведьмой.

— Ой ли, досточтимый?! — кисло скривился Табасх. — Карела, да спроси же ты у него хоть что-нибудь

о том, как это ему удалось. Сдается мне, что не все так просто...

— Заткнись, адово отродье! — прикрикнул Эльрис на юношу и подступил к Кареле. — Ты не покинула горы, а искала меня, Карела? Это правда?

— Это было правдой, Эльрис, — медленно проговорила Карела. — Но я начинаю думать, что поступила опрометчиво. Что с тобой, Эльрис? Ты ведешь себя как-то не так.

Эльрис только усмехнулся в ответ.

Вопросы Табасха и то, как стигиец настойчиво повторял их, внушили Кареле опасения. Не зря же Табасх намекал на что-то странное в поведении Эльриса и в самой ситуации. Поэтому, видя, что офирец не торопится с ответом, она повторила:

— Что произошло с тобой, Эльрис? Что случилось у Михар?

— Мы поладили, — усмехнулся Эльрис. — И я думаю, что не пожалею об этом.

Карела вдруг заметила, каким нездоровым злобным и мстительным огнем горят глаза офирца. Эти большие красивые глаза, которыми, как знала Карела, восторгались женщины, стали отвратительными, опасными, внушающими тревогу.

— Что ты задумал, Эльрис? — прошептала Карела, неотрывно глядя в эти жуткие глаза и пытаясь прочесть в них хоть что-нибудь. — Скажи мне, что ты задумал?

— Ты знаешь наизусть все, что я скажу. Сейчас мы с тобой осторожно спустимся вниз, соберем вещи, навьючим лошадей и пустимся в путь. К вечеру мы уже вступим в степи Заморы. А там уже и до Шадизара недалеко.

Говоря, он поднял руку, погладил кудри Карелы жестом почти хозяйским, и лицо его стало властным:

— Хватит уговаривать тебя, как капризного ребенка. Пора показать, что должно означать для женщины быть под моим покровительством.

Он говорил уверенно, и девушка ощутила, как эта

уверенность странным образом отнимает у нее силы сопротивляться. Эльрис стоял спокойно, и движения его были неторопливыми и уверенными.

— О чем ты, Эльрис? — пролепетала она, и глаза офирца вспыхнули в мгновение:

— Помолчи, девочка, и слушай! Больше я не позволю тебе играть моими чувствами!

Карела была так поражена переменами, поминутно происходящими с Эльрисом, что опомнилась только тогда, когда его руки уже настойчиво теребили ее шею и начали тянуть девушку в объятия офирца.

— Ты что, Эльрис, спятил?! — возмутилась Карела, отталкивая его руки. — Только дотронься до меня!

Досадую на то, что она так непредусмотрительно убрала в ножны кинжал, Карела попыталась вырваться, но Эльрис неожиданно крепко схватил ее за локти, развернул спиной к себе и повернулся к Табасху. Стигиец вскочил в напряжении, готовый прийти на помощь.

— Отпусти меня, подлая твоя душа! — возмущенно взвизгнула Карела. — Что ты творишь?! Да покарает тебя Митра!

Но Эльрис еще сильнее сжал девушку и легонько, как перышко, поднял ее в воздух и отнес в сторону. Карела замолотила ногами и принялась сыпать проклятьями.

— Отпусти ее сейчас же! — вторил ей Табасх. Но он был спокоен. Сделав шаг в сторону Эльриса, он заметил: — Я считаю до трех, Эльрис. Ты, кажется, позабыл в горячке, с кем имеешь дело. Не хочешь ли ты, чтобы кинжал Карелы или твой собственный меч вдруг вырвались из ножен и по чистой случайности... или по моему велению... вонзились бы тебе в горло? Я могу это устроить. Один...

Карела почувствовала, как руки Эльриса все сильнее сдавливают ей локти. Она дернулась, но офирец жестко бросил:

— Спокойно, девочка. Тебе больше не надо самой о себе заботиться.

— Табасх, будь осторожен с ним! — быстро проговорила Карела.

Девушка еще не видела в лицо опасность, грозящую ее другу.

Она не могла четко определить, что именно на уме у Эльриса и как офирец собирается противостоять чародею, но после прозвучавшего предупреждения Табасха Эльрис ни на шаг не отступил и не разжал руки. Еще совсем недавно он сделал бы это при первом же слове Табасха, содержащим угрозу. Значит... Да, значит, Эльрис перестал бояться Табасха, это очевидно. Офирец больше не считается с неуязвимостью демона. И это неспроста! Эльрис, такой благоразумный, не стал бы поступать так опрометчиво без достаточных оснований. Окончательный вывод Карелы был прост и угрожающ: Табасх в опасности.

Поэтому она снова произнесла:

— Табасх, берегись его!

— Два, — невозмутимо напомнил Табасх.

— Я тоже могу тебе кое-что устроить, отродье, — засмеялся Эльрис. — Хотел было я дожждаться, когда ты станешь человеком, и выпустить наружу твои вонючие кишки. Но мне предоставился более быстрый и простой способ избавиться от тебя, и я не такой дурак, чтобы настаивать на прежнем способе. В отношении тебя я отказываюсь от старых своих планов.

— Три, — объявил Табасх и взмахнул рукой, начиная что-то чертить в воздухе.

— Да, стигиец, три, — зловеще сказал Эльрис, словно не видя магических знаков. — Однако, начнем обратный отсчет... *Ша Мрэль.*

На мгновение Табасх застыл, потом резко отпрянул в сторону, а в глазах его мелькнул почти детский испуг. Он сменился недоверием и сильной тревогой. Но вот словно невидимая стрела вдруг пронзила стигийца. Казалось, только он видел и чувствовал проникновение этой безжалостной стрелы в его плоть. Табасх содрогнулся, зажмурился и закрыл руками уши, сжав виски и бледнея прямо на глазах. Он замотал головой, словно хотел вытряхнуть услышанное прочь.

— Бесполезно, *Ша Мрэль*, — усмехнулся Эльрис. —

Ты уже слышал эти слова! Ты — демон, повинующийся заклятью. И ты будешь ему повиноваться, потому что человеком ты пока не стал и не станешь теперь никогда. Никогда!

Почувствовав, что, увлекшись, Эльрис уже не так крепко сжимает ее руки, Карела изловчилась и острым локтем резко ударила офирца прямо в солнечное сплетение. Рванувшись к Табасху, она схватила его за плечи, взглянула в полные бессильного ужаса темные глаза, и сердце ее сжалось: это был уже не ее друг, а кто-то совсем другой. Тело юноши дрожало и становилось горячим. Трясущимися руками он снял ладони Карелы со своих плеч.

— Отойди, — простонал Табасх. — Отойди, Карела. Поздно! Теперь все уже будет напрасно. Именем Держэто заклинаю, не мешай судьбе, Карела! Не гневи богиню!

— Твоя богиня убивает тебя! — вскрикнула Карела.

— Ничего нельзя поделать! — пробормотал стигиец. — Я в ее власти. Назад пути нет, Карела. Оставь меня!

В лице Табасха что-то поменялось. В оцепенении смотрела Карела, как увеличиваются, вылезая из орбит, глаза Табасха, как исчезают в них белки, уступая место растущим зрачкам. И шерсть, сначала слабая, как щетина, все быстрее и быстрее пробивается на лице и смуглых мускулистых руках.

Резкий рывок Эльриса вывел девушку из омертвело-го состояния. Офирец крепко притянул ее к себе и оттащил на самый край площадки.

— Табасх! — Карела начала рваться, но Эльрис сжимал ее крепко. — Не сдавайся, Табасх, я тебя умоляю!

Жесткая ладонь Эльриса сильно и достаточно больно закрыла ей рот, не позволяя больше сказать ни слова.

— Ну что ты, Карела, — сухо сказал Эльрис. — Наш друг *Ша Мрэль* верен заклятью. Не будем ему мешать. Ты ему уже не интересна, Карела. Все, о чем он нынче мечтает — поскорее подставить лохматую шею под саблю Держэто...

Вместо Табасха на площадке корчился чудовищно безобразный колченогий и пучеглазый урод, которого нельзя

было сравнить даже ни с какой из известных на земле четвероногих тварей. Это было поистине адово отродье...

Чудовище не собиралось нападать. Из выкаченных круглых и огромных, как яблоки, глаз текли мутные слезы, свесившийся из широченного рта язык истекал пеной слюной. Воя и стеноя, демон рухнул на колени и в отчаянии забарабанил кулаками по земле.

— Не медли, Ша Мрэль, сестра заждалась, — добавил Эльрис.

Чудовище вскрикнуло, словно уже прощаясь с жизнью, и, неловко скорчившись, подползло к нижнему краю крутой тропы. Оно потопталось и полезло вверх, на тот обрыв, откуда прыгнул Эльрис. Через некоторое время только резкий неприятный запах напоминал о нем.

Офирец отпустил Карелу и тяжело, но удовлетворенно вздохнул, словно завершил серьезное важное дело.

— Какой же ты мерзавец, Эльрис, — медленно произнесла Карела.

Она отлично поняла, каким образом второе имя Табасха обрело силу. И она даже удивилась, как мгновенно и пышно расцвела в ее душе жгучая ненависть к высококородному красавцу-воину.

— Ты мерзкий предатель, — проговорила она.

— Предают друзей или союзников. Это отродье не было для меня ни первым, ни вторым, — резонно заявил Эльрис.

Эльрис смотрел на Карелу уверенно, как человек, ни на мгновение не сомневающийся в своей правоте.

— Он был другом мне! — выкрикнула Карела. — Он был другом мне, и ты это прекрасно знал! А это значит, что ты предал меня!

— Прямо так! — фыркнул Эльрис. — Все, что я сделал, и Митра тому свидетель, я сделал ради тебя, глупая девчонка!

— Ты чванливый петух! — прошипела девушка, прижимая к груди крепко сжатые кулаки и прищуриваясь. — Ненавижу тебя! Чтобы лопнули твои лживые, подлые глаза! Чтобы боги навсегда лишили тебя твоей

мужской силы и всех своих милостей! Чтобы меч твой обломился в первом же бою...

Сотни, тысячи проклятий, многие из которых были далеко не так безобидны, как первые, теснились на языке Карелы, и все же, на ее взгляд, осуществление этих проклятий было бы слишком мягким наказанием Эльрису.

— Ну-ну, советую меня больше не злить! — рассердился офирец, не желая слушать дальше ее милые пожелания. — Сколько можно было издеваться надо мной? Из чаши моего терпения давно хлещет через край!

В ярости бросилась к нему Карела:

— Ты не мужчина, ты трусливая баба! — Она принялась колотить его кулаками по лицу, по плечам, по рукам, которые пытались поймать ее. — Сволочь, мерзкий, трусливый предатель! Тряпка, подлый шакал!

Он поймал, наконец, ее быстро мелькающие руки и с силой оттолкнул ее от себя. Упав на землю, Карела выхватила кинжал и снова бросилась на мужчину. Теперь у нее не осталось ни малейшего сомнения в том, что жизнью этого человека дорожить больше не стоило.

Эльрис привык уже ко многим вещам, на которые была способна Карела, и поэтому он не особо удивился вспышке ее гнева, но на губах его заиграло открытое и немного насмешливое презрение. Он медленно потянул меч из ножен, кивая и прищелкивая языком, словно приглашая девушку позабавиться, а он, мол, так уж и быть, подыграет...

Увидев, что мужчина обнажил против нее меч, на клинок которого можно было при желании насадить, как цыплят на вертел, по крайней мере трех стройных девушек, Карела сглотнула злые слезы и прошептала:

— Разрази тебя Деркэто, мерзавец!

А потом ринулась на обидчика.

* * *

Не думал Эльрис, что по прошествии стольких лет ему придется вспоминать кое-какие тонкости, касающиеся владения оружием. Кое о чем, например, о трениро-

вочных боях, он уже успел позабыть. Пришлось вспомнить истины, которые он усваивал еще мальчишкой. А именно: гораздо проще и защищаться, и атаковать, и наносить удары, когда перед тобой злейший враг. Уже много лет подряд в иные ситуации Эльрис и не попадал. Если он с кем-то сражался, ему ничем не возбранялось разить насмерть. И невыносимо трудно оказалось делать все это так, чтобы не задеть своего противника даже кончиком клинка.

Эльрис был взвинчен. Упрямство и оскорбления девушки взбесили его совершенно. Но четко подставляя свой меч под ожесточенные выпады девичьего кинжала, Эльрис холодел от одной мысли, что ненароком заденет и ранит красавицу.

Она же, казалось, совершенно об этом не заботилась. Она вертелась, мелькая перед глазами офирца, то приседала, то отступала, то снова бросалась вперед, пытаясь подобраться к Эльрису вплотную. Выпады, удары, прыжки, наклоны следовали один за другим. То, что Эльрис сопротивлялся ей шутя, разжигало ее еще сильнее.

Не сразу Эльрис понял, что ее так злит. Но потом он сообразил, что скорее всего, это снисходительно-насмешливая гримаса, которую Эльрис позволил себе. Ну как же, взрослый мужчина позволил себе немного поиграть, не желая притворяться, что всерьез считает девочку великой воительницей!

Но хватит с меня этих игр, решил Эльрис. Дурь из человека, а особенно из самоуверенной молоденькой женщины, не изгонишь уговорами. Уж если дурь вселилась, ее можно только выбить.

Если бы Карела одумалась и успокоилась, возможно, Эльрис простил бы ее. Но девушка то краснела, то белела от ярости, не обращала внимание на острый клинок офирца и никак не хотела прекращать свои нападки.

— Ну хватит, милая, размялась и будет. Теперь отдохни, — миролюбиво произнес Эльрис, когда Карела в очередной раз, оступившись, присела на одно колено.

— Ты погубил Табасха, — зловеще отозвалась девушка. — Поэтому это не разминка, это твоя смерть, Эльрис.

— Неужели ты всерьез так думаешь, милая? — расхохотался Эльрис. — Мне придется заняться твоим воспитанием, прежде чем жениться на тебе. Иначе мне даже прислуге стыдно будет тебя показать.

— Нож в глотку ты получишь, а не жену! Клянусь Деркэто! — четко выговорила Карела.

— Ох ты, — опешил Эльрис. — Однако этот нелюдь быстро обратил тебя в свою веру. Ну да ничего, несколько хороших уроков хлыстом...

Договорить он не успел. Получившая минутную передышку Карела стремительно кинулась на него, и Эльрис едва успел парировать удар, направленный точно ему в глотку.

— Ну, это перестает быть забавным, Карела! — разъярился офирец.

Нет, он не разочаровался в своей возлюбленной. Карела по-прежнему будоражила его воображение, как никакая другая женщина раньше. Но никакая другая женщина прежде не приносила ему столько хлопот и разочарований. Отступить теперь означало, что Эльрис признает себя побежденным. Побежденным женщиной. Да если бы еще женщиной, опытной и умудренной! Так... Вздорной семнадцатилетней девчонкой, которую никто по-настоящему не воспитывал... Эльрис не собирался никому рассказывать о своем позоре. Но даже перед самим собой ему было стыдно. Почему он, в конце концов, должен угождать ей, а не наоборот, как это принято у всех нормальных людей в его обществе?

Примерившись, Эльрис пошел в атаку. Несколько пробных взмахов, а затем четкий точный удар — и кинжал Карелы полетел в пропасть, а на запястье девушки загорелся кровавый порез.

— Ах ты, собака! — пробормотала Карела, и офирец увидел слезы, блеснувшие в девичьих глазах. Неужели Карела решила, что он собирается ее убить? Испугалась, глупая, да и забыла враз о своей боевой прыти.

Едва перевел дух офирец. Кровавая полоса на нежной девичьей ручке привела Эльриса в трепет.

— Поверь мне, я не хотел! — спохватился Эльрис. — Но ты так меня разозлила...

Карела стояла, потирая руку и морщась, и не говорила ни слова. Опустив меч, Эльрис шагнул к девушке и осторожно коснулся ее плеча:

— Будь умницей, и больше меня не зли. Никогда еще не поднимал я меч против женщины, но ты с твоим ужасным упрямством можешь даже благородного человека довести до греха.

— Благородного человека? — машинально произнесла Карела. — Благородного человека? — Она покосилась на меч офирца. — Ты это о себе, высокородный?

И тут же Эльрису пришлось ругать себя за такую наивную беспечность. Пожалел красотку! Получив резкий удар коленом в пах, он охнул, зажмурился, опустился на колени.

И за какое-то мгновение, на которое Эльрис потерял контроль над ситуацией, Карела завладела его мечом. Хотя он был и тяжеловат для девичьих рук, когда Эльрис открыл глаза, кончик меча смотрел прямо ему в лицо, а глаза Карелы не оставляли никаких сомнений: еще одно неосторожное слово, и офирец будет если и не убит, то на всю жизнь изувечен. Что верно, то верно, эта птичка жила не в золоченой клетке, среди благовоний и сладких развлечений. Эта девочка, определенно, знала, как убить человека, а ее неумная душа не ведала причин, по которым не стоит этого делать, если очень хочется.

— Сдаюсь, — произнес Эльрис, тяжело дыша.

Карела усмехнулась, но меч не опустила, и в какое-то мгновение Эльрис вдруг подумал, что заговорить ей зубы, пожалуй, не удастся, она ни за что не пощадит его. Меч сейчас опустится и...

Офирец растерялся.

— Послушай, Карела, давай во всем разберемся... — поспешно заговорил он.

Эльрис больше ничего не оставалось, как надеяться,

что сейчас слово за слово ему удастся рвануться, схватить девочку за ногу, сбросить ее на землю, обезоружить и... И от души проучить ее как следует. Но она была хитра. Стояла так, что не ухватишь и не дотянешься, не напоровшись на меч.

Как вдруг... Сверху, уже неблизко, а почти от самого горного храма раздался полустон-полурычание, протяжное, надрывное, леденящее кровь.

Карела вздрогнула и опустила меч, предусмотрительно отступив ровно настолько, чтобы быть по-прежнему недосягаемой для рук офирца.

— Табасх, бедный... А если я еще могу ему помочь? — несмело произнесла она.

— Ему никто не сможет помочь, Карела, — быстро проговорил Эльрис. — Забудь о нем.

Меч снова взвился в ее руках, и снова только протяжный вой демона остановил Карелу от приведения в исполнение ее приговора дворянину. Нерешительно помывшись, она обожгла офирца взглядом:

— Будь ты проклят, Эльрис, во веки веков! На-ка вот, поищи свой меч, если он тебе, конечно, нужен!

Отвернувшись от Эльриса, Карела размахнулась и бросила оружие вниз, туда, куда улетел выбитый из ее руки кинжал.

Потеряв интерес к офирцу, девушка принялась карабкаться вверх по невообразимому склону, по которому, казалось, совершенно невозможно взобраться.

— Куда ты, прах тебя побери! — завопил Эльрис, вскакивая. — Вернись, дурочка! Либо тебя сожрет эта пучеглазая тварь, либо та проклятая баба с чашей тебя растерзает!

Она не удостоила его ответом. Офирец даже засомневался, что девушка слышала его. А может быть и слышала, да где ее куриным мозгам осознать опасность?

Эльрис смутно подумал, что надо было бы поймать и задержать ее, пока вздорная девочка на свою беду не влипла в еще худшую историю. Но какой же умный человек бросается спасать красавиц, оставшись без ору-

жия? Особенно если бежать за ней придется в такое крайне хлопотное место, из которого он только что чудом вырвался, надеясь никогда больше туда не возвращаться.

Проклиная все на свете: Стигию с ее отродьями, Кло-руса, не сумевшего вовремя приструнить дочку, вздорную красавицу, норовящую всех вокруг втравить своими прихотями в нечто непотребное, да заодно и себя проклиная, опозоренного и отвергнутого, — Эльрис прыгнул вниз в надежде поскорее отыскать меч, а после уже бежать вдогонку за уже скрывшейся из вида Карелой.

Она, очевидно, думала по-другому.

Тяжелый меч стал бы для нее обременительным. Кинжала ее лишили. Можно было бы, конечно, сделать то, что она только что предложила сделать Эльрису: спуститься вниз и поискать свое оружие.

Но Карела карабкалась вверх, умудряясь каким-то чудом не свалиться, и только вскользь думала, насколько рискован и необдуман ее поступок. По всем меркам она делала ужасную глупость, которая могла стать непоправимой. Но мысль о том, что она может оказаться нужной Табасху, влекла ее вперед вопреки всякому здравому смыслу. Что ж, женщина есть женщина.

У нее в ушах стоял вой ее несчастного друга, которого она все-таки не смогла уберечь от мести заносчивого офира. На любую низость готовы даже те, кого за глаза порой называют лучшими. Но Карела в глаза сказала Эльрису, что она думает о нем, и не жалела об этом.

* * *

Никогда еще Михар не была так близка к своей цели. Близкая удача показалась ей не случайностью, а вполне заслуженной наградой за годы упорства, скитаний и поисков.

Еще немного, и у нее будет все то, что снилось ей ночами столько долгих и безрадостных лет.

Не думала она, что ей так повезет, что офирец окажется не только сообразительным, но и достаточно болтливым. Правда, зря он думает, что для него уже все

кончилось. Эльрис, кажется, решил, что Михар он больше не увидит. Может статься, ему удалось бы избежать новой встречи с Михар, но при том весьма сильном впечатлении, которое произвел на стигийку Эльрис, шансы на жизнь вольную у него невелики.

Мысли Михар текли, как обычно, вращаясь вокруг ее заветной цели. Она уже почти не вспоминала о том, кто она такая есть на самом деле. Она забыла детство в уединенном, одиноком доме с одержимой и обиженной всеми матерью, она забыла дни, отравленные ненавистью к крепкому темноглазому мальчишке, который творил просто чудеса одним движением руки там, где Михар сидела над снадобьями и амулетами часами. Уже без особой горечи вспоминала она и свою юность, омраченную вечными тяжелыми думами и горькими слезами, пролитыми перед отполированной поверхностью зеркала.

Ей казалось, что все это уже прошло, что боль эта никогда не вернется. Деркэто всегда держит обещания, и женщина, до конца исполнившая заветное, преобразится и станет не только сказочно красива, но и сильна настолько, что не окажется ни одного, пусть даже самого смелого и дерзкого желания, осуществить которое было бы ей не под силу. Потому что не может быть преград для женщины, которую одарила своей милостью самая прекрасная и жестокая богиня — Деркэто.

Загадочно усмехаясь, Михар прошла по храмовой пещере и еще раз осмотрела, все ли необходимое на своих местах.

Каменный исполин много-много лет тоже ждал своего избавления. Хотя статуя и не меняла позы, Михар вдруг показалось, что камень уже ожил, что в каменной груди уже клокочет такое же нетерпение, оно просится наружу. Возможно, что так оно и было. Жертва Деркэто вполне могла и видеть, и слышать, и понимать, что происходит вокруг него в храме. И он мог предвкушать события так же живо, как и сама чародейка.

— Ты ведь не подведешь меня, верно? — пробормотала Михар.

Ей показалось, что великан соглашается с нею.

Внезапно Михар поняла, что совершенно не представляет, что случится с каменным человеком после того, как он выполнит свою миссию, определенную заклатьем богини. Никто никогда ей об этом не говорил. Хорошо было бы, если бы он остался в живых и снова стал человеком. Ого, если бы он при этом сохранил все свои исполинские размеры, а из долгих лет вынужденной неподвижности извлек бы хороший урок послушания, возможно, он стал бы далеко не последним из числа приближенных Михар. Она еще не знала, кто будут эти счастливицы, но уж если когда-то богиня положила глаз на этого человека, то он вполне подойдет и новому земному воплощению Деркэто.

Итак, исполин был в полном порядке, да и куда бы он делся, собственно. Серебряная чаша для крови демона была уже наготове. Сабля Деркэто лежала там, где ей и положено было лежать. Ни за что не осмелилась бы Михар трогать даже ножны, не говоря уж о самом оружии.

Дело оставалось за главным участником священнодействия — за демоном. Михар не видела брата давно, из дома он сбежал почти ребенком. Душа стигийки изныла в ожидании того часа, когда Михар увидит братишку, но не родственные узы были этому причиной. Если бы с самого рождения Табасха мать не внушала Михар, что именно он, ее брат, приведет ее к мечте, возможно, мальчик давно уже утонул бы, или задохнулся, подавившись орехом, или попал под копыта лошади... Михар нашла бы способ. Приходилось терпеть и не давать волю чувствам. И теперь за это терпение она будет вознаграждена с лихвой.

Ни разу прежде не довелось ей увидеть демоническое обличье брата. Но представить его себе Михар могла довольно легко, потому что она помнила того демона из свиты Деркэто, который был отцом Табасха. Тогда Михар была маленькой девочкой, она пробралась в тайное святилище матери и, притаившись там, видела все то, чему подвергала себя стигийская колдунья, чтобы дать воз-

можность своей дочери через много лет обрести невиданную силу. Тогда Михар больше всего поразило, с какими гадкими тварями имеет почему-то дело сиятельная богиня... Табасх, на взгляд Михар, и человеком-то был весьма премерзким, а уж демон из него должен был получиться поистине чудовищный.

Михар была уверена в том, что офирец быстро найдет ее брата и не будет медлить. Пусть короткие роковые слова поскорее коснутся ушей этого маленького ублюдка, пусть поскорее он придет сюда... Никакого душевного трепета, ни капли жалости или сожаления. Ненависть и брезгливость к брату, круто замешанные на острой зависти — такой закваске все нипочем. Душевные силы могли Михар понадобиться только для того, чтобы заставить себя проглотить содержимое серебряной чаши, после того, как она наполнится кровью Табасха. Вкус этого пойла должен быть под стать плоти демона.

Но это были такие мелочи. Ради своей цели Михар еще не то согласилась бы глотать!

— Ша Мрэль, Ша Мрэль, Ша Мрэль... — Эти слова она повторяла, как стихи, как заклинание. Эти два слова должны принести ей удачу, счастье, силу, власть, вечную молодость и красоту. А уж она знает, как правильно распорядиться всем этим. Ошибиться будет невозможно, если все предшествующие годы прошли в размышлениях на эту тему.

Рассеянный взгляд Михар остановился на пестром пятне в дальнем углу пещеры. Едва выйдя из возбужденного состояния, в котором она пребывала с той самой минуты, когда вдохновленный ею Эльрис бросился на поиски Табасха, Михар с досадой узнала в пестром пятне немедийца, кутающегося в шерстяную ткань.

— Ах, это ты, Бриан! — Она с удивлением увидела, что немедиец не разделяет радости своей госпожи. — Что ты такой кислый?

— Разреши мне уйти, госпожа, уйти и переждать где-нибудь, пока это все не кончится. А потом я вернусь! —

заверил он жалобно. — Я вернусь обратно, жизнью тебе клянусь!

— Чего ты боишься? — нахмурилась Михар.

— Пусть простит меня моя госпожа... — Бриан едва дышал. — Ради госпожи Михар я готов на все, но не могу я сидеть и ждать здесь прихода этого демона!

Михар нетерпеливо взмахнула рукой:

— Да ты, видно, совсем обезумел, Бриан. Ты же все слышал и знаешь, что Повинующийся Заклятью будет безобиден и пальцем не пошевелит без моего приказа.

— Пусть так, госпожа моя! — Бриан упал на колени, целуя каменный пол рядом со ступней стигийки, обутой в короткий сапожок. — Милости твоей прошу!

— Пошел прочь, убожество! — разозлилась Михар.

Нет, этот годится не на многое. Держать его рядом с постелью еще можно. Но если душонка у него до того отравлена страхом, что он не способен просто сидеть и ждать, даже когда от него ничего не требуется... Такие типы всегда были ненавистны Михар. Поэтому она презрительно сморщилась и повторила:

— Пошел прочь. Можешь переждать где-нибудь поблизости. Но смотри мне, если попробуешь удрать, я пошлю за тобой Фипона и превращающее заклинание заодно.

Увидев мгновенное облегчение на лице Бриана, она рассмеялась и безнадежно махнула на мужчину рукой. Неловко кланяясь, немедиец попятился и исчез.

Переведя дыхание, Михар откинула волосы со лба, прикрыла глаза, и состояние радостного ожидания снова вернулось к ней. Ох, как это приятно, не просто ждать неизвестно чего, а знать, что все так близко и уже почти реально.

Снаружи послышался истошный вопль. Причем такой, что Михар в замешательстве оказалась бессильна определить источник. Этот крик звенел, словно уже жил сам по себе, не затихая и не усиливаясь.

— Что там происходит? — удивилась Михар.

Пройдя коротким и низким каменным коридором, она

вышла из храма. И счастливо заливисто засмеялась. Лучшего зрелища она и пожелать себе не могла.

В нескольких шагах от входа, опираясь на вытянутые руки, сидел на земле Бриан. Полный ужаса крик исходил из его луженой глотки, и оставалось только удивляться, почему запаздывает лавина горного камнепада.

Виной приступа ужаса, охватившего несчастного немедийца, было буро-коричневое существо в безрукавке и коротких штанах. Только эта скудная одежда и указывала на то, что какое-то отдаленное родство с человеком у этого существа есть.

Лохматый, покрытый редкой шерстью, длина которой составляла чуть ли не ладонь взрослого мужчины, чудовищный урод стоял невдалеке и внимательно рассматривал немедийца. Казалось, что чудовище смотрит на Бриана с крайним любопытством и хладнокровием.

— Здравствуй, Ша Мрэль! — спокойно сказала Михар, не надеясь, однако, что чудовище расслышит ее. Голос женщины потонул в крике Бриана.

Но демон всегда расслышит свое имя, и панические вопли людей этому не помеха. Урод поднял голову, и на Михар взглянули черные, блестящие глаза, казавшиеся из-за слез совершенно выпуклыми и объемными шарами на плоской морде. Увидев женщину, чудовище задрожало и судорожно поджало передние лапы, по зячьи согнув их у груди.

— Здравствуй, братишка, — улыбнулась Михар и быстро подошла к Бриану. Положив руку на плечо мужчины, она сдавила его и требовательно произнесла: — Заткнись, не то плохо будет!

Бриану уже было плохо. Да еще как плохо. Это Михар поняла сразу же, как только заметила, что Бриан сидит в лужике весьма недостойного происхождения. Он был всего лишь простой солдат, и такое испытание оказалось ему во второй раз не под силу. Заткнуться-то он заткнулся, но помертвевший взгляд его сказал Михар о том, что бедняга, кажется, потерял рассудок.

— Что мне теперь делать с этим живым трупом? Ты

не голоден, Ша Мрэль? — усмехнулась Михар. — Бриан довольно молод и не слишком жилист. Я не настолько жестока, чтобы заставить тебя умереть голодным.

Демон заскулил. По-прежнему поджав лапы, он пускал слюни и слегка ворочал языком.

— Что, братишка, язычок не слушается? — озабоченно спросила Михар, обходя вокруг и оглядывая чудовище. — Жаль, что ты не разговариваешь, я хотела бы расспросить тебя о твоём здоровье. Все-таки давно не виделись... Да, ты плохо выглядишь, Ша Мрэль. Исхудал... Не хочешь ли все-таки подкрепиться? Съешь немедийца, так уж и быть.

По шерсти на морде демона потекли капли, величиной с мелкие виноградины. Это доставило Михар неслыханное удовольствие.

— Плачь, маленький ублюдок, плачь, но от своей судьбы ты не уйдешь, — Михар потерла руки и указала чудовищу на вход в храм: — А ну, вперед!

Демон замотал головой и завыл. Он кричал долго, и казалось, что от отчаяния и горя у него вот-вот разорвется сердце. Пальцы с когтями на его руках жадно зашевелились. Он с радостью разорвал бы в клочки свою сестру, но он ничего не мог поделать против заклатья.

— Ну-ну, милый, я знаю, что тебе не очень хочется гостить у меня. Но мы столько лет не виделись, Ша Мрэль! Как ты можешь быть таким бесчувственным?! Я и не знала, что ты у меня такой симпатичный парень! — расхохоталась Михар, наблюдая, как корчится демон, пытаясь спрятать распухшую морду, закрыв ее мохнатыми лапами. — Право же, таким ты мне нравишься больше, чем тогда, когда был невыносимо вредным мальчишкой.

Она вдруг поняла, что дурачиться ей надоело. И голос ее обрел стальную твердость. Настало время отдавать приказы:

— Я сказала, Ша Мрэль, немедленно иди в храм! — четко сказала Михар и освободила проход.

Она знала, что как бы ни лились слезы демона, какие

бы жалобные стоны не издавал он, сила заклатья поведет его за собой. И она ни ошиблась. Через несколько мгновений чудовище побрело к расщелине, шатаясь и падая, но снова вставая на ноги, чтобы двигаться навстречу своей смерти.

Даже не взглянув на Бриана, безумно пьялившегося на то самое место, где только что стоял демон, но где уже никого и ничего не было, Михар пошла вслед за чудовищем, гордо вскинув голову. Теперь она была хозяйкой положения. Да и стоило ли горевать о нечаянно утраченном имуществе, когда совсем скоро она получит не то что втрое того, но в сотни и тысячи раз больше. Что там какой-то спятивший комок мышц и костей...

Михар не торопясь вошла под свод храмовой пещеры и остановилась. Ша Мрэль распростерся на полу, царапая камень когтями. Сначала Михар не поняла, что он такое делает, и только, присмотревшись, смогла различить, что правая лапа демона тянется к сабле Деркэто, а левая пытается удержать правую.

— У тебя нет выбора, Ша Мрэль, так и скажи это своей левой лапе, да не трать зря времени. Бери саблю, демон. Настал час заклатья!

Ша Мрэль встал на колени. Хрипло рыча и оставляя за собой пенистые лужицы слюны, капающей с мясистого языка, он стал подползать к сабле.

Глава 7

О доле последнее препятствие, устав и поотбивав колени и локти, Карела, наконец, взобралась на самый верх, к подножию полукруглой, гладкой скалы. То тут, то там она видела следы Табасха. Он тоже лез здесь, оставляя клочки бурой шерсти, влажные пятна слюны и ужасный гадкий запах...

Выбравшись на узкую тропку вдоль храмовой скалы, Карела побежала по ней. Завернув на ту сторону, которая была скрыта от ее глаз, пока она была внизу, Карела сразу же поняла, что путь ее завершен.

В покатоj ровной поверхности была расщелина.

Только бы не опоздать, с ужасом подумала Карела. Оттуда, изнутри доносились звуки: стоны, рычание, окрики... Карела рванулась вперед и остановилась. Прямо перед входом в храм сидела неподвижная фигура, кое-как завернутая в странную пеструю ткань. Девушка даже глазам не поверила, узнав в замершей статуе солдата-немедийца.

Бриан сидел молча и смирно, но выглядел он как-то странно. Как бы то ни было, но путь Карелы лежал как раз мимо Бриана, и миновать его было никак невозможно.

Вспомнив, что оружия у нее не осталось никакого, Карела подумала и подобрала с земли внушительный камень. С камнями ей еще не приходилось иметь дело, но это лучше, чем совсем ничего.

Бриан не мог ее не заметить: на небольшой открытой

площадке каждый, кто там появлялся, становился виден, как на ладони. Но Карела двигалась, а Бриан никак не реагировал. Он сидел, раскинув ноги в стороны и склонив голову набок.

Чем ближе подходила к нему Карела, тем больше она терялась.

Когда же она оказалась в двух шагах от него, все стало ясно: Бриан не шевелился, потому что был не в себе. Его глаза не мигали, уставившись в пустоту. Резкий запах мочи, исходящий от немедийца, лучше прочего говорил о тяжести положения бедняги.

На всякий случай Карела помахала растопыренной ладонью перед его лицом, но немедиец даже глазом не моргнул. Ни прекрасные девушки, ни лютые враги его больше не интересовали. Можно было смело считать, что прохожи Бриана не было больше на свете. Некому было теперь давать обеты пресветлому Митре и некому было их нарушать. Место Бриана занял беспомощный и никому не нужный кусок плоти.

— Достойная участь для предателя! — проговорила девушка и добавила, имея в виду Эльриса: — И как жаль, что еще не всех предателей она постигла!

Оставив в покое несчастную жертву собственных низких страстей, Карела подошла вплотную к расщелине. Там, внутри, было светло. Но кроме света и шума оттуда просачивалось что-то еще, тяжелое и тягучее, сеящее вокруг себя напряжение и трепет.

Все еще сжимая в руке камень, Карела двинулась по узкому и низкому проходу внутрь скалы. Она вошла под свод пещеры и остановилась.

Да и могла ли она просто так взять и двинуться дальше? Прямо напротив входа у дальней стены грозно возвышался каменный гигант. И хотя поза коленопреклоненного мужчины на первый взгляд была довольно безобидна, если не сказать беспомощна, покаянно протянутые вперед руки не могли ввести в заблуждение Карелу. Она сразу почувствовала, что это именно от него исходит напряжение, наполняющее пещеру. Безжизненные камен-

ные мускулы словно готовы были взорваться. Да, он не мог пока ни двинуться, ни даже повернуть свою каменную голову. Но Карела еще не успела даже войти и осмотреться, но выражение каменного лица уже бросилось ей в глаза. Никогда не думала она, что камень, обычный серый камень, пористый и грубый, может так явно и ощутимо сочиться болью, ненавистью и нетерпением. Чего ждал и чего боялся этот камень? Мог ли он чувствовать, мог ли он мыслить? Карела была готова в это поверить. Исполин гипнотизировал ее, заставлял смотреть на себя, словно предупреждал ее о чем-то очень важном.

Но что могло быть сейчас для Карелы важнее судьбы ее друга?

Мохнатый демон стоял на коленях у небольших кожаных ножен, что лежали у самого основания грозной статуи. Он покачивался из стороны в сторону и выл, глухо и жалобно. И в этом совершенно нечленораздельном вое Кареле почудилось ее имя. Она тут же выпругала себя за излишнюю впечатлительность. Вряд ли ужасный мохнач, в которого превратился юный стигиец, мог сейчас думать о чем-нибудь или о ком-нибудь.

Чудовище стало каким-то странным, если подобные слова вообще подходили к ситуации: разве мог мохнач хоть на минуту показаться кому-то обычным... Тем не менее, лапы чудовища стали еще более толстыми, мохнатыми и корявыми, чем тогда, когда Карела видела демона в последний раз. Его туловище корчилось и содрогалось, а одежда, в которой Табасх начал свое превращение в демона Ша Мрэля, лопнула враз и свисала с косматого тела оборванными клочками.

С того момента, когда Табасх покинул Карелу, прошло совсем немного времени, но демон изменился почти до неузнаваемости. Сначала Карела не поняла сразу, что именно произошло с чудовищем. Но вдруг девушку словно что-то толкнуло изнутри: оно выросло! Табасх чудовищно вырос! Наверное, если бы он поднялся в полный рост, он стал бы едва ли не вровень с каменным своим палачом,

в жертву которому предназначила его сиятельная Деркэ-то.

Возле каменного изваяния стояла женщина. Ее голова едва виднелась из-за косматого загривка чудища, но без тени страха стояла рядом с демоном эта невысокая, сухая плоскогрудая женщина с бледной зеленоватой кожей. Ее голова была гордо вскинута, длинные блестящие черные волосы ее живым потоком сбегали по покатым плечам. А на лице — выражение торжества и вождения.

— Не медли, Ша Мрэль! — выкрикнула женщина и вздела вверх тонкие руки. — Жди этой жертвы, Деркэто! Она твоя!

Ее ладони медленно сжались в кулачки, так, что пальцы стали белее мела. И не надо было Кареле долго смотреть на нее, чтобы уяснить, что в душе стигийки бушевали дикие страсти, но не было там места ни сомнениям, ни состраданию.

Демон протянул лапу к ножнам и взял их. Со свистом вылетело из них блестящее кривое лезвие и заиграло сполохами в неровном свете двух масляных ламп, что стояли по обе стороны каменного исполина. Маленькая сабля лежала на огромных протянутых вперед ладонях демона и казалась детской игрушкой.

Неловко двигаясь, демон стал вставать на ноги. Его непрекращающийся вой заложил Кареле уши. Но ничто не могло остановить Ша Мрэля. Ша Мрэль был рожден на свет для того, чтобы подставить свою шею палачу, и не человеку, тем более не юной вздорной девчонке вмешиваться в это дело. Не зря же сам Табасх, теряя человеческий облик и устремляясь навстречу своей смерти, именно об этом сказал ей, пока еще мог разговаривать. «Не мешай судьбе, Карела!» Эти слова друга она хорошо помнила. Но будь она проклята, если будет стоять, вытаращив глаза, и спокойно смотреть, как...

Как чудовище, со стоном поднявшись на ноги, делает первый шаг навстречу каменному исполину. Как с дрожью и криком пытается страшным усилием противостоять неумолимому заклятью. Но руки-лапы сами по себе, не-

взирая на страдания демона, начинают выпрямляться и протягивать саблю каменному палачу.

Медленно, отчаянно сопротивляясь самому себе, Ша Мрэль приближал саблю к готовым принять ее рукам палача. И Кареле на мгновение показалось, что каменные ладони начинают дрожать, а мускулы пульсировать и напрягаться... Все-таки он живой, этот камень! Вот-вот он сам выхватит у демона оружие и тогда...

— Стой, Табасх! — Карела бросилась туда, к дальней стене, не помня себя от ужаса. Ей казалось, что уже поздно, что сабля уже легла в каменные руки, и теперь все потеряно...

Демон услышал ее крик и перестал стонать. Переваливаясь на мохнатых ногах, чудовище медленно обернулось... И Карела едва смогла остановиться и сдержать свой порыв. Тот урод, в которого превратился Табасх на горной тропе и который так быстро убежал от нее и Эльриса, был просто милашкой по сравнению с той тварью, которая мрачно и тоскливо взглянула на девушку. Мало того, что роста тварь стала просто громадного, глаза, напоминавшие размером голову новорожденного младенца, были глубоко всунуты в искореженный страшной силой череп. Поздри вывернулись, рыжая слизь пенилась на их потрескавшихся краях. Огромный язык величиной с бычью ляжку, свисал на плечо и истекал кровавой слюной. Зубы по-прежнему выдавались вперед, но они уже не были редкими и мелкими. Каждый зуб, массивный и острый, мог размозжить голову человеку, и уж попади рука или нога Карелы в эту зловонную пасть, одного движения челюстями было бы вполне достаточно, чтобы изувечить и убить девушку.

Сдавленный рык зародился где-то внутри широкой мощной груди демона. Карела сделала шаг назад, понимая, что если чудовище сделает в ее сторону хотя бы легкое движение, ноги сами унесут ее прочь. Но демон вдруг рухнул на колени и выронил саблю. Вцепившись лапами в шерсть на морде, он закричал, как раненый вепрь, и упал на бок.

— Табасх!.. — Карела уже не знала, слышало ли ее чудовище.

Отвратительная тварь задергалась на полу, и дикие звуки, что вырывались наружу из стиснутых челюстей, неожиданно сложились в невнятную, но все же различимую фразу:

— Беги... отсюда... Беги, Карела... иначе... смерть...

Мысли с невероятной быстротой крутились в голове девушки. Демон слышал и понимал ее. И если Ша Мрэль лишь ненадолго смог отсрочить свою смерть, не думая больше ни о чем, кроме исполнения заклатья, стигийский юноша Табасх был все еще в нем, и он все еще, как прежде, заботился о своей подруге.

Сильный удар по шее вывел Карелу из оцепенения. Ловкие цепкие руки впились ей в волосы и кто-то резко дернул ее на пол.

Увидев над собой искаженное яростью бледное лицо колдуньи Михар, Карела наконец поняла, что еще немного, и ее самое большее убьют, а самое меньшее — вышвырнут из храма.

— Убирайся откуда пришла! — прошипела Михар ей в лицо и потянула Карелу за волосы.

Но зря Михар, упоенная близкой победой, стала праздновать ее так рано. Не тратя время на то, чтобы высвободить из пальцев стигийки свои длинные волнистые пряди, Карела протянула руки и ухватила за прозрачную шелковую накидку, окутывающую костлявые плечи чародейки.

— Это ты убирайся, откуда пришла! — выкрикнула Карела в ответ и добавила: — Оставь Табасха в покое!

— Здесь больше нет Табасха! — злорадно процедила Михар.

Вцепившись в волосы и одежду друг друга, женщины возились на каменном полу, пока Карела, улучив момент, не огляделась и не сообразила, что Михар медленно, но верно увлекает ее туда, где были брошены на войлочной подстилке ее вещи. Что ж, если Михар нужно туда, значит, Кареле туда не нужно.

Царапая и кусая друг друга, женщины дрались с такой съедающей злобой, что казалось, ярость и отчаяние искрами сыплются от них в разные стороны. Наверное, самые жестокие и бездушные воины-мужчины не сражаются между собой с такой всепоглощающей ненавистью, с какой пытались уничтожить друг друга две эти женщины, впервые увидевшись.

Очнувшись и подавив в себе растерянность, пережитую в момент внезапного нападения, Карела вновь собрала все свои силы и всю свою злость. Она вдруг поняла, что сухая стигийка вряд ли проводила много времени за совершенствованием своих боевых навыков. Даже если Табасх, мужчина, был не совсем уверен, сможет ли он защитить себя, став человеком, можно ли считать серьезным противником эту сушеную воблу до тех пор, пока она не добралась до одного из своих магических амулетов?.. Нет, считать настоящим противником ее было пока нельзя, поэтому, чтобы таковым ее можно было не считать и далее, следовало раз и навсегда лишить ее возможности воспользоваться хоть самым малым ее колдовством.

Почувствовав, что руки стигийки слабеют, Карела нанесла самый резкий и сильный удар, на который была способна в таком состоянии, и рванулась из-под не такого уж и тяжелого тела. Она отпрыгнула в сторону и развернулась.

С яростным криком и проклятиями Михар подскочила, но бросилась не на свою противницу, а к вещам.

Карела прыгнула, пытаясь помешать ей. Уже падая, ей удалось в прыжке ухватить Михар за ногу, и стигийка упала, так и не успев дотянуться до разложенных на войлоке предметов.

Упираясь в войлок локтем, Михар тянула и тянула свободную руку, а Карела так же упорно, изо всех своих сил старалась удержать стигийку.

Но колени Карелы скользили по холодному отполированному полу храма, Михар понемногу, медленно, но все ближе и ближе оказывалась у своей цели. Наконец,

пальцы ее коснулись рукоятки кинжала, что оказался к ее руке ближе всех...

Со страшным звериным рычанием Михар резко крутанулась, переворачиваясь на спину и вырывая свои ноги из рук Карелы. Вскочив на колени, она грозно замахнулась кинжалом...

Что-то крепко и больно стиснуло ребра Карелы. Жаром обожгло кожу через ветхую ткань куртки, облако злобного смрада окутало девушку. Не успела Карела ничего сообразить, как что-то подняло ее в воздух, и кинжал Михар, которым она метила в грудь своей противнице, сверкнул рядом со ступней Карелы, не задев ее.

Взглянув вниз, Карела поняла, что это лохматое чудовище крепко держит ее на весу, высоко подняв над головой. Ша Мрэль схватил ее, как ребенок берет маленькую куклу и так же, как ребенок спасает свою бесценную любимую куклу, выдергивая ее из-под самого носа злобного пса, готового растерзать игрушку, демон выдернул свою подругу из-под кинжала чародейки.

Михар была вне себя от ярости. Не выпуская из рук свое оружие, она набросилась на демона, нанося ему один за другим удары кинжалом.

Взревел демон и, не опуская Карелу вниз, занес ногу... С диким истошным визгом Михар, подброшенная мощной мохнатой лапой, отлетела к стене, ударилась о неровный камень и затихла.

Осторожно наклонившись, демон поставил Карелу на ноги. Девушку зашатало от такой головокружительной смены высоты. Да и мохнач явно не рассчитал свои усилия, когда стремительно подхватывал Карелу с пола. Наверняка он думал, что держит девушку легонько и аккуратно. Но теперь освобожденные от косматых лап ребра сразу же заныли, и Карела невольно опустилась на колени, стараясь справиться с этой неприятной резкой болью, поднимающейся при каждом вздохе. А дышать приходилось часто. От боли потемнело в глазах, и когда девушка, наконец, смогла сосредоточиться на том, что происходит вокруг, на расстоянии шага прямо перед сво-

им носом она увидела гадкую морду, обдающую ее кошмарным запахом и брызгами пены. Налитые кровью глаза выпучивались, а мясистый язык явно силился что-то сказать.

— Ничего, ничего, Табасх, все в порядке, ты не виноват, — проговорила она, и чудище взвыло, неожиданно тонко и истошно.

Демон зашевелился и стал отползать. Лапы его зашарили по полу, и так же трепетно, как он только что держал Карелу, демон взял в руки саблю. Заклятье есть заклать. Стоит Михар у него над душой или лежит в углу без чувств, это не играет никакой роли в судьбе Ша Мрэля. Медленно приходя в себя, Карела молча смотрела, как демон снова пошел навстречу заждавшемуся его подношения каменному великану.

То ли потому, что с головой у Карелы было что-то неладно, то ли потому, что она сидела на полу и смотрела на Ша Мрэля снизу, но ей показалось, что демон еще больше вырос и раздался вширь. И чем крупнее становилась жуткая тварь, тем все неотвратимее был ее конец.

Казалось, что от тяжелых медленных шагов демона начинает дрожать отполированный пол. Карела чувствовала каждый шаг Ша Мрэля, от соприкосновения локматой лапы с полом храма по телу ее пробегало странное сотрясение, от которого останавливалось сердце.

Какое-то движение почудилось Кареле немного в стороне. Высокая мужская фигура с обнаженным мечом в руке выскочила из расщелины входа. Это был офирец, взъерошенный и потный. Остановившись, он уставился на огромного мохнача, занятого исполнением своего последнего предназначения. Клинок меча благородного дворянина был окровавлен.

Эльрис бросился к Кареле и, положив рядом свой меч, схватил девушку за плечи:

— Что с тобой? Ты ранена?

— Нет, — безучастно произнесла Карела и бросила взгляд на меч. По пути в храм Эльрис успел кого-то отправить на тот свет. — Кого ты убил?

— Мерзавца Бриана, — отозвался Эльрис и настойчиво затеребил Карелу. — Вставай! Уходим из этого страшного места! Нам нельзя здесь больше оставаться! Разве ты не чувствуешь, как дрожит скала?!

— Дрожит скала? — переспросила Карела. Ей казалось, что это Ша Мрэль сотрясает твердь скалы своими неуклюжими шагами.

— Да, я еле-еле взобрался сюда! — Эльрис обнял девушку. Его голос дрогнул, когда он снова повелительно сказал: — Здесь сейчас все рухнет, и мы немедленно уходим!

— Уходи, — равнодушно ответила ему Карела и сама, без его помощи, встала на ноги.

— Прах тебя побери, женщина! Неужели твоя собственная жизнь тебе не дорога! — возмутился Эльрис, краем глаза следя за демоном.

— Отчего же, дорога! — возразила Карела и взглянула в глаза офирцу. В них можно было прочесть тревогу и решимость. Еще мгновение, и он подхватит меня и утащит прочь, и я ничего не смогу сделать, поняла девушка.

Эльрис наклонился, поднял меч и вложил его в ножны. Он уже протянул руки к Кареле, но в то же самое мгновение каменный пол дрогнул и стал вспучиваться как раз в том месте, где они стояли. Каменная плита словно вздохнула, поднявшись и опав. Эльрис и Карела бросились друг к другу, но сильнейший толчок откуда-то изнутри горы раскидал их в разные стороны.

— Беги, Карела! Я умоляю тебя, беги! — услышала девушка голос офирца. Но из-за поднявшейся вдруг тучи пыли она не видела его и не могла понять, в какой стороне выход.

Громкое подвывание демона все еще наполняло пространство пещеры, все еще горели по обе стороны каменной статуи лампы с пальмовым маслом, и, когда пыль улеглась, Карела увидела, что демон застыл в нерешительности у самых рук своего палача и оглядывается

назад. Прежде чем покончить со всем, чудовище хотело убедиться, что девушка в безопасности.

— Табасх, прочь оттуда, не делай этого! — Карела вскочила на ноги и побежала к мохначу.

— Карела, стой! — завопил Эльрис откуда-то из дальнего угла. — Что уставился, Ша Мрэль, делай свое дело!!

Хотя бы так, но офирец все же пытался довести до конца начатое им дело, причем завершить его Эльрис хотел именно таким способом. Он хотел смерти ненавистного ему демона.

Прозвучавшее вновь имя Ша Мрэля не могло не сделать свое дело. Глухо зарывчав, демон отвернулся и протянул саблю в каменные руки. Новый сильный толчок потряс храм. Карелу швырнуло на пол.

— Табасх! Не смей! — Карела попыталась подняться, но вся скала сотрясалась, как в лихорадке, пол ходил ходуном, со стен храма, веками стоявшего чинно и покойно, начали сыпаться мелкие острые камешки... Из горных глубин, из самого сердца царства мрака и смерти послышался негромкий, но нарастающий гул.

— Табасх! Иди сюда! — крикнула Карела, отчаявшись. — Ко мне, Табасх!

Сдавленный стон демона показался ей уже предсмертным его прощанием. Но вот глухие шлепки мощных лап дали ей понять, что Табасх жив и слышит ее. Более того, сквозь пыльное марево, в подсветах чудом уцелевших пока ритуальных светильников показалась огромная, под самый потолок, корявая, изувеченная силой заклятья бесформенная фигура.

Чувствуя, как плита пола, на которой лежала Карела, стала под ней переворачиваться, девушка поползла навстречу демону, обдирая руки об обломки камней, что сыпались там и тут.

— Помоги мне, Табасх!

Демон шлепнулся на колени, и от этого падения плиты пола зашевелились и стали рушиться. Не иначе как все вокруг собиралось провалиться напрямиком в преисподнюю,

захватив с собой не только демона, но и тех, кто имел глупость последовать за ним.

Мохнатая лапа протянулась к Кареле. Она была таких размеров, что Карела могла бы уместиться на чудовищной ладони, свернувшись калачиком. Ухватившись руками за горячий сухой палец демона, который толщиной своей был не меньше, чем плечо Эльриса, Карела подпрыгнула и повисла над рушащейся плитой. Сразу же демон развернул ладонь, и Карела уселась на ней, крепко вцепившись в бурю шерсть чудовища.

Ша Мрэль быстро перенес девушку на безопасный целый участок и спустил ее на пол. Держа громадную ладонь прямо над головой Карелы и оберегая ее от острых камней, он с рычанием поднес к ее лицу вторую свою ладонь, ту самую, на которой лежала сверкающая сабля, совсем пустяшная, крошечная...

Некоторое время Карела никак не могла понять, что хочет от нее Ша Мрэль. Но он настойчиво держал оружие перед ней, и руки девушки сами потянулись к сабле. С трепетом и содроганием коснулась она причудливого эфеса...

И вдруг сила, живая, дерзкая, неудержимая, тугим потоком, невидимым, но ощутимым стала вливаться в Карелу, наполняя собой ту пустоту, которую выел в ней страх. Эта волна, противостоять которой было невозможно, захлестывала Карелу с головой. Не осталось места ни усталости, ни робости. Слезы высохли мгновенно, и все вокруг приобрело четкие очертания и заиграло свежими красками.

И уже без всякой опаски Карела взяла саблю с ладони демона.

И сразу стих подземный грозный гул. Прекратилось шуршание и шелест падающих камней, улеглись тучи пыли. Развороченный пол храма больше не обрушивался...

Оружие легко и привычно лежало в руке Карелы. Ничего лучше и придумать было нельзя. Сверкающий отполированный клинок, удобный эфес. Карела держала в руке что-то теплое и совершенно живое. Она ощущала

слабую вибрацию и дрожь эфеса, словно оружие пыталось подстроиться под какой-то внутренний ритм. И большой сапфир вдруг засветился изнутри теплым огнем, который проливался на Карелу, вдыхая в нее новую силу.

Ша Мрэль, тяжело и шумно дыша, отступил назад.

— Что с тобой, Табасх? В чем дело? — удивилась Карела.

Но чудовище пятилось и пятилось назад, освобождая довольно большой ровный пяточок, разделяющий развороченный пол перед расщелиной и коленопреклоненного каменного великана.

Жертва Деркэто по-прежнему стояла у дальней стены, протягивая руки в ожидании. Чего было ему теперь ожидать? Уж не вообразил ли он, что Карела сама подойдет к нему и отдаст ту вещицу, которую она только что получила от Табасха?

Похоже, что каменный истукан так и думал. Потому что застывшие мышцы каменной шеи вдруг дрогнули, голова сделала натужный медленный поворот и... мертвые глаза уставились на Карелу.

— Что это? — Карела в ужасе отпрянула назад. — О нет, нет! Что ты хочешь от меня, Деркэто?!

Не сводя глаз с исполина, Карела сделала еще шаг назад.

Но эфес в ее руке стал вдруг нагреваться. Девушке показалось, что еще немного, и сабля обожжет ей руку настолько, что придется тут же бросить ее. Однако нарастающее тепло легкой волной выскользнуло и окутало Карелу. Пришло спокойствие. Удивительное спокойствие, словно по сто раз на дню приходилось Кареле наблюдать, как вертят головой каменные люди.

— Что тебе надо от меня? — проговорила она, сжав оружие крепче.

Опустились и снова поднялись каменные веки. Раскрытые каменные ладони шевельнулись, и пальцы медленно начали складываться в кулаки.

Демонстрируя удивительную гибкость каменных чле-

нов, исполин наклонился вперед, оперся кулаками об пол и стал вставать с колен.

— Карела, назад! — раздался сзади голос Эльриса, в котором явственно слышались панические нотки.

— А пошел ты... — пробормотала Карела. Ей даже не хотелось оборачиваться и выяснять, что с офицером, цел ли он, не задавлен ли какой-нибудь рухнувшей плитой... Она должна была стоять и не спускать глаз со своего нового врага.

Исполин был явно раздосадован и оскорблен тем, что ни мохнатый демон, ни прекрасная воительница как-то не спешат отдавать ему свою жизнь. Поэтому выпрямившись в полный рост, он легко и пружинисто шагнул к девушке.

Он был выше Карелы самое малое в полтора раза. Его ноги были не тоньше стволов тридцатилетних сосен, а великоленному торсу мог бы позавидовать каждый мужчина. Да был ли он каменным, если мягко и ловко ступал по полу? Да и голова у него, похоже, вовсе не кружилась от того, что после многовекового стояния на коленях в одной позе он вдруг вскочил и пошел. Может быть, он никогда и не был человеком, живым человеком из крови, мяса и костей? Просто дьявольское творение темных сил затаилось в ожидании своих жертв и не смогло сдержаться теперь, когда обе жертвы таким странным, почти случайным образом просто-напросто уплыли у него из-под носа.

Да, тогда он должен быть невероятно зол! И негодовать на него, а тем более удивляться тому, что эта ожившая твердь неумолимо приближается, конечно же, не стоило. Стоило переходить в наступление.

Карела не могла понять, с чего бы это вдруг к ней пришло такое странное решение. Неужели напасть первой — это лучший выход из положения? Возможно, умнее будет рвануть прочь из этого гиблого места, выручить Эльриса, который несомненно попал в беду под обвалом камней.

Неразборчивый стон из дальнего затемненного угла

подсказал ей, откуда приходят в ее голову странные решения:

— Карела... Ты не должна отступать. Сама Деркэто ведет тебя! — Голос демона был срывающимся и слабым, но слова вполне можно было разобрать.

Прекрасная Деркэто, презираемая приверженцами иных, более строгих культов, изобилующих чрезмерно аскетичными догматами... Да плевать она хотела на всякую хулу! Зримо или незримо присутствовала она в каждом месте на том и этом свете и в потаенных лабиринтах разделяющих их чистилищ, везде, где жили и умирали люди. Она вдыхала в них сжигающие душу страсти, и никто из могущественных и пресветлых сущностей ничего не мог с ней поделать.

Ну, если говорить о самой Деркэто, то Карела не решилась бы утверждать, что сама сиятельная богиня взялась вести ее через все эти испытания. Скорее это изумительное, неземное оружие, такое живое и чудодейственное, вело Карелу за собой и направляло ее руку.

Карела стиснула эфес сабли и шагнула навстречу ожившему камню. Сверкающая сталь была словно продолжением ее руки и не давала страху пробраться в ее душу.

Карела сделала выпад, и... клинок высек сноп сиреневых искр из твердой груди исполина. Он стал живым, но остался камнем.

Еще два удара саблей по мощным плечам противника, но исполин лишь ненадолго остановился, словно примериваясь, как бы половчее ухватить девушку. Он протянул руку к ее шее. Карела присела и рубанула саблей по хищно растопыренным пальцам. Поток искр, только и всего!

Живой эфес продолжал пульсировать. Он приглашал Карелу к новой атаке. Она оценила обстановку, нырнула под каменным локтем и атаковала сзади. Резким прыжком исполин развернулся, и Карела встретила его новым ударом... И вдруг!.. Карела сама не ожидала этого, приготовившись к тому, что все ее усилия разрубить сталью

камень совершенно тщетны. Но поперек груди этой живой твердыни вдруг зажглась холодным зеленоватым огнем полоса шириной в палец. И полный боли крик вырвался из мертвой утробы исполина. Казалось, что зеленым огнем наполнено доверху полое каменное туловище, и огонь клокотал внутри, заставляя камень содрогаться от невиданной муки.

Взметнулось чудесное оружие Карелы, высекая новые искры, а потом так же неожиданно, без какой бы то ни было видимой причины клинок впился в каменную плоть, чуть ли не увязая в ней. Выдернув саблю, Карела оставила еще одну полыхающую полосу. Заревел великан и, не желая погибать от смертоносного клинка хрупкой девушки, прыгнул на нее.

Если бы неизвестная невидимая сила не оттолкнула Карелу в сторону, ей пришел бы конец. Тяжесть огромного каменного тела просто-напросто раздавила бы ее в одно мгновение, и ничто уже не спасло бы девушку. Но Карела ясно почувствовала, как что-то прямо-таки отпихнуло ее с места в тот самый миг, когда исполин начал свой рывок. Он упал у самых ног Карелы, и неумолимые каменные тиски сдавили ей лодыжку. Падая на пол, Карела изловчилась и нанесла последний удар, прямо поперек шеи великана.

Зеленый огонь вырвался из рассеченной шеи.

Как такой небольшой тонкий клинок смог отсечь каменную голову одним ударом? Видно, знал Ша Мрэль, что давал своей подруге. Холодное пламя заливало пол храма, растекаясь во все стороны, заливая не только каменного истукана, но и лежащую рядом Карелу. Ни единой клеточкой не почувствовала девушка никакой боли. Зеленое пламя не жгло ее. Но каменное тело скрылось в его зеленых искрах и постепенно стало таять. Растаяла и мертвая рука, сжавшая лодыжку Карелы в безжалостном капкане, выбраться из которого она не смогла бы.

Через некоторое время на полу рядом с Карелой осталась лежать только диковинная сабля. Карела при-

подняла голову и поскорее нащупала эфес. Стараясь не выронить оружие, она села и огляделась. Не удивилась бы девушка, если бы из углов или из проемов в полу устремились бы к ней еще какие-нибудь смрадные и уродливые твари, посланные неведомыми покровителями тьмы.

Но все было спокойно. Да, разворочено и разрушено, но тихо. По-прежнему не выпуская из руки саблю, Карела встала. Она была вся в пыли и ссадинах, но на ногах держалась твердо.

Она взглянула в тот угол храма, куда отполз громадный мохнач, передав ей оружие. Но никакого чудовища там не было. Только обнаженное смуглое тело, покрытое пылью и какой-то темной влагой, неподвижно лежало на полу.

— Табасх! — Карела устремилась к нему.

Она совсем не смотрела в этот угол, пока длилось ее знакомство и сражение с каменным идолом. Как, когда чудовищных размеров демон снова принял человеческое обличье?

Табасх шевельнулся. Карела опустилась рядом. Ее начала бить запоздалая дрожь, и тревога охватила девушку. Она приподняла плечи друга и осторожно переложила темноволосую голову к себе на колени. Ей показалось вдруг, что он уже мертв. Она заплакала, поглаживая холодные впалые щеки Табасха.

— Ястребы не плачут, Карела, — прошептал Табасх, не открывая глаз.

— Хвала Деркэто! — вскричала Карела, враз забыв про свои слезы. Она наклонилась к Табасху и затеребила его. — Очнись же, не надо меня так пугать!

Табасх поднял руку, нащупал склонившееся над ним лицо и погладил рыжеватые пряди девушки, обильно посыпанные пылью и каменной крошкой.

— Что это было, Карела? — пробормотал он, слабо пошевелившись.

— Как что было? — удивилась она. — Ты забыл, как дал мне саблю?

Табасх открыл глаза и внимательно посмотрел вокруг.

— Нет, это я не забыл. Это я помню, хотя до сих пор не понимаю, почему я вдруг это сделал. Не иначе сама Деркэто повелела мне сделать это.

Карела покачала головой:

— Разве? Я думала, что это была твоя идея.

— Моя идея? Чтобы я сам, своими руками поставил тебя против этого каменного гиганта? — возмутился Табасх из последних сил. — Ты плохо узнала меня, Карела! Да когда я увидел, как он вдруг оживает и движется к тебе, я призвал свою смерть, чтобы умереть раньше тебя и не видеть этого кошмара. Но я был бессилен. Что-то словно парализовало меня, и я только лежал и смотрел, как ты билась с ним...

Табасх попробовал приподняться, но у него ничего не получилось.

— Я чувствую свое тело так странно, — пробормотал он.

Он чуть приподнял голову, взглянул на себя, побледнел, лицо его дрогнуло, но, промолчав, он бессильно снова откинул голову на колени девушки.

— О чем ты? Разве раньше ты его не чувствовал? — Карела принялась осматривать юношу. — Табасх, чем это ты перемазан? Что-то черное, липкое...

— Это кровь демона, Карела. Михар... Это она порезала меня своим кинжалом, прежде чем я успел оттолкнуть ее. Тогда я не думал о том, чтобы пустить в ход защитные силы, которыми Табасх всегда пользовался. Ша Мрэль не мог больше себя защитить, — грустно улыбнулся юноша.

— Зачем ты?! — Карела задохнулась от испуга. — Не смей произносить это имя!

— Тихо, не волнуйся. Я знаю, что теперь могу его произносить и слышать. Ты победила каменного великана, и теперь заклятье, наложенное на мохнача, растаяло. — Табасх оперся на руку Карелы и приподнялся.

— Но ведь теперь... Если нет великана, ты никогда не сможешь стать... — Карела прикусила язык.

Табасх побледнел, губы его задрожали, но он взял себя в руки:

— Да, ты права. Горько как... И жить мне больше незачем.

Опершись на руку, Табасх отвернулся от девушки. Плечи его поникли.

— Да брось ты, — бодро сказала Карела. — Мы уедем с тобой из Серого ущелья и будем странствовать вместе, и ты будешь снова превращать мерзавцев в крыс и лягушек...

— Ты думаешь? Нет, Карела, ты не понимаешь, — пробормотал Табасх и, пошатнувшись, снова свалился на колени Кареле. — Да что же это мне так плохо? Тело совсем не слушается. И болит...

— Табасх, а вдруг?.. — Карела замаялась, но решила все же сделать смелое предположение. — А вдруг твоя магия оставила тебя? Вдруг ты уже стал человеком и поэтому не можешь понять, что с тобой?

— Ах, если бы так! — вздохнул Табасх, и в глазах его заблестели слезы. — Все мое при мне. Запомни, Карела, Деркэто никогда не меняет своих решений! Она дала мне шанс: был один способ для демона обрести покой. Его больше нет, этого способа, нет и разговоров о нем.

— Теперь ты проклянешь меня за то, что я лишила тебя твоей мечты. Я своими руками разрушила оба заклятья Деркэто. Ты проклянешь меня, а богиня не иначе как выберет для меня самую страшную из своих казней, — горестно прошептала Карела.

Юноша попробовал встать, но снова потерпел неудачу. Сжав рукой плечо Карелы, он легонько потянул ее к себе, заставляя наклониться.

— Я умираю, Карела, — тихо сказал Табасх. — Прямо сейчас я уйду в те самые смрадные глубины мрака, из которых я был рожден. Но даже опустившись туда, моя душа никогда не забудет тебя и никогда не помянет дурным словом. За все, что ты для меня сделала, я тебе благодарен. А Деркэто и ее страшная казнь... Опомнись!

Не гневи богиню, Карела! Неужели ты не видишь, как добра и щедра она к тебе?!

— Она отняла у меня друга, — упрямо произнесла Карела.

— С судьбой не поспоришь, — вздохнул Табасх. — Но это не повод, чтобы стать слепой, Карела. Сама посуди: моя глупая сестра жила пустой страстью стать великой, прекрасной и могущественной. И ради этого она собиралась растоптать каждого, кто встал бы у нее на пути. Она все отдала для своей мечты. Но именно тебе, а не кому-то еще, удалось не только помешать ей, но и занять то место, которая она прочила себе.

— Какое место, Табасх? — растерялась Карела.

— Место земного воплощения Деркэто.

— Но я не пила крови демона, — возразила девушка.

— Еще не поздно. Черная кровь еще не просохла, — серьезно сказал Табасх.

— Да ты спятил! — Карела брезгливо содрогнулась. — Ни за что на свете не стану этого делать, даже если ты меня попросишь!

— Не стану просить. Потому что, по большому счету, тебе это ни к чему, — улыбнулся стигиец. — Потому что тебя Деркэто уже выбрала, и не сейчас, а с самого твоего рождения. Именно она дала тебе такое прекрасное тело, против которого не могут устоять даже демоны. Это она дала тебе немереную гордость и завидное упорство. Она дала тебе силу духа и решительность действия. У тебя есть все, чтобы прямо сейчас взять власть над своей судьбой. И большинство из тех, кто встретятся на твоём пути, осознают твою силу и преклонят перед ней колени.

— О боги, боги, — прошептала Карела. — Почему ты решил, Табасх, что мне нужно, чтобы передо мной преклоняли колени? Я хочу, чтобы с моими желаниями считались, но я не терплю рабства.

— Тебе придется иметь с ним дело, моя прекрасная Карела. Люди бывают только двух сортов: рабы и их повелители. Для того, чтобы быть рабом, не обязательно носить цепи. А чтобы стать повелителем, не обязательно

хлестать плетью. Ты будешь повелевать, Карела, потому что для иного ты не создана.

— Ты пророчишь мне такую легкую жизнь? — всхлинула Карела, чувствуя, как из тела ее друга, и без того чуть живого, уходит последняя сила.

— Не легкую, Карела. Твоя жизнь станет такой, какой ты захочешь. Но будут рядом с тобой не только псы, лижущие тебе ноги из животного страха перед тобой, и не только те, кто поймет, примет тебя, захочет разделить с тобой свою жизнь и на все будет готов ради тебя. Будут и иные. Запомни: две неистовые души, в которых бушуют страсти, не уживутся рядом, если не откроются друг для друга. Берегись того, Карела, кто познает твою неистовую душу, но не поспешит раскрыть свою. Такой человек опасен, и может принести тебе несчастье.

— Тот, кто посмеет ранить мою гордость, Табасх, будет иметь дело с моим клинком!

— Кто знает, Карела? Возможно, что душа твоя будет кровоточить и сочиться болью, но руки твои не подымут клинка. Не зарекайся, Карела. И не забывай моих слов. Где твоя новая сабля?

— Здесь, — Карела взяла ее в руку.

— Теперь это обычное оружие. Больше оно не придаст сил усталым рукам и не подскажет тебе, где друг, а где враг. Но помни, что сама Деркэто вручила ее тебе.

— Ее вручил мне ты, Табасх.

— Нет, — улыбнулся он. — Не я. Но это не важно. Пусть она подольше будет с тобой, как напоминание о том, на что ты на самом деле способна.

Табасх прикрыл глаза и замолчал.

Где-то в том конце пещеры, где громоздились не успевшие провалиться плиты пола, послышалось шуршание. Окровавленная невысокая фигура показалась над завалом. Исцарапанные ноги, изорванный шелк и испачканные спекшейся кровью длинные черные волосы. Это была проклятая стигийская колдунья. Ее глаза просто заплыли жгучей ненавистью. Видела ли Михар то, что произошло в храме, или нет, неизвестно. Но увидев Табасха и Карелу

с грозным оружием Деркэто, она остановилась, как вкопанная, и ахнула.

И хотя в руке ее по-прежнему был сверкающий кинжал, она явно не собиралась проверять его в деле против сабли Деркэто. Развернувшись, она бойко принялась карабкаться назад, не иначе как к своим магическим талисманам.

Карела уже стала вставать, чтобы задержать ее, но Табасх открыл глаза, закусил губу и, морщась, сел. Одной рукой удержав Карелу рядом с собой, он поднял другую, задыхался глубоко и часто и сделал резкое движение кистью, словно швырял что-то вдогонку Михар. Это что-то оказалось пламенем. Не тем белым огнем, которым сгорела на горном валуне несчастная чайка, и не тем холодным зеленым огнем, который растопил злобный волшебный камень. Это было жаркое алое пламя. Языки огня в одно мгновение охватили низкую фигурку стигийки.

С предсмертным криком боли живой факел упал куда-то вниз, в разломы плит.

— Табасх, разве... — начала Карела, но, взглянув на друга, замолчала на полуслове.

Юноша лежал, неловко раскинув руки и чуть приоткрыв рот. Его темные глаза неподвижно смотрели в потолок.

— Деркэто, где же милость твоя?! — Карела взяла ладони голову Табасха и прижалась губами к его бледному лбу.

— С тобой, Карела, милость Деркэто пребудет вечно. И помни, что ястребы не плачут. Особенно рыжие... — прошептал юноша и затих.

Карела припала к его груди. Сердце не билось. Весь выложился Табасх в последнем порыве своей ненависти и приблизил свой конец.

— Ястребы не плачут, — эхом отозвалась Карела. Она медленно встала и подняла голову. — Не плачут...

Она подняла свою саблю. Блестящий клинок... Даже каменная пыль не пригасила сверкающие отблески.

Ножны лежали поодаль. Такие красивые, сшитые из

жесткой кожи, так хорошо держащей форму... Карела загнула в них свой клинок и решительно застегнула пояс.

— Ястребы не плачут. Или плачут недолго, — произнесла она и отерла слезы, сбегающие по щекам.

Ей вторил глухой гул, раздавшийся откуда-то из самого основания горы. Пол снова дрогнул. Дрогнул и замер, чтобы через некоторое время опять качнуться. Сверху упал и раскололся рядом с Карелой огромный валун. Плиты под ногами стали потрескивать и накреняться.

Карела бросилась к выходу, едва уворачиваясь от летящих сверху камней. Несколько раз она чуть не упала, один раз даже едва не сломала ногу, попав в трещину, но несмотря на то, что вокруг ничего было не разглядеть, Карела прорывалась к выходу.

Пройдя расщелину почти на ощупь, девушка скатилась вниз на каменистую площадку перед храмом. Из расщелины летел щебень и пыль. Гул, что шел из самой преисподней, становился все громче. Не дожидаясь, пока свод пещеры начнет рушиться, Карела устремила вниз, туда, где угадывалась крутая, но вполне пригодная для спуска тропка.

— Карела! — раздался где-то за ее спиной истошный крик. — Где ты, Карела?!

Это не был голос Табасха. Ее друг был мертв и не мог взывать к ней. Эльрис? Может быть, это был и он. Но офирец был не тем человеком, ради которого Кареле хотелось бы задержаться.

Внизу Карела увидела лошадь. Невысокая лошадка стояла на довольно широкой тропе, плавно ведущей куда-то вниз. Догадавшись, что это та самая лошадь Михар, о которой упоминал Табасх, Карела рванулась к животному как раз вовремя. Обезумевший от ужаса конь встал на дыбы и грозил вот-вот порвать поводья, закрепленные на остром уступе скалы. Гул темных подземных сил и грохот ломающегося горного камня довели животное до паники.

Пытаясь успокоить лошадь, Карела отвязала ее и вскочила в седло. Погонять не пришлось. Вцепившись в

гриву коня, Карела поскакала вниз. Камни летели из-под копыт все быстрее и быстрее, скалы стремительно мелькали перед глазами девушки, но вот лошадь выскочила, наконец, на пологую тропу и немного сбавила темп.

Карела выпрямилась в седле. Теперь при ней была только ее новая сабля с эфесом, украшенным голубым сапфиром. Все, что ей удалось обнаружить помимо того, был широкий серый плащ из хорошей тонкой шерсти на шелковой подкладке. Михар пристегнула его к седлу, подсунув под ремень упряжи, да так его и забыла. Вещь была неплохой и при случае могла вполне сгодиться.

Карела была одна, в мрачном горном ущелье, на перепутанной и наверняка голодной лошади... Но она была жива и свободна, как резвый горный ветер, и двигалась на восток.

Глава 8

В плотных ночных сумерках уже не просматривались ни одинокие, корявые деревья, свесившие до земли пласты потрескавшейся коры, перекрученные сухими жгутами, ни малочисленные ветхие домишки, сгрудившиеся вокруг постоянного двора, ни редкие прохожие.

Одиноким всадник неторопливо направлял лошадь вдоль единственной и совершенно вымершей в этот поздний час улицы туда, откуда доносился шум, голоса, пьяные выкрики. На постоянном дворе, стоящем на всех ветрах, на перекрестке самых оживленных дорог, ночная жизнь была в разгаре. Именно туда и держал путь всадник.

Почти сутки он не слезал с седла, изредка останавливаясь у изрядно иссякших в это засушливое время года придорожных родников, чтобы утолить жажду. Что до еды, так у него не было ни крошки во рту со вчерашнего вечера. Не было и ни одной монетки в его карманах, правда, это беспокоило его немного меньше, чем голод, становящийся понемногу слишком досадной помехой. Есть ли деньги, нет ли их, унывать было не в его привычке. Он был еще молод и всегда предпочитал надеяться на лучшие времена и их скорейшее наступление.

Теперешнее положение юного путника можно было назвать переходным. А хмурое выражение его лица сви-

детельствовало скорее о том, что переход этот происходит от лучших времен к худшим, а если и наоборот, то желанный переход непростительно затянулся.

Так, штаны всадника были пропыленными, потрепанными и в нескольких местах прожженными искрами костра. Кожаная безрукавка на меху была с чужого плеча, причем с плеча явно хлипкого, потому что, натягивая вещь на себя, юноша едва не сгубил ее совсем: шов на спине разошелся и еле держался. Но зато налицо были кое-какие удачи: новые сапоги из мягкой телячьей кожи и золоченый широкий браслет, украшавший правое запястье. Каким путем эта роскошь попала к нему, оставалось только догадываться.

В седле он сидел так, словно прикипел к нему с младенчества, да и по сторонам поглядывал хоть и пристально, но без излишнего напряжения. Даже сгустившаяся темнота не смущала его. Чуть прищурены были синие глаза, да рука, огромная и мускулистая, не выпускала поводьев, только и всего.

Въехав на постоянный двор и чуть не сшибив в воротах невысокого пешего странника в плаще с капюшоном, юноша прежде осмотрелся и, не обнаружив вокруг явной для себя опасности, спешился и кинул поводья подбежавшему слуге. Тот принял их, но не сдвинулся с места, выразительно глядя на путника.

— Деньги? — недобро уточнил приезжий и опустил ладонь на рукоятку внушительного кривого кинжала, торчащего за поясом. — Утром.

Слуга потупил взгляд, вздохнул, но повел лошадь под навес к коновязи, верно рассудив, что, не споря с приезжим, он имеет какой-то шанс все-таки получить деньги хотя бы утром, а, вступив с этим грозным молодцем в перепалку, скорее всего получит удар огромным кинжалом, который при желании можно было бы поименовать маленьким мечом.

Приезжий был очень молод. Это и все, о чем можно было сказать с уверенностью. Точнее же определить возраст юноши было намного труднее. Вводили в заблуж-

дение огромный рост, широкие плечи и полная достоинства поза. Язык не поворачивался назвать юнцом того, чьи глаза столь уверенно и грозно поблескивали из-под темных бровей. Черты загорелого лица были крупны и грубоваты, но выразительны. Ярко-синие глаза его говорили о том, что впервые этот человек увидел свет в далеких северных варварских землях, а плотно сжатые губы и сдержанная неторопливость движений давали понять, что прежде чем попасть в этот засушливый край, юноша успел пережить достаточно, чтобы теперь держаться с достоинством человека, не раз смотревшего в лицо опасностям и лишениям.

Приезжий усмехнулся вслед слуге, а затем глубоко вздохнул, взлохматил ладонью буйную гриву черных густых и длинных волос и огляделся вокруг. Он не бывал прежде в этом забытом богами месте, но вынужден был признать, что этот постоялый двор ничем не отличается от других грязных забегаловок, которые стояли на стекающихся в Шадизар дорогах и существовали только на доходы от постоя проезжающих.

Все в этом убогом месте, и малочисленные домишки, и постоялый двор несли отпечаток дремучей бедности, убогости и безысходности. В этом крайне незавидном углу мироздания никогда ничего не менялось — ни природа, ни люди, ни обстоятельства. Юному варвару это было прекрасно известно, поэтому он со знанием дела быстро, но внимательно оглядел двор, забитый лошадьми, вооруженными людьми, сидящими на тюках, рабами, что сгрудились то тут, то там, окруженные охраной.

Увиденное не вдохновило юношу, блеск синих глаз поутих, и, судя по всему, особый интерес его к обитателям постоялого двора пропал. Очень возможно, что в тюках и мешках, принадлежащих караванщикам, было множество интересных и дорогих вещей. Но пожить за их счет юноше не светило. Связываться с вооруженной охраной каравана он не желал, потому что несмотря на присущую юности дерзость и слегка завышенное самомнение, безмозглым самоубийцей он не был. Если уж

ввязываться в заварушку, то сперва стоит трезво просчитать шансы.

Постояв немного, путник прошел в помещение трактира. Едва он переступил порог, как к нему с разных сторон устремились, встряхивая кудрями и качая бедрами, несколько продажных девок, заискивающе улыбаясь.

Юноша окинул их оценивающим взглядом. Да, в основном глаз положить тут было не на что. Совершенно не на что... До времени состарившиеся, высохшие, потрепанные женщины, отнюдь не составляющие предел мечтаний для полного сил и здоровья молодого парня. Так постановил приезжий, не желая лишний раз напоминать себе, что даже такого пошиба товар ему сегодня не по карману. Единственной вещью, которой можно было бы расплатиться с девкой, был браслет, но он парню и самому нравился.

Вообще-то, он знал, что стоит ему заняться одной из девок, к утру она и думать забудет о том, чтобы потребовать с него деньги, но сейчас у него было слишком тоскливо и беспокойно на душе, к тому же есть ему хотелось больше, чем развлекаться. Поэтому он твердо решил обратить свою энергию в несколько иное русло. Юноша утрировано сдвинул темные брови и ворчливо рявкнул на девиц. Зафырчав на разные голоса, они разочарованно разошлись, и только одна из них, самая молоденькая, смуглая, с черными, как угли, глазами, осталась на месте.

Грудь ее опоясывала совершенно прозрачная лиловая шелковая лента, а несколько рядов дешевых ярких бус обвивали пухлые бедра. Больше на ней ничего не было, да и то, что было, только открывало взору все достоинства пока еще свежего и незатасканного по углам женского тела. Заметив, что юный варвар все же задержал на ней взгляд, она призывно прищелкнула языком и, потушившись, стрельнула глазами.

Да, жаль, что денег нет, подумалось юноше. Хотя, может это и к лучшему: нет денег, нет и лишних забот. Будь монета в кармане, точно не удержался бы, ушел с

девицей наверх. А так придется отдыхать, набивать желудок и думать, как сделать так, чтобы это сошло с рук.

— Брысь, девочка, — повторил он. Она закусил губу и нехотя отступила в сторону, разочарованно вздохнув.

Юноша прошел к небольшому, несколько покосившемуся одинокому столику в самом углу трактира и опустился на скамью. Отсюда ему хорошо было видно все помещение.

В трактире царил обычный разгул. Посетители ели, пили, пытались плясать с девицами, приставали к ним, уходили с ними в комнаты наверх и снова возвращались оттуда, взбудораженные и подуставшие от вкушения радостей жизни.

Народ был самый разношерстный, со всех мыслимых и немыслимых концов света.

Вообще-то, интересные места эти придорожные трактиры, кого тут только не увидишь. Вот поодаль, в самом освещенном и несколько более чистом, чем прочие, углу степенно ужинали несколько хорошо одетых мужчин. Они старались даже не смотреть по сторонам. Как только кто-нибудь из них поднимал голову и бросал взгляд вокруг, брезгливая гримаса перекашивала его губы. Уж конечно, если бы ночь настигла его в Шадизаре или ином городе, где у путника может быть выбор, никогда не остановился бы такой богатый и важный господин в подобной дыре. Только обстоятельства неодолимой силы заставили богачей сидеть здесь и есть нечто, не поддающееся точному определению.

Осмотрев богачей, их одежду и оружие, синеглазый северянин вполне резонно решил, что господа эти не иначе как прибыли с караваном, а значит о них и их имуществе следует забыть раз и навсегда. Их здесь нет, сказал он себе.

Кроме случайных бродяг и нищих пилигримов, без которых не обходится ни один трактир, здесь было к кому приглядеться повнимательнее. То тут, то там слышались пьяные крики и разгульные песни простолоудинов, пастухов да торговцев победнее, которые забредали на

огонек трактира не столько ради ночлега или ужина, а как раз ради того, чтобы спустить в пьяном утаре то, что удалось заработать. Вот эти-то гуляки и были, пожалуй, по зубам юному варвару.

Сегодня здесь были в основном степные пастухи, возвращающиеся с ярмарки. Не на одни сутки могли они застрять тут, позабыв о том, что вырученные на торгах деньги имеют невероятную способность мгновенно утекать сквозь пальцы, а чтобы этого не случилось, следует воздержаться в пути от постоянных дворов, насколько это возможно. Юноша отметил для себя несколько компаний за столами, к которым стоило бы присмотреться.

Его прихода практически никто, кроме трактирных шлюх, не заметил. Но девок он уже распугал своим ворчанием, поэтому они оставили его в покое, переключившись на пьянчуг за столами, а некоторые пытались танцевать в проходах под еле слышную, заглушенную выкриками осиплую музыку, издаваемую двумя диковинными длинными деревянными трубами и коротким рожком. Музыканты сидели где-то в полутьме, прямо на залепанном полу, но тем не менее, они постоянно напоминали хриплыми нестройными звуками о том, что хозяин заведения держит марку и о проезжающих пытается заботиться по первому разряду.

Приезжего заметили, наконец, не только женщины, но и те, кому в обязанность входило не пропускать клиентов.

Трактирный слуга, шустрый шуплый подросток почти сразу подбежал к столику и без слов поставил перед гостем огромную бутылку с вином и две кружки.

— Чего желает господин? — осведомился он, острым наметанным глазом оглядывая юношу и пытаясь сопоставить и примирить друг с другом отличные сапоги с прожженными штанами, а лопнувшую по шву безрукавку с позолоченным браслетом на запястье. По его хитрому лицу не было заметно, какой вывод сделал он насчет приезжего. Но, видимо, качество сапог он счел возможным принять, как весомый признак платежеспособности, не-

жели некоторую ветхость одежды зачесть, как отсутствие средств. Последовало предложение:

— Есть парная телятина, окорок, цыпленок на вертеле...

— Цыпленка. А лучше двух, — отозвался приезжий.

Заказанное немедленно появилось на столе. Едва сдерживая вполне объяснимое желание жадно наброситься на еду, юноша сглотнул слюну, не спеша отломил куриную лапку, откусил кусок и стал неторопливо жевать, продолжая со сдержанным любопытством разглядывать окружающих.

* * *

Карела настолько устала и проголодалась, что перестала четко воспринимать действительность. Смутные огни придорожного трактира она различила уже давно и шла к ним, как замороженная, только их и видя перед собой.

Почти сутки гнала она лошадь Михар во весь опор, лишь только изредка позволяя бедному животному сбавить темп, выпить воды или ущипнуть высохшей степной травой.

Когда же, выбившись из сил и потеряв подкову, лошадь захромала, Карела была вынуждена ее отпустить и дальше идти пешком, тем более, что впереди замаячили слабые огоньки постоялого двора.

Утрата единственного средства передвижения удручала девушку. И хотя усталость брала свое, все же она была довольна, что ей удалось так быстро выбраться из Серого ущелья Кофских гор на пожелтевшие равнины Заморы. А особенно радовало ее то, что ненавистный ей Эльрис остался где-то позади. Выбрался ли он из-под обвала? А может быть, вообще остался погребенным под скалистыми обломками горного храма мести Деркэто? Если и так, то для него это будет слишком большой честью: лежать в одной могиле с Табасхом.

Слезы наворачивались на глаза девушки, едва она вспоминала смерть верного друга. Наверное, Табасх был

прав: он был рожден ради того, чтобы исполнить завет. Не одно, так другое. Случилось так, что Карела своими руками лишила его этой возможности... А значит, даже будучи избавленным от каменного палача, он не смог бы остаться в живых. Ведь это только люди могут жить, не видя в этом никакого смысла, а у всякого демона есть некое предназначение, для осуществления которого он рождается, живет и умирает.

Может быть, это Карела во всем виновата? Может быть, не обезглавь она каменного гиганта, все обошлось бы? Табасх снова жил бы и дальше своей мечтой, и кто знает, вдруг она исполнилась бы, рано или поздно?

Грустно было Кареле. Грустно и очень одиноко. Куда проще было бы ей сейчас удирать от Эльриса и искать свое вольное счастье, если бы рядом был смуглый темноглазый демон-полукровка...

Нет, все, хватит! Карела решительно вытерла слезы. Что толку тосковать о несбывшемся, о том, что исправить невозможно? Если глаза Карелы вдруг привыкнут к слезам, не забудет ли ее рука о том, как держать оружие?

Скоро ей будет казаться, что все произошедшее с ней в горах лишь таинственный, иносказательный сон. Да и было ли это все на самом деле? Здесь, на выжженной солнцем равнине ей уже несколько раз казалось, что ничего и не было вовсе. Только непонятно куда делись четыре лошади и эскорт провожатых во главе со знатным офицером, и совершенно неясно, откуда взялись на ее поясе красивые кожаные ножны, а в них небольшая кривая сабля с причудливым эфесом, украшенным огромным сапфиром.

Сабля самой Деркэто, так сказал Табасх. Теперь это было всего лишь очень хорошее оружие для ее небольших, но ловких рук. И что бы ни случилось, Карела постарается не расстаться с ней. Может быть, это не совсем удобный талисман, но если уж каменную шею ей удалось срубить этим клинком, то шеи из костей и мышц пусть поберегутся.

Наступала очередь следовать тому совету отца, кото-

рый раньше Кареле не нравился. Теперь она начинала склоняться к мысли, что старый мудрый солдат имел все основания сказать: хочешь уцелеть в этом мире — предай первым. Карела никак не могла подавить горечь, вспоминая Эльриса, и жалела, что все-таки не проткнула его мечом тогда, когда имела на это возможность.

Чем ближе подходила Карела к постоялому двору, тем все чаще заявлял о себе ее голодный желудок и все тяжелее было идти усталым ногам. И все хуже соображала голова, так что Карела даже не успела вовремя отреагировать на внезапно появившегося рядом с постоялым двором всадника, метившего в те же ворота. Всадник и девушка едва не столкнулись в воротах, и кто знает, пережила бы Карела это столкновение, или же нет, но мужчина удержал свою лошадь, громко выругавшись и помянув какого-то Крома, и объехал ее.

Карела видела, как всадник спешил, вручил коня слуге и проследовал в трактир. Сама же она остановилась в стороне, не зная до сих пор, как ей повести себя, что предпринять, куда кинуться.

Начать стоило с того, чтобы хоть как-то утолить голод. Но на постоялых дворах одиноких пришлых женщин не кормят из милости, а единственно в качестве награды за определенные услуги. Карела была голодна, но еще не настолько, чтобы ублажать неизвестно чью жирную, волосатую плоть. До сих пор она сама выбирала себе мужчин, причем тогда, когда это надо было именно ей, а не им, и Карела не собиралась в ближайшее время изменять этой привычке.

Крепко придерживая полы плаща, скрывающие коричневые штаны и куртку на шнуровке, а самое главное, новую саблю, она прошла немного вперед и остановилась, чтобы осмотреться.

Не было сомнений, что здесь остановился на ночевку караван, хоть и небольшой, но любопытный. Были здесь и выюнные лошади, числом около трех десятков, и с дюжину верблюдов. Поклажа в мешках была аккуратно составлена, а рядом прохаживалась охрана, крепкие мо-

лодцы, не собирающиеся смыкать глаз над хозяйским добром. С полсотни рабов сидели и лежали вповалку, пытаясь, видно, продлить, насколько возможно, впечатление от возжеленного, но оказавшегося скудным ужина. Вид у этих несчастных был неважный, и виной тому были наверняка долгий путь, жадность хозяина, жестокость охраны да тоска по утраченной свободе, вернуть которую удастся потом лишь самым дерзким, а таких, как правило, один на полсотни, а то и менее того. Среди рабов Карела заметила несколько совсем удрученных и изможденных лиц. Вряд ли их удастся доставить живыми на невольничий рынок. Почему бы не отпустить их восвояси? Помрут ведь, да и только, и кому от этого будет лучше?

От горьких дум Карелу отвлек неторопливый разговор двух довольно молодых и превосходно одетых мужчин, что вышли из трактира на свежий воздух. Оба они были при оружии и вид имели степенный, но один, тем не менее, вежливо поклонился другому и осведомился о приказаниях.

— Обойди охранников, Домаран, — ответил тот, кто и был, видимо, хозяином всего того одушевленного и неодушевленного добра, что было размещено и сложено посреди двора. — Я хочу быть уверенным, что мои люди готовы ко всему. На завтра мы двинемся в путь, и мне не хотелось бы, чтобы какие-либо препятствия стали неожиданностью.

— Охрана сменилась только что. Люди будут отдохнувшие и бодрые, за это я ручаюсь, — отозвался Домаран. — Но уверен ли ты, мой господин, что это хорошая идея?

— О чем ты? — Карела слышала, как в спокойном голосе караванщика зазвучали капризно-раздраженные нотки.

— По-моему, пытаться договориться с Таниусом — пустое дело. Мои люди не раз и не два сталкивались с ним. Верь мне, господин, это жадное и неумное животное.

Он не хочет понемногу, но часто, ему нужно все и сразу, и поэтому...

— Заткнись, Домаран! — Хозяин потерял терпение. — В конце концов, у нас есть два десятка сабель, не слишком плохих, как мне расписал тот, кто рекомендовал тебя и твой отряд. И если уж ты считаешь, что я делаю глупость, кто же мешает тебе подстраховаться?

— Я и собираюсь это сделать. Обычно люди Таниуса каждый раз действуют одинаково: они встречают караван легким дозором и вынуждают его повернуть назад, где его встречают остальные грабители. Как правило, Таниусу это удается. Но если поставить во главе каравана не три пары сабель, как обычно, а половину от наших людей, мы сомнем их дозорных и вырвемся вперед, потеряв только пеших рабов, которых поставим в самый конец каравана, оставив рядом с ними ровно столько охраны, чтобы в пути не разбежались. Таким образом, в самом худшем случае мы потеряем кое-кого из моих людей и ваших рабов, но сохраним остальной товар, — четко разъяснил Домаран. — А заодно сохраним и твою жизнь, господин Ардарус, что тоже представляется мне нелишним.

— Да... — задумчиво крикнул хозяин. — Пожалуй, тот, кто рекомендовал мне тебя, был прав.

— Ты платишь мне и моим людям хорошие деньги, господин Ардарус, а я добросовестно их отрабатываю! — с ноткой обиды ответил Домаран. — Не первый год мой отряд охраняет караваны на этих дорогах. Всякое бывало, но...

— Я же сказал, что согласен с твоими предложениями! — хмуро перебил его Ардарус и пошел вперед.

Кареле оставалось только усмехнуться. Напыщенный инднок-караванщик не понравился ей настолько, что она была бы только рада узнать назавтра о том, что караван Ардаруса остановлен на степной дороге и ограблен до нитки, а самого богатого купца в цепях гонят на ближайший невольничий рынок. И лучше его не кормить в дороге, как он поступает со своими рабами, а также

почаще вбивать ему ума плетью... Жирный молодой мерзавец!

— Эй, красавица! — чья-то потная рука цапнула ее ладонь.

Карела выдернула руку и отшатнулась от подвыпившего черноволосого и смуглокожего мужлана. Неважно одетый и грязный, он похотливо ухмылялся.

— Пошел прочь, болван! — зашипела она на него и толкнула в грудь. На ее счастье, гуляка был уже настолько пьян, что он резкого толчка девушки потерял равновесие и шлепнулся навзничь, подняв пыль.

Если я останусь здесь стоять, будет только хуже, решила Карела и шагнула вперед, туда, откуда слышался обычный шум дрянного питейного заведения.

Она остановилась недалеко от двери, не желая сразу обращать на себя внимание. Да, будь у нее деньги, она немедленно сняла бы комнату и спокойно убралась подальше от недобрых глаз. Но оставалось просто быть поосторожнее и побыстрее соображать.

В углу она заметила того самого человека, который едва не задавил ее в воротах. Рослый и крепкий, с широкими плечами и грозным голосом, таким он показался ей на дворе. Да оно так и было на самом деле. Но отсюда она видела и его лицо. И что же она увидела?

Мальчишка! Да, вымахавший под самый потолок, не меньше. Раздавшийся в плечах, как человек, не знавший в жизни ничего, кроме тяжелой работы. И при всем этом, как ни старался он придать своему грубо сработанному лицу выражение суровое и мрачно-серьезное, это был мальчишка, и синие нетерпеливые искорки, пляшущие в его глазах, подтверждали это лучше всего остального.

Обычный варвар из северных краев, польстившийся на легкое счастье в пестрых и шумных южных странах. Наверняка, самоуверенный. И несомненно наивен и глуп. Воришка, скорее всего. Или грабитель-неудачник. Вон, одежонка-то какая драная, а сидит за сто лет нескобленным столом, что король на троне. Может, это именно тот, кто ей нужен?

Варвар жевал что-то, прерываясь иногда, чтобы глотнуть вина или достать застрявшие между зубов мясные волокна. Изображая из себя некую важную персону, он обводил глазами помещение трактира, туда-сюда, туда-сюда...

Вдруг его глаза остановились на Кареле. Темные брови сошлись на могучей переносице. Он попробовал продолжить еду, но, откусив еще кусок, отложил пищу на тарелку, насупился еще сильнее и чуть заметно махнул девушке рукой.

* * *

Цыпленок был немного пересушенным, а с одного бока и вовсе подгоревшим, — видно, повар уснул или зазевался. Но юноша подумал об этом вскользь, сказав себе, что занять голову следует совсем иными мыслями: как ему оплатить ужин. Пока в эту лохматую голову никаких путных мыслей не приходило, но юный варвар и не думал расстраиваться. Выход из затруднительных ситуаций обнаруживается порой в самых неожиданных местах, и если в последнее время ему не очень-то везло, все может измениться в считанные мгновения.

Взглянув в направлении двери, он поймал устремленный на него взгляд блестящих темных глаз. Какая-то женщина, наглухо закутанная в дымчато-серый плащ с капюшоном, стояла на том самом месте, где раньше дежурила симпатичная черноглазая девка. Женщина стояла у двери, слегка закрывая лицо краем капюшона и откровенно глазела на юного путника.

Синеглазый северянин хотя и был молод, если не сказать юн, уже привык к постоянному вниманию женщин и знал, что его внешность необъяснимым образом способствует тому, что женщины липнут к нему во всяком месте, где бы он ни появился. Сам он пока никак не мог себе уяснить, почему. Он относился к себе достаточно равнодушно. Он знал, что он выше и сильнее большинства мужчин, но не настолько, чтобы гордиться этим сверх меры. Что же касается его лица, то оно, бывало, все еще

иногда подводило, выдавая опытным красавицам его возраст. Но лишь только оно, полудетское лицо подростка, и только иногда. Что же касается прочих мужских достоинств — вот уже пара лет, как жалоб от дам не поступает, и ни одна из них не посмела бы теперь назвать его зеленым молокососом.

Да, что-то в нем было такое, что интриговало женщин, и не было еще ни одной, которая не пыталась бы выведать у него историю его жизни, справедливо подозревая, что рассказать ему есть о чем. Но юноша был не очень-то разговорчив, и не было еще случая, чтобы он до конца открылся кому-нибудь, а особенно женщине. Молодость не помеха некоторым зачаткам мудрости, и возможно именно они пока плавно обводили юного северянина вокруг подводных рифов женского коварства.

Женщина в плаще продолжала смотреть на него, и у него кусок застрял в горле. Поесть спокойно не дают, с раздражением подумал он. Чувствуя, как досада начинает вскипать в нем, он молча поманил ее пальцем. Она поспешно подошла и села напротив.

— Какого черта ты на меня пялишься? — буркнул он.

— Угостишь? — вместо ответа спросила она и потянулась к тяжелой бутылке. — А то мне сегодня не везет.

— А вчера везло? — усмехнулся он, перехватывая у нее бутылку и наливая вино в обе кружки.

— Да, — коротко ответила она. — А сегодня не везет.

Она взяла кружку обеими руками и, чуть задержав дыхание, с некоторой опаской глотнула вино.

Ей было вряд ли больше лет, чем самому синеглазому путнику. Не очень-то стремилась она помочь себе вернуть вчерашнее везение: вместо того, чтобы выставить напоказ то, чем одарили боги, завернулась в свой плащ так, что фигура пряталась в складках совершенно. Да и вина она не хотела, это молодой варвар понял сразу. Но что-то ей несомненно было нужно, иначе она бы здесь не сидела.

Кроме персоны северянина девчонку явно интересовало еще одно: неважно зажаренный цыпленок. Похоже, она

не лжет, и сегодня везение ей изменило... Тем не менее, юноша решил подождать, пока она сама выскажет свою просьбу. Будет ли это попытка разделить с ним трапезу или нечто большее? Варвар склонялся к мысли о том, что это будет нечто большее, причем к обычным плотским утехам это не будет иметь никакого отношения. Неизвестно, почему ему так показалось, но он всегда нутром чувствовал, где пахнет жареным.

Девчонка держалась прямо и по-прежнему плотно запахивала плащ, который можно было смело назвать одеждой не из дешевых. Юноша сразу отметил качество ткани и ровную строчку шва, которых не встретишь на грубо сработанных одеждах простолюдинов. Смущал, правда, несколько мрачный цвет плаща, но девчонка все равно привлекала к себе внимание уже тем, что в этом месте она была совершенно одна, к тому же явно имела некоторые намерения, говорить о которых впрямую не спешила.

Она не снимала с головы капюшон, но парень видел, что личико у нее румяное, холеное и свежее.

— Странно, что тебе не везет. Ты куда лучше выглядишь, чем эти потасканные шлюхи, — он кивнул на гогочущих девок.

— Ты тоже выглядишь куда лучше прочих, — ответила она, по-прежнему не сводя с него влажных блестящих глаз. Вблизи они оказались зелеными и немного косили.

Комплимент был довольно обычен. Варвар проглотил его молча, словно не заметил, отхлебнул вина и долил из бутылки еще.

— Мои карманы выглядят мно-о-ого хуже, чем я сам, — усмехнулся он.

— То есть? — нахмурилась девчонка.

— То есть у меня нет денег, — впрямую пояснил он и снова вцепился в цыпленка крупными, крепкими зубами. — Так что не сиди здесь и не трать зря со мной время.

— Нет денег? Чем же ты будешь расплачиваться за ужин? — засмеялась она.

— А кто сказал, что я собираюсь расплачиваться? — возразил он.

— Тебя в лучшем случае избыют до полусмерти, — серьезно сказала девушка, с воодушевлением глядя на останки первого цыпленка. Юноша уже расправился с ним и собирался браться за второго.

— Избыют, говоришь? — переспросил он. — Вот это вряд ли.

Он повел широченными плечами и буркнул:

— Есть хочешь?

Она не ответила, но глаза ее стали еще более голодными, чем были поначалу. Он все же оторвал ножку от второго цыпленка и сунул ей в руку. Некоторое время они молча ели. Девчонка продолжала пожирать его глазами, а он, достаточно неуютно чувствуя себя под испытующим взглядом, пытался спокойно рассматривать посетителей.

— Я знаю, как ты можешь раздобыть несколько монет, — вдруг сказала зеленоглазая девчонка.

— И как же? — равнодушно осведомился он.

— Видишь вон того рыжего?

Приезжий обернулся и посмотрел назад. Через пару столов пировала компания, и главным в ней явно был высоченный мощный детина. Казалось, что не только его рано пордевшая шевелюра, но и сам он весь был медно-рыжий. Рыжим пухом были покрыты даже его толстые пальцы, сжимавшие кружку. Он что-то взахлеб рассказывал собутыльникам, успевая одновременно шарить за пазухой у совершенно пьяной девицы, развалившейся у него на коленях.

— Вижу, — согласился приезжий. — По всему видно, пастухи отмечают удачный торг на базаре. Ну и что?

— Вчера он спал со мной, но ни гроша не заплатил. Если сможешь получить у него долг, за труды половина твоя.

Пока девчонка говорила, брови северянина поползли

вверх. Но ни словом не возразив ей, он еще раз оглянулся на пьяную компанию, потом на остальных посетителей трактира, и принялся торопливо приканчивать свой ужин.

— Так что? — с плохо скрываемым нетерпением уточнила девушка.

Не удостоив ее ответом, молодой варвар залпом осушил свою кружку, отер губы ладонью, медленно встал, осторожно одернул свою ветхую безрукавку и пружинистыми шагами подошел вплотную к разгульной компании. Остановившись над ними, он покосился на свой столик.

Зеленоглазой девушки там уже не было. Она снова стояла у двери, придерживая рукой капюшон. На лице ее, кроме нетерпения, читалась тревога. Что ж, подумал он, у нее есть основания беспокоиться. Да и сам юноша хорошо представлял, чем может кончиться подобная заварушка. Но он уже кое-что понимал в людях и мог с уверенностью сказать, что в таком месте, как придорожный трактир, где если кто и задерживается, то не больше, чем на пару дней, чужие друг другу люди не успевают сойтись, поэтому в случае кровавой стычки никто из посторонних посетителей трактира не вмешается. Компания из четырех-пяти мужчин, сидящая сейчас за столом — это самое большее, с чем придется иметь дело. Все это северянин понял сразу, как только уяснил намек зеленоглазой девицы.

Парень приблизился к рыжему, наклонился над столом и оперся на кулак. Кулак юноши был размеров довольно внушительных, и не заметить его было просто невозможно. Рыжий, прервав рассказ на полуслове, тупо уставился на него, прошелся рассеянным взглядом по загорелой мускулистой руке парня, прищурившись, долго вглядывался в грубые черты его лица, прежде чем понял, что не знает подошедшего.

— Кто это еще, черт возьми? — проворчал он, но ответом ему было только недоуменное бормотание приятелей.

— Знаешь ее? — коротко спросил северянин, кивая на зеленоглазую.

Добросовестно тараща глаза, рыжий кривился и морщился, пытаясь рассмотреть девушку. Видимо, это было для него непосильной задачей. Наконец, он встряхнул головой, зажмурился и, не желая отвечать ни да, ни нет, снова уставился на юношу. Тот спокойно повторил вопрос:

— Так ты ее знаешь?

— А тебе-то что? Облюбовал? — хмыкнул рыжий.

Не обратив внимания на слова гуляки, парень уточнил:

— Спал с ней?

— Да тебе-то какое дело? — начал злиться рыжий. Он спихнул с колен девицу и встал. Он был такого же роста, что и северянин, и, судя по всему, не слабее. Да и несмотря на то, что выпитое явно мешало ему рассмотреть девицу, на ногах он держался довольно крепко.

— Вчера ты ей не заплатил, верно? — продолжал допрос парень.

— А если даже и так, какое тебе дело? Кто ты ей? Хозяин? Брат? Или, может быть, муж? — расхохотался рыжий. — Зеленый сопляк!

— Расплатись! — приказал северянин. — И возьми назад свои слова насчет сопляка!

— Всякая проезжающая рожка будет мне указывать, что мне делать? А не пошел бы ты!.. — совершенно справедливо возмутился рыжий. — Да сожрет тебя Зат, вонючий варвар!

Договорить он не успел. Молниеносным движением парень заломил ему руку и с силой пригнул голову рыжего к столу.

— Плати! Девушке за ее работу, а мне — за оскорбление.

Рыжий завопил грязные ругательства, но северянин несколько раз с силой припечатал его лицо к столешнице, пока на грязном дереве не появилось кровавое пятно, а потом швырнул рыжего на пол.

Все вокруг притихли. Дружки рыжего почему-то молчали, поеживаясь и бормоча что-то между собой. Осталь-

ные посетители трактира лишь ненадолго отвлеклись от своих дел. Гул постепенно возобновился, и северянин перевел дух, скидывая напряжение. Никто не собирался считать эту стычку своим делом, как и предполагал варвар.

— Все вы слышали, что он не отказался от своего долга. Вы слышали также, как он меня оскорбил. Взять свои слова обратно он все равно не сможет... до утра. Поэтому: оба его долга в сумме как раз составляют его кошель, — деловито объявил он притихшим друзьям рыжего. — Если же он захочет, чтобы я объяснил ему, почему я так решил, пускай отыщет Конана из Киммерии, и я объясню. Если же кто-то из вас со мной не согласен...

Черноволосый смуглый и щуплый мужчина приподнялся было из-за стола и уже открыл рот, как синеглазый киммериец с усмешкой произнес:

— Тебе лично советую сейчас же со мной согласиться, иначе никто из твоих друзей не будет иметь повода тебе позавидовать.

С этими словами он нагнулся над рыжим и отстегнул от его пояса увесистый кошель. Пройдя к своему столу, он бросил на тарелку с костями несколько монет, заткнул бутылку пробкой, взял ее под мышку и взглянул туда, где стояла прежде зеленоглазая девчонка. Но ее уже не было в трактире, и Конан не заметил, в какой момент она исчезла.

Под растерянное молчание пьяных собутыльников рыжего гуляки варвар из Киммерии пересек помещение и вышел во двор. Слуга-конюх снова подступил к нему, и юноша с важным видом и очевидным удовольствием выдал ему монету. Вряд ли Конана измучила бы совесть, если бы он этого не сделал. Но всегда хочется почувствовать себя на месте состоятельного человека. Да и почему бы не заплатить, если деньги не тобой заработаны, да и достались так просто?

Подойдя к своей лошади, он принялся засовывать бутылку с вином в седельную сумку, а потом стал отвязывать лошадь.

— Эй, северянин! — услышал он женский голос за своей спиной.

Его рука дрогнула, но он принялся, как ни в чем не бывало, возиться с упряжью.

— Отдай мои деньги, северянин!

Он оглянулся. Девчонка в дымчато-сером плаще, по-прежнему наглухо запахнутом, стояла позади него. Капюшон свалился с ее головы. Конан не смог различить в темноте ночи цвет ее волос, понял только, что они были длинными, густыми и волнистыми.

— Какие деньги? — Он сделал вид, что удивился.

— Как какие? — возмутилась девушка. — Мы же договаривались, что за труды половина твоя. Половина! Ты же собираешься, как я поняла, прикарманить все! А как же уговор?

— Ну, положим, мы ни о чем таком не договаривались, потому что я не помню, чтобы произносил «да», — пробормотал Конан. — Но уж если допустить, что деньги у того пьянчуги я отобрал по договору с тобой, то позволю уточнить, что уговор был на половину от того, что он был тебе должен, а не на половину всего кошель. Поэтому назови сумму его долга, и я тут же отсчитаю и верну тебе половину.

Он уже отвязал лошадь и поправил упряжь, потом развернул животное и вскочил в седло. Девчонка молчала. Одна ее рука сжимала полу плаща, не давая ему распахнуться, а другая была просто сжата в кулачок.

Она молчала, и на лице ее варвар различил тень неуверенности. Похоже, что девчонка никак не могла придумать, какая сумма ей нужна. Продешевить боится, усмехнулся Конан про себя.

— Назови сумму, — повторил он. — Сколько? Не стесняйся, я дам тебе столько, сколько ты назовешь.

Она молчала. Конан хлестнул лошадь поводом, и тут же девичья рука ухватила за упряжь.

— Эй, варвар, а деньги? — злобно воскликнула девушка.

— Но ты же молчишь. Я так понял, что ты передумала

их брать. Тем более, что это было бы справедливо, не так ли?

— Ты о чем это, северянин? — недоуменно протянула девчонка.

— Он ничего не был тебе должен, — уверенно объявил Конан, попридерживая коня.

— Как это?! — возмутилась девчонка. В темноте Конан не видел выражения ее лица, но он мог поклясться, что она обескуражена и рассержена.

— Очень просто, — и Конан с удовольствием стал излагать ей свои выкладки. — Он ничего не был тебе должен. Он не спал с тобой, потому что ты, во-первых, вообще не шлюха, а во-вторых, ты, как и я, впервые в этом заведении, а может быть, ты и вовсе впервые путешествуешь без провожатых, поэтому и решила на такую бредовую идею: получить деньги, ограбив пьяницу чужими руками, и мои руки показались тебе самыми подходящими для этой цели.

Девушка угрюмо молчала, держась за конскую упряжь. Уже без издевки, по-свойски, Конан заметил ей:

— Знаешь, дурочка, самое малое, что они могли с тобой сделать здесь за такие штучки — это пустить тебя по кругу и потом, если бы ты осталась жива, заставили тебя работать здесь на хозяина, пока ты через год-полтора не померла бы от дурной болезни или не попала бы под нож подгулявшему дебоширу.

— Разрази тебя Держэто! — выпалила девчонка.

— И это тоже вряд ли, — усмехнулся Конан, чувствуя свою правоту.

Он взял девчонку за тонкое запястье и оторвал ее руку от ремня упряжи.

— Оставь в покое мою лошадь, это раз. И попробуй убедить меня в том, что я не прав насчет тебя, это два.

— Да, ты не прав! — упрямо сказала девчонка. — Он был должен мне десять монет.

— Десять? Ты не хочешь признаваться в обмане, и ради этого решила удовольствоваться пятью монетами? —

фыркнул Конан. — Впрочем, дело твое. Но в следующий раз придумай что-нибудь поумнее.

— Он был мне должен! — повторила девчонка. — Он спал со мной и был мне должен!

— Ах, все-таки? — рассмеялся Конан. Не часто встречал он таких упрямцев. — Что ж, коли так, значит, ты, действительно, шлюха? Тогда, может быть, пойдем, развлечемся? — И он тряхнул кошельком.

Девчонка замерла на месте, и Конану даже показалось, что ее рука готова скользнуть под плащ. А там... Что, интересно, у нее там спрятано? Богато инкрустированный крошечный ножичек для фруктов? У киммерийца так плохо сложилась прошедшая неделя, что ему не хотелось усугублять свои неудачи и свое плохое настроение, ввязавшись в дурное приключение. Поэтому он усмехнулся:

— Верно, развлекаться со мной ты не пойдешь. И я не пойду с тобой, потому что не хочу связываться с дочкой богатенького купца или вельможи, которая пустилась в путь за бросившим ее любовником, забыв предупредить об этом заботливых домашних.

Конан вынул из кошелька несколько монеток и убрал их к себе, а остальное швырнул в лицо девушке. Она, вскрикнув, едва поймала кошель у самого своего носа.

— Почему?.. — начала она.

— Это достойная плата за то, что я все-таки немного размялся благодаря тебе. Ну, прощай!

Легонько подхлестнув коня, он выехал с постоялого двора, оставив девчонку в плаще стоять одну.

Ему не жаль было этого кошелька. Он возвращался в Шадизар, где вот уже несколько месяцев учился ловить за хвост птицу воровской удачи. Ему уже сравнялось восемнадцать лет, алчные стремления чередовались в его душе с приступами великодушия, которые не зависели напрямую от его настроения. Поэтому, разоблачив невинную хитрость глупой девчонки, он щедро вернул ей несправедливую свою добычу. Пусть порадуется. Если она и дальше будет себя так глупо вести, радоваться этим деньгам ей недолго.

Конечно, он был абсолютно прав насчет зеленоглазой бестии. Много их таких шатается по трактирам: вздорных богатеньких дочек, ищущих приключений на свои хорошенькие головки. Ее дикая идея насчет рыжего гуляки была не самой лучшей. Это ей просто повезло, что слепой случай свел ее не с кем попало, а с ним, Конаном из Киммерии!

Да, если бы на месте синеглазого и черноволосого гиганта оказался бы кто-нибудь менее поворотливый, их обоих сейчас стегали бы плетью на потеху пьянчуг. А если бы северянин оказался чуточку более щепетилен, возможно, он сам бы учинил над ней какую-нибудь унижительную расправу за ее обман. Но Конан поступил с ней так, как ему хотелось именно сейчас. Возможно, завтра, проголодавшись и вспомнив приятную тяжесть кошеля, он пожалеет о том, что так поступил. А возможно и не станет он ни о чем жалеть, занявшись новым делом, более приличествующим лихому человеку, чем дележка доходов с мнимой шлюхой.

Он на миг пожалел, что плохо запомнил девчонку. Одних зеленых чуть косящих нагловатых глаз мало, чтобы потом, через дни, месяцы, годы узнать человека. Вряд ли, случись ему потом встретиться с зеленоглазой, Конан вспомнит ее и это короткое приключение...

Усмехаясь своим мыслям, он пустился в путь. Его, юного киммерийца, сына далекой северной страны, все это больше не касалось. Что там какая-то вздорная девица с ее глупостями, когда он уже одолевал первые ступени из множества отделяющих его от величия, богатства и славы.

* * *

Стук копыт всадника растаял, а ночная мгла проглотила его тотчас же, как он выехал за ворота.

Карела стояла, сжимая в руке пухлый кошель, и боролась с гневом.

Какой-то сопляк-варвар, даже годами не старше, а

скорее всего моложе самой Карелы, надсмеялся над ней и уехал.

Вот ведь прохиндей! С самого начала даже вида не подал, что не верит ни единому ее слову! Покрасовался своим умом, догадливостью да щедростью! Сейчас едет, небось, любитесь сам собой...

— Ох! — Карела в ярости топнула ногой. — Да провались ты сквозь землю! Учить меня вздумал! Думает, что если уж разгадал мою глупую хитрость, так уже и поучать можно?! Это я-то за любовником бегу? Это я-то дочка вельможи?!

Вовремя опомнившись, Карела замолчала и огляделась. Постоялый двор был не совсем тем местом, где одинокой женщине можно стоять посередине и выкрикивать в темноту проклятья.

Неужели же я выгляжу такой беспомощной, такой глупой? Эта мысль засела у нее в голове. Прикрыв полый плаща руку с кошелем, она отошла в сторону.

Ну и пусть этот неотесанный мужлан вздумал осуждать ее проделку. В конце-то концов, он уехал, не взяв с собой почти ничего, кроме упоительного чувства своей правоты. Ну и пусть эта правота его покормит, напоит, мягкую постель разложит, ублажит лаской и вина даст на дорогу. Пусть штаны драные ему подлатают!

Допустим, что удача Карелы — случайность. Но, хоть и ценой некоторого унижения, она стала обладательницей кое-каких денег, что совсем не так уж плохо в ее положении.

А что касается унижения... Эх, жаль, что слишком быстро убежала она из трактира на улицу, да не видела и не слышала, как расправился северянин с рыжим гулякой. Он что-то говорил. Может быть, он называл и свое имя. Впрочем, к чему ей имя этого грязного варвара, если его лицо так и стоит у нее перед глазами. Того, кто нанес ей оскорбление, Карела ни за что не забудет. Пусть годы пройдут, пусть мальчишка-варвар возмужает, а потом состарится и одряхлеет, Карела узнает его, лишь только однажды взглянет. И этого уже будет достаточно,

чтобы, не напоминая лишний раз о себе и о своем сегодняшнем позоре, найти способ отомстить. Умен-то он может быть и умен, этот мальчишка, но еще не лишним было бы ему умение чувствовать, чью гордость можно безнаказанно попирать, а с кем стоит и поостеречься!

Прийдя к этой успокоительной мысли, Карела заставила себя прекратить горькие раздумья о только что произошедшем событии. Ею было постановлено: предприятие считать увенчавшимся успехом. Теперь следовало бы подумать о будущем.

Будущее свое Карела видела не очень отчетливо. Знала только почти наверняка: на постоянных дворах и в трактирах ей делать нечего. Она ушла бы отсюда, если бы ноги держали. Но все ее тело, измученное событиями в горах, безудержной скачкой и пешей ходьбой, болело и требовало отдыха. Выспаться, поесть досыта и добыть лошадь, вот что ей сейчас было нужно. Отвернувшись от любопытных глаз, Карела достала из кошелька несколько монет и решительно отправилась на поиски комнаты для ночлега.

Глава 9

Н и галдеж на дворе, ни пьяная гулянка внизу в трактире не помешали Кареле быстро и крепко уснуть. Поздно вечером ей не пришлось в голову придираться ни к той комнате, в которую ее проводили, ни к постели, в которой неизвестно кто и сколько раз спал до нее. В то время ей было не до таких мелочей. Единственное, на что она обратила внимание, идя на ночлег, — целостность и прочность засова на двери. Конечно, она знала, что стоит кому-нибудь сунуться к ней с дурными намерениями, она могла бы за себя постоять. Но для этого пришлось бы проводить ночь без сна в бдительном ожидании, что Кареле сейчас было совсем ни к чему.

Оставшись в комнате одна, она накрепко задвинула засов, проверила, насколько прочны перегородки и оконная рама, и только тогда легла на постель. Конечно, невесть под ком лежавшие простыни постоянного двора не были пределом мечтаний для человека, знавшего лучшие времена. Но, как уже показала жизнь, Кареле, возможно, придется познать времена куда более худшие, чем сегодняшняя ночь в этой жуткой ночлежке, поэтому девушка решила особенно не привередничать. Не раздеваясь, она легла на постель и прикрылась своим плащом. Сабля Деркэто ночевала у нее под рукой.

Вопреки некоторым опасениям, ее никто не потревожил, ни ночью, ни утром. Где-то рядом за стенкой всю ночь скверно ругались и кричали мужчины, взвизгивали

и плакали женщины. Но Карела совершенно безмятежно спала сном младенца и видела удивительные сны. Кареле снился горный обвал, тяжелая поступь каменного великана и жалобный рык несчастного демона, затравленного божественными заклятиями и людской жестокостью. И еще ей почему-то приснились чьи-то ярко-синие глаза, глядящие на нее из-под буйной гривы черных волос. Но во сне Карела так и не вспомнила, чьи же это глаза, а пробудившись, совсем забыла свой сон. Она лежала и смотрела на дощатый, немного провисший потолок, думая о том, сколько усилий ей придется приложить теперь, чтобы благополучно покинуть это место, где кое-кто, возможно, запомнил и ее, и то, что она учинила вечером на пару с нахальным варваром. Конечно, десять к одному за то, что рыжий верзила проспался и теперь только диву дается, куда и при каких обстоятельствах делся его кошель с выручкой. Его компания вся была вчера не в лучшей форме, поэтому всерьез опасаться того, что она будет разоблачена, Карела не стала. Что особо волноваться, когда на самый крайний случай у нее есть отличное оружие?

Вставать не хотелось. После невероятного количества впечатлений, накопившихся в хорошенькой головке Карелы за несколько последних суток, даже после многочасового сна ей хотелось тишины, безопасности и покоя.

Однако место, в котором Карела проснулась, показавшееся поначалу сносным, стало мало-помалу проявлять все свои ужасные свойства.

Так, полежав немного, Карела ощутила, что ее преследует мерзкий запах, исходящий от той подушки, на которой покоилась всю ночь ее голова. Чем таким была набита эта подушка, какой гадостью пользовался хозяин постоянного двора? Скорее всего, это была какая-то недосушенная и начавшая теперь гнить трава. Подстилка, покрывающая лежанку, была оккупирована целым полчищем насекомых. Вообще-то Карела к ним давно привыкла, но такое их количество, которое предстало ее глазам при дневном свете, было ей воистину в диковинку.

Откормленных до невероятных размеров клопов и тараканов можно было разгребать руками.

Поэтому лежать и дальше, кормить собой всякую шестипалую кусачую пакость и нюхать непросохшее сено Кареле совсем не хотелось. К тому же та цыплячья лапка, которую подал ей на бедность вчерашний ее поделщик, давно оставила по себе одни лишь сладостные воспоминания. Желудок снова требовал своего. А поскольку кошель рыжего верзилы пока являл собой зрелище, способное пробудить лучшие надежды голодного странника, Карела приняла решение — спуститься и позавтракать.

Снова закрепив ножны с саблей на поясе и наглухо запахнув на себе дымчато-серый плащ, Карела отперла дверь своей комнаты и вышла в коридор. Так никого и не встретив на пути, Карела сошла вниз по лестнице и выбралась в помещение трактира.

Утром здесь уже не было столь многолюдно и шумно, скорее совсем наоборот. Полусонные слуги лениво убрали со столов и из-под оных всякие разнообразные объедки и осколки глиняной посуды. Опасаясь, что в утреннее меню эти самые объедки непременно войдут некоей составной частью целого ряда блюд, Карела заказала кусок холодного мяса и гроздь винограда, решив, что в них подмешать излишки прошлых пиршеств было бы, пожалуй, затруднительно при всем желании.

Уничтожив свой завтрак за одним из столов, Карела выложила из кошелька деньги и поинтересовалась у слуги, подошедшего их забрать:

— А можно ли у вас купить лошадь?

— Если есть деньги, купить можно все, — туманно ответил слуга, достаточно откровенно рассматривая девицу припухшими сальными глазками. — Впрочем, если денег мало, все равно есть способы купить нужную вещь.

— Не тебе считать мои деньги! И я совершенно не нуждаюсь в твоих советах! — резко пояснила Карела и встала из-за стола. — Так где я могу купить лошадь?

— Не знаю, как там, откуда прибыла столь сердитая

госпожа, — разочарованно хмыкнул слуга, — а у нас лошадей держат в конюшне. Сейчас я скажу хозяину.

Слуга исчез, а Карела вышла из помещения трактира на двор.

К ее удивлению, двор был все так же забит людьми, вычными и верховыми животными и тюками с товарами. Караван господина Ардаруса, собиравшийся в путь с рассветом, все еще заполнял собой постоялый двор. Неизвестно, что заставило караванщика нарушить планы. Хотя Карела подозревала, что виной задержки была настойчивость командира стражников Домарана. Возможно, опытный охранник придумал еще какую-нибудь хитрость ради обеспечения безопасности вверенного ему груза и сумел убедить нанимателя в своей правоте. Возможно, задержка должна была помочь каравану избежать неприятностей.

Карела уже хотела направиться в раскрытую дверь огромного сарая, откуда трактирные конюхи выводили оседланных лошадей, но тут она взглянула на распахнутые настежь ворота постоялого двора, и все мысли о покупке лошади улетучились сами собой.

На двор въезжали целых четыре коня, и на них на всех приходился только один всадник. Он прямо и гордо восседал на переднем жеребце и серьезно поглядывал по сторонам. Он был покрыт дорожной пылью, но добротен одет и хорошо вооружен. Кареле не нужно было долго разглядывать самоуверенную посадку и важную гримасу на лице этого мужчины, чтобы узнать его.

Высокородный офирец, досточтимый Эльрис собственной персоной въезжал на постоялый двор, ведя за собой три свободные лошади, к седлам которых были приторочены все до одного тюки, собранные в дорогу еще в офирском гарнизоне...

Кареле оставалось только развести руками. Если честно, она уже и думать забыла об Эльрисе, решив, что он погиб в Сером ущелье. Признаться, это было очень удобное решение, устроившее Карелу без всяких оговорок. Она охотно смирилась с мыслью о гибели высокородного

офира, и никаких горестных эмоций по этому поводу не испытывала совершенно, немного даже втайне злорадствуя.

Но Эльрис оказался живехоньким, и не сказать чтобы новость эта была очень приятной. Выглядел офирец отменно, словно держал путь не из дикого ущелья, где его только что чуть не постигла страшная смерть, а возвращался с увеселительной прогулки. Он успел где-то переодеться в светло-серые штаны и легкую холщовую рубашу, поверх которой надел короткую плотную кольчугу. Его превосходный меч снова был при нем, а за пояс был заткнут небольшой кинжал без ножен, в котором Карела без труда узнала свой собственный.

Если бы Карела постояла и посмотрела на Эльриса на несколько мгновений дольше, она, возможно, сообразила бы, что самое лучшее в ее положении — это немедленно скрыться куда-нибудь и не показываться офиру на глаза. Но она опоздала. Остановившись и оглядевшись, Эльрис заметил ее.

Некоторое время он, нахмурившись и склонив голову набок, решал, не сон ли он видит, а потом стремительно вылетел из седла и бросился навстречу Кареле. Пока он пробежал эти двадцать-тридцать шагов, кому угодно могло броситься в глаза, как сильно хромает благородный офирец.

— Этого не может быть! — воскликнул Эльрис, подбегая к девушке и хватая ее за руку. — Митра услышал мои молитвы!

— Очень может быть, — проворчала Карела, высвобождая руку. — Это смотря о чем ты молился, высокородный.

Офирец всплеснул руками. Он действительно был рад, хотя если учесть все то, что произошло между ним и Карелой в горах, радоваться ему было рановато.

— Я не нашел твоего тела среди обломков скалы, и я решил, что ты осталась погребенной под ними где-то рядом с этим проклятым стигийцем! Но я все равно молился, чтобы если ты вдруг спаслась, то Митра привел

бы меня к тебе! — горячо заговорил Эльрис, пытаясь обнять Карелу.

— Очень может быть, что именно Митра тебя и привел сюда. Но это совсем некстати, Эльрис. Ты задерживаешь меня! — Она отстранилась и попыталась обойти офирца. Он, ковыляя, пошел следом, не отставая и пытаясь загородить Кареле путь.

— Подожди же! Постой! Куда это ты?!

— Мне надо ехать, — сказала Карела. — Встречаться с тобой совсем не входило в мои планы. Но кое-что с нашей встречи я смогу поиметь. Я хотела купить лошадь, но зачем делать это, если из этих четырех, которых ты привел с собой, по крайней мере одна принадлежит мне по праву.

— Что за ерунду ты мелешь, Карела?! — вспыхнул Эльрис. — Теперь, когда я тебя нашел, никуда я тебя не отпущу!

— Уж не думаешь ли ты, высокородный, что я буду спрашивать у тебя разрешения? — язвительно ответила девушка, подходя к своей низкорослой лошади и проверяя ее упряжь. Быстро нащупав узел, которым поводья ее лошади были привязаны к седлу лошади Эльриса, Карела дернула за ремень и отвязала его. — Отныне я свободна, Эльрис, и иду или еду туда, куда захочу. И причем совершенно одна.

Эльрис не успел ухватить ее за полу плаща, и она в мгновение ока оказалась в седле. Лошадка взвилась на дыбы. Рискую попасть под копыта, офирец вцепился в упряжь, удерживая животное на месте.

— Не сходи с ума, Карела! — выкрикнул Эльрис.

Люди, толкавшиеся во дворе, начали обращать на них внимание. Эльрису на это было наплевать. Он решал свои проблемы где хотел и как хотел. Но Кареле лишний шум был совсем не нужен. Не хватало ей только привлекать к себе внимание. Поэтому, чуть сдержав лошадь, она процедила:

— Я отсюда уезжаю, Эльрис. Хочешь — следуй за мной. Но я не обещаю тебе, что буду терпеливо сносить

твое присутствие. Бойся снова разгневаться меня, офирец! Клянусь Деркэто, больше я не спущу тебе даже мелочи.

Эльрис поспешно вскочил в седло, и Карела, уже подхлестнув свою лошадь, услышала позади стук копыт. Офирец бойко догнал ее и, несмотря на то, что две свободные лошади, поводья которых он вынужден был не выпускать из рук, не давали ему возможности скакать так быстро, как ему хотелось, он старался не отстать от девушки.

Направившись на северо-восток, Карела все погоняла и погоняла свою лошадь, стремясь как можно быстрее покинуть прилегающую к постоялому двору местность. Нечего было Кареле здесь делать. Правда, нечего было ей делать и на северо-востоке.

— Карела! Сбавь-ка прыть! — послышался сзади сбивчивый голос Эльриса.

Девушка придержала лошадь и обернулась:

— Что, досточтимый, никак отстаешь?

Офирец проглотил замечание и, подъехав поближе вместе со своим лошадиным эскортом и всем имуществом, проговорил недовольно:

— Куда тебя несет, женщина? Нам совсем в другую сторону! Ты же гонишь и гонишь, и кажется, совсем не понимаешь, куда!

— Ну-ка, господин Эльрис, давай-ка лучше опомнись! — оборвала его Карела. — Нам не может быть в другую сторону, потому что я еду сама по себе. Если тебе надо в какое-то другое место, счастливого пути!

Она с размаху хлестнула лошадь поводьями и помчалась дальше. Она прекрасно слышала, что настойчивый офирец по-прежнему не отстает.

Тем временем окружающая картина стала постепенно меняться. То тут, то там появлялись скопления чахлах кустарников и низкорослых деревьев вокруг родников и в низких балках, где сохранялось побольше влаги, чем на плоских равнинах, что остались южнее. Холмистый неровный рельеф мало-помалу стал преобладающим. Карела скакала вперед, иногда оглядываясь на Эльриса. Он

больше не пытался остановить ее, его лошади и имущество следовали чуть в отдалении.

Степная дорога, петляющая и накрепко утоптанная караванами, конными и пешими странниками, неожиданно разделилась, да не на две, а сразу на три тропы.

Карела остановилась на развилке. Эльрис быстро поспешил к ней, оглядываясь на разросшийся вдоль дороги низкий кустарник.

— Все, Карела, давай отдохнем, — произнес он и повел рукой.

— Устал, досточтимый? — злобно отозвалась Карела. — А, ну как же я забыла, ты же не совсем здоров, высокородный!

— Да, я не совсем здоров! — процедил Эльрис. — Я едва вытащил ногу из-под огромного камня! Я думал, что мои кости раздавлены в пыль! В самый последний момент мне удалось освободиться и выскочить из этого трижды проклятого горного храма! Как только я оттуда исчез, гул и обрушение скалы прекратились. Никто не скажет теперь, что в том месте была полая скала. Теперь там обычный горный завал. Я искал тебя, Карела, я долго тебя искал. Но, не найдя тебя нигде, я вернулся в грот. Я перевязал ногу и переоделся, собрал вещи и оружие, навьючил мешки на лошадей и пустился в путь.

Говоря все это, он спешился и, подойдя к Кареле, взялся рукой за ее поводья. Насмешливо глядя ему в глаза, девушка прищелкнула языком:

— Ну и ну, Эльрис! Я давно знала, что ты трус...

— Да как ты смеешь так говорить со мной? — побелел Эльрис и дернул за ремень упряжи. — Неужели тот ужас в горах ничему тебя не научил? Ты так и не поняла, кто твой друг, а кто враг, вздорная ты женщина!

— Ты трус и подлый предатель, — повторила Карела, прищурившись. — Но я не знала, что низость твоя зашла так далеко! Ведь это подумать только! Ты решил, что я погибла, но ты тут же оказался способен тщательно позаботиться о вещах, о смене чистой одежды и о том,

чтобы не потерять своих лошадей или один из мешков!!! Ну и ну, досточтимый!

— Замолчи, Карела! — Эльрис сжал кулаки.

Но девушку трясло от возмущения:

— Да ты не воин, клянусь Деркэто, и не благородный рыцарь из древнего рода! Ты прирожденный купчишка-караванщик!

Офирец попеременно то краснел, то бледнел. Его пальцы, сжимающие поводья своего жеребца и лошади Карелы, страшно побелели. Нервы Эльриса были, судя по всему, уже на пределе.

А Карела, которую общество ненавистного офирца, а пуще того его обстоятельный рассказ о том, какие муки и неудобства претерпел тот в Сером ущелье, довели просто до иступления, выкрикнула ему в лицо новые уничижительные слова:

— И после этого ты еще смеешь говорить, что никуда меня не отпустишь?! Что ты волновался и печалился обо мне?! Да твоя печаль и забота не более искренни, чем забота работоторговца о своем товаре. Да я лучше сдохну на месте, чем отправлюсь в путь с тобой куда бы то ни было! Ты не мужчина, Эльрис, ты грязная тряпка, клянусь Деркэто!

— Ну это уже слишком! — процедил Эльрис.

Он резко отбросил поводья в сторону, быстро протянул руки и безжалостно резко сдернул Карелу с седла вниз. Заломив ей руки назад, он быстро вытащил из ближайшего мешка веревку и, намотав ее на локти Кареле, стянул, не обращая внимания на то, что Карела лягала его, пинала и проклинала последними словами.

Нет, право же, неужели, чтобы обезопасить себя от людей, подобных кичливому и никчемному Эльрису, им следует без лишних слов и предупреждений перерезать горло при первом же удобном случае, не ожидая, когда они сами сделают первый шаг?! Ах, как жалела сейчас Карела о том, что не убила офирца раньше, когда у нее было немало шансов на это, особенно после того, как он предал ее и Табасха!

— Ох, долго я терпел, ох и долго! Но если ты не понимаешь по-хорошему, чего от тебя хотят, я вынужден учить тебя по-иному! — пыхтел Эльрис, накрепко связывая девушку.

Почти волоком Эльрис потащил Карелу прочь от дороги в заросли хилого сухого кустарника. Там он бросил ее на землю и ловко скрутил оставшимся концом веревки еще и колени девушки.

— Скотина! Осел! Грязная, надутая свинья! — Карела упражнялась в разнообразных проклятиях, и Эльрис, хотя и держался из последних сил и не набрасывался с кулаками, готов был разорвать ее. Тем не менее, он оставил ее ненадолго, привязал лошадей, снял и принес в кусты всю поклажу. Потом некоторое время он потратил на разведение костра. Когда собранный под кустами хворост быстро и жарко воспламенился, Эльрис снова повернулся к девушке.

— Индюк! Породистый индюк! — Карела билась на сухой траве, пытаясь ослабить веревки.

Эльрис отстегнул с пояса Карелы ножны и презрительно осмотрел саблю.

— Эта игрушка тебе больше не понадобится! Я выбью из твоей головы все, что накидал туда этот проклятый демон!

— Ты болван, Эльрис! Высокородный болван!

— И слушать не желаю больше ничего из твоих вечных оскорблений! — заявил он. — Тебе пора узнать свое место! Я считал, что такая гордая и умная девушка сможет стать мне достойной подругой! Но ты как была по рождению грязной, упрямой, твердолюбой простолюдинкой, такой, верно, навсегда и останешься! А значит, нет тебе иного выбора, женщина, как стать тем, на что ты сама напрашиваешься своим вздорным упрямством!

Начав быстро снимать кольчугу, Эльрис злорадно ухмыльнулся:

— Будешь самой норовистой из моих наложниц! Это лучшее, что я могу предложить тебе, Карела. Отныне и навсегда, клянусь Митрой!

— Проклятый осел! Мерзавец! Чтоб ты лопнул! — закричала Карела, но Эльрис так замысловато закрутил на ней свои путы, что она не могла отбиться от его сильных рук. Руки и ноги ее оставались связанными, а с одеждой ее Эльрис решил не церемониться и, взрезав ее кинжалом, выбросил прочь обрезки тряпок.

Ну и совсем уж немного времени понадобилось Эльрису, чтобы раздеться самому. Его нога выше колена была действительно плотно перевязана куском чистого холста, но о своих ранах: подарке Бриана и новой памятке о горном обвале, Эльрис, наверняка, даже и не вспоминал, едва увидев, каким великолепным телом ему сейчас предстоит насладиться...

— У меня нет времени для того, чтобы заготовить колья и растянуть тебя между ними для пушного удобства... — часто задышав, Эльрис склонился над Карелой. — Но твоя любезная Деркэто знает тысячи способов, как доставить удовольствие мужчине невзирая на путы. Несколькими из них я и намерен сейчас воспользоваться. Только веревочки эти мы сейчас перевяжем по-другому...

Крепко прижав Карелу к земле так, что она не могла пошевелиться, офицер ослабил веревку на ногах девушки и, не обращая никакого внимания на сопротивление своей резвой жертвы, принялся завершать начатое. Затянув веревочную петлю на лодыжке Карелы, он согнул ее ногу в колене и стал подтягивать лодыжку к запястьям ее стянутых в локтях рук. Поняв, в какой позе она сейчас окажется перед Эльрисом, Карела взвыла от ярости и унижения, но даже Деркэто не могла сейчас ничем помочь ей.

* * *

Грубые веревки не так уж сильно впивались в ее локти и не так уж крепко обвивали колени. Но Карела все равно не могла справиться со слезами, которые стекали по вискам прямо в уши и невыносимо щекотали их. Это были слезы бессильной злобы. Ненависть клокотала в ее груди, не находя выхода. Она все готова была

отдать за немедленную возможность всадить клинок в горло офира по самую рукоятку!

Пот Эльриса еще не просох на теле Карелы, а офирец уже мирно спал рядом с ней, выдохшись от столь тяжелого труда, как получение удовольствия от тела женщины, такового удовольствия доставлять ему никак не желающей.

Что уж тут говорить, сколько мог, Эльрис получил.. Карела готова была проклинать себя за то, что родилась женщиной, и притом красивой женщиной. Сколько, право, неприятностей возникает в этом случае! Похоже, что куда больше, чем преимуществ.

Солнце уже начало опускаться, сумерки начинали постепенно окутывать высохшую степь. День, начавшийся не слишком желанной встречей с Эльрисом, ничем хорошим для Карелы завершиться не собирался.

Но постепенно Карелу стали посещать и иные мысли, кроме крайне безнадежных и жалобных. Ее руки были по-прежнему связаны за спиной, а лодыжки ее Эльрис соблаговолит отвязать от запястий, позволил жертве выпрямить ноги и лишь не очень крепко накрутил на коленях веревку, чтобы прекрасная пленница не убежала. Однако теперь ее пути перестали казаться Кареле чем-то непреодолимым. Пока ты жив, есть возможность вырваться даже из пасти самого Нергала, и что уж тут говорить о каком-то высокородном насильнике.

Ни Карела, ни сам офирец, едва натянувший на себя штаны, еще не мерзли около горящего пока костра. Чуть приподнявшись на локтях, Карела окинула взглядом вещи. Ее сабля лежала совсем рядом, в двух шагах, но для того, чтобы до нее дотянуться, нужно было, как минимум, освободить руки.

Карела снова легла и рывком перевернулась на живот. Резкое напряжение мышц — и девушка уже стояла на коленях. Веревка позволяла ей еле-еле передвигаться по траве, но через некоторое время, за которое Эльрис успел два раза перевернуться с боку на бок, Карела уже стояла около самого костра. Осторожно, стараясь не плюхнуться

задом прямо в огонь, она попыталась сесть спиной к пламени и несколько раз дернула локтями, чтобы болтающийся конец веревки попал прямо в костер. Не сразу, но это ей удалось.

Теперь она сидела и ждала, когда огонь постепенно начнет пожирать веревку. Но по мере того, как огонь потихоньку двигался вверх, веревку он все-таки не сжигал. Она тлела, издавая ужасную вонь, и Карела стала бояться, что Эльрис проснется. Но офирец видел, наверное, прекрасные мирные сны, и ни о чем не подозревал.

Веревка продолжала тлеть. Локтям становилось нестерпимо жарко. Напрягая руки, Карела пыталась разорвать подпорченную огнем веревку. Она хотела сделать это раньше, чем получит ожоги.

Наконец, веревка подалась, резко ослабла, и девушка поспешно освободила руки.

— Ну теперь, досточтимый, ты у меня ударом в пах не отделаешься, жизнью своей клянусь! Уж будь спокоен, Эльрис, — злорадно пробормотала она, поскорее разматывая веревку с ног.

Но не иначе как Митра и впрямь испытывал непонятную привязанность к офиру. Когда девушка уже вставала с земли, Эльрис открыл глаза. Ему почти не понадобилось времени, чтобы понять, что именно произошло за время его безмятежного сна. Немедленно подскочив, он схватился за меч.

Карела прыгнула, перекатилась по земле, и сабля была у нее в руке. Эх, дорого бы она дала за то, чтобы сабля ее снова ожила, как тогда, в горном храме мести.. Чтобы теплый пульсирующий эфес сам направил ее руку, а сверкающий клинок сокрушил бы не только камень, но и сталь в руках проклятого Эльриса! Впрочем, направлять ее руку было бы незачем. Карела знала, что за жертва нужна ее богине, знала, чья кровь обогрит сейчас эту землю. Или она сейчас отомстит Эльрису, или погибнет здесь сама. Но дышать с этим человеком одним воздухом она больше не собиралась!

Она поднялась ему навстречу, сжимая свое оружие,

обнаженная и прекрасная, оскорбленная и разгневанная, как раненая тигрица. Или нет, что там тигрица! Разве сравнится боль ущемленной и поруганной гордости с надкусанной звериной шкурой или стрелой в боку?

— Брось свою игрушку, Карела, добром прошу! — вскрикнул Эльрис, хватаясь за меч двумя руками.

Карела угрожающе молчала.

Их разделял догорающий костер. Умирающее пламя бросало пляшущие отсветы на тугую гладкую кожу девушки. Ее лицо пылало румянцем гнева, но черты были спокойны, и уже не слезинки не было в ее огромных зеленых глазах.

Боком, медленно передвигая ноги, Карела стала обходить костер. Чуть замешкавшись, Эльрис почти сразу начал движение в ту же сторону.

— Карела, опомнись! Я не хочу тебя убивать!

— А я хочу, — коротко отозвалась она и резко шагнула вперед как раз тогда, когда движущийся по кругу офирец встал так, что выюки оказались у него за спиной.

Эльрис слегка отпрянул от ее резкого выпада, не принимая его всерьез, насколько можно было судить об этом по выражению его лица, но босая нога его запнулась за угол одного из мешков, и, потеряв равновесие, офирец стал падать на спину.

— Проклятье! — взвыл Эльрис, вскакивая и с силой пиная мешок. Высокий тук от толчка медленно завалился прямо в костер, подняв целый фонтан искр. Угол сухого мешка занялся почти сразу же, и в предвечерних сумерках костер вспыхнул с новой силой.

Карела продолжала приближаться к офирцу. Он, похоже, пытался оттянуть тот момент, когда придется скрепить оружие с женщиной. Он с радостью продолжал бы воспитание своей непокорной наложницы тем же способом, который только что опробовал, и лишний раз дырявить восхитительную бархатную кожу ему не хотелось.

Огонь охватил упавший в костер мешок. Сухие тряпки горели быстро, грозя перекинуться на оставшиеся тюки.

Нога Карелы наступила на что-то твердое. Поводив

ногой туда-сюда, Карела определила — кольчуга Эльриса.

Не сводя глаз с офирца, Карела быстро присела, схватила кольчугу, взмахнула ею и прямо через костер швырнула ее с силой, метя Эльрису прямо в лицо. Бросок попал точно в цель: кольчуга облепила голову офирца.

Эльрис судорожно вцепился в кольчугу, стаскивая ее с лица, но в течение того короткого мгновения, на которое он перестал видеть, что происходит вокруг, Карела, азартно вскрикнув, метнулась вперед, перепрыгнув через разползшиеся по земле языки пламени и, не останавливаясь, нанесла удар.

Эльрис медленно стянул с головы бесполезную уже кольчугу, вскинул руку с мечом, собираясь отогнать Карелу, но вдруг вскрикнул, дернулся, рука его разжалась, выпустив меч. Пошатнувшись, он опустил голову и с удивлением смотрел, как на его животе медленно раскрывается длинный и глубокий поперечный разрез, как он стремительно заполняется почти черной кровью и как внутренности начинают выпирать изнутри...

— О, Митра! — простонал Эльрис, падая на колени, и взглянул на Карелу удивленно и недоверчиво.

— Не думаю, что на этот раз пресветлый тебе поможет! — процедила Карела.

— Будь ты проклята! — Лицо Эльриса позеленело и покрылось крупным потом. Рана была смертельна, и офирец не мог не понимать этого. Наверняка, боль была ужасной. Он силился сказать что-то еще, но голос его не слушался. Без сил Эльрис повалился на бок, его ноги неловко подогнулись, дыхание сбилось.

Сжимая саблю, Карела медленно обошла вокруг костра и нашла, наконец, свой кинжал. Подняв его, она вернулась к Эльрису и встала перед ним на одно колено.

— Ну что, досточтимый, твой бесславный путь закончен, так я думаю?

Он открыл глаза и шевельнул губами.

— Ты слышишь меня, Эльрис?

Он не ответил, но его взгляд говорил о том, что офирец все еще слышит Карелу.

— Ты делал ошибку за ошибкой, и теперь некого винить в этом. Так же, как я поступила с тобой, я поступлю со всяким мерзавцем! Если бы не сегодняшнее, я бы просто забыла о тебе, предатель Эльрис. Но я давно уже решила, что ни один мужчина не овладеет мной без моей воли! А если все же кто-то сумеет взять меня силой, заплатит жизнью.

Эльрик кашлянул. Из рта его потекла кровь. Собравшись с силами, он вздохнул и прошептал:

— Добей меня, Карела...

— Что ж, пытать тебя я не собиралась, — задумчиво произнесла девушка и одним четким ударом всадила кинжал в горло Эльрису. — Прощай, высокородный.

Глаза Эльриса медленно потухли.

Поднявшись на ноги, Карела огляделась.

Вещи лениво горели, огонь постепенно перекинулся на все мешки и на все тряпки, валяющиеся вокруг костра. Раскромсанная одежда Карелы тлела там, куда швырнул ее Эльрис, и уже не могла пригодиться своей хозяйке.

Уязвленная гордость Карелы была отомщена, но как ей быть теперь, она не представляла. Все, что у нее теперь осталось, это четыре лошади и верная сабля Деркэто. На этот раз даже меньше, чем тогда, когда она покидала Серое ущелье. Правда, тогда лошадь была у нее всего одна, но кроме того была одежда, а ради того, чтобы укрыться от холода, окутывающего ночную степь, она согласилась бы отдать лишних лошадей. На что они ей? Она же не собирается тащить за собой всякий хлам, как это добросовестно делал Эльрис. Да и нет теперь у нее никакого хлама.

Карела нашла и подняла с земли ножны от сабли и медленно побрела к привязанным лошадям. Несколькими взмахами она перерезала поводья. Животные удивленно мотали головами, не понимая, что от них хотят. Но Карела взяла только своего коня и медленно повела его в поводу, двигаясь вдоль дороги.

Она была уже на приличном расстоянии от кострища, рядом с которым нашел свою смерть высокородный Эльрис, как где-то в стороне послышался стук копыт.

Четыре лошади галопом неслись от кострища в ее сторону. Люди, сидящие верхом, держали в руках обнаженные клинки, и даже в надвигающейся темноте это было ясно видно.

Первым порывом ее было вскочить на лошадь и скакать, скакать, пока хватит духу. Но она тут же поняла, что если всадники догонят ее, она не сможет отбиваться от них в полную силу. Обнаженная женщина на лошади — слишком хорошая жертва для четырех клинков.

Бросив повод, Карела метнулась в сторону и помчалась вдоль узкой балки, полого спускающейся между двумя холмами. Может быть, хотя бы укрыться где-нибудь. Лошади все же не собаки...

Она присела за густыми перепутанными ветвями какого-то степного кустарника. Всадники промчались где-то совсем рядом, по склону одного из холмов. Еще некоторое время Карела сидела на земле, притаившись, и наконец, когда стук копыт уже растаял в воздухе, вышла из своего укрытия.

В степи было тихо. Ветер трепал длинные волосы Карелы, сухие травинки и какие-то колючки застряли в пышных волнистых прядях. Босые ноги Карелы были мало привычны к земле, но все-таки это не были осклизкие горные камни, а прохладная суховатая трава. Поэтому на холод она старалась не обращать внимания.

...Что-то стремительно промелькнуло у нее перед глазами, и тугая грубая веревка сразу же врезалась ей в горло. Кто-то накинул удавку, смутно поняла она. Боль... Дыхание остановилось...

Карела очнулась на земле. В уши ей сразу же ударил громкий гортанный мужской хохот.

— Нет, Жузе, ты только подумай... Она посчитала, что самая хитрая! Думала, что сможет провести Моранаса, — давясь смехом, проговорил молодой густой голос, и гово-

рившего тут же снова оборвал необузданный утробный смех нескольких человек.

— А хороша девка-то, слов нет, как хороша, — обронил кто-то сквозь смех.

Карела открыла глаза и вскочила на колени. Смех сразу же стих. Вокруг стояли четверо мужчин. Они были вооружены, но одеты странно. На голове одного из них, носящего короткий полосатый иранистанский халат, красовался неизвестного происхождения помятый шлем, из-за чего узкое вытянутое лицо мужчины становилось весьма потешным. Второй, очень смуглый, почти темнокожий, с кривыми ногами колесом, носил куртку, расшитую кусочками пестрого меха. Еще один, довольно молодой и крепко сбитый, был в тяжелом шерстяном плаще, одетом прямо на голое тело и в широченных шароварах. Его длинные темные вьющиеся волосы были грязны и растрепаны, а нос явно был когда-то переломан и теперь напоминал кривой хищный клюв.

Только разбойники, живущие тем, что смогут награть, могли так выглядеть. Поняв, что ее дела плохи, Карела запоздало и бесполезно выругала себя за неосторожность. Но ничего поделать уже было нельзя. Она медленно встала на ноги.

У четвертого разбойника и была та самая веревочная удавка, которую Карела попробовала на себе. Мужчина вертел ее в руках и улыбался во весь рот, показывая всему свету обломанный почти под корень клык. Он единственный из всей компании был одет в удобные штаны по размеру и в куртку из мягкой кожи. Весельчак был тоже молод и, судя по всему, именно он и был тот самый Моранас, который хвалился теперь перед приятелями своей исключительной ловкостью. Ну как же, женщину отловил! Мерзавцы этикие, подумала Карела, окончив рассматривать тех, в чьи руки она попала на этот раз.

— Иногда нам везет, иногда не везет, — весело проговорил парень с удавкой. — Но чтобы в сети попадалась такая птичка, такого давно уже не случалось.

Карела быстро оглянулась по сторонам. Но ее сабля

вместе с ножнами была в руках у молодца с перебитым носом.

— Я думаю, что Таниус простит нам сегодня то, что мы ничего не добыли. За одну только эту птичку он сменит гнев на милость. Она у нас перевесит поклажу целого каравана, клянусь хвостом Нергала, — добавил весельчак. — Ну а пока... Давай-ка, девочка, будь умницей и потешь бедных усталых путников.

Он протянул руку к груди Карелы, но она резко пнула его ногой в колено. Кривоногий и тот, что был в полосатом халате, схватили ее с двух сторон, заломили руки, едва не поднимая ее над землей.

— Врежь ей, Моранас, чего ты смотришь? — злобно сказал кривоногий.

Выругавшись, Моранас потер ушибленное колено и уже занес было руку для удара, как совсем рядом раздался стук копыт. Прямо из-за гребня холма выскочил всадник. Разбойники схватились за оружие, но Моранас, все еще морщась, махнул рукой:

— Спокойно, ребята, это Ордо.

Ослабившие было хватку мужчины с новой силой стиснули Карелу. Вновь приехавший соскочил с коня и быстро сбежал с холма в балку.

— Чтoб вам пусто было, парни! Таниус рвет и мечет, — загремел низкий басовитый голос. Прибывший оказался мощным человеком огромного роста. Он был широкоплеч и мускулист, казалось, напрягись он, и мышцы его непременно порвут куртку по швам. Он был не молод, а может быть так только казалось в надвигающейся темноте. Хотя в его темных волосах еще не было видно седины, почти черная короткая борода придавала его лицу лишний десяток лет. В ушах чернобородого болтались блестящие кольца. Правой рукой он сжимал рукоятку короткой плети и постукивал ею о раскрытую левую ладонь. — Чтo вы тут потеряли, в этой балке?

Его взгляд упал на Карелу, и слова застряли у него в глотке.

— Во имя Митры, Моранас, ты воюешь с детьми? — проговорил он.

— Протри глаза, Ордо! — сплюнул Моранас. — Много ты видел детей с такими формами? Дети по степи голыми не ходят!

— Ну да, — крикнул чернобородый Ордо, не отрывая взгляд от Карелы. Его блестящие в темноте глаза загорелись еще сильнее. Чувствовалось, что ему никак не хотелось смотреть в какую-либо другую сторону. — А все-таки, Моранас... Твой братец в лагере бушует. Думает, что какие-нибудь караванщики вас уже положили на дороге. А вы тут с девицами развлекаетесь.

— Развлечешься ты с ней! — Моранас схватил Карелу за волосы на макушке. — Строптивая, сука!

Не тратя лишних слов на мерзавца, Карела просто плюнула ему в лицо. И зажмурилась, ожидая хлесткого удара сильной мужской руки.

Но удара не последовало. Открыв глаза, Карела увидела, что Ордо перехватил уже занесенную руку Моранаса. Мускулы на руках мужчин вздулись, лица были перекошены. С напряжением, но Ордо сдерживал напор более молодого Моранаса.

— Не встравай, Ордо, куда не следует, — процедил Моранас.

— Если ты подпортишь своему брату подарок, он тебя не похвалит, уж это точно, — быстро ответил ему Ордо. — Ты хочешь с ней развлечься? А ты не помнишь, случайно, как поступает Таниус с теми, кто перебивает у него девок? Он не посмотрит, что ты ему брат, пустит кровь, и все дела!

— Выслуживаешься, собака?! — яростно прошипел Моранас, но руку опустил. — Ну и справляйся с ней сам, как сможешь! Но если проворонишь — пускать кровь будут тебе!

Ордо шагнул к Кареле, одной рукой оттолкнул в сторону кривонногого разбойника:

— Отойди, Жузе, нечего лапать добычу твоего атамана!

Второй из держащих Карелу сам разжал руки.

Ордо ловко перехватил локти Карелы и потащил ее

вверх к своей лошади. Уже садясь в седло и затаскивая наверх Карелу, он крикнул вниз:

— Абериусу и Двару велено остаться и дежурить на дороге! А тебя, Моранас, братец видеть желает... с нетерпением!

Последние слова Ордо произнес злорадно. По всему было видно, что Моранас и Ордо были в отношениях далеко не приятельских.

Карелу бородач усадил перед собой и мощной рукой зажал ее в настоящие тиски.

— Будешь рыпаться, рыжая, голову откушу! — пообещал он и взял с места галопом.

Угроза остаться без головы после всего пережитого Карелу не очень-то сильно тревожила. Рыпаться же ей не давала железная рука чернобородого разбойника. Его резвый конь вырвался далеко вперед, и хотя сзади все равно стучали копыта еще двух лошадей, она с ненавистью мотнула головой и прошипела:

— Отпусти меня! Грязный подонок! Отпусти немедленно, или ты за все мне заплатишь!

— Ха! — коротко ответил Ордо.

— Ты боишься своего атамана? — воскликнула Карела. — Как же, ведь тебе пустят кровь, если он не получит своего подарка! Разрази тебя Деркэто, бандит! Неужели все мужчины всего лишь низкие трусы?!

— Если я отпущу тебя сейчас, дурочка, а они это увидят, Моранас может тебя и прирезать сгоряча, — невозмутимо ответил Ордо, и не думая даже хоть немного ослабить нажим. Скорее всего, ему просто нравилось тискать мягкое тело девушки, пользуясь случаем, поэтому он с надлежащим рвением изображал бдительного стража.

— А потом? — уточнила Карела. — Что вы собираетесь делать со мной?

Ответом ей был мрачный смешок. Потом Ордо пояснил:

— Знаешь, рыжая, тех, кто разгуливает по степи в чем мать родила, ждет один конец. Таниус поиграет с тобой несколько ночей, потом Моранас по праву его брата, потом Жузе, ну, тот, с перебитым носом, как первый друг

Моранаса... Потом ты окажешься под тем, кто сумеет быть ловчее прочих и отвоюет себе право отхватить от тебя кусок посвежее.

А не много ли на сегодня тех, кто жаждет отхватить от меня кусочек, мрачно подумала Карела. Но она прекрасно понимала, что слова чернобородого звучат более чем правдоподобно.

— Если ты при этом постарайся быть хорошей девочкой, есть надежда, что останешься жива, — добавил Ордо. — Тогда Таниус потом продаст тебя в какой-нибудь трактир.

Карела изловчилась и впилась зубами в обнимающую ее крепкую руку.

Ордо застонал, дернул рукой и рывкнул:

— Нергал тебе в печенку! Еще выкинешь что-нибудь подобное — свяжу и брошу поперек седла, как овцу! Поняла, рыжая?! Въедешь в лагерь кверху своим пухлым задом!

И Карела затихла. Спорить с бородачом было бесполезно. Она хорошо понимала, что если бы этот немолодой разбойник не появился в балке, то остаться одной против четырех бандитов означало бы для нее жестокое насилие и верную смерть. То, что пообещал Ордо, было немногим лучше того. Но пока она жива, можно надеяться. И она надеялась, то ли на чудо, то ли на защиту и покровительство Деркэто, не особо представляя, что могущественная богиня может предпринять в сложившихся обстоятельствах.

Впереди, за холмом открылось пространство, поросшее некоторой растительностью: все теми же крайне изможденными и хилыми кустарниками высотой не более человеческого роста. Среди этих кустов, в низине, заслоненной от проезжих дорог гребнем высокого холма, горели костры, много костров, никак не меньше десятка.

Ордо на всем скаку пронесся в самую середину вытоптанной балки и осадил своего коня. Сняв Карелу с седла, он шлепком ладони по крупу лошади отправил животное восвояси.

Нестройный гул голосов стих почти сразу же, как

Ордо поставил Карелу на землю. Отовсюду, от всех костров потянулись разбойники. Это была полупьяная толпа, одетая настолько пестро, что в свете многочисленных костров они казались каким-то потусторонним воинством.

— Вот это добыча так добыча. Настоящее сокровище, не то что на той неделе. За такое пиршество и пару голов срубить не жалко

Кольцо вокруг бородача и девушки сужалось.

Карела настороженно слушала восхищенные реплики пополам с грязными замечаниями.

— Вот это подарок! — раздался совсем рядом грубый мужской голос, и все прочие сразу же притихли.

Карела взглянула налево. Там стоял высокий плечистый мужчина с голым торсом. Длинные белые волосы прямыми прядями спускались ему на спину, а впереди залысины оголяли его лоб почти до самой макушки. Пышные усы и выпученные глаза придавали ему грозный вид человека, который бьет, не задумываясь. На поясе его висел огромный кинжал. Уперев в бока громадные кулаки, он разглядывал Карелу, как разглядывал бы лошадь на базаре.

— Ну вы подумайте, бывает же! Отличное средство против моего отвратительного настроения. Где же ты достал такую роскошь, Ордо?

— Это я ее достал! Я! — грубо расталкивая людей, в самый центр круга протиснулся Моранас, а позади его шел Жузе.

— А-а, ты, братец, язви твою душу! — ощерился беловолосый, который, как видно, и был тем самым Таниусом. — Где тебя носит целый день? Я тебя ведь отправил в дозор, а не девок лапать!

— Никого я не лапал! — взвизгнул Моранас.

— Рассказывай! — мрачно усомнился Таниус.

— Это он тебе наговорил, да?! — вскипел Моранас, показывая пальцем на Ордо. Но поскольку вокруг было десятка три свидетелей того, что Ордо, приехав, и рта не раскрыл, балку огласил многоголосый хохот. Бандиты откровенно поднимали на смех ершистого брата своего предводителя.

— Мне не надо наговаривать, я тебя знаю, как облупленного! — хохотнул Таниус, но сразу же стал серьезным. — Я тебя отправил добычу искать, и что?!

— Не было никого на дороге, — мрачно нахмурился Моранас.

— Неужели? — злобно прищурился Таниус. — А эта птичка по степи одна летала?

— Одна, — отозвался Моранас.

— И голая? Точно-точно... — Таниус помолчал, а потом рывкнул. — А ну, выворачивай карманы!

— Да не было у нее ничего! — взмолился Моранас. Наверное, он уже жалел о том, что связался с девчонкой. Ордо не дал ему попользоваться ею, а брат теперь вдоволь отыграется на Моранасе за то, что уже который день весь отряд сидит без дела и без добычи... Тут его взгляд упал на приятеля, и Моранас бросился к Жузе, срывая с его пояса ножны Карелы. — Вот и все, что у нее было, Таниус!

— Что-о-о? — Таниус взял в руку ножны и осмотрел эфес. — Эта штучка, конечно, кое-чего стоит. Старинной работы...

Таниус вынул клинок наружу и повертел, рассматривая оружие в отблесках света.

— Несомненно, старинная, а выглядит, как новая. Очень интересно. Ну да ладно. — Таниус покосился на Карелу. — Неужели, она и в самом деле твоя? А, птичка?

Карела рванулась, но твердая рука Ордо цапнула ее за локоть.

— Ее, ее, — поспешно подтвердил Моранас.

— Может, ты и держать ее в руках умеешь? — усмехнулся Таниус, подходя к Кареле вплотную.

— А ты дай ее мне, тогда узнаешь! — процедила она.

— А что, это мысль! Это нечто новенькое! — Таниус оживился.

Он внезапно схватил Карелу одной рукой и крепко прижал к себе под азартные крики пьяной толпы. Карела напряглась, содрогаясь от негодования и брезгливости. Она уже подумывала, не вцепиться ли зубами в крепкое

потное тело, но Таниус шлепнул ее ладонью по задку и мягко оттолкнул.

— А ну, расступитесь, расступитесь пошире! — Таниус пошел по кругу, расталкивая своих людей, некоторые из которых уже качались из стороны в сторону и едва не падали с ног.

Когда он оказался на приличном расстоянии от Карелы, Ордо чуть придвинулся к ней и спросил шепотом, не поворачивая головы и глядя совсем в другую сторону:

— Слушай, если он затеет битву, ты сможешь продержаться хоть немного?

— Какое тебе дело, мерзавец? — огрызнулась Карела.

— А такое, что там караван на подходе. Вот-вот Абериус вернется с донесением, тогда о тебе враз забудут, и я дам тебе лошадь...

Сердце гулко заколотилось в груди Карелы. Как-то не верилось ей, что чернобородый сказал это всерьез. Разве ж способны такие люди на доброе дело? Да и с какой бы стати ему оказывать ей такую услугу? Если она останется здесь, то Ордо запросто отвоюет для себя четвертую очередь и будет следующим за кривоносым Жузе... Не зря же он так паялился на нее в степи.

— А пошел ты! — прошипела Карела, потому что ей показалось, что Ордо ждет ее ответа. Но чернобородый, сделав вид, что ничего не слышал, упрямо повторил:

— Продержись! — и отошел в сторону.

Закончив расчищать место для своей забавы, Таниус повернулся к Кареле и, вынув из ножен кинжал, пошел к ней, держа в левой руке ножны Карелы и протягивая их эфесом вперед.

На довольной лоснящейся роже бандита играла широкая улыбка. Пожирая глазами обнаженную девушку, он приглашал ее поучаствовать в новой интересной игре.

Глава 10

Глядя на медленно приближающегося бандита, Карела чувствовала странное оцепенение и растерянность. Кажется, ей только что велели продержаться. Но ради чего? Надеяться, что проходящий караван отвлечет разбойников? Но план Ордо показался Кареле надуманным. А если караванщикам взбредет в голову повернуть на развилке совсем в другую сторону? Продержаться... Легко сказать.

Таниус подошел совсем близко и с нехорошей сальной усмешечкой протянул ей ножны эфесом вперед.

Да, Ордо, конечно, молодец. Горазд советы давать. Продержаться... Надо было бы поинтересоваться у чернобородого, как он себе все это представлял, когда отдавал свое распоряжение и отходил в сторону. Интересно, как это Карела продержится против такой огромной лоснящейся от пота обезьяны? Если бы дело шло о битве насмерть, тут и разговоров никаких быть не могло бы, и никаких особых надежд на свою ловкость и хитрость возлагать не приходилось бы. Карела прекрасно знала свои возможности. Если такой противник, как Таниус, задастся целью убить девушку, надолго умений Карелы не хватит, это точно.

Но в том-то все и дело, что, как поняла Карела, убивать ее Таниус не будет. Он хочет всего лишь позавеселиться, погонять обнаженную женщину по кругу на потеху себе и своим людям.

Стоит ли доставлять им это удовольствие? Держаться изо всех сил ради того, чтобы пьяная толпа получила возжеленное зрелище? А после всех усилий еще и оказаться в его грязных лапах? Ну уж нет. Чем потешать разбойников, лучше прекратить это все сразу и навсегда.

И сделать это можно только одним способом: опередить и нанести удар при первой же возможности, когда этого меньше всего от нее ждут.

Поэтому, когда эфес сабли Деркэто коснулся ее груди, Карела криво усмехнулась, глядя прямо в глаза Таниусу, а затем медленно потянула саблю из ножен.

Едва кончик клинка вышел из ножен, Карела, даже не шевельнув рукой и не делая никакого замаха, сделала быстрый четкий выпад. Всего лишь резкий стремительный шаг вперед, направляя саблю в мускулистый живот Таниуса.

Она почувствовала, как упругое сильное тело всего лишь на мгновение задержало движение клинка. Сабля пронзила Таниуса, так быстро и мягко взрезая кожу и рассекая внутренности, что он сам этого поначалу не ощутил и продолжал плотоядно улыбаться.

Но те, что стояли вокруг и с восторгом предвкушали развлечение, увидев, как из спины их предводителя вышел окровавленный клинок, сначала затихли, а потом завопили на разные голоса.

Ощувив в теле смертоносную сталь и ее огонь, Таниус побледнел и ручищами, в которых голова Карелы могла спрятаться целиком, крепко стиснул плечи девушки, словно пытаясь оттолкнуть ее прочь, не понимая, что все его усилия уже тщетны. Она вскрикнула от боли и с трудом повернула эфес, проворачивая клинок внутри тела. Руки Таниуса разжались, хотя и не сразу. Он вдруг захрипел, открыл рот, из горла его хлынула кровь.

Вытащить клинок из тела Таниуса оказалось куда труднее, чем поразить человека, стоящего совсем близко и не ожидавшего от женщины такого выпада. Но Карела знала, что медлить нельзя, потому что убийство атамана даром ей не пройдет. Напрягшись и даже оперевшись

ногой в живот уже падающего в пыль Таниуса, Карела вытащила саблю из мертвого тела. Рослый мощный разбойник рухнул ей под ноги. Кровь напоследок выплеснулась из его рта на утоптанную землю и больше не вытекала.

— Так будет с каждым, кто приблизится ко мне ближе, чем на длину моего клинка! — выкрикнула Карела, отходя на пару шагов от тела.

Наверняка, никто из бандитов даже не допускал мысли, что их предводителя зарезать так же легко, как курицу на дворе трактира. И уж конечно они не ждали, что красавица, пойманная в степи, не побоится начать по-настоящему смертельную игру с сильным мужчиной, и не только не побоится начать, но и завершит эту игру стремительно и блестяще.

— О, боги! — раздался какой-то неживой голос Моранаса. — Эта мерзавка убила моего брата!

Карела быстро перевела взгляд на Моранаса. Вот и второй ее противник. Лицо разбойника было перекошено, и хоть руки его дрожали, его стоило принять всерьез. Даже некоторая оторопь, о которой свидетельствовала эта дрожь, не помешает ему хорошенько проучить Карелу.

Кривоносый смуглый Жузе, как тень следующий за своим приятелем, тоже схватился за оружие.

Двое сразу? Это более чем серьезно. Но отказаться от этого сражения никак не получится. Карела перехватила саблю в левую руку, провела правой влажной ладонью по бедру, встряхнула рукой, сбрасывая напряжение, и снова удобно и ловко перехватила свое верное оружие. Сегодня сабле Деркэто предстояло уже третье испытание. Для одного вечера это было многовато, и Кареле очень хотелось сделать это третье испытание последним. Разумеется, последним только на сегодня.

Моранас и Жузе двинулись вперед. Сделав несколько шагов, они слегка разошлись и начали обходить Карелу с двух сторон. Пока один из них не оказался у нее за спиной, девушка постаралась отбежать как можно дальше от Таниуса, чтобы труп не путался под ногами.

Оба разбойника бросились на нее одновременно. Отскочив в сторону, Карела все-таки заставила их столкнуться лицом к лицу друг с другом. А потом только они повернулись к девушке. Теперь оба бандита были прямо перед ней. Клинки у обоих оказались довольно тяжелыми. Жузе угрожающе вертел над головой каким-то длинным палахом, а Моранас выставил вперед довольно грозный меч. Меч показался Кареле очень знакомым. И не зря. Это был меч благородного Эльриса, и ничто иное. Моранас все-таки нашел чем поживиться у кострища, у которого грелся зарезанный Карелой офирец.

Все это промелькнуло в голове Карелы и забылось сразу же. Только засела в голове одна крайне назойливая мысль: если все же хочешь выжить сегодня, столкновения с клинками Моранаса и Жузе стоит избегать как можно дольше. Вышибить ее сабелку могут запросто. Но Карела не была бы Рыжим Ястребом, если бы два грозных бандита могли запугать ее окончательно. Даже напугав Рыжего Ястреба, заставить его прекратить борьбу невозможно.

Уворачиваясь от свистящих клинков двух громил, Карела металась по отведенной ей площадке, подпрыгивая, приседая, то пряча голову в плечи, то бросаясь вперед. Попытки разбойников зажать ее в кольцо были безуспешны, и это не могло их не разозлить. Несколько раз запнувшись о труп Таниуса и задев пару раз друг друга плечами, бандиты совершенно разъярились. Что и говорить, Карела, в другой обстановке моментально вспыхивающая от неосторожного слова, в сражении умела быть хладнокровной и спокойной, чем заводила своих противников.

Первым ошибся Жузе. Пытаясь достать Карелу очередным ударом, он решил, что предугадал следующее движение девушки. Но она рванулась совсем в другую сторону, и Жузе, не желая сдерживать удар, попытался изменить положение и, неловко повернувшись, упал на одно колено. И Карела, отпрыгивая от офирского меча Моранаса, по пути рубанула Жузе поперек груди. Она

не стала вглядываться в результат, но готова была поклясться, что Жузе если и не убит, то опасности для нее больше не представляет. Оставался разъяренный Моранас.

Молодой злобный разбойник оказался довольно опасным и настырным. Дело ясное, никаких теплых чувств к лысоватому самодуру он не испытывал, но он конечно же мнил себя наследником безграничной власти своего брата. Если не Моранас приструнит мерзавку, то кто же? Если он, как и Таниус, собирался держать своих бандитов в страхе, нужно было соответствовать тому положению, на которое Моранас претендовал. И первое, что надо было ему сделать: безотлагательно предпринять хоть что-нибудь, чтобы рыжеволосая женщина нашла свою смерть здесь и немедленно.

Мужчина, решивший убить женщину, убьет непременно, но... только если женщина ему это позволит!

И Карела поняла, что иного выхода у нее нет, кроме как перейти от защиты к нападению. Собравшись, девушка удвоила скорость своих стремительных уверток и выпадов, то с одной, то с другой стороны нанося легкие удары. Ощувив, что Моранасу уже не так легко поспевать за ее летящими движениями, Карела выбрала совсем неуловимый миг, когда Моранас сбился с ритма и совсем немного открылся... Клинок Деркэто впился ему в шею у самого основания, прямо над ключицами. О, этот клинок был поистине настоящим хищником! Он знал, где у врагов самые лакомые кусочки, и откуда следует откусить, чтобы ужасные раны и поток крови повергли вольных или невольных зрителей в трепет.

Еще живые глаза Моранаса выпучились от боли и ненависти, но его голова, уже наполовину отделенная от тела, отвалилась на плечо. Карела отпрыгнула в сторону, не желая, чтобы хлынувшая широкой струей кровь пролилась ей на ноги.

Остановившись посреди круга, в середине которого лежали жертвы клинка Деркэто, Карела сжала эфес двумя руками и медленно повернулась кругом, разгля-

дывая разбойников: не желает ли кто-то еще вступить с ней в бой.

Лица столпившихся вокруг бандитов не выражали никаких четких желаний. Время шло, а на лицах просматривалось только безграничное удивление и замешательство. На всех лицах абсолютно. Даже чернобородый Ордо, стоящий совсем рядом и стиснувший рукоятку своего меча, раскрыв рот, смотрел то на Карелу, то на тела в пыли, и вид у него был самый что ни на есть ошарашенный.

Желающие один на один выйти на битву с женщиной как-то не спешили о себе заявлять. Идея поединка с рыжеволосой девчонкой не казалась им больше хорошим развлечением.

Карела утерла локтем пот со лба, откинула назад пряди волос и снова крепко ухватила свою саблю.

— Ну же, грязные подонки, кто следующий? — произнесла она в тишине.

А тишина была поистине мертвой. Казалось, что мертвы не только предводитель и его ближайшие приспешники, но и вся шайка, лишившаяся враз всей своей верхушки, совершенно помертвела. Или уж по крайней мере потеряла дар речи. В зловещей тишине было слышно только потрескивание костров.

Таниус, проткнутый насквозь, как цыпленок вертелом, был уже мертв. Моранас, отсеченная голова которого едва держалась на клочке кожи, залил своей кровью все вокруг. У ног Карелы еще судорожно дергал ногами Жузе, но ни у кого пока не возникало желания оказать ему помощь. Он был обречен уже потому, что рядом с ним в настороженной грозной позе стояла необыкновенно красивая и совершенно безжалостная к своим врагам женщина.

Расставив ноги и откинув за спину пряди волос, Карела грозно стояла с саблей на изготовку и молча ждала. Долго разбойники в оцепенении не пробудут, это было ясно.

И они зашевелились. Сначала только некоторые, самые решительные, потянули оружие из ножен.

«Сейчас они все кинутся на меня, — поняла Карела. — И от меня совсем ничего не останется. Что ж, так все же лучше, чем переходить из одних потных лап в другие...»

Вряд ли все эти пьяные негодаи были нежно привязаны к своему беловолосому предводителю. И если они сейчас, глухо ворча, медленно приближались к Кареле со всех сторон, то вовсе не из желания немедленно отомстить за смерть Таниуса и его прихвостней. Карела была готова поклясться, что гонит их на расправу задетое мужское самолюбие, и только. Как же это, какая-то пигалица так стремительно порубала трех самых сильных и наглых мужчин из их шайки, что никто и глазом моргнуть не успел! Разве такое бывает?

Кольцо смыкалось. Перекошенные тупой яростью лица замелькали, сливаясь для Карелы в одно пестрое кольцо. Сейчас все будет кончено...

— Эй, эй, вы что, с ума посходили?! — загремел над ее головой густой голос Ордо.

Чернобородый бандит с блестящими серьгами выскочил на середину круга прежде, чем хоть один из клинков коснулся тела Карелы. Один Ордо не мог заслонить девушку от разбойников, надвигающихся со всех сторон, но вид у него был довольно решительный.

— А ну, назад! Головы на плечах у вас есть? — мощные руки Ордо взвились вверх. — Что вас разбирает, придурки? Из ума выжили? Тогда в ваши головы надо вбить немного ума, но не вынуждайте меня обнажать меч и учить вас!

Люди остановились. На их лицах ярость мешалась с недоумением.

— Что ты защищаешь эту суку, Ордо?! — взвизгнул кто-то сбоку. — Голову ей снести, да на кол!

— Таниус заплатил за собственную дурость, и эти двое были немногим его умнее! — выкрикнул Ордо и, видя, что многие не оставили желание убить девушку,

все же схватился за меч. — Вы что, хотите последовать за ними?

Его меч зазвенел о чей-то клинок, и раздался тот же молодой визгливый голос:

— Уж не ты ли отправишь нас вслед за ними? Не лезь, парень, не в свое дело! Или ты думаешь, Ордо, что мы побоймся справиться с этой рыжей бестией?

— Да послушайте же вы меня! — зычно громыкнул Ордо.

Разбойники остановились. Чернобородый оглядел всех и нарочито лихо спрятал свой меч обратно в ножны, желая показать, что он не желает ссориться с товарищами.

— Стоит ли с ней справляться? — Ордо шагнул и встал вплотную к Кареле. — Или Таниус был вашим любезным дружком? Лучше подумайте о том, что мы потеряли троих не самых худших бойцов, хоть они и были болванами, да упокоит Митра их души. Но мы лишились троих, так зачем же убивать эту женщину, которая хотя бы одного из них, но может заменить?!

— Ну, троих не заменит даже эта шустрая стервочка, — угрюмо возразил кто-то, и Ордо кивнул.

— Еще бы, ведь она всего лишь девчонка. Но в нашем деле каждая лишняя сабля может пригодиться, а эта женщина показала вам, как нужно владеть оружием. Разве не так?

Бандиты недоверчиво загудели.

— И неужели мы будем терять такого бойца? — продолжал вопрошать Ордо. — Да и потом, не надоело ли вам подбирать объедки после Таниуса? Пусть эта женщина сама выберет из нас того, кого захочет, и останется с нами. Разве же это будет не справедливо?

Уж не считает ли этот бородатый кусок мяса, что именно его Карела выберет в благодарность? Девушка вскинула голову и покосилась на чернобородого:

— Что ты несешь, мерзавец? Чтобы я с вами?..

— Молчи, рыжая! — угрожающе прошипел Ордо и взмахнул рукой: — Ну что, вы уяснили себе, что я вам

толкую? Или, если хотите, можете испытать ее еще раз. Ну?! Кто первый?

Разбойники заворчали. Многие с лязгом заталкивали оружие в ножны. Карела кожей чувствовала напряжение, исходящее от Ордо. Бандит защищал ее, это было совершенно очевидно. Неужели он стал бы биться со своими же товарищами, если бы они не послушали его? Похоже, что он был к этому готов.

Постепенно плотный круг бандитов рассосался. Карела стояла и смотрела, как люди расходятся обратно к кострам, приглушенно переговариваясь и переругиваясь друг с другом.

— Кажется, время мы выиграли, — пробормотал Ордо.

Карела подошла к трупу Таниуса и выдернула из его левого кулака свои ножны.

— Пойдем-ка со мной, — Ордо подошел и взял Карелу за локоть.

Она резко вырвалась:

— Только попробуй тронь меня своими грязными лапами, и я срублю тебе башку!

— Да нужна ты мне... — удивленно протянул Ордо. Его лицо стало немного разочарованным. Но он вздохнул и нахмурился: — Так и будешь ходить голышом?

— А что? — Карела с вызовом прищурилась.

— Ничего. Но не стоих дразнить ребят. Женщины нам попадают частенько, да и на постоянных дворах мы бываем, но, глядя на тебя, не каждый согласится долго ждать, пока ты согласишься его выбрать. Будешь долго выставлять груди напоказ, кое-кто может и не сдержаться, как считаешь? — ехидно спросил Ордо.

Можно было бы и рассердиться. Но не признать правоту Ордо было бы смешно.

— Ну так дай мне что-нибудь! — раздраженно отозвалась Карела капризным тоном.

— Ну так иди за мной, рыжая! — оскалился Ордо. — А то и вести себя не даешь, и сама с места не трогаешься! Что, не веришь до сих пор, что пока жива?!

Карела взмахнула своей саблей и ударила наугад, но

ее оружие зазвенело о сталь меча Ордо. Бородач тоже оказался весьма проворным, и когда только он успел отразить ее выпад?

— Ну ладно, ладно тебе, — примирительно сказал он. — Иди за мной, я сейчас кое-что найду.

Чернобородый отвел ее к крайнему костру и принялся рыться в каком-то мешке.

— Помер вчера дружок мой, — произнес Ордо с ноткой искреннего сожаления. — Стащил у Жузе жемчужное ожерелье, дурак, да спяну стал хвалиться перед ребятами. Ну, Жузе его и проткнул, не глядя. Это у нас обычное дело. Тянут добро из чужих мешков, а потом глотки друг у друга режут... Два дня помучался Фархан, да и помер. Роста он был неказистого... Так тебе в самый раз его тряпки придутся.

С содроганием приняла Карела темно-синюю рубаху с таким широченным воротом, что девушка вся целиком могла в него пролезть. Рубаха была мало того, что длинная и широкая, так она еще и задубела от давно засохшего пота. То, что должно было, видимо, быть штанами, выглядело не лучше, а пожалуй даже и хуже. Подвязать штаны пришлось сначала веревкой, а потом уже подпоясаться. В довершение всего Ордо поставил перед Карелой седые от пыли и грязи сапоги с такими просторными голенищами, что ходить в них было совершенно невозможно: с каждым шагом они сваливались с ноги.

— Твой друг слонем не был ли, случаем? — проворчала Карела, болтая в сапоге ногой.

— Не нравится? — уточнил Ордо, с улыбкой косясь на нее.

— А тебе понравилось бы? — огрызнулась девушка. — Какое убожество!

— Знаешь, рыжая, если хочешь одеться получше, прежде придется хорошенько помахать сабелькой, — назидательно сказал Ордо. — Ты ведь в этом мастерица. Что добудешь, то и твое. А то можно устроиться проще и умнее: стать верной подругой удалому молодцу, который

захочет сам добыть тебе богатую одежду да жемчужное ожерелье, а взамен ничего не попросит, только улыбку да горячие ласки.

— Сдается мне, ты на себя намекаешь, Ордо? — Карела снова начала сердиться. Слова бандита ей не нравились.

— А хоть бы и на себя! — чернобородый приосанился и повел плечами. — Со мной не пропадешь, рыжая. Я их смогу на место поставить. И ты на всех будешь королевой смотреть.

— Чтобы смотреть королевой, ты, разбойник, мне совсем ни к чему. А на место поставить я и сама могу, — проворчала девушка и кивнула туда, где по-прежнему валялись три трупа. Она уже застегивала на талии пояс с ножнами. Положив ладошку на эфес, она язвительно уточнила: — Так ты поэтому и бросился на них, что уже решил, будто бы я охотно пойду под твоё покровительство?

— Ну не то чтобы решил, — проямлил Ордо, поглядывая на маленькую кривую саблю Карелы. — Но сначала надеялся. Хороша ты, рыжая, что и говорить. Да к тому же ты отчаянно храбрая и, по-видимому, умна. Другая на твоём месте поняла бы, что для неё выгодней. Старый Ордо не обидит, оденет и накормит...

— Тогда ты не там ищешь себе подругу, разбойник! Ты и теперь надеешься?

— Да что я, осел, что ли? — возмутился Ордо. — Мне уже немало лет, и я могу отличить львицу от козочки! Я не хочу, чтобы мне невзначай отхватили что-нибудь под горячую руку... Как звать-то тебя, рыжая?

— Карела, — машинально ответила она, но тут же спохватилась и добавила. — Карела Рыжий Ястреб!

Сказано это было таким гордым и яростным тоном, что Ордо вздрогнул и кивнул:

— Во-во, я и имел в виду, что отличу ястреба от голубки.

Разбойники вокруг зашумели, повскакивали. Два всадника на полном скаку ворвались в самую гущу. Карела

узнала узколищего бандита в полосатом халате и его кривоногого напарника.

— Таниус! — завопил узколицый. — Эй, Таниус!

Не услышав ответа, узколицый спешился и побежал к кострам.

— Где Таниус?! — крикнул он, обращаясь ко всем сразу.

— Да вон он, в пыли отдыхает, — равнодушно ответил ему кто-то.

Разбойник явно не понял шутки, метнулся туда, куда ему указали, и, взглядевшись, замер. Осмотрев и тронув ногой каждый труп, он побежал обратно, туда, где уже толпилась вся шайка, взбудораженная его таким шумным появлением.

Напряженно вглядываясь в лица людей, прискакавший разбойник явно выискивал кого-то, кому он теперь, в отсутствие предводителя, мог сделать донесение. Наконец он увидел идущих Ордо и Карелу и бросился к ним.

— Ордо, какого черта здесь произошло?! — завопил бандит.

— Ты опоздал, приятель, — хмыкнул Ордо. — То, что здесь произошло, повторять не будем.

— Да на кой мне повторять?! — возмутился узколицый. — Там караван идет!

— Да ты спятил? — сказал кто-то из толпы, лениво зевая. — Ночью? Ночью все караваны сидят по постоянным дворам и носа не кажут.

Ордо тоже скептически хмыкнул в ответ на слова дозорного, но Кареле почему-то показалось, что удивление Ордо несколько ненатуральное. В тот же момент Ордо, не дав возможности узколищему возразить, расхохотался и объявил:

— Да, ребята! Мы, наконец, дождались настоящего дела. Там и вправду караван! Я сам видел его в степи. Кто-то решил нас надуть!

Разбойники восторженно загудели.

— Какие-то болваны решили идти на ночь глядя, посчитав, видимо, что мы с вами храпим у костров! —

Ордо резко выбросил вверх сжатый кулак. — Но это у них не пройдет!

Ордо протяжно свистнул, и его оседланный конь тут же резво подбежал к нему. Следом за ним прискакала какая-то старая кобыла. Ордо повернулся к Кареле:

— Эй, Рыжий Ястреб, садись-ка на лошадь Фархана, она хоть и старая, как сам мой покойный приятель, но еще сvezет седока... По коням, ребята, тряхнем этих зажавшихся купчишек!

Гиканье и свисты заполнили балку. Разбойники, кто быстрее, кто еле-еле двигаясь по причине недавнего обильного возлияния, повлезали в седла.

Понимая, что ради спасения собственной шкуры ей придется осуществлять план Ордо и идти со всеми на караван, Карела запрыгнула в седло. Ордо тоже ловко и быстро вскочил на своего жеребца. Взглянув на Карелу, он спокойно сказал:

— Не судьба мне добывать для тебя ожерелья, рыжая. Не на ту я напал. Ну да ладно. Ты вот что... Лошадь особо не погоняй. Когда тебя все обгонят, разворачивайся и чеши в степь так быстро, как сможешь. И прощай, Карела...

Он резко поднял коня на дыбы и развернулся.

— Эй, Абериус, ты близко подходил к каравану? — крикнул Ордо узколищему.

— Довольно близко. Кажется, знакомец это наш старый, Ардарус, тот самый вонючий хвост Нергала, который три месяца назад ушел от нас под Арэнджуном и оставил нам только с полсотни больных невольников.

— Что ж, посчитаемся! — весело вскрикнул Ордо и взмахнул рукой. — Джио, Томба, Лускун, да вы двое... Пойдете со мной дозором! Нагоним караван и зайдем к ним спереди. Остальные с тыла, как обычно!

— Стой, Ордо! — Карела выкрикнула это и в нерешительности замолчала. Предупредить Ордо об опасности — это был первый ее порыв. Все, о чем она успела перемолвиться с этим хитрым бандитом, говорило за то, что он не желает ей зла. Хотя неизвестно еще, как

внезапно могут измениться планы Ордо, в том числе и на счет нее самой, сейчас ей искренне хотелось помочь Ордо так же, как он помог ей.

— Что ты хотела сказать, Карела Рыжий Ястреб? — усмехнулся Ордо. — Говори, мы слушаем.

— Если ты собираешься останавливать караван дозором из шестерых человек, но это может стоить вам всем жизни! — четко проговорила Карела. — Этот караван нельзя брать так, как вы обычно делали.

Ордо удивленно захлопал глазами.

— По-моему, — сказал за спиной Карелы визгливый голос, тот самый, что раньше призывал к расправе. — По-моему, эта красотка болтает своим язычком еще шустрее, чем сабелькой! А это уже лишнее, мы оставили ей жизнь не для того, чтобы она мешалась в мужские дела!

— Я просто быстрее шевелю мозгами, осел! — огрызнулась Карела, резко оборачиваясь на голос. Глядя прямо в чьи-то зеленые глаза, она добавила: — Клянусь Деркэ-то, тебе лучше послушаться меня, если хочешь вернуться к этим кострам на ночлег, а не собирать по степи свои косточки!

— Почему, Карела, ты считаешь, что шестерых дозорных маловато? Мы всегда так делали. Караван останавливается, и люди в панике устремляются назад. Пользуясь замешательством, мы давим их, вот и все, — сказал Ордо, недовольно хмурясь.

— Да что ты уговариваешь ее, Ордо? — возмутился зеленоглазый разбойник. — Эта крошка дождется, что наше терпение снова лопнет. Веди нас, Ордо, и поменьше слушай, что болтает женский язык!

— Стой, Ордо! — снова воскликнула Карела, видя, что чернобородый готов сорваться с места. — Этот караван охраняется отрядом Домарана. Это тебе что-нибудь говорит?

— Да как же не говорит? — пробормотал Ордо. — Известный человек. Уважаемый. Личный враг доброй половины лихих людей на всех караванных дорогах от

Турана до Аргоса. Но Домаран много берет, а Ардарус — скряга. Сомневаюсь я, чтобы они торговались при найме.

— Даже скряги иногда умнеют! Так последуй и ты их примеру, Ордо! — настойчиво сказала Карела. — Домаран поставил в голову каравана усиленную часть своего отряда, и не бежать в панике они будут, а прорываться вперед с боем. Твой дозор сомнут, Ордо, и ты лишишься не только добычи, но и головы, клянусь Деркэто!

— Выдумщица! С чего ты это все взяла? — пожал плечами Ордо.

— Знаю, с того и взяла! — сказала Карела. — Бери и ты половину людей. Только ту половину, которая прочно держится в седле, а я с остальными зайду с тыла.

— Прыткая ты, Рыжий Ястреб, — засмеялся Ордо. — Но не будет такой человек, как Домаран, выдумывать разные там штучки. Он просто хороший солдат, но сколько мы с ним ни сталкивались, он всегда делает одно и то же.

— Именно так он думает и о вас, и знает вашу тактику, как свои пять пальцев! — Карела даже руками всплеснула. — Почему ты не хочешь слушать хорошего совета, Ордо? Тебе не кажется, что нам стоит сегодня разочаровать Домарана?

— Да брось ты, женщина, выдумывать разные сказки, — отмахнулся Ордо и, понизив голос, добавил: — Лучше сделай, как я тебе велел. Спасай свой хорошенький зад и больше не попадайся разбойникам.

Он оглядел шайку и скомандовал:

— Дозор, давай за мной!

Шестеро всадников устремились вперед и довольно быстро растаяли в темноте.

— Нам придется атаковать не с тыла, а с боку каравана, так, чтобы мы могли в случае чего помочь этому безмозглому упрямцу и его людям! — решительно сказала Карела, оглядывая оставшихся.

— Когти Нергала тебе в глотку, — фыркнул один из бандитов. — Ты что это раскомандовалась здесь?

— А то, что слушайте, когда вам дело говорят! —

вскипела Карела и стремительно вынула саблю из ножен. — Я что-то не вижу здесь второго человека, знающего, что делать! Нечего там в хвосте каравана брать! Там одни невольники, которые и так никуда не денутся, потому что Ардарус заморил их до полусмерти! Запомните, что Рыжий Ястреб говорит только тогда, когда знает! Если уж я говорю, значит слушайте! А ну, за мной, а не то упустим момент, и тогда, клянусь Деркэто, гиены поутру вами позавтракают!

Она вырвалась вперед и помчалась через гребень холма к степной дороге. Разбойники немного помедлили, но догнали ее уже на вершине холма. Довольно широкой цепью десятка два вооруженных всадников пересекли освещенную полной луной равнину и с пологого склона холма обрушились на растянувшийся по дороге караван, в голове которого уже всюду рубился Ордо со своими людьми. Оттуда слышались крики и звон оружия.

— Быстрее, быстрее, олухи! — закричала Карела, с лета врезаясь в караван и принимая на себя первый удар сабли ближайшего к ней охранника.

Она не успела даже толком сообразить, что она такое делает. Только звон металла стоял в ушах. Перед глазами мелькали то чьи-то налитые кровью глаза, то сверкающий клинок чужого оружия. Карела, словно заведенная, отражала удар за ударом, вертелась во все стороны, дергая левой рукой поводья старой лошаденки, а правой без устали поднимала и опускала верную саблю Деркэто.

Передышки не было. Охранники из отряда Домарана оказались подготовлены ничуть не хуже, чем солдаты старого Клоруса, отца Карелы. Тот по сто потов спускал со своих подчиненных. И Домаран, вероятно, в перерывах между караванными переходами занимался со своими людьми тем же, поэтому отряд его оказался на высоте.

Когда вдруг вокруг Карелы оказались только трупы, и она едва вывела лошадь на чистое место, вырвавшийся из общего месива мужчина на белой лошади устремился к ней, взмахивая мечом. Он был в шлеме и кольчуге, но Карела разглядела, что то множество ударов разбойничь-

их клинков, которое уже выпало принять стражнику, прямо-таки разлохматило легкую кольчугу. Тем не менее, если стражник и был ранен, то не тяжело, потому что на Карелу он налетел стремительно, как коршун.

Не давая скучать своей легкой сабельке, Карела принялась уворачиваться, отшатываясь в разные стороны и только иногда подставляя свой клинок, чтобы отразить скользящий удар. Мужчина сражался не просто умело, а великолепно. Но вот Карела повернула лошадь так, что на лицо девушки упал лунный свет. И противник вдруг дрогнул и отшатнулся. Он не испугался, нет. Он всего лишь удивился.

— О боги! Женщина! — услышала Карела его сдавленный вскрик.

— Легче тебе от этого не будет! — буркнула Карела, резко наклоняясь и пронзая мужчину точно так же, как совсем недавно проделала это с Таниусом.

Изрубленная кольчуга не спасла стражника. Выронив оружие, мужчина стал заваливаться набок и сам соскользнул с клинка под ноги лошади. Он упал вверх лицом, и Карела узнала его. Это был Домаран.

Что тут можно сказать? Случайность, чистая случайность. Дерзкой самоуверенной девчонке просто повезло, что куда более опытный боец позволил себе удивиться и поплатился за это. Что и говорить, везет частенько не тем, кто того заслуживает. Карела в этот день славно поморочила головы и людям, и тем, кто с небес зорко за ними следит, и непонятно было, чем она заслужила свою удачу.

День-то давно закончился, но ночная битва на караванной дороге была в разгаре. Поэтому Карела, окинув взглядом пестрое месиво, снова бросилась в самую гущу событий.

* * *

Тьма уже совершенно окутала бескрайнюю заморанскую степь, когда последний противник был повержен. Стихли воинственные кличи и звон палашей о кольчуги

и клинки караванной стражи. Но так и не утихали беспокойные крики разбойников, ржание и топот лошадей, стоны раненых. Над растерзанным караваном плыли яростные проклятья, поминающие всех мыслимых и немыслимых богов и богинь. Карела внимательно оглядела себя, но, не обнаружив на своем настрадавшемся за последние несколько дней теле ни одной новой царапины, тихонько и с удовольствием послала слова благодарности Деркэто, своей новой надежной покровительнице. Из всех убытков обнаружилось лишь, что чей-то бойкий клинок взрезал широкое голенище ее непомерного сапога, наскоро подsunутого Кареле Ордо. Но сталь не коснулась кожи, поэтому событие не стоило и упоминания.

Разобравшись с собой, Карела быстро пошла вдоль каравана, оглядывая людей. Ей трудно было пока разобратся, кто есть кто. В ночной тьме разбойники Таниуса и рабы мало отличались друг от друга. Но все же Карела уразумела, что налет на караван Ардаруса стоил разбойничьей шайке гораздо меньше, нежели пришлось заплатить караванщикам. Из охранников отряда Домарана осталось в живых шесть или семь человек, и все они были ранены.

— Охранников — к невольникам! — распорядилась Карела, проходя мимо. Только миновав пленных, Карела вдруг сообразила, что мгновение назад она, кажется, отдала приказание самым что ни на есть командирским тоном. Получилось это у нее совершенно произвольно. Поняв, что никто не огрызнулся и не возмутился ей в ответ, она с любопытством оглянулась и увидела, как два бандита отволакивают стражников в конец каравана, где были собраны под охраной невольники Ардаруса.

— Неужели это сошло мне с рук? — недоверчиво усмехнулась она.

Спешить, однако, не стоило. Эти головорезы могут еще спохватиться. Не зря же Ордо стоило такого труда удерживать их от расправы.

Помняв Ордо, Карела очень внимательно огляделась вокруг и поняла, что чернобородого здоровяка с сергами

в ушах нигде не было видно. Беспокойство охватило ее. Карела не могла пока в точности объяснить почему, но ей очень не хотелось бы сейчас отыскать в общем беспорядке его труп. Наверняка девушка просто хотела, чтобы крепкие руки Ордо были где-нибудь поблизости, но не желала признаваться в этом даже самой себе.

— Где Ордо? — обеспокоенно спросила она, узнав выскочившего прямо на нее худощавого, юркого мужчину в коротком полосатом халате без рукавов. Узкое лицо его напоминало какого-то грызуна, и Карела вспомнила, что видела его все время где-нибудь рядом с собой.

— Он там! — Мужчина махнул рукой в голову каравана. — Потрепали их там сильно. Кажется, наших дозорных... того... порубали...

— А Ордо? Он жив?

— Откуда я знаю? — ощерился разбойник. — Я ему не пастух!

— Слушай-ка, я еще не забыла, как ты лапал меня, когда Моранас поймал меня в балке! Могу напомнить! — Карела потянула саблю из ножен.

— Да что я-то?! — поспешно пробормотал разбойник. — Что я мог тогда против Моранаса? Там Ордо, там!

Ускорив шаги, Карела поспешила в указанном направлении. Узколицый сначала остался на месте, а потом почему-то побежал следом за девушкой.

В голове каравана царило что-то невероятное. Вспоротые тюки брошены как попало. Несколько раненых лошадей, потерявших возможность двигаться и лежащих теперь поперек дороги, жалобно ржали, тянули шеи и взбрыкивали ногами, а у людей не было пока времени обратить внимание на несчастных животных и хотя бы прирезать их. Окровавленные трупы охранников Домарана и разбойников тоже пока не интересовали никого. Бандиты были заняты тем, что рылись в поклаже каравана, собирая ценности, а несколько человек раскладывали большой костер в стороне от дороги и сволакивали туда все лишнее, к коему относились ткани, безделушки,

безнадёжно поврежденные в битве вещи. В отдельную кучу сваливалось трофейное оружие, и было оно, как показалось Кареле даже на первый взгляд, очень неплохим. Видимо, Домаран был не просто бывалым, но и очень опытным воином, потому что на вооружение своего отряда явно не скупился, правильно понимая, от чего зависит его жизнь и жизнь его солдат. Но даже бывалым искусным воинам удача иногда изменяет. На этот раз удача перекинулась на сторону дерзкой шайки подвыпивших грабителей, и толковый умный командир караванной стражи лежит сейчас где-то на дороге со вспоротым животом.

Пристально вглядываясь в фигуры и лица разбойников, мелькавшие перед ней в сполохах огня, Карела наконец заметила широкую спину Ордо в самой гуще, среди нескольких изрубленных трупов. Рослый бородач стоял на коленях, скорчившись и прижав к лицу темную тряпку, какой-то красный платок. Другой рукой он опирался на плечо сидящему рядом бандиту. Тот выл в голос, обнимал свою рассеченную покалеченную руку и совершенно не обращал внимания на Ордо, у него просто не было сил, чтобы оттолкнуть чернобородого или послать его подальше.

— В чем дело, Ордо? — Карела присела рядом. — Что с тобой?

Разбойник вздрогнул и поднял голову, не отнимая руки от лица, и Карела поняла, что тряпица, которую Ордо крепко прижимал к лицу, была вовсе не красной. Это был бледно-желтый, почти белый платок, таким он и остался на кончиках. Красным он стал от крови Ордо.

— Что-нибудь серьезное? — спросила Карела, хотя и дураку было понятно, что дело серьезное. Такой здоровяк, как этот бородастый гигант, не стал бы корчиться от пустякового пореза.

— Мой глаз... — скрипнул зубами Ордо и снова уронил голову.

— Он получил удар клинком по лицу, — сказал узколицый разбойник за спиной Карелы. — Я видел из-

далека. Он один бился с четырьмя... На остальных тоже пришлось по паре охранников, и только Ордо да Лускун уцелели из всего дозора.

— Чтоб Нергал пожрал их кишки... — простонал Ордо. — Их оказалось слишком много для нас шестерых.

— Только не говори, что я тебя не предупреждала! — заявила Карела, глядя на кровавую тряпицу. Она напилась кровью сверх всякой меры. Ордо в ответ на упрек только мотнул головой.

— Да, Карела. Да, Рыжий Ястреб... Признаю, что ты была права.

— Всегда стоит слушаться умных советов, даже если их дает женщина! — назидательно сказала Карела. Но пускаться в поучение было сейчас совсем не время: даже на коленях Ордо едва стоял.

— Эй ты, как тебя?... — Карела повернулась к узколицему.

— Абериус, — хмуро отозвался он.

— Ну-ка, дай что-нибудь для перевязки. Помягче и подлиннее. Да побыстрее! — тон Карелы был непрекаем.

Немного порывшись тут же в тюках, Абериус подал длинный воздушный шарф. Карела взяла его и подняла за подбородок голову Ордо.

— А ну, брось эту тряпку! — решительно сказала она.

Ордо отнял тряпицу от лица и опустил руку. Перед глазами Карелы все слегка закачалось: никогда она не видела таких страшных ран вблизи. Глаз бедняги, конечно же, вытек. Глубокий разрез пересекал левую половину лица от лба до подбородка, на щеке рассеченная мышца раскрылась, обнажая кость... Кровь текла уже не так сильно, как, видимо, это было поначалу, но все же ее было много. Но Карелу не так-то просто было заставить потерять самообладание, и уж во всяком случае не видом боевых увечий.

Быстро свернув шарф в плотную подушечку, Карела приложила его к ране и прижала.

— Дай-ка что-нибудь... Дай свой пояс, Абериус! —

скомандовала она и, получив требуемое, закрепила повязку.

Уцелевший глаз Ордо был залит кровью, но он так пристально и отчаянно смотрел в лицо Кареле, что она невольно улыбнулась:

— Да что ты, Ордо? В чем дело?

— Старый Ордо твой должник, Рыжий Ястреб. Вечный должник!

— Ну прямо так! — усмехнулась она. — Стоит ли из-за простой перевязки отдавать себя в вечное рабство?

Ордо шевельнул губами, но голос не сразу повиновался ему:

— Я знаю, что говорю, Карела! Ордо умеет платить долги.

Разбойник попытался встать, но Карела мягко удержала его:

— Коли так, подумай об этом хорошенько. Ты не сможешь вернуть долг, если истечешь кровью! Абериус!

— Что? — сухо отозвался узколицый, запахивая раскрывающийся без пояса халат. — Может, еще и штаны с Абериуса снять прикажешь?

— Заткнись, болван! — рявкнула Карела. — Отвези Ордо в лагерь и позаботься о нем хорошенько.

— Позаботиться? Вот мне больше делать нечего! — проворчал Абериус, однако помог Ордо встать и закинул на свое плечо его руку. — Как мне заботиться о тебе, Ордо, может, колыбельную спеть, или сказки рассказывать? Помню я с детства одну сказку про три чуда Митры...

Карела гневно обернулась на балагура, и тот замолк, едва взглянув ей в лицо. Смерив узколицего уничтожающим взглядом, она проговорила отрывисто, тоном, не допускающим никаких возражений:

— У него будет жар, Абериус, при таком ранении это почти наверняка. Принеси из родника воды, да следи, чтобы не нагревалась. Будешь ночью делать ему холодные примочки, чтобы оттянуть жар. И смотри мне, если к

утру Ордо не будет на ногах, поимеешь дело со мной и моим клинком, ты понял, Абериус?

Узколиций пожал печами:

— Что ж тут непонятного, Карела?

— Если так зовет меня Ордо, это еще не значит, что и тебе это тоже позволено. Для степных шакалов я — Рыжий Ястреб! — отчеканила Карела. — Запомни на будущее!

— Скажи, пожалуйста... «шакалов»! — пробормотал Абериус, но слегка поклонился и потом скорчил крайне удивленную мину. Похоже, он сам удивлялся тому, что у него не получается противостоять напору женщины, так беззастенчиво вводящей здесь свои порядки.

— Послушай, Рыжий Ястреб! — горячая рука Ордо коснулась ее ладони, но Карела решительно отвела ее:

— После, Ордо, поговорим утром!

— Нет, подожди, — Ордо никак не мог успокоиться. — Я не могу уйти с Абериусом и оставить тебя здесь. Нужно многое сделать, чтобы скрыть наши следы, иначе они приведут нежелательных гостей от проезжей дороги в наш лагерь...

— Да я уж как-нибудь соображу, как со всем этим поступить, поверь мне, Ордо! — четко сказала Карела. — А с тобой поговорим утром!

Она развернулась и пошла прочь, с трудом принаравливаясь к ходьбе в огромных сапогах и прикидывая по пути, что нужно сделать срочно.

Ни разу еще за свои семнадцать лет Карела не грабила караванов, что было и не удивительно. Но кроме красивых глаз, пышной груди и ловких рук у Карелы были еще и мозги. Мужчины обычно с трудом верят в подобные сочетания, опираясь на заблуждения, возведенные в ранг непреложной истины. Но это их мужские проблемы, пусть сами их и расхлебывают.

Рыжий Ястреб поглядывала вокруг, видела, чем занимаются разбойники, и ей не составило труда наметить все дальнейшие необходимые действия. Конечно, она не собиралась сейчас властно выкрикивать распоряжения,

но в случае какого-нибудь замешательства вполне могла направить людей.

Так, невольников и попавших в руки бандитов пленных следовало бы в первую очередь отправить под охраной в лагерь. Потом сжечь и зарыть ненужный мусор, отволочь в сухую балку трупы людей и животных, где их прекрасно похоронят в своих желудках гиены и шакалы. Затем собрать оружие и ценную добычу, да проследить, чтобы разбойники не перегрызлись из-за добра, которое до справедливой дележки никому не надлежит даже пальцем трогать. Да мало ли дел может приключиться на безлюдной ночной дороге, по которой только что шел, не торопясь, богатый караван...

Глава 11

Время шло, уже перевалило за полдень, но разбойничий лагерь, разбитый в низкой балке среди вялых, приземистых степных деревьев, еще только просыпался. После такой удачной битвы последовала разгульная ночь. Поэтому бандиты еще только медленно раскачивались, поднимались и начинали бродить среди потухших костров.

Проведя не очень-то спокойную и совершенно бессонную ночь, в течение которой Карела старалась не привлекать к себе особого внимания и остерегалась снимать руку с эфеса своей сабли, девушка начала подумывать о том, что пора собираться в путь.

Она довольно обоснованно считала, что свою свободу она завоевала еще вчера, когда отчаянно бросилась на караван Ардаруса, в самую гущу жестокой битвы. Если же и сейчас кто-то из разбойников собрался бы сказать что-то против ее намерений, она без особого желания, но снова взялась бы за оружие, чтобы еще раз показать, кто она такая.

Ее драная рубаха, доходящая ей почти до колен, потрескавшиеся от ветхости кожаные штаны и огромного размера сапоги при дневном свете оказались немыслимым противным тряпьем. Еще совсем немного времени тому назад Карела скорее умерла бы, чем надела на себя такие кошмарные выношенные и вонючие тряпки с чужого плеча. Но последние события как-то исподволь на-

учили ее испытывать равнодушие к некоторым неудобствам в тот момент, когда особого выбора не было. Тогда вечером выбора у Карелы не было никакого. Она всего лишь постаралась себя убедить, что одежду свою сменит при первом же удобном случае.

Дожевывая лепешку, добытую ночью из запасов провизии, отобранных у караванщиков, и запивая ее ледяной водой, от которой ныли зубы, Карела неторопливо размышляла над своей судьбой, когда заметила идущего к ней чернобородого Ордо.

Разбойник шел довольно твердо, но когда он приблизился, Карела с изумлением увидела, что хотя рану на лице закрывала свежая чистая повязка, сам Ордо был весь мокрый. С его длинных темных волос еще капала вода, куртка облепляла его мокрые плечи, и даже на сапогах виднелись потеки.

— Что это с тобой, Ордо? — подозрительно спросила девушка.

— Абриус перестарался, — ответил Ордо и поморщился.

— Как это? Я же ясно ему сказала, чтобы он не вздумал со мной шутки шутить и делать свое дело кое-как... — начала сердиться девушка.

— Тихо, тихо, — Ордо поднял руку. — Я помню, что ты вчера говорила. Абриус всю ночь со мной сидел и обкладывал меня мокрыми лоскутами, такими холодными, что я вообще перестал чувствовать, где у меня что... Но он просто измучил меня своими бесконечными байками. И когда я уже под утро не выдержал и рявкнул на него, он обиделся, в сердцах вылил на меня всю воду, что оказалась под рукой, и ушел.

— Вот мерзавец! — вскочила Карела.

— Ну не скажи, я же на ногах, значит, тебе не к чему придрататься, Карела! — отозвался Ордо. — Я пришел спросить, ты как? Не голодна?

— Нет. Ты можешь подыскать для меня хорошую лошадь, Ордо?

— А то нет? — бородач горделиво выпрямился. — Уж

в чем в чем, а в лошадях я, хвала Митре, разбираюсь. Сейчас посмотрю, наверняка в караване были неплохие, а если не найду там подходящей, дам тебе свою. Если честно, лучшего коня, чем мой, трудно сыскать в степях Заморы!

— Если так, то не стоит лишать тебя хорошего коня. Меня в дороге вполне устроит что-нибудь попроще, но он должен быть достаточно выносливым, чтобы мне не пришлось менять его, едва отъехав подальше отсюда.

— Подожди-ка, подожди! — воскликнул Ордо. — А куда это ты собралась?

— Я еду дальше, приятель, — усмехнулась она. — Что-то загостились я у вас. Да и прием мне показался слишком уж теплым.

— Вот как? — Голос Ордо сорвался, видно было, что он не ожидал такой новости.

Переминаясь с ноги на ногу, он задумчиво смотрел на снующих по лагерю разбойников и наконец махнул рукой:

— Что ж, Карела, ты имеешь право уехать, и я никому не позволю помешать тебе сделать это. И я все равно дам тебе своего коня...

Разбойник пошел прочь, а Карела снова присела на поваленное сухое дерево подождать его. Какую лошадь приведет Ордо, ей было по большому счету безразлично. Потому что ей было так же безразлично, как далеко довезет ее конь. Она совершенно не представляла, куда ей держать путь.

Ордо почему-то долго не возвращался. А пока его не было, в лагере началось какое-то движение. Со всех концов балки к одному из костров потянулись люди. Карела видела, что вся шайка струдилась вместе, и разбойники что-то очень оживленно обсуждают. Гомон стоял довольно громкий, но нестройный, и ничего разобрать было нельзя.

Наконец люди расступились и, пропустив вперед Ордо, двинулись к Кареле плотной разношерстной толпой. Ордо держал за повод отличную каурую лошадь, молодую и сильную, со свежим рубцом от клинка на шее.

Карела поднялась навстречу шайке. Ее рука сама

потянулась было к оружию, но ни у кого из идущих она не заметила обнаженного клинка. Лица разбойников были серьезны и сосредоточены, насколько вообще могут быть сосредоточены и собраны люди подобного сорта.

Они сблизились с Карелой и остановились.

— Вот, — Ордо передал Кареле повод. — Это тебе, Рыжий Ястреб. Это верный друг. Это хороший боевой конь, не боится свиста и крика, не шарахается от блеска и звона клинков. Он тебя не подведет.

— Хорошо, — машинально произнесла Карела, не сводя глаз с пестрой толпы. — А какого дьявола вам еще нужно от меня?

Абериус, стоящий рядом с Ордо, толкнул чернобородого локтем в бок. Ордо сдержанно кашлянул, поправил повязку на лице и важно сказал:

— Мы тут поговорили с ребятами и решили... Решили просить тебя, Рыжий Ястреб, остаться с нами.

Карела вытаращила глаза:

— Вы серьезно? Ну, тогда вы, видно, на солнышке перегрелись. Я ничего не забыла в вашей шайке!

Она поставила ногу в стремя и запрыгнула в седло. Никто из разбойников не шевельнулся и ничего не сказал. Но также никто из них не ушел прочь. Все, как один, стояли и смотрели на Карелу. Нет, ну каковы, мерзавцы? То едва не убили ее, то притащились просить... Ну, положим, если уж просить, то следовало бы просить как следует.

— Видишь ли, Ястреб... Всем нам пришлось признать, что благодаря тебе мы этой ночью не только взяли хороший куш, но и потеряли куда меньше народу, чем обычно, — сказал Ордо. — И мы не хотели бы терять нашу удачу...

— Ну это только потому, что ваш Таниус был болваном и набивал себе брюхо, не считаясь ни с вашими жизнями, ни со своей. Мозгами он шевелил медленно, а может статься, у него их вообще не было, — фыркнула Карела. — К тому же, он забыл, для чего человеку даны уши, а может быть, мама не смогла ему это объяснить,

а он сам так и не догадался... А уши вам даны, болваны, чтобы слушать хорошенько по разным нужным местам, собирать полезные сведения и не попадать потом впросак именно благодаря этим самым сведениям, а не благодаря женщине, случайно попавшейся вам в руки... Разведку надо проводить, остолопы, если не хотите, чтобы удача повернулась к вам спиной!

Она внимательно изучала реакцию бандитов. Никто не решился ей возразить, да и стоило ли возражать против очевидных истин?

— Вот и наставь нас на ум, Рыжий Ястреб, — немного язвительно, но вполне серьезно проронил Абериус и тут же получил от Ордо по шее.

— Нам нужен новый предводитель, а ты показала, на что способна, — снова начал Ордо, но девушка оборвала его взмахом руки.

— Да стоите ли вы того, чтобы я тратила на вас время? — покачала головой Карела. — Посмотрите на себя!

Мужчины утрово молчали.

— Нет-нет, вы взгляните друг на друга, — повторила она.

Люди зашевелились, поднимая друг на друга помятые испытые лица. Видно было, что созерцание товарищей и собственного отражения в их глазах не принесло им повода ощутить гордость за самих себя.

— Вы обыкновенные пьянчуги! Свора облезлых шакалов, которые рады до безумия, если довелось случайно хапнуть и не потерять хвосты! Вы столько времени шагаете по степям, а никогда никто из вас даже не задумался о том, кто ведет вас! Вы получили по заслугам, и только по чистой случайности большинство из вас еще до сих пор живы. Вы трясете богатых караванщиков, а посмотрите, на кого вы похожи? Да нищие на базарах держатся с большим достоинством, чем вы, и они, эти нищие, имеют больше причин для того, чтобы с ними считались! — Карела вложила столько презрения в свои слова, сколько могла. Обиды и гнева этих людей она

сейчас не опасалась. Это они пришли просить ее, а не наоборот, поэтому вполне можно было попробовать немного набить себе цену.

Хотя, конечно, и похвалить иногда не мешает.

— А ведь вы свободные люди! Вам даны сильные руки и дерзкие головы! Вы способны на многое! — воскликнула Карела. — Да вы могли бы стать настоящей грозой караванов, о вас заговорили бы повсюду.

— Так веди нас, Рыжий Ястреб! Иногда нужна хорошая встряска, чтобы понять: такая, как ты — это лучшее, чего можно желать! Нет среди нас ни одного, кто сравнился бы с тобой ловкостью рук и смелостью речей! Ты умна и неудержима, ты убедила нас, что никогда не действуешь слепо, и мы хотим подчиняться такому предводителю! — громко сказал Ордо, и разбойники поддержали его нестройным гулом.

— Даже моего смелого языка и ловких рук мало, чтобы ваша шайка вдруг в одно мгновение стала напоминать отряд! Пока я вижу перед собой только скопище пьяниц и дебоширов! — с горечью сказала Карела. — Вчера вечером я заметила, что некоторые пошли в атаку не под легким хмельком, что не так уж страшно, а просто едва держась в седле! Вот ты, например! — Карела ткнула пальцем в приземистого толстяка с сизым носом. Толстяк насупился, вздыхая, и скорчил покающую гримасу.

— Я понимаю, не грех отметить завершение удачного дела или глотнуть вина перед атакой для храбрости, если таковой у кого-то недостача, — снисходительно продолжала Карела. — Но надираться в дым, зная, что ночью предстоит серьезное дело, это чудовищное легкомыслие, которое может стоить жизни и тебе самому, и товарищам! Я не собираюсь становиться во главе такого отряда.

Мужчины хмуро переглядывались. Карела выразительно посмотрела на них и продолжила:

— Также вчера вечером я заметила, как вы ругаетесь между собой из-за добычи и вещей, воруете друг у друга ценности и готовы перерезать глотку каждому, кто вам

не по нраву. Если вы хотите, чтобы я осталась, вам придется забыть о склоках и базарных дразгах. После справедливой дележки добычи не должно быть никаких свар! И чтобы никто даже не смел вытаскивать из ножен оружие ради пустой мести или дурной забавы!

Люди загудели, и в этом гуле угадывалось одобрение ее словам.

— Так ты остаешься в нами, Карела Рыжий Ястреб?! — уточнил Ордо.

— Возможно. Но мне хотелось бы сразу внести ясность и услышать от вас, собираетесь ли вы выполнять мои условия, — усмехнулась Карела и серьезно взглянула сверху вниз.

— Собираемся, — вздохнул Ордо.

— Что ж. Если вы люди Рыжего Ястреба, вы должны выполнять все, что я скажу, подчиняться каждому моему слову! Если вы выбираете меня своим предводителем, мое слово — закон! Я буду здесь решать и приказывать! Потому что и думать здесь тоже буду я. И все, что я соберусь сделать, я стану делать, во-первых, хорошо подумав, и, во-вторых, ради того, чтобы у всех была вкусная и обильная еда и хорошее вино, чтобы в карманах звенела монета, а на плечах была добротная одежда. А уж имея все это, каждый дурак сообразит, как всем этим воспользоваться!

Она замолчала, выжидательно глядя вокруг.

— Пусть ведет нас Рыжий Ястреб! — крикнул Ордо, и вся толпа громко и дружно вторила ему.

Карела усмехнулась и уточнила:

— А мои условия?

Ордо решительно взмахнул рукой:

— Эй, ребята, все согласны?

Разбойники загудели, но как-то недостаточно бойко.

Карела вскинула брови:

— Не поняла! Я требую полного повиновения, иначе мне с вами не по пути.

— Пусть будет так! — вскричали люди.

— Значит, все уяснили, что можно, а чего нельзя

людям Рыжего Ястреба? — Карела перенесла ногу через седло, чтобы слезть с коня. Ордо, хоть и с опозданием, но протянул руку, чтобы помочь ей в этом. Но Карела сделала вид, что не заметила протянутую ладонь. Пружинисто прыгнув, она потрепала лошадь по шее и улыбнулась: — А ведь и верно, какой красавец... Спасибо за подарок, Ордо.

Разбойники стояли вокруг и смотрели ей в рот, в ожидании, что еще такого скажет эта юная, красивая и грозная женщина.

— Значит, так, — Карела наморщила лоб. — Сегодня разберемся с добычей. Нужно будет по-умному распорядиться ценностями и найти способ побыстрее и повыгоднее обратить вещи в звонкую монету. Мы ведь не старьевщики и не торговцы, чтобы возить с собой тюки с добром.

— Оружия много, — пробормотал молодой рыжеволосый парень в длинной кольчуге. — И пес его знает, что с ним со всем делать. У нас столько рук нет, сколько там всего оказалось.

Этот молодой разбойник явно ждал от Карелы распоряжений. Но во всем, что касалось оружия, Карела была сведуща только в той степени, которая помогала ей решить: возьмет ли она в руку то или иное оружие, или следует остановить выбор на чем-нибудь другом.

— Ордо! — Карела повернулась к чернобородому и ткнула пальцем ему в грудь. — Разберись с трофеями: возможно, что-то сгодится и на продажу. Думаю, в этом вопросе на тебя можно положиться. И прикажи, чтобы приготовили всю добычу, я все должна посмотреть своими глазами. Проследи, чтобы...

Ордо сосредоточенно внимал ее словам. Поняв внезапно, что она просто-напросто сваливает на Ордо большую часть всех текущих забот, Карела сначала удивилась, потом обрадовалась прекрасному выходу из положения, который сам собой напрашивался.

— Эй, слушайте все меня! Мне просто необходим помощник, на которого Рыжий Ястреб может положиться! — Карела положила руку на плечо Ордо. — Этого

человека слушаться, как меня! Отныне Ордо — капитан Рыжего Ястреба. Отныне только я могу ему приказывать, а каждое его распоряжение должно быть исполнено вами в точности и немедленно! За неповиновение я лично буду знакомить каждого из вас со своим клинком!

Судя по выражениям лиц разбойников, против нового назначения Ордо возражений не было. Сам Ордо азартно подбоченился и зычно выкрикнул:

— А ну, бездельники, кто что похватал за ночь?! Тряси мешки, карманы выворачивай! Скоро приду проверю!.. А пока, — Ордо повернулся к молодому рыжему разбойнику. — Идем, Маро, посмотрим оружие.

Карела удовлетворенно поджала губы и кивнула:

— Прекрасно!

Все действительно шло прекрасно. Да, со стороны могло показаться, что рыжеволосая девчонка слишком много взяла на себя, пообещав бандитам легкую сытую жизнь под своим предводительством. Вполне ли представляла она себе, что это такое — командовать боевым отрядом? Может быть, и нет. Но душа ее пела и рвалась куда-то все выше и выше. Она была свободна и сильна, и окружавшим ее людям не потребовалось много времени, чтобы на себе почувствовать неудержимую силу этой женщины. В конце концов, она же не напрашивалась к ним. Более того, она всего лишь защищалась и даже в мыслях не имела претендовать на место главаря в разбойничьей шайке.

Но дело сделалось само собой, и душа пела. И не в характере зеленоглазой Карелы было отступать перед возможными трудностями и риском.

Разбойники разбрелись кто куда. Кому было в чем каяться, пошли и вправду трясти свои мешки. После прошедшего дня никому из них не хотелось быть уличенным в воровстве, мошенничестве и утаивании части общей добычи. Знакомиться лично со сверкающей кривой саблей их новой предводительницы не улыбалось никому.

Карела принялась медленно обходить лагерь. Место, где Таниус устроил ночлег для своей шайки, не очень

нравилось Кареле. Она с большей охотой переместилась бы севернее, ближе к более зеленым холмам южных предгорий Карпашских гор. Торговые пути там не менее оживленные, зато куда больше мест, где удобнее и безопаснее укрываться от отрядов регулярной армии.

Именно так она и собиралась поступить в скором времени. А пока нужно было наводить порядок здесь. В то время, как большинство было занято пересчетом доставшейся шайке добычи, Карела решила проверить, как обстоят дела с тем живым товаром, который удалось отбить у каравана. Поэтому она решительно прошла к редким зарослям пожухлого кустарника, куда ночью пригнали невольников Ардаруса.

Рабы сгрудились в кучу. Кто сидел, кто лежал. Голодные измученные глаза на потемневших лицах затравленно озирались по сторонам. Судя по всему, эти люди не надеялись уцелеть. Они были, видно, уже наслышаны о том, что на караванной тропе их жизнь совершенно теряет ценность.

Карела медленно обходила тесный круг невольников. Как, когда потеряли они свою свободу, а вместе с ней и надежду выжить? Были взяты за долги, проданы в наказание за серьезную провинность или просто попались под руку бандитам? Что ж, у каждого своя судьба. Этим беднякам очень не повезло. Гнали их, судя по всему, издалека. Возможно, в пути их передавали из рук в руки. Люди все были не в лучшей форме. То тут, то там взгляд Карелы находил слабых и немощных, совершенно ни на что не годных невольников.

— Разделите-ка их! — Карела махнула рукой троим разбойникам, которые удерживали всех рабов вместе тычками палок и плетями.

— Как разделить? — растерялся один, подвыпивший дюжий малый в грязном тюбране.

— На больных и здоровых, болван! — ответила Карела.

Она стояла и смотрела, как разбойники, ругаясь и то и дело взмахивая плетями, разгоняют невольников. Про-

ходивший мимо Ордо тоже остановился и недоверчиво смотрел то на рабов, то на Карелу, и половина его лица, видная из-под повязки, отчетливо выражала недоумение.

— Зачем, Карела? Что ты возишься с ними? — недоуменно спросил он наконец. — Таниус просто приканчивал тех, кто не мог или не хотел к нему присоединиться, или ни на что не годился.

— Я не желаю слышать о всех глупостях, которые совершил за свою мерзкую жизнь ваш Таниус! — рявкнула Карела. — Я не для того здесь осталась, чтобы поступать, как он!

Увидев снисходительную гримасу на лице Ордо, Карела поспешила добавить, пока ее капитан не утвердился в мысли, что она просто вздорная девчонка:

— А также не для того я здесь, чтобы просто из упрямства делать все наоборот.

— А что же тогда? — Ордо вытаращил свой единственный глаз, стараясь уследить за ходом мысли своего атамана.

— Я буду поступать разумно, Ордо! — огрызнулась Карела. — Вот, взгляни на этих! — Она махнула рукой на более или менее здоровых и сильных мужчин. Их было десятка два, и они уже стояли отдельно от остальных. — Этих стоит свести на торги.

— На торги? В город? — изумился чернобородый.

— Посреди степи торгов не проводят, Ордо, ты что, идиот?

— Но ведь это рискованно! — сдержанно отозвался Ордо. — Соваться в город, где полным-полно стражи, а за голову каждого лихого человека назначена награда?!

— Ты что, думаешь, я выстрою вас в боевой порядок и войду в город, бряцая оружием? — Карела уже еле сдерживала раздражение. — Надеюсь, что маленький отряд, сопровождающий невольников к назначенным торгам, не вызовет ни у кого особых подозрений.

— Ну а потом?

— Я не собираюсь стоять с ними на базаре и расхваливать во всеуслышание крепость их мускулов! — фырк-

нула Карела. — Мы отправим их на невольничий рынок и продадим всех разом тому из работорговцев, кто окажется умнее прочих и поспешит взять такой качественный и недорогой товар! Да, за каждого из них мы выручим всего лишь полцены к тому, что мог бы взять за них Ардарус, но если учесть, что их довольно много, то это будет хорошая прибавка к добыче... Если ваш Таниус так не делал, это не повод, чтобы ему подражать, Ордо! Завтра с утра отбери тех из наших людей, на кого можно положиться в этом деле. Ведь есть же такие, я надеюсь, кто поведет себя по-умному и к тому же не удерет с вырученными деньгами?

— Найдутся такие, — неопределенно сказал Ордо, пожимая плечами. Подумав, он добавил: — Не так чтобы они были совершенно безупречны, но сама посуди, Карела, кому хочется потом отведать мести тех, кого они оставят с носом? Все мы любим деньги, но выживают у нас те, кто еще сильнее, чем деньги, любят собственную жизнь!

— Хорошие слова, Ордо, — кивнула Карела и пошла дальше.

— Эй, Рыжий Ястреб! — Бородач схватил Карелу за плечо.

— Руки! — рявкнула она, но, увидев, что Ордо не только сразу же понял свою ошибку, но и тотчас же коротко, но почтительно поклонился, сменила гнев на милость. — Ну что еще, Ордо?

— А с этими что делать? — одноглазый повел рукой на сжавшихся в стороне невольников, которые были отбракованы. — Прикажешь убить?

— Хочешь ослабить Рыжего Ястреба? — прищурилась Карела. — Но я не желаю, чтобы обо мне шла такая слава, будто я безжалостно расправляюсь с теми, кто даже оружие в руках не в силах держать... Отпусти их, Ордо, да и дело с концом, — она снова собралась идти прочь.

— Как отпустить? — удивился Ордо.

— Ордо, не заставляй меня пожалеть о том, что я сделала тебя своим капитаном! На что мне такой по-

мошник, которому каждое приказание нужно отдавать дважды, а потом еще и разъяснять, что к чему? Я что, должна подробно объяснить тебе, как развязать людей, как вывести их на проезжую дорогу и в какую флягу налить им с собой свежей воды?! — раскипятилась Карела.

— Хорошо, все будет сделано, как ты велишь, Карела! — буркнул Ордо, хотя было заметно, что его изумление не прошло.

В третий раз собралась Карела уйти с этого места, но за ее спиной раздались крики и шум какой-то борьбы. Свистнули плети, и проклятья разбойников смешались с чьим-то стоном.

Тяжело вздохнув, Карела снова повернула обратно. Люди Ордо стегали плетями невысокого темноволосого невольника-кофийца, который вырвался из нестройного ряда рабов, устремляясь туда, где в стороне расположились освобожденные из-под стражи больные.

— Чтоб вас разорвало! — процедила Карела. С одной стороны, нет ничего страшного в том, чтобы приструнить плетью невольника, собирающегося скрыться. Но мужчина не хотел бежать. Он рвался к молоденькому пареньку, который лежал на земле и был не только не в силах подняться, но и вовсе бился в жестокой лихорадке. Это был совсем еще подросток, изможденный болезнью и недоеданием. Его трясло сильно, до судорог, он был без сознания и не видел, что происходит вокруг.

— Пустите меня к сыну, собаки! — прокричал невольник, прежде чем новые удары посыпались на него и заставили его замолчать.

— Прекратите! — прикрикнула Карела на своих людей, и они с неохотой опустили плети. — Неужели вы не видите, что он никуда не убежит? Пусть подойдет к сыну.

Невольник бросился к больному и склонился над ним, тщетно стараясь унять судороги несчастного.

— Знаешь, Рыжий Ястреб, а надо ли расточать ми-

лости тем, кто не стоит того? — задумчиво произнес Ордо, подходя к ней вплотную.

— А почему ты решил, Ордо, что ты можешь решать, кто чего стоит? Если у тебя или у меня нет детей, это еще не значит, что их нет ни у кого! Что за беда, если человек побудет с сыном до завтрашнего утра, мы же не сейчас погоним их в путь! — воскликнула Карела.

— Беды нет, но нет и смысла... — проворчал чернобородый капитан, легонько постукивая рукояткой своей плети по раскрытой ладони. — Я ведь не о своей славе пекусь. Но если люди увидят, что Рыжего Ястреба можно разжалобить, твоя власть не продержится долго, даже если я буду с тобой до конца. Эти люди понимают только клинок и плеть, Карела! Мягкость обернется против тебя. Так-то вот, Ястреб...

Девушка скользнула взглядом по сжавшемуся на земле невольнику, держащему в объятиях больного паренька. Что ж получается? Избить, связать, накормить землей, замешанной на крови... Человек, проживший жизнь и вырастивший сына, наверняка успел натворить много такого, за что боги уже лишили его удачи и свободы. И уж топтать такого может любой, кто почувствует над ним свою власть. И никто из окружающих не осудит Карелу за вполне естественную в ее положении суровость... Жестокий, но здравый смысл слов Ордо она, конечно же, почувствовала. И все же, она уже давно сказала себе, что никто не заставит ее изменить свои приказы, если они ей нравятся. Придется заставить и остальных оценить ее решения по достоинству.

— Ты не прав, Ордо! — заявила Карела, немного подумав. — Только одним лишь страхом никого не удержать. Я убила троих ваших людей подряд, но разве именно это удержало остальных от расправы?

Ордо поджал губы, но ничего не ответил.

— Понимаю, Ордо. Ты пытаешься напомнить мне о том, что это ты удержал их, — снисходительно улыбнулась Карела. — Будем считать, что так. Но все же, если бы ярость их была достаточно велика, они не послушали

бы и тебя, а просто рассекли бы меня на мелкие кусочки и разбросали их по степи, потому что даже если противник владеет грозным оружием — это еще не причина, чтобы покорно опускать руки. Ты внушил им разумную мысль о том, что я могу им пригодиться. Но ведь если бы я не повела вас на караван Ардаруса, пригодиться я могла только в качестве подстилки, передаваемой ногами от костра к костру, разве не так?

— М-м-м... — неопределенно пожал плечами Ордо, не решаясь напрямую подтвердить слова девушки.

— То-то же, Ордо. Именно так бы и случилось. Но вместо этого я помогла вам добыть неплохой улов, и вы сами пришли просить меня стать во главе вашего отряда. Но не за мои красивые глаза и не за то, что я умею срубать головы мужчинам. Люди почуяли, что Рыжий Ястреб знает, где и чем можно поживиться, и как сделать это с меньшими потерями. Разве не так?

— Ну, так, — вздохнул Ордо, внимательно слушая девушку.

— И вывод мой таким будет. Можно запугать человека до полусмерти. А потом заглушить этот страх заманчивым звоном золота. А потом еще более зверской жестокостью и угрозами перебить прелесть любого посула. И так до бесконечности. Вашим предводителем меня сейчас сделали ваш страх и ваша жадность. Но и то и другое — еще не все, что движет людьми. И если человек, пусть он даже никчемный мерзавец, бандит и пропойца, попадет в такой замкнутый круг, куда он, по-твоему, рванется из него?

— Туда, где с ним поступят по справедливости, — буркнул Ордо и с силой хлестнул рукояткой плети по своей ладони. — Ты трижды права, женщина! Я прослежу, Карела, чтобы этого кофийца не разлучали с его мальчишкой.

— Вот-вот, ты уж проследи, — Карела перевела дух. Вообще-то она чувствовала трудно преодолимое желание накричать на Ордо и просто приказать ему сделать то, что казалось ей нужным. Но в какой-то момент ей по-

чему-то захотелось подвести этого человека, который не показался ей никчемным подзаборным псом, к верной мысли. Долгие нудные разговоры всегда раздражали Карелу, но когда ей удалось достойно завершить свои поучения, а Ордо показал себя не просто послушным подчиненным, но и сообразительным человеком, Карела почувствовала не только торжество, но и некоторую приязнь к Ордо. — Проследи, чтобы мои распоряжения исполнялись в точности и никак иначе.

Ордо кивнул и беспокойно оглянулся туда, где послышался гомон, отчаянная ругань и какой-то треск.

Карела тоже взглянула туда и добавила:

— А потом, Ордо, не забудь сделать так, чтобы хмельная гульба по поводу удачного дела не кончилась дракой или поножовщиной. Слышишь, что там у них происходит? Я не уверена, что мое первое предупреждение они восприняли всерьез, но дважды я об одном и том же не говорю!

— Если кто-то забудется — башку сверну, — мрачно сказал Ордо. — Мне самому всегда не нравилось, что Таниус распустил людей. Если бы он меня слушал... Не тревожся, Карела, может быть, не сразу, но порядок я наведу. Тех, кто не подчинится разумным приказам, придушу своими руками, другие поостерегутся вольничать!

— И это будет очень даже по справедливости! — засмеялась Карела.

Ордо тоже широко улыбнулся в ответ, но рана дала о себе знать, и лицо чернобородого перекосило от боли.

— Ты как, капитан? — Карела понизила голос, но не сумела скрыть беспокойства.

— Признаюсь тебе, Карела, впервые мне настолько паршиво, — криво усмехнулся Ордо. — Но винить мне некого, кроме себя самого.

— Тебе лучше отдохнуть до утра, — неуверенно сказала Карела.

— Суета куда лучше лечит, чем лежание кверху пузом! — покачал головой одноглазый капитан.

— Как знаешь. — Карела положила свою маленькую прохладную ладошку на широченное горячее плечо Ордо.

Он вздрогнул, нервно поправил повязку, слегка прикоснувшись к ней, и взглянул поверх плеча Карелы с несколько излишней озабоченностью:

— Эй! Эй, олухи! Да что же вы делаете, когти Нергала вам в печенку!..

Он как-то слишком поспешно кинулся туда, где олухи совершали что-то, на взгляд Ордо, совершенно непостижимое.

Карела усмехнулась и продолжила свой обход пестрого лагеря.

* * *

Над разбойничьим пристанищем сгустились ночные сумерки. Костры, разложенные в низине, среди хилых пожухлых деревьев, что росли вокруг единственного в округе родника, уже вовсю пылали. Плыл запах жареного мяса.

День завершался вполне удачно. Добыча была сочтена и разобрана. Даже по той бросовой цене, по которой придется продать награбленное, можно было бы получить очень даже приличные деньги. Поэтому вечер Карела посвятила сборам: поутру ее отряд должен был выступить к Шадизару. Рабов ждали невольничьи торги, а Ордо уверял, что знает в городе некоторых бойких скупщиков, которые без лишних вопросов примут у степных гостей любой товар.

Встречаясь с Карелой, разбойники почтительно расступались перед ней. Пока срабатывали и страх перед внезапным гневом предводительницы, и предвкушение скорого звона монет в карманах.

Гордо подняв голову и не устаивая людей улыбкой, проходила она туда-сюда, и даже если у кого и возникали чересчур вольные мысли по поводу легкой и восхитительно аппетитной фигурки, никому не приходило в голову даже рот раскрыть в игривом намеке. Эта женщина знала себе цену, и всем давала понять, что ее товар не про степных шакалов.

Иногда ей припоминались слова Табасха, и те, кого она видела теперь перед собой, годились только на роль псов, лижущих ноги той, чье превосходство они осознали и приняли... Друг пророчил ей и иных, искренне преданных и равных ей, но таковых пока не было, и вряд ли таких людей достаточно ходит по земле, чтобы так быстро попасться Кареле на глаза. Пока на глаза попадались или мерзавцы вроде Эльриса, или самоуверенные наглецы, вроде того синеглазого варвара на постоялом дворе. И если труп офира уже был, возможно, благополучно съеден гиенами, то досаду и унижение, перенесенные Карелой при встрече с мальчишкой-варваром, ей пришлось до времени припрятать поглубже до лучших времен, буде таковые настанут...

— Госпожа!

Карела шла по лагерю, погрузившись в свои невеселые мысли, и невольно вздрогнула, когда перед ней выросла невысокая плотная фигура немолодого кофийца, того самого, которому Карела разрешила остаться с больным сыном. Мужчине крутили руки двое разбойников из тех, кого Ордо приставил к невольникам и которые должны были с рассветом гнать рабов на торги. В одном из них она узнала Абериса.

— Почему он опять здесь? — нахмурилась Карела. — Я же разрешила ему быть с сыном.

— Мой сын умер, госпожа, — вздохнул кофиец. — Уж очень плох был, я ничего другого уже и не ждал... И меня снова отправили сюда.

— Ну и что тебе? — коротко бросила она.

— Я... Я хочу просить тебя... — кофиец судорожно дернулся в крепко держащих его руках. — Я хотел бы остаться и быть под твоим началом, женщина! Я один остался на свете, и цепи да рудники не так уж страшат меня... Но возможно, руки мои принесут больше добычи твоему отряду, чем те жалкие гроши, которые вам дадут за меня на торгах.

Карела оглядела его еще очень крепкие плечи и ноги,

заметила горький, но решительный блеск темных глаз и кивнула:

— Хорошо, пожалуй... Как тебя?

— Талбот, госпожа.

— Для тебя я Рыжий Ястреб. Ступай, Талбот, найди себе место. Я велю Ордо определить тебя к делу.

Разбойники беспрекословно отпустили его. Карела скользнула взглядом по их недовольным лицам:

— В чем дело, а?

— Ты выбросила на ветер не меньше двадцати монет, Рыжий Ястреб! — смело отозвался Абериус. — А может быть и больше.

— Насколько я знаю, прежде вы именно так и делали! — огрызнулась Карела.

Но Абериус хитренько прищурился:

— Век живи, век учись... Уже весь отряд знает, что мы собираемся поживиться на этих невольниках. И вдруг — упустить живые деньги. Негоже так поступать. Если ребята об этом узнают, им это не понравится.

— Лопни твои глаза, наглец! — Карела схватилась за свою саблю. — Ты бы лучше мозгами работал, чем языком, Абериус! Готова спорить с тобой на что угодно, что этот Талбот куда лучшее приобретение для вашей шайки, чем двадцать монет! А если кому-то что-то не нравится, я лично не настаиваю! Тебя что-то не устраивает, Абериус? Жалеешь, что приятели твои не получают по лишней монете? Так займи место Талбота в невольничьем караване! Сейчас живо это устрою, клянусь Деркэто! Уберись с глаз моих, пока я именно так и не поступила с тобой!

Абериус давно понял, что перехватил. Пробормотав что-то и мотнув головой, он поспешил убраться подальше от гнева атаманши.

Оставшись одна, Карела вслушалась в себя и поняла, насколько она устала. Суматошный яркий день слился в одну пеструю ленту, которая бесконечно прокручивалась перед глазами. Так и свалилась бы сейчас куда-нибудь,

лучше всего на мягкую, широкую постель, и крепко уснула...

— Вот еще что, Карела, — прервал ее размышления невесть откуда появившийся Ордо. — Пойдем-ка, я провожу тебя к своему костру.

— Что мне делать у твоего костра? — подозрительно спросила Карела.

— Ну а где же ты ночевать будешь? Не рядом же с этими рабами, еще заразу какую подхватишь, — пердернулся Ордо. — И потом...

Он замялся, и Карела тяжело вздохнула:

— Не тяни жилы, Ордо. Что «потом»?

— Будешь поблизости от меня, так и мне спокойнее будет, и тебе безопаснее, — проговорил чернобородый, запинаясь.

— Да тебя что, Ордо, снова жар мучает? — ехидно поинтересовалась Карела.

— Да нет вроде бы, — осторожно ответил Ордо. — А что такое?

— Да будь ты проклят! Если я не ошиблась, ты предложил мне защиту? Так?

Ордо надоело переминаться с ноги на ногу, и он отчаянно рубанул:

— Да брось ты, Карела! Не стал бы я храбриться на твоём месте. Не все были согласны с нашим решением выбрать тебя предводителем. Есть те, кто ропщет... Я не хочу подвергать тебя опасности.

— Все, Ордо! Замолчи и слушай! — прошипела Карела, хватая его за грудки. — Твое счастье, что нашего разговора никто не слышит! А то я вынуждена была бы обнажить против тебя оружие, как сделаю это против каждого, кто осмелится вслух заподозрить, что Рыжий Ястреб не может сам себя защитить! Впрочем, если ты еще раз посмеешь сказать такое даже наедине со мной, я буду драться с тобой, Ордо, причем насмерть! И это не пустая угроза, клянусь Деркэто!

— Но Карела!.. — пробормотал Ордо.

Карела выпустила из рук ворот капитана и сжала кулаки, пытаясь успокоиться.

— Будем считать, что ты предупредил меня о возможном недовольстве некоторых наших людей, а я в ответ поблагодарила тебя за бдительность! Но и все! А ночевать я не буду ни у твоего костра, ни у чьего бы то ни было еще! — Карела заставила себя сдержаться. — Ты понял меня, капитан?

Ордо одернул свою короткую куртку и молча опустил голову.

Карела отчаянно боролась с негодованием. То, что Ордо решил и дальше о ней заботиться, было бы оправдано в отношении любой другой женщины! Но с Карелой подобные шутки не проходят. Такой проницательный человек, как этот рослый чернобородый разбойник, мог бы не допускать столь досадных просчетов в их отношениях.

— Так ты понял меня или нет? — повторила она.

Ордо кивнул, кисло усмехаясь.

— И что же ты понял?

— То, что Рыжий Ястреб сама себя защищает от кого бы то ни было, — отозвался Ордо и безнадежно махнул рукой.

— Ну и прекрасно! — пробормотала Карела, отходя в сторону. — А то если и есть такой человек, кому я не хотела бы стать врагом, так это ты, пожалуй, только ты, Ордо.

Она ждала, что после ее яростной отповеди капитан уйдет. Но он стоял на прежнем месте и теребил свою плетть.

— Послушай, Ястреб. Одеться бы тебе... — несмело проговорил Ордо, явно опасаясь, что его слова опять вызовут гнев. Он был уже готов к тому, что Карела не преминет обрушить свою немилость и на того безумца, который вздумает намекнуть Рыжему Ястребу на то, что она одета несколько непотребно, и уж во всяком случае не так, как приличествует предводительнице отряда лихих мужчин численностью в три с лишним десятка.

Но Карела оглядела себя и вздохнула:

— Да, Ордо, ты прав. Разрази меня Держэто, если я не похожа на последнюю нищенку из какой-нибудь воюющей подворотни. Но где же я найду в вашем пьяном безобразии хоть одну приличную тряпку?

— Пьяного безобразия больше не будет! — поспешно пообещал Ордо. — А не то я им задам перцу! А что до тряпок... Лишнюю одежду мы обычно сжигаем, и женскую, всю целиком, сбывать ее слишком хлопотно и невыгодно. Но...

Он оглянулся и взглянул на копошащихся вокруг костров разбойников.

— Есть тут у нас один, — пробормотал Ордо, морщась и прижимая руку к повязке. — Галарх его зовут. Он всякий хлам, который не продать, не съесть, не выпить и на себя не одеть — все подбирает. Уверен, что и в караване Ардаруса он такой хлам не пропустил. Ну-ка, я его тряхну...

Ордо ушел и через некоторое время возвратился с невысоким сухеньким и довольно-таки пожилым мужчиной с седеющей клиновидной бородкой. Старикашка тащил за спиной объемистый мешок.

— Есть у меня кое-что для тебя, госпожа... Уж будешь довольна! Галарх плохого не подбирает, даже если тебе уже наговорили про меня невесть чего! — гордо сказал он, снял мешок со спины и развязал его.

Он тряхнул мешок и высыпал перед Карелой его содержимое одной огромной кучей.

У нее глаза разбежались, едва раскинула она на пожухлой траве целый ворох разноцветных вещей, весьма высокого качества и наверняка такой же высокой цены. Знал этот напыщенный индюк Ардарус толк в торговле, что есть, то есть! Но разбойничья шайка — не торговый караван. Никто здесь не будет заниматься даже самыми дорогими тряпками в то время, как в руки стекаются монеты и слитки, драгоценные камни и изящные изделия золотых дел мастеров.

Карела присела на корточки посреди кучи вещей. Те обноски, которыми она прикрывала сейчас свою наготу,

были просто ужасны, и ей не терпелось облачиться во что-нибудь более достойное ее нового положения. А среди товара господина Ардаруса можно было повибирать.

Чего здесь только не было! Прозрачные шелковые покрывала самых немислимых оттенков. Широкие шаровары с расшитыми серебром и золотом поясами. Нагрудные чаши — и плотные, переливающиеся филигранными чеканными узорами, и мягкие, поблескивающие богатством изысканной вышивки. Накидки и плащи из шерсти и шелка, добротные и теплые, в которых не страшна даже ночевка в ночной степи, а также легкие и изящные, словно специально пошитые для того, чтобы развиваться за плечами дерзкой предводительницы грозных разбойников. Были здесь и превосходно выделанные меховые шкуры, лучшая постель для ложа страсти и дивных ночных грез...

Карела принялась вытаскивать то одну, то другую вещь, рассматривая ее со всех сторон.

«Если только женщина подолгу копается в тряпках, начинает казаться, что ни на что другое она уже не способна», — всплыл вдруг в памяти насмешливый голос Табасха.

Резко подскочила Карела на ноги, исподлобья взглянув на равнодушно зевающего Галарха. Поспешно, едва соображая, а то ли она берет, что ей действительно нужно, она подхватила украшенные чеканкой чаши, свободные шаровары с широким поясом, мягкие сапожки с острыми, слегка загнутыми носами и темно-зеленый плащ на серой подкладке.

— Убери все это, что тебе здесь, базар, что ли? — заворчала она на Галарха, отходя с вещами за дерево.

— Куда убрать-то? — окликнул ее Галарх и, не дождавшись ответа, зачесал в затылке. — Ладно, сложу все в мешок, может, когда сгодится чего на смену. Да где-то у меня палатка была, дорогая, красивая... Таниусу она была не нужна, а тебе в самый раз придется, Рыжий Ястреб, раз ты у костра с нами ночевать не собираешься... Вот, погоди-ка, вспомню, куда засунул, да отдам Ордо.

Хозяйственный старикашка деловито сгреб вещи обратно в свой тюк и утащил.

Карела облачилась в свой наряд и почувствовала себя более-менее прилично. Ночевать с разбойниками у костра она действительно не собиралась. И очень будет славно, если старенький сухой скопидом Галарх и вправду отыщет палатку. А уж Карела знает, как ей повести себя, чтобы ее палатка стала неприступной крепостью в этой стае шакалов, которых ей только предстоит превратить в грозных псов заморанских степей. Удача отряда держится на двух вещах: на мозгах командира и дисциплине подчиненных. В мозгах своих она была более-менее уверена, в то время как дисциплина бандитов оставляла желать лучшего.

Где-то поблизости загремел басовитый голос Ордо. Уже позабыв про свою рану и боль, новоиспеченный капитан наводил порядок и умирал каких-то дебоширов, устроивших пьяную свару. Послушав, как Ордо отчитывает провинившихся, пересыпая свою речь сочными эпитетами, Карела усмехнулась: все-таки не так уж это и плохо, когда рядом есть человек, к которому не страшно повернуться спиной... Она уже хотела было похвалить сама себя за то, что остановила свой выбор именно на Ордо, но вдруг поняла, что восхищаться собой в данном случае было бы слишком глупо. Если бы она не согласилась остаться в отряде, разбойники совершенно добровольно пошли бы под начало к Ордо. Этого крепкого, деловитого и отчаянно храброго человека уважала и побаивалась разномастная свора лихих людей, и вся заслуга Карелы в назначении капитана состояла только в том, что она верно угадала то, что и без ее вмешательства было совершенно очевидно.

Карела села под дерево, поджав ноги, завернулась в плащ и прислонилась спиной к стволу. Темнота уже скрадывала предметы и фигуры людей, сновавших туда-сюда. Впереди была ночь, первая ночь Карелы, которую ей предстояло провести в роли полноправной хозяйки положения.

Усмехнувшись и положив руку на эфес своей сабли, Карела прикрыла глаза. Поначалу ее сон был некрепок, каждый громкий звук, будь то лошадиное ржание, крики ссорящихся или пьяный гогот, заставлял ее длинные ресницы трепетать.

Но усталость оказалась сильнее. Карела не слышала уже, как подошел Ордо и обратился к ней с каким-то вопросом, не почувствовала, как он, склонившись над ней, долго смотрел на спящую девушку, а потом осторожно поправил распахнувшуюся полу ее плаща и, постояв немного, ушел прочь.

Он, немолодой уже человек, не один год проведенный в лихих разгульных странствиях и повидавший всякого, был уверен: скоро торговый да служивый люд узнает, что на земле Заморы, на свободных просторах ее холмистых равнин и неласковых степей гордо расправил свои легкие, но дерзкие крылья дикий и неукротимый Рыжий Ястреб.

В тот день Конан с утра не находил себе места. Все раздражало его: и немудреная еда — печеные бобы с луком, которые поставила перед ним мать, и ее просьба не отлучаться сегодня из дома, так как у нее много дел по хозяйству и без его помощи ей не справиться, и назойливые приставания и признания в любви, которыми досаждал ему вертлявый щенок Чарр — уже в течение двух лун Конан пытался сделать из него солидную и умелую охотничью собаку, но толку было маловато.

Сразу после завтрака он вышел во двор и принялся колоть дрова, взмахивая топором, много лет назад выкованным отцом из отличной стали и с тех пор не затупившимся нисколько. Работать таким прекрасным оружием было одно удовольствие — сосновые и еловые поленья раскалывались легко и звонко, высоко подскакивали и наполняли утренний воздух свежим и клейким запахом, — но Конана это занятие не радовало и не увлекало. То и дело он нетерпеливо поглядывал на дверь, ожидая, пока мать по какой-либо хозяйственной надобности не уйдет со двора, чтобы тут же бросить топор и улизнуть прочь из дома.

Его мать, молчаливая и сдержанная Маев, вдова кузнеца Ниала, погибшего в битве с ванирами пять лет назад, не часто просила о чем-нибудь сына. Хозяйство было небольшим, и она справлялась с ним сама, полагая, что будущему охотнику и воину гораздо полезней проводить время в играх и потасовках с приятелями, стрельбе из лука и ловле рыбы в ручье. Вплоть до самых суровых морозов Конан прибегал домой, только чтобы поесть и выспаться. Конан любил мать, больше того, он гордился

ею — сильной и гордой воительницей, чьи руки, несмотря на кажущуюся хрупкость, владели мечом не хуже многих мужчин, а отвага и хладнокровие в бою снискали уважение у всех соплеменников-канахов. Ее редкие просьбы помочь ей он выполнял с радостью. Он мог бы даже целый день стучать топором, готовясь к предстоящей суровой и вьюжной зиме, но только не сегодня. Только не в день Крадущейся Рыси!

Раз в год в день осеннего равноденствия молодежь селения с раннего утра находилась в радостном возбуждении. В день Крадущейся Рыси все юноши, которым в этом году исполнилось пятнадцать лет, получали возможность стать настоящими охотниками и полноправными членами общины. Обычай этот был очень древним и соблюдался у канахов с незапамятных времен — хотя ныне многим куда больше по душе были жестокие традиции других киммерийских племен, где мужчиной начинали считать юношу после убийства им первого врага. Суровые времена, суровые нравы... Но сейчас, пока общине не грозила непосредственная опасность со стороны воинственных соседей, день Рыси оставался тем же праздником, каким был всегда.

На рассвете каждый из юношей, прихватив крепкий лук и хороший запас стрел, отправлялся в горы, со всех сторон окружавшие селение, словно надменные мрачные великаны, сгрудившиеся над тесной кучкой домов. К вечеру они возвращались, нагруженные добычей. Самые старые и уважаемые мужчины, опытные охотники и израненные в сотне битв воины, собравшись вместе, решали, достойна ли подстреленная дичь того, чтобы юноша с этих пор назывался мужчиной, либо ему нужно еще поучиться стрелять из лука и лазать по скалам, и принять участие в испытаниях на следующий год. К чести юных киммерийцев, случаи, когда пятнадцатилетний охотник не проходил испытания с первого раза и его вступление в возраст мужчины откладывалось на следующий год, были крайне редки и считались большим позором.

Все, что добывали за день молодые охотники, — туши

олений и кабанов, связки куропаток, сурков и кроликов, — их матери и сестры мгновенно потрошили, варили, тушили и жарили, после чего вечером в селении наступал настоящий праздник, с горами обильной и сытной еды, с танцами вокруг огромного, рвущегося в небо костра, с играми и забавами. Смех и песни веселящейся молодежи не стихали обычно до самого утра, и суровые старики в эту ночь, единственную ночь в году, не одергивали юнцов, не ворчали, но также не спали до рассвета и в узком своем стариковском кругу, у потухающих углей предавались воспоминаниям о днях былых, когда и охотники были удачливей, и герои отважней, и костры ярче...

Конану весной этого года исполнилось тринадцать лет. Для своего возраста он был высок и крепок, в играх и драках не раз побеждал парней, которые были старше его и на год, и на два. Первого своего оленя он убил два года назад, а первого медведя завалил зимой этого года. Сын кузнеца Ниаала считал, что имеет право участвовать в испытаниях дня Крадущейся Рыси — но взрослые рассудили иначе. Возраст мужчины определяется не только высоким ростом, упругими мускулами и умением поражать крупного зверя. Настоящий мужчина — это, прежде всего, крепкий и быстрый ум. Пусть Конан подождет еще два года. За это время его охотничье умение еще больше возрастет, рука станет тверже, разум же обретет остроту и силу.

— Не расстраивайся, Конан, — сказал ему старый Меттинг, лет тридцать назад бывший самым лучшим охотником в округе. — Не стоит торопить время. Тебе кажется, что два года — это целая вечность, но поверь мне, это сущий пустяк. Когда ты вырастешь, тебе не раз захочется притормозить бег луны по небу, словно она — чересчур норовистый и резвый жеребец, от бешеной скачки которого серебрятся волосы и выпадают зубы...

Конан на его увещевания лишь упрямо помотал головой,

— Тощий Хроб будет участвовать в испытаниях Крадущейся Рыси! — с обидой сказал он. — Вербин, слабый и трусливый, как аквилонская женщина! Ни у того, ни

у другого нет за плечами не то что медведя, даже жалкого кабана!..

— Я не сомневаюсь, Конан, сын Ниала, что через два года в день Крадущейся Рыси твоя добыча будет больше и славнее всех, — ответил Меттинг, улыбаясь в желтоватую от старости бороду. Ему нравились напор и уверенность в своих силах высокого не по годам мальчишки с синими и холодными, словно ледники гор в сумерки, глазами. — Я уверен, самые красивые девушки будут плясать с тобой у большого огня.

Конан только сплюнул, отвернувшись, устав доказывать и спорить, и побрел прочь.

И вот теперь, раскалывая звонкие и пахнущие осенью поленья, он лишь выжидал удобный момент для бегства. К счастью, ждать, нетерпеливо постреливая по сторонам глазами, пришлось недолго. Маев, накинув на плечи меховую накидку, куда-то вышла, и в тот же миг мальчик бросил топор. Вернувшись в хижину, он схватил свой лук — подарок матери к десятилетию — и самодельный нож с рукояткой из раздвоенного копыта оленя. Нож этот в свое время он сам выковал в отцовской кузнице и очень гордился им — неуклюжий и корявый, он был очень прочным, незаменимым в любой охоте и держался в ладони так удобно и ладно, словно срастался с ней.

Незаметно выскользнув со двора, Конан помчался по тропинке, ведущей к окраине селения. Он старался не попадаться на глаза никому из соседей; за спиной мальчика висел лук, на поясе — колчан со стрелами. Любой из встреченных им в лучшем случае одарил бы понимающей усмешкой, а в худшем — суровым внушением. В день Крадущейся Рыси было негласно принято всем не участвующим в испытаниях оставаться дома и не пытаться счастья на горных тропинках. Отцы и деды пятнадцатилетних охотников, а также их младшие и старшие братья коротали время до вечера, обсуждая — вплоть до горячих перепалок и даже драк, — кто именно окажется сегодня победителем, дотавив до селения больше всего охотничьих трофеев.

Отбежав за пределы видимости из самого крайнего

двора, Конан остановился — отдышаться и подумать. Он знал, что большинство юных охотников отправятся на промысел к югу и юго-западу от селения. Именно те края особенно любили олени, лоси и кабаны. В таком случае он, Конан, пойдет на север. Скалистые уступы на севере высоки и безжизненны, карабкаться по ним — одно наказание, да и из живности попадают лишь осторожные горные козлы и редкие снежные барсы. Что ж, прекрасно! Значит, Конан притащит к вечеру и небрежно бросит у гудящего костра две-три головы горных козлов и великолепную густую и пушистую шкуру снежного барса...

В таких мечтах охотник-самозванец карабкался по голым камням, лишь изредка поросшим мхом и сухими колючками. Ноги его были босы — как и все киммерийские мальчишки, он ходил босиком до самых заморозков, и коже на его подошвах могли бы позавидовать сапоги из самых прочных телячьих шкур.

Осеннее солнце светило ярко, но не припекало. Прозрачный осенний воздух настраивал на самый бодрый лад. К вечеру он притащит к большому огню три — нет, пять! — голов горных козлов и пятнистую шкуру огромной красивой кошки... И пусть только Меттинг и остальные взрослые посмеют сказать, что ему нужно выждать еще два года, и что для мужчины главное — острый ум! Справиться с опасным и коварным хищником под силу только очень сообразительному, очень осторожному и мудрому, как старый змей... Хотя в голове мальчика клубились яркие самолюбивые мечты, глаза его оставались пронзительно-зоркими и подмечали каждое движение в радиусе пятисот шагов, а уши ловили самые слабые шорохи.

Внезапно Конан остановился. Ему показалось, или что-то действительно шевельнулось впереди, шагах в пятидесяти от него?... Да, так и есть! Горный козел, приподняв украшенную рогами голову, смотрел в его сторону, готовый ринуться вскачь по острым камням. И не просто горный козел, а — хвала Крому! — тот редкий его вид, у которого прямо устремленные в небо рога закручиваются красивой тугой спиралью. Из такого рога можно сделать

прекрасную рукоять кинжала с готовыми выемками для пальцев, можно повесить его на грудь, можно подарить самой красивой девушке, чтобы она носила его в своих густых волосах...

Конан затаил дыхание, осторожно нащупывая за плечом лук. Но как бы ни были вкрадчивы его движения, горный козел, взмахнув головой, ринулся прочь, едва касаясь камней легкими копытами. Конан бросился следом, уже не думая об осторожности. Теперь самое главное — у кого из них окажутся быстрее ноги! В азарте погони мальчик перепрыгивал через такие расщелины, какие в спокойном состоянии благоразумно обошел бы вокруг. Шершавые и цепкие подошвы босых ног хорошо удерживали на седых от лишайника скалах. Он помогал себе руками, по-обезьяньи ловкими, цепляясь за корни и стебли колючек.

Иногда козел подпускал его к себе так близко, что можно было рассмотреть зрачки в его глазах — не круглые, как у людей и прочих животных, но горизонтальные, похожие на две бескровные прорези от узкого ножа. Можно было отчетливо полюбоваться и блестящими на солнце витыми рогами. Но стоило Конану потянуться рукой к луку, как лукавое животное встряхивало головой и снова пускалось вскачь. Казалось, козел знал, что находится в безопасности до тех пор, пока руки мальчика свободны. Конан стал уже терять терпение. Грудь его тяжело вздымалась от быстрого бега, подошвы ног горели, икры и ладони, расцарапанные о колючки и щебень, невыносимо чесались.

— Ну подожди же! — крикнул он козлу совсем по-детски. — Ну постой хоть немного! Мне очень нужны твои рога, понимаешь?.. Мне позарез необходимо вернуться домой с твоими рогами!

Козел замер, словно его разжалобили просьбы мальчика и он решил пожертвовать своими красивыми рогами — заодно с головой. Не веря своей удаче, Конан потянулся к луку. Вот он уже снял его с плеча... вот осторожно вытащил из колчана стрелу и дрожащими от волнения пальцами начал натягивать тетиву... Но наглое

и насмешливое животное, словно издеваясь над ним, сделало высокий скачок и понеслось прочь.

— Чтоб ты провалился в пропасть! — в сердцах пожелал ему мальчик. — Пусть отвалятся твои ноги, пусть сгниют твои рога, пусть мясо твое достанется на ужин снежному барсу!..

Словно обидевшись на его проклятия, или же просто наскучив игрой, козел больше не останавливался. Он летел стремительно, осыпая из-под крепких копыт мелкие камушки, и вскоре его светло-коричневая спина мелькала уже очень далеко от неудачливого охотника, а потом и исчезла вовсе.

Усталый и раздосадованный, Конан опустился на камни, на которых стоял. Сколько времени угробил он на этого зловредного козла! За это время можно было бы подстрелить пару простых козлов или, на худой конец, десяток сурков, застывших рыжими столбиками у своих многочисленных норок. Правда, возвращаться домой с одними сурками он счел бы позором — ведь это такая легкая и скучная добыча! Хотя вареные сурки и вкусны необычайно...

Интересно, где он находится? В погоне за козлом Конан забыл обо всем на свете и сейчас, немного передохнув, решил выяснить свое местонахождение. Он оглянулся по сторонам и, заметив невдалеке высокую скалу, формой напоминающую фигуру согнувшегося в три погибели старика, без особого труда вскарабкался на нее. К удивлению мальчика оказалось, что он находится совсем недалеко от родного селения. Видимо, зловредный козел водил его по кругу. Уйдя в северном направлении, теперь он находился к востоку от своего дома. Всего в полтора тысячах шагах от него виднелись знакомые крыши, присыпанные сверху для тепла слоем земли. Он мог разглядеть и свою хижину, и даже брошенные во дворе недоколотые поленья. Теперь уже Конан узнавал местность, вначале показавшуюся ему совсем незнакомой. Конечно же, он бывал здесь и прежде, хотя и не часто — два или три раза. Ни играть, ни охотиться в этих местах было нельзя, так

как с незапамятных времен киммерийцы хоронили здесь своих умерших.

С вершины скалы можно было хорошо рассмотреть кладбище: ложбину с высокой травой, со всех сторон стиснутую скалами и выглядевшую особенно зеленой по контрасту с угрюмыми камнями. В траве этой любили селиться кролики; на каждом шагу попадались их норы, напоминающие любопытные зрачки в толще почвы. В Киммерии не было принято насыпать над умершими курганы, — если не считать единственного места, Поля Вождей у подножия горы Бен Морх, где хоронили прославленных воинов. Места же вечного успокоения простых жителей селения отмечались лишь обломками скал. На каждом обломке были выбиты знаки, по которым киммерийцы, не имеющие своей письменности, могли знать, кто именно покоится здесь. Так, окружность с крестом внутри означала, что под камнем зарыт уважаемый и мудрый старик; фигура, напоминающая елочку, указывала, что здесь покоится женщина, умершая при родах; символическое обозначение меча являлось знаком, что серый камень охраняет покой павшего в битве воина. Именно таких камней, с неуклюже выдолбленными мечами, похожими на кресты с маленькой горизонтальной перекладиной, было на кладбище больше всего.

Конан прилег на спину, раскинув руки, чтобы хорошенько отдохнуть перед продолжением охоты. Тень от скалы, напоминающей старика, падала ему на лицо, защищая от солнца. Он вяло думал о том, в какую сторону ему следует направить свои исцарапанные ступни теперь, чтобы вернуться-таки к вечеру к большому огню, нагруженному головами, рогами и шкурами... Может быть, повернуть к югу? Конечно, он рискует встретиться там с одним или несколькими превращающимися в мужчин юнцами. Они будут насмехаться над ним, особенно если плечи его и руки будут пусты... ну и пусть! Зато на южных луговинах он наверняка подстрелит оленя, а может быть, и не одного...

Внезапно Конану почудилось, что земля у подножья скалы, на которой он распростерся, слегка вибрирует. Он

перевернулся на бок и прижался к ней ухом. Так и есть! Изнутри доносился невнятный гул, словно под толщей камня была пустота и кто-то находящийся там шумел или разговаривал. Что за шутки?! Кто может разговаривать в брюхе горы?... Не иначе как злые духи! Недаром взрослые не разрешают детям слоняться и играть вблизи кладбища...

Первым порывом мальчика было бежать со всех ног подальше от зловещего места. Но он пересилил себя. Убежать он всегда успеет! Крепкие и резвые пятки еще ни разу его не подводили. Но как любопытно было бы взглянуть, хотя бы издали, на злобного духа, живущего под землей! Может быть, это те самые драчливые духи, от ссор которых дрожат горы и разверзаются трещины в почве? Он поглядит на них только краем глаза, но зато вернется потом в селение не только с рогами и шкурами, но и с таким захватывающим рассказом, что все мальчишки, даже пятнадцатилетние, лопнут от зависти!

Конан обошел скалу со всех сторон, то и дело припадая к ней ухом и стараясь отыскать место, где гул и невнятный шорох слышны лучше всего. Вскоре он обнаружил такое место. Это была щель между скалой и большим обломком камня, видимо, отколовшимся от нее. Мальчик попытался оттащить обломок в сторону. Он был тяжелый, но после упорных раскачиваний и толчков все же сдвинулся с места; щель стала шире. Теперь из нее доносились довольно явственные звуки: гулкие удары, шорох осыпающихся камней, голоса... Настоящие людские голоса, хотя слов и даже языка, на котором они произносились, разобрать было невозможно.

Конан еще настойчивей навалился на камень. Он расшатывал его, толкал и тянул до тех пор, пока щель между ним и скалой не стала такой широкой, что он уже попытаться пролезть в нее. Поколебавшись несколько мгновений, мальчик стал протискиваться в веющее мраком и тайной отверстие.

Когда все его тело, вплоть до макушки, проскользнуло под землю, он повис на руках, дергая ногами и пытаясь

нащупать опору. Но под пятками была пустота. Мелкие камни, срывающиеся из-под его локтей и колен, с шорохом сыпались вниз. Судя по звуку, дно было не слишком глубоко, и Конан решился на прыжок. Подобравшись всем телом, он опустил руки... Мальчик был готов ко всему — и к хрусту своих ломающихся костей в том числе, но только не к тому, что гладкий камень, на который он приземлился, спружинив ступнями и почти не ударившись, зашевелится под ним. В первый момент Конан решил, что начинается землетрясение. Ведь только когда колеблется и разверзается земля — оттого, что злобные духи, живущие в ней, идут войной друг на друга, огромные камни шевелятся и подпрыгивают, как детские тряпичные мячики. Но он тут же отбросил эту догадку. Шевелился один-единственный камень с глянцевитой и чуть теплой поверхностью, на который его угораздило свалиться, все же остальное пребывало в неподвижности.

Камень не просто шевелился — он, как показалось Конану, полз. В первый момент мальчик не мог ничего разобрать из-за окружавшей его непроницаемой темноты. Но постепенно тьма рассосалась. Голубевшее полуденным небом отверстие, сквозь которое он проник сюда, давало немного света. К тому же, каменные стены подземелья впереди него отбрасывали оранжевые блики, словно где-то за поворотом горел огонь.

В неярком двойном свете Конан с ужасом разглядел, что то, что он принял за круглый камень, на самом деле оказалось спиной гигантского жука. Такое диво он видел первый раз в жизни! Мурашки пробежали вдоль его позвоночника, ладони похолодели. Впрочем, мальчик тут же сообразил, что жук не в силах причинить ему вред до тех пор, пока он сидит на его спине. Любой мальчишка знает, что насекомое не может дотянуться челюстями либо лапами до собственной спины. Нащупав на поясе нож, Конан стал прикидывать, куда лучше всего всадить хорошо заточенное лезвие — в один из огромных, похожих на эбеновые чаши глаз или же в маленький шерстистый затылок. Все остальное тело жука было покрыто

прочным панцирем, который нечего было и надеяться пробить ножом.

Жук полз вперед медленно и спокойно, и невозможно было понять, замечает ли он вообще своего ошеломленного всадника. Казалось, он просто направляется по своим делам, ни на что не обращая внимания. В неверном свете его спина отливала металлическим сине-зеленым блеском и напоминала хорошо прокаленные стальные доспехи. Пара усиков, похожих на две усыпанные ровными иголками ветви, шевелились по обеим сторонам головы, ловя не то звуки, не то запахи. Между глазами вздымался блестящий, изогнутый назад рог, длиной с хороший кинжал. Он казался отполированным, и его так и тянуло погладить пальцами или сжать в ладони. Челюстей и зубов гигантского насекомого, сидя на спине, Конан разглядеть не мог, и, возможно, это было к лучшему.

Пока мальчик прикидывал и примеривался, взвешивая на руке свое самодельное оружие, голоса зазвучали совсем громко и отчетливо, дав иное направление его мыслям. Несомненно, где-то неподалеку были люди! И они разговаривали на киммерийском наречии, то есть были его сородичами, возможно даже, жителями его селения. Судя по отрывистым фразам, заглушаемым ударами металла по камню, люди что-то долбили и отрывали — скорее всего, искали те самые плавающие камни, из которых куют мечи, топоры и доспехи. Конана удивило только место, где они этим занимались. Никогда прежде он не слышал, чтобы кто-то добывал железо или медь вблизи от кладбища.

«Осторожнее!», «Подай в сторону!», «Помоги-ка!» — эти и другие рабочие реплики перебивались звоном кувалд и скрипом несмазанных тачек. Окончательно успокоившись относительно таинственных подземных голосов, Конан вновь переключил внимание на своего невозмутимого скакуна. Пожалуй, прежде чем всаживать в него нож, стоит окликнуть работающих, чтобы они полюбовались на небывалое зрелище: оседлавшего подземное чудовище мальчишку! А потом он убьет его. Если вдруг жук окажет сопротивление, взрослые мужчины помогут

ему. Но это, конечно, в самом крайнем случае. Скорее всего, Конан отлично справится с жуком сам! Вряд ли они откажутся одолжить ему одну из своих тачек. Старый Меттинг, не говоря уже об остальных, онемев от изумления, когда Конан вывалит на землю у большого огня огромную, блестящую, как аквилонский щит, тушу. Это будет похлеще снежного барса! Полированный рог он будет носить у себя на шее, а из прочных синих надкрылий сделает доспехи...

До конца довести сладостную мечту Конан не успел: жук повернул за угол, и глазам мальчика открылся более широкий проход в земле. По стенам на расстоянии десяти-пятнадцати шагов были прикреплены тускло светившие факелы. Несколько голых до пояса мужчин с тяжелыми кайлами и лопатами в руках трудились, сокрушая и разгребая породу. Поглощенные работой, они не замечали мальчика и его странного скакуна. Один из мужчин, мерно сгибавшийся и разгибавшийся вблизи от факела и оттого хорошо различимый в неярком свете, показался Конану знакомым.

Да ведь это же... В первый миг широкая улыбка расплелась на лице мальчугана. Это Кевин! «Эй, Кевин!» — громко заорал он, от избытка чувств подпрыгнув на жесткой и гладкой спине жука. Но в следующий же миг открытый рот свело судорогой. Да, это действительно Кевин, его двоюродный брат и хороший приятель, тот самый Кевин, что погиб в короткой и жестокой схватке с ванирами полгода назад... Конан сам тогда рыл землю, куда должны были опустить его тело с небольшой рваной раной от стрелы над ключицей. Подростки рыли могилы наравне со взрослыми, потому что нападение ваниров было внезапным и предательским, как и свойственно этим рыжеволосым варварам. Воины-канахи не успели как следует подготовиться к битве, и много мужчин и юнцов, впервые в тот день взявших в руки оружие, погибли на грязный весенний снег. Конан хорошо помнит, как трудно было долбить мерзлую землю, как жгло у него где-то под ребрами и яростная боль окрашивала все вокруг в черные и багровые тона: Кевин, лучший товарищ его игр, сем-

надцатилетний беспечный и смешливый Кевин должен был ложиться в стылую, искрящуюся от крупинки льда глину...

Кевин, голый до пояса, с масляно блестящим от пота туловищем, обернулся на крик Конана и, узнав его, медленно двинулся в его сторону, загребая ногами, как усталый старик.

— Нет-нет, Кевин! — спохватившись, закричал мальчик. — Я не звал тебя! Я не звал тебя! Тебе послышалось!

Не обращая внимания на эти крики, Кевин продолжал приближаться к нему. Жук остановился, словно испугавшись или насторожившись, и заскреб лапами по влажным камням.

Проклятье! Конан судорожно пытался вспомнить, что надо сделать или сказать, чтобы умиловить рассерженных духов мертвых, вылезших из могилы, но от страха ему ничего не приходило в голову.

— Кевин! — умоляюще взвыл он, выставив вперед ладони, словно мог ими защититься от призрака. — Я не делал тебе ничего плохого! Разве ты не помнишь: мы всегда играли с тобой вместе и никогда не дрались! В твою могилу я положил свой кремень и топорик. Хочешь, я зарю еще тебе свой лук?.. Он стреляет на сто шагов! Не подходи ко мне, заклинаю тебя, Кевин!..

Кевин остановился, подойдя к жуку почти вплотную. Он почти не изменился со времени своей гибели. На месте рваной раны под горлом светлел небольшой шрам.

— Я не призрак, Конан, — сказал он спокойно. Казалось, встреча с бывшим приятелем совсем не удивила и не взволновала его. — Я не дух. Можешь дотронуться до меня, если хочешь.

— Я не хочу до тебя дотрагиваться! Уйди, ну пожалуйста!.. — Конан знал, что духи умерших идут на любые уловки, чтобы захватить живого человека и вдоволь напиться его горячей крови, и самое главное — не верить им и не поддаваться на их уговоры.

Кевин, словно не слыша отчаянной мольбы в голосе бывшего приятеля, протянул руку и коснулся его плеча. Конан отшатнулся, едва не слетев кубарем со спины

жука, по-прежнему стоявшего смиренно, словно послушный конь. Но короткого мига было достаточно, чтобы почувствовать: пальцы Кевина — теплые и живые, это не ледяное прикосновение духа!

— Ты... не мертвый?.. Ты жив?!.. — Конан не знал, верить ли своим глазам, ушам и осязанию.

— Я не призрак и не дух, Конан. Но я и не жив, — тихо ответил Кевин.

— Я понял! — осенило мальчика. — Должно быть, я упал со скалы и разбился! И теперь мы оба с тобой на Серых Равнинах. Но неужели здесь надо все время долбить землю, словно рабам?!

Кевин не успел ответить. Привлеченные их разговором, другие мужчины тоже оставили работу и подошли ближе. Все они были воинами, убитыми в весенней стычке с ванами. Вот широкоплечий и рослый Враг, напоминающий кусок скалы с едва вырубленными в нем человеческими очертаниями. Помнится, на его мертвом теле не было ни одного места, не исколотого вражескими мечами. Его рубили уже упавшего, уже бездыханного — так велика была ненависть врагов к самому могучему и неистовому киммерийскому воину. Он дорого отдал свою жизнь — не меньше двадцати бешеных рыжих собак отправил он на Серые Равнины, прежде чем самому уйти туда же... Вот сероглазый Йолл, в жилах которого текла наполовину аквилонская кровь, придававшая мягкость и волнистость волосам и нежную вкрадчивость голосу. Оттого, должно быть, вокруг него всегда вились смешливым и ласковым роем девушки. Та битва была для него первой и последней — как и для Кевина... Вот Сангур, дальше всех посылавший стрелу, перегонявший в беге оленя. Конан хорошо помнил, как его молодая жена бросалась в разверстую могилу, куда только что опустили его изрубленное тело, как мужчины силой оттаскивали ее назад, а она умоляла оставить ее с мужем. Был когда-то на киммерийской земле такой обычай: вместе с убитым воином хоронили и жену его, и коня. Часть мужчин предлагала тогда уступить просьбам вдовы, почтить доблестного Сангура, а заодно и обычаи древности. Но старый

Меттинг накричал на женщину и прогнал с кладбища, пристыдив, напомнив о ребенке под ее сердцем, который уже стучался нетерпеливо, словно стремясь поскорее отомстить за отца...

«Это Конан, сын кузнеца Ниаала... Конан... Здравствуй, Конан...» — раздавались негромкие голоса вновь подходивших.

— Они не призраки и не духи, как и я, — сказал Кевин. — Не бойся их, Конан. Можешь потрогать их тоже.

Мужчины, не дожидаясь, пока он протянет к ним руку, сами касались его ладонями, шершавыми и загрубевшими от тяжелого подземного труда. Все они были почти те же, что и до своей смерти. Почти... Что-то неуловимое настораживало — не в чертах их, не в фигурах, но в интонациях голосов. Монотонно, бесстрастно и тускло говорили они — ни радости, ни удивления, ни хотя бы гнева или досады... Наверное, так разговаривали бы песчаные холмы в пустыне или потрескавшиеся камни на вершине горы, если бы обрели голос. Неужели это Кевин, ребячливый и пылкий Кевин, который, бывало, не видя Конана день или два, при встрече приветствовал его радостным воплем и ощутимым шлепком по спине?..

— Мы не духи, Конан... Не бойся нас... — уныло шептатели Йолл, Сангур, быкоподобный Браг...

Внезапно все они стихли, словно услышав беззвучный приказ. Головы их повернулись в сторону появившегося человека. Да, то был поистине человек — живой, настоящий, ибо Конан не помнил, чтобы это шуплое сутулое тело когда-нибудь на его памяти зарывали в землю. Старик Буно, возникший за спинами полutoлых мужчин, остро и пристально вглядывался в мальчика. Прозрачные камни на его груди и пальцах, которые он вечно носил на себе, словно аквилонская женщина, переливались в свете факелов.

— Ага! И ты здесь! — воскликнул Конан с немалым облегчением, ибо увидеть среди странных ходячих мертвецов живого и знакомого человека всегда приятно. — Может быть, хоть ты объяснишь мне, что здесь творится?

Я еще на земле или уже перенесся на Серые Равнины? Если меня убили, отчего я этого не заметил?

Буно и не подумал отвечать ему. Приглядевшись и узнав мальчика, он негромко приказал застывшим мужчинам:

— Схватите мальчишку! Живо!

Конан не успел даже отпрыгнуть, как Кевин, находившийся ближе всех к нему, крепко схватил его за предплечье.

— Э-эй, Кевин! Ты что?!.. — крикнул он, безмерно пораженный.

Следом за Кевином и другие мужчины попытались взять его в кольцо и не выпускать. К счастью, проходы в земляной толще были узкими, и сбоку подойти к мальчику никто не мог.

— Ты свихнулся, Кевин?! Отчего ты слушаешься эту облезлую вошь?!

Ладонь его бывшего друга сжимала его все крепче и тянула к себе. Поняв бесполезность увещаний, Конан изо всей силы ударил товарища по играм ногой в колено, а когда тот вскрикнул и согнулся — совсем как живой! — ослабив свою хватку, кинулся назад. При этом он скатился с выпуклой спины жука, о котором успел совсем позабыть. Кевин тут же выпрямился и рванулся, хромая, следом, но ему пришлось преодолевать большое препятствие в виде перегородившего проход насекомого, флегматично подрагивающего усиками.

Опасаясь подставить противникам спину, Конан быстро пятился, то и дело спотыкаясь о выбоины и обломки породы. К счастью, идти было недалеко, и вскоре над его головой заголубела извилистая щель.

— Хватайте же его! Идиоты! Тупоголовые бараны! Скорее! — Буно уже вопил во весь голос, как видно, не на шутку испугавшись, что мальчик ускользнет от своих преследователей и вернется откуда пришел.

Конану оставалось самое трудное: вскарабкаться наверх. Упираясь ладонями, коленями и пятками в шершавые выступы камня, он пополз навстречу слабому полуденному свету. Кевин настиг его, когда пальцы уже вце-

пились в край расщелины. Почти вырвавшись на волю, Конан в ужасом и тоской почувствовал, как руки бывшего друга ухватились ему за лодыжки и тянут вниз.

— Чтoб ты лопнул, Кевин! — горячо пожелал ему мальчик. — Чтoб тебя разорвало пополам! Чтoб ты провалился в утробу Нергала!

Конан вспоминал самые отборные проклятия, какие когда-либо слышал, но Кевин держал крепко. Но при этом — вот уж этого совсем невозможно было понять! — он повторял, монотонно и сухо, словно в полусне:

— Беги отсюда, Конан. Беги скорее. Никогда больше на появляйся здесь. Беги. Беги, Конан...

— Ты издеваешься надо мной?! — выкрикнул в отчаянии мальчик. — Как я могу убежать, если ты вцепился в меня, как голодный оборотень?! Предатель!

На миг руки Кевина разжались. То ли подействовали проклятья, то ли он просто устал — Конан не стал долго раздумывать над этим. Он мгновенно подтянулся и выскочил наружу, здорово исцарапав себе при том плечи и разорвав кожаный плащ. Кубарем мальчик скатился по склону скалы вниз и позволил себе остановиться и отдышаться, только отбежав шагов на триста от проклятого места.

* * *

Чем плотнее становились сумерки, тем ярче и выше плясал большой огонь, щедро рассыпая вокруг веселые искры, тем раскованней и горячее неся навстречу ночи праздник Крадущейся Рыси.

Больше всех охотничья удача обласкала в этом году косоного Илда. Он притаился, кряхтя от натуги, на своей не слишком широкой спине голову кабана, пару оленьих рогов и целую связку кроликов. Мужчины смеялись, что косые глаза Илда только помогают ему при стрельбе из лука: сведенные к переносице, они увеличивают точность прицела. И вот теперь Илд больше всех кричал и размахивал руками у стреляющего искрами огненного снопа, и ни одна девушка, даже самая гордая, не могла отка-

заться, когда он приглашал ее на разудалый танец и норовил прижаться покрепче, выделявая при этом ногами немислимые кренделя. Впрочем, все остальные новоиспеченные охотники, а также их отцы и братья веселились не меньше победителя, плясали и тянули перебродивший клюквенный сок, кроме, разве что, Вербина, слабого и изнеженного, как аквилонская девчонка. За целый день ему удалось подстрелить только пару сурков, и старые охотники рассудили, что этого недостаточно для того, чтобы называться отныне взрослым мужчиной. Вербин теперь должен был держать испытание на следующий год, а пока — быть предметом безжалостных насмешек более сильных и ловких его сверстников.

Впрочем, помимо несчастного Вербина, еще одному юному канаху не пелось и не плясало в этот вечер. То был Конан. Утреннее приключение отбило у него всякую охоту гоняться по скалам за козлами и барсами, завоевывая право называться мужчиной. На обратном пути с кладбища глаза ему то и дело мозолили толстые тельца сурков, посвистывающих у своих норок, а один раз он заметил затаившегося в кустах оленя, но рука его даже не потянулась к висящему за плечом луку. Настроение было совсем не то. Встреча с погибшим полгода назад товарищем и другими воинами, чьим телам полагалось бы давно уже истлеть под обломками гранита, злобный взгляд Буно и его иступленные приказы «изловить мальчишку» не давали Конану покоя, не отпускали его память, снова и снова гоняя по кругу утрюмые и недоуменные мысли.

Больше всего его поразило и потрясло то, что Кевин, верный и бесстрашный Кевин по приказу тщедушного старичишки кинулся ловить своего старого друга. Тот самый Кевин, который полгода назад дрался насмерть с огромной голодной рысью, когда во время охоты та спрыгнула с ветки ели и вцепилась в шею зазевавшемуся Конану. Тогда они вдвоем еле-еле остались в живых и доползли до дома израненные и окровавленные, на ужас своим матерям... Тот самый Кевин, который в любой мальчишеской драке всегда становился на сторону двоюрод-

ного брата, даже если противники превосходили их числом в два или в три раза... Конану казалось, что его предплечье все еще болит в том месте, куда вцепились крепкие пальцы бывшего друга. Лодыжки, куда он впился еще сильнее, с иступлением преданного раба, тоже болят. Ухватился и тянул вниз, но губы при этом шептали, умоляли: «Беги, Конан»... Как такое понять?

Конану вспомнилась весенняя стычка с ванирами. Он не мог принять в ней участие, так как был слишком юн, и никто из взрослых не позволил бы ему взять в руки меч. Вместе с другими мальчишками он наблюдал за ней с крыши кузницы, стоящей на холме, откуда открывался вид на широкую луговину. Под ними тогда едва не проломились подгнившие доски. Отличавшийся отменным зрением, Конан не сводил глаз с фигуры друга. Кожаные доспехи были великоваты Кевину, и меч казался чересчур длинным и тяжелым в юношеской руке, но лихая отвага, веселая ослепительная ярость так и сквозили в каждом его движении. Гордость за друга и жгучая зависть к нему переполняли мальчика. Он так вглядывался и переживал, что позабыл себя, и ему начало казаться, что это он, а не Кевин, рубит устрашающе вопящих рыжих врагов, отгоняет пинками их черных псов, норовящих вцепиться в ноги, победно кричит, запрокидывая голову, приоткрыв беззащитное горло. И это в его, Конана, шею впиалась стрела, так что он захрипел и повалился навзничь, захлебываясь черной кровью... Боль в глотке была настоящей, горячей и острой. Конан едва не скатился с обледенелой крыши, в последний момент зацепившись за ее кромку, обдирая пальцы и ломающиеся сосульки...

Чем шумней и неистовей становился праздник, тем более одиноким чувствовал себя сын кузнеца Ниаала. Ему необходимо было поделиться всем увиденным и пережитым сегодня, и как можно быстрее. Вот только с кем? Приятелям его сейчас не до того: хмельной клюквенный сок, веселые языки огня, разгоревшиеся лица девушек... Да и что могут посоветовать неопытные мальчишки? Они и не поверят ему. Только проживший долгую жизнь и мудрый человек — такой, как старый Меттинг — может

разобраться в таинственных и жутковатых событиях сегодняшнего утра...

Конан решил рассказать обо всем Меттингу. Трудность заключалась в том, что старик, как и прочие жители селения, всюду веселился сейчас у огня, накачиваясь вином и пивом и наблюдая за плясками молодежи. Мальчик долго не мог улучшить момент, чтобы поделиться тем, что жгло и шекотало ему язык. Наконец он решился — и неудачно! Меттинг слушал его вполуха, другой половиной ловя разудалые песни, что завели подвыпившие женщины.

Распустив по плечам черные и жесткие, как конские гривы, волосы, вдохновенно и грозно сверкая глазами, киммерийки пели так, что звезды дрожали в небе. Лишь только смолкли их высокие голоса, песню подхватили мужчины, хрипло и рокочуще, словно разбуженные зимой медведи... Конан совсем не был уверен, что старик хоть что-то расслышал из его взволнованного и бессвязного рассказа. Но лишь только он закончил, Меттинг повернулся к нему и укоризненно вздохнул.

— Выбрось все это из головы, мой мальчик! — сказал он. — Ты расстроился, что тебе не позволили принять участие в испытаниях Крадущейся Рыси? Ты решил вместо оленьих и кабаний голов притащить с охоты рассказ, который удивил бы всех?.. Но в него невозможно поверить! Мертвые и зарытые глубоко в землю воины не могут добывать железо. Их руки не могут быть теплыми и крепкими, как у живых. Старик Буно чем-то досадил тебе, и ты решил ославить его как колдуна и властелина мертвых? А ты знаешь, что если бы не Буно, тебя самого не было бы на свете?

— Это почему же? — буркнул мальчик.

— Лет десять назад в наших краях бушевала страшная болезнь, может быть, ты слышал, — ответил Меттинг, слегка покачивая головой в такт несмолкающим песням. — Мужчины, женщины, дети покрывались язвами, напухали и умирали в таком количестве, как бабочки-однодневки на исходе летнего дня. Старина Буно сбился с ног, перебегая от хижин к хижине. Из каждой раздавались стоны, в каждой кто-нибудь был близок к

смерти. Если бы не его чудодейственные мази и лекарства, все наше селение вымерло бы, на радость подлым ванирам. Он спас всех нас, Конан, и тебя в том числе, потому что прежде всего старался лечить молодых мужчин и маленьких мальчиков.

— Ну и что же! — запальчиво ответил Конан. — Если он когда-то кого-то и вылечил, то это не значит, что теперь ему нужно спускать все его колдовские мерзости!

— Очень прошу тебя, Конан, — сказал Меттинг — уже не так мягко, но гораздо строже и суше, — забудь о том, что мне сейчас наговорил, и никому больше не пересказывай свои глупые и злые выдумки. Если это дойдет до Буно, он сильно на тебя обидится и будет прав. Еще больше обидится твой брат Кевин, которого ты выставил трусливым предателем. Ты думаешь, он сейчас не слышит нас с тобой?.. Не каждый знает об этом, но тебе я скажу: души погибших доблестной смертью слышат, когда живые вспоминают о них. Они могут слетаться на голоса друзей и родных и, невидимые, пребывать рядом. Кевин слышит тебя, и ему сейчас очень горько. Ты глубоко оскорбил павшего славной смертью друга.

Конан готов был взречься от досады и разочарования. Мудрый и опытный Меттинг не поверил ему! Что же тогда говорить о других, не таких мудрых, седобородых и опытных?.. Он поднялся, махнул безнадежно рукой и побрел прочь, подальше от суматошного праздника, в который ему сегодня не суждено было влиться.

Проходя мимо группы тех, кто не пел и не плясал, но лишь наблюдал за пляшущими — то ли в силу возраста, то ли чрезмерно накачав себя молодым вином, — Конан едва не задел плечом согбенную фигуру, с головы до ног обвешанную самоцветными и костяными украшениями. То был Буно, пьяно покачивающийся в ритме танца, прикрыв веки и пощелкивая сухими и жесткими, как желтоватые орехи, пальцами. На его шее с обвисло, словно у ящерицы, кожей, висело что-то вроде ожерелья из плотно пригнанных друг к другу перьев ворона. Это украшение, насколько помнил мальчик, старик не снимал

никогда. На груди болталось множество амулетов из отшлифованных камней, медвежьих клыков и рогов оленя. В праздники Буно всегда разукрашивал себя больше, чем любая, даже самая глупая и вздорная женщина, но Конан знал, что ни один из клыков или рогов не добыл он во время охоты своими руками. Все кости, шкуры и рога были подарками, которые несли ему мужчины и женщины селения за то, что он врачевал раны, принимал роды, заговаривал кровотечения, смирал резь в животе и отваживал злобных духов. На охоту же Буно не ходил никогда, как и ни разу на памяти Конана не принял участие в битве: ни с рыжими ванирами, ни с бритунцами, ни с аквилонцами в роскошных доспехах...

Миновав позвякивающего и пестрого, словно детская погремушка, старика, Конан оглянулся. Его словно что-то кольнуло: Буно смотрел в его сторону своими маленькими и очень светлыми, почти белыми глазами. В них не было ни капли хмеля, но только настороженная злоба. Несомненно, старик заметил, как Конан разговаривает с Меттингом, и теперь словно пытался прочесть в понурой фигуре мальчика о результатах этого разговора. Конан ответил ему дерзкой усмешкой, подумав про себя, что если бы Буно мог, он проткнул бы его насквозь глазами, как протыкают гарпуном спины больших рыб в ручье, он испепелил бы его белым огнем зрачков, как сжигают на костре туши падших от заразных болезней овец и коз.

Как ни странно, откровенная ненависть в глазах колдуна не испугала, а лишь подстегнула и возбудила мальчика. Уныние, которое наваял на него разговор с Меттингом, тотчас прошло и сменилось веселой яростью. Если до сих пор Конан слегка колебался: а что если он ударился головой на охоте, сорвавшись ненароком со скалы, и все эти страшные картины ему пригрезились, — то один этот взгляд рассеивал все сомнения. Сын кузнеца Ниала не выдумщик и не лжец, и уж, тем более, не ударившийся головой недоумок! Буно ненавидит его со страшной силой, выплеснувшейся во взгляде украдкой,

как яд из зуба змеи, оттого что Конан прикоснулся к какой-то мерзкой его тайне.

Ненавидит? Вот и прекрасно! Он, Конан, тоже ненавидит его. Хотя бы из-за Кевина, веселого и безрассудного Кевина, которого колдун вытащил из его мерзлой, но славной могилы и превратил неизвестно во что. Посмотрим, чья ненависть окажется сильнее, и кто кому наступит на горло в этой борьбе...

Мать Конана вместе со всеми женщинами веселилась у большого огня, поэтому в этот вечер мальчик был избавлен от домашних упреков и расспросов. Никем не замеченный, Конан вернулся домой, но не лег спать, а забрался на крышу хижины. Это было из его любимых укромных мест, куда он поднимался, когда по какой-либо причине хотел побыть в одиночестве. На бревна крыши по обычаю киммерийских селений был насыпан толстый слой земли, что помогало лучшему сохранению тепла во время долгих суровых зим. Летом на ней вырастала густая трава, и Конан по просьбе матери часто затаскивал одну или двух коз, чтобы те могли вволю пасть, не отходя от дома. Сейчас трава уже пожухла и была мокрой от выпавшей ледяной росы. Несмотря на сырость, мальчик растянулся на спине, подложив ладони под голову. Немалое преимущество крыши состояло в том, что заметить снизу лежащего на ней было невозможно. Это качество неопенимо, когда требуется побыть одному, а уходить далеко от дома лень или просто не хочется...

Подставив лицо игольчатому свету осенних звезд, Конан принялся размышлять. Прежде всего, кто он есть такой, этот самый старик Буно? Знаменитый воин? Нет! Удачливый охотник? Как бы не так! Тогда отчего он пользуется среди жителей селения таким уважением? Неужели только из-за того, что умеет выхаживать младенцев, лечить коз и прищепывать кровоточащие раны?.. Не маловато ли этого для того, чтобы голос его в общих сходках мужчин имел такой же вес, что и у старого Меттинга и у других, израненных во многих битвах, достойных стариков? Кто он такой, Кром его разорви, на самом деле?!

Конану вспомнился взгляд, которым колдун одарил его недавно: острый и белый, как раскаленная на огне игла. Ему пришло на ум, что и прежде он не раз замечал особенную силу этого взгляда. Скажем, однажды Конан с другими мальчишками играли в битву с рыжими ва-нирами вблизи от хижины Буно и так орали, что тряслась листва на деревьях и с веток взмывали испуганные птицы. Старик вышел из дверей и молча посмотрел на мальчиков, одного за другим. Он не кричал, не ругался, не произнес ни слова, он просто переводил свои маленькие выцветшие глаза с одного мальчишечьего лица на другое, и все они почему-то притихли. И он, Конан, тоже утих, хотя до этого вопил и носился больше всех...

Может быть, глаза старика так же действуют и на взрослых? Может быть, собираясь, чтобы принять важное решение, мужчины спорят и ругаются до тех пор, пока Буно не обводит взглядом из-под выцветших бровей всех по очереди, и они послушно стихают, перестают горячиться и соглашаются с тем, что предлагает злобещий старик?.. Интересная мысль! Вот только как бы это проверить?

Спина закоченела окончательно, и мальчик поднялся на ноги. Дойдя до края крыши, он спрыгнул в темноту и несколько раз пробежался вокруг дома, чтобы согреться. Как бы то ни было, он объявляет белоглазому старикашке войну! Прежде всего нужно вернуться в то кладбищенское подземелье, снова пролезть в расщелину между камней — как ни противно это занятие — и встретиться с Кевином. Ведь он не успел тогда рассказать, что именно сделал с ним Буно, вытащив из свежей могилы, и, главное, — зачем. Но сын кузнеца Ниала не глуп, и теперь он отправится туда только в то время, когда будет наверняка знать, что Буно остался в селении. Только как это сделать, чтобы наверняка, совсем наверняка?.. Видимо, придется следить за стариком. Не сводить с него пристального взгляда, насколько это, конечно, возможно, не внушая никому подозрений.

Приняв такое решение, Конан отправился спать. Звуки песен, хлопки в ладоши и топот еще доносились со сто-

роны большого огня, но становились все слабее, все разобщеннее. Праздник Крадущейся Рыси стихал. Только молодежь, разгоряченная, хмельная и буйная, сбившись в свою кучку, собиралась куролесить до рассвета.

Конан уже не слышал ничего и не завидовал никому, провалившись в глубокий сон без сновидений...

* * *

Уже на третий день осторожной и пристальной слежки за стариком судьба подбросила мальчику благоприятный случай. Толстой Метью вздумалось рожать. Конан не очень понимал, зачем она это делает; и без того в ее с мужем хижине негде протолкнуться от мальчишек и девчонок разного возраста, но — Метью так решила, и Конану это было на руку. Он знал по опыту, что вывести нового человека на свет — занятие долгое и муторное. Порой это занимает полдня, а иногда и целый день. Значит, старик Буно будет топтаться в хижине Метью и обкуривать ее жженым рогом белоснежного оленя, и греметь браслетами из желтых и зеленых камней, и уговаривать злых духов не мешать красному и сморщенному младенцу занять свое место среди живых. И он не покинет Метью до тех пор, пока не раздастся писк новоявленного киммерийца или киммерийки.

Повесив на пояс свой самодельный нож, Конан осторожно выскользнул из дома. Он старался не попадаться на глаза матери, чтобы не пришлось ей врать, и ему это удалось. Дорога была хорошо знакома, веселая злоба, словно попутный ветер, подгоняла его шаги. Совсем скоро мальчик миновал кладбищенские камни и остановился у подножья скалы, видом своим напоминающей скорченного старика. Старика Буно, кого же еще!

Проверив, с ним ли его оружие, Конан протиснулся в расщелину и, покачавшись немного на руках, спрыгнул. Вот так так! Он опять грохнулся на знакомую круглую спину! Лежбище тут у него, что ли? Впрочем, это к лучшему: надкрылья жука все-таки мягче, чем голые камни... Как и в первый раз, почувствовав толчок и

тяжесть, жук медленно пополз по проходу в земляной толще. Конан устроился на нем поудобнее, скрестив ноги. Теперь его медлительный тяжеловоз уже не казался мальчику страшным, но в чем-то даже симпатичным. Возможно, симпатия эта происходила из-за того, что жук был с ним — вернее, под ним — в самые напряженные моменты его прошлого визита под землю. Больше того, именно благодаря его мощной глыбе-спине Кевин тогда замешкался, и Конан успел ускользнуть от предательских крепких рук. Подумав, мальчик решил пощадить и не убивать выручившего его подземного зверя, конечно, если зверь не нападет первым.

Жук повернул за угол, и из мрака выплыли оранжевые лохматые пятна факелов. Вот и голые по пояс, мерно взмахивающие железом тела погибших воинов...

— Кевин! — позвал мальчик, вглядываясь в дымный сумрак. — Это я, Конан! Я пришел опять! Я хочу поговорить с тобой.

Кевин отделился от работающих и подошел к нему.

— Зачем ты пришел, Конан? — спросил он без всякого выражения. — Я же велел тебе не появляться здесь больше. Ты погибнешь. Буно уничтожит тебя. Он убьет тебя, как только увидит.

— Буно не увидит! — отмахнулся мальчик. — Буно трясется и завывает сейчас в хижине толстой Метью, которой вздумалось рожать в пятнадцатый раз! Я ведь не безмозглый дурак, чтобы встречаться здесь с колдуном.

Конан постучал кулаком по спине жука, показывая, что голова его не настолько гулкая и толстолобая. Заодно он вспомнил, на ком сидит, и не спеша сполз с металлически блестящего бугра, хлопнув по нему ладонью, словно по крупу лошади. Жук медленно пополз дальше, уже без всадника. Шесть его ног, каждая величиной с ногу теленка, поблескивали в свете факелов медно-золотистой шерстью. Полированный рог высился между глаз гордо и грозно.

Кевин посторонился, пропуская его, без малейшего страха или удивления, как если бы это была собака или коза.

— И много у вас здесь таких? — кивнув на жука, с любопытством спросил Конан.

— Я видел только одного. О других не знаю, — ответил Кевин и вновь заладил с монотонной настойчивостью: — Уходи, Конан. Буно может появиться в любой момент. Он приходит внезапно. Уходи. Буно погубит тебя.

— Я уйду! — весело пообещал мальчик. — Я уйду, как только выясню, что здесь у вас происходит. Как только пойму, почему ты и все остальные, — он кивнул на потные фигуры, долбящие камень, — не лежите в могилах, куда вас положили полгода назад, а роетесь зачем-то в земле. Еще я очень хочу выяснить, отчего ты схватил меня тогда, Кевин, отчего послушался жалкого старикашку? Разве ты не был моим другом, когда был жив? Разве ты не вытащил меня позапрошлой зимой из когтей рыси, а она разорвала тебе грудь и живот и ты едва не умер?.. Разве мы не выручали друг друга сотни раз?..

Любой другой юноша от таких упреков вспыхнул бы от стыда или хотя бы побледнел, но Кевин не изменился в лице. Видимо, стыд он потерял вместе с жизнью.

— Мы не лежим в могилах, потому что Буно вытащил нас оттуда, — ответил он. — Мы не просили его об этом. Он вытащил нас почти сразу. Потом оживил. Теперь мы работаем на него. Ищем в земле, а затем шлифуем драгоценные камни.

— Но зачем?! — поразился мальчик. — Буно оживил вас, и прекрасно! Скажите ему «спасибо», плюньте в его белые глазки и возвращайтесь домой! Как обрадуются все наши! Гэлла с ума сойдет от радости, Кевин!

— Мы не можем, — тускло отозвался Кевин. — Он оживил нас. Но не до конца. Он что-то сделал с нами. Теперь мы все время должны на него работать. Как рабы. Мы не можем уйти.

В полусумраке подземелья невозможно было рассмотреть выражение его глаз, но Конану показалось, что зрачки бывшего друга покрыты не то пленкой, не то земляной пылью.

— И что же такое он с вами сделал? — спросил

мальчик со всей доступной ему иронией. — Связал ноги?.. Подрезал сухожилия под коленями?.. Ударил железом по голове? Отчего вы не можете плюнуть ему под веки и уйти?!

— Я не знаю, не знаю, не знаю, — Кевин тоскливо оглянулся на других мужчин, которые продолжали работать, словно приход Конана был вполне обыденным делом и не стоил внимания. — Если хочешь, поговори с моим отцом. Он расскажет лучше, чем я.

— С твоим отцом? — переспросил Конан. — А разве он здесь? Что-то я его не видел в прошлый раз!

— В прошлый раз он был глубоко под землей. Искал новые залежи изумрудов. Сейчас он здесь. Поговори с ним. Если ты его не испугаешься.

— Я испугаюсь дядю Шедда? — опешил мальчик. — Ты совсем свихнулся здесь, под землей. Зови его скорее! Я буду страшно рад увидаться с дядей Шеддом. Надеюсь, он-то остался нормальным человеком, а не превратился в вяленую рыбу, как ты и все остальные!

Кевин отошел от него и направился в глубь подземного хода, негромко окликая отца. Конан нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Сейчас он увидится со славным Шеддом, старшим братом матери, шутником и балагуром, с чьими ласковыми руками, солеными прибаутками и смеющимися глазами было связано все его детство. С тех пор, как пять лет назад в битве с ванирами погиб кузнец Ниал, Шедд во многом заменил отца мальчику. Он играл с ним, наставлял и учил не меньше, чем собственного сына, который был старше Конана на четыре года, и их хижина, кособокая и неказистая, оттого, что лентяю и весельчаку Шедду всегда было некогда приложить к ней руки, стала для него вторым домом. Когда этой весной Конан долбил мерзлую землю, кривясь от чего-то, перехватывающего ему гортань, не меньше, чем потеря друга и брата, давила его мысль, что дядя Шедд никогда больше не усмехнется ему, не шлепнет ласково по затылку, не рассмешит бесхитростной шуткой...

Кевин уже возвращался, уныло, по-стариковски, представляя ступни. Конан попытался разглядеть за его спи-

ной фигуру дяди, но ничего не видел. Неужели он не отыскал его в темноте?.. Жаль! Не доходя до мальчика трех шагов, Кевин сделал шаг вправо и посторонился. Из-за его спины на колеблющийся свет прикрепленного к стене факела выползло что-то очень странное, очень страшное...

В первый момент Конану показалось, что за Квином ползет огромная змея, и он открыл было рот, чтобы криком предупредить об опасности. Но тут же закрыл с громким и звонким стуком. У змеи была человеческая голова! И не просто человеческая — блики факела плясали на напряженно скривившемся, смотрящем на мальчика с мукой и болью лице дяди Шедда...

— О Кром!.. — прошептал Конан, нащупывая за спиной пустоту, чтобы в случае чего развернуться и стремительно унести прочь. — Кто... кто это?..

— Это мой отец, — бесстрастно ответил Кевин. — Это Шедд. На него трудно смотреть. Не бойся. Он не причинит тебе зла.

Справившись с острым потрясением, Конан разглядел, что существо с головой Шедда только в первый момент могло напомнить змею. Гораздо больше его гибкое туловище, толщиной с торс семилетнего мальчика, напоминало тело дождевого червя. Оно было покрыто толстой и блестящей малиновой кожей, перевито мощными кольцами мускулов, по которым перекачивались волны растяжений и сокращений, толчками передвигавшие его вперед. Ни рук, ни ног не было. Гигантский червь с головой человека — с головой родного и близкого человека — смотрел на мальчика, страдальчески усмехаясь и помаргивая от копоты факелов. Шею его, точнее, то место, где голова человека переходила в туловище червя, охватывало красивое ожерелье из продолговатых прозрачных камней.

— Это ты... Шедд?.. — тихо спросил Конан. Горло его враз пересохло, и язык шелестел, как сухой листок. — Это... он сделал с тобой? Это... работа Буно?..

— Да, — с усилием выговорил тот, кого звали когда-то балагуром-Шеддом, лентяем-Шеддом, Шеддом-шутником... — Будь проклята душа и тело этого колдуна.

Он вынул меня из могилы, залечил раны, вдохнул жизнь каким-то одному ему известным способом, а затем... затем превратил в то, что ты видишь перед собой.

Как ни странно, голос Шедда почти не изменился. Да и глаза его были совсем живыми, совсем человеческими. Разве что смотрели они с такой болью и горечью, какие трудно вместить человеческой грудной клетке...

— Я убью его, — прошептал мальчик. — Я клянусь тебе, что убью его!

— Не клянись, Конан, не надо, — Шедд покачал головой, отчего ожерелье под его подбородком заиграло синими и алыми искрами. — Кром презирает клятвopеcтyпников. Сдержатъ же клятвy ты не сможешь: даже взрослому мужчине не справиться с Буно, владеющим тайным и темным знанием. Тем более тебе, мальчишке.

— И все-таки я клянусь! — повторил Конан. — Я могу крикнуть это очень громко, чтобы Кром расслышал. Я убью колдуна Буно!

— Тихе, тихе! — Шедд опасливо огляделся по сторонам. — Зря я, старый дурак, выполз тебе на глаза, но Кевин сказал мне, что ты не успокоишься до тех пор, пока не узнаешь правду. Теперь ты узнаешь ее. Слушай. Боюсь, что твое любопытство на твою же беду.

— Не бойся! — кивнул ему Конан. — Я тебя слушаю.

— Наши души уже унеслись на Серые Равнины, а израненные тела лежали в могилах, — начал свой рассказ Шедд, — когда Буно откопал нас и оживил, залечив смертельные раны. Ему нужны были рабы, много рабов, чтобы добывать драгоценные камни, а затем шлифовать их. Но ему нужны были покорные и безгласные рабы. Поэтому он сделал что-то такое с душой каждого из оживших... Не знаю, как объяснить тебе, поскольку сам мало что понимаю в этом. Короче, он захватил в плен искры жизни, которые делают человека человеком. Ты, наверное, заметил, что Кевин и его друзья никогда не улыбаются, не кричат, не спорят?..

Конан молча кивнул.

— Они никогда теперь не посмеют послушаться Буно, не посмеют взбунтоваться. Каждое его слово, каждый

взмах пальца для них — безусловный приказ. Изнурительная работа под землей без сна и отдыха, да скудная еда — вот вся их здешняя жизнь, Конан.

— Ты говоришь — «их»! — перебил его мальчик. — Значит, к тебе самому это не относится?

Шедд помолчал. Короткие судороги — либо крупная дрожь — пробегала по его ужасному длинному телу.

— Да, — наконец произнес он. — Моей искры жизни Буно не тронул. Я нужен ему, чтобы находить новые залежи опалов, сапфиров и топазов, новые глыбы лабрадора. Для поисков глубоко под землей необходима отвага. Необходим острый ум и чутье на опасность. Те, кто лишены искры жизни, не имеют и этих человеческих качеств. Душу мою колдун не тронул, но зато... сам видишь, во что он превратил мое тело. Он сотворил со мной это мерзкое дело, чтобы я мог проникать в самые узкие расщелины, чтобы я передвигался в толще земли так же легко, как люди ходят по ее поверхности. С таким помощником, как я, Буно в скором времени разыщет все необходимые ему камни.

— С таким помощником, как ты... — медленно повторил мальчик. И тут же взорвался: — Значит, ты согласился помогать этому злобному колдуну?! Ты послушно выискиваешь ему в земле опалы и изумруды?.. И это после того, что он сделал с ними... с тобой... Да ты...

От возмущения Конан поперхнулся словами. Он перебирал в уме самые обидные и унижающие ругательства, и все они казались ему слишком слабыми.

— Подожди, Конан. Подожди, мальчик мой, — Шедд опять усмехнулся, криво и мучительно. Горячая тоска плескалась в его глазах, и Конан притих. — Неужели ты думаешь, что я согласился помогать ему по своей воле? Неужели ты мог решить, что старый Шедд трусил?.. Плохо же ты помнишь меня, мой мальчик... Наверное, ты и Маев никогда не вспоминали меня с тех пор, как ваниры изрубили мое тело... Как только я очнулся и увидел, во что он превратил меня, как только подлый колдун сказал, чего он от меня ожидает, я... я плюнул ему в лицо и расхохотался. Я расхохотался, Конан, хотя

шея моя невыносимо болела, хотя я должен был зажмуриваться изо всех сил, чтобы не взглянуть ненароком на новое свое тело, потому что смотреть на него я не мог. Я и сейчас еще не могу на себя смотреть, я боюсь подползть к бочкам с водой и подземным озерам, хотя прошло уже целых полгода... Я сказал Буно, что убью себя. А если он опять оживит меня своими черными заклинаниями, я убью себя снова. Опять и опять я буду ускользать от него в мир Серых Равнин, и он устанет в конце концов тратить силы и чары на мое оживление!

— Ты правильно сказал! — горячо поддержал его мальчик. — Только прежде, чем убивать себя, тебе нужно было бы придушить эту гадину!

— Но Буно только усмехнулся, — продолжал Шедд с глубокой горечью. — «Прекрасно, — сказал он. — Не хочешь — не надо. Я отниму твою искру жизни, и ты станешь таким же послушным рабом, как и все остальные. Лишенные искры жизни никогда не покончат с собой, никогда не посмеют ослушаться своего хозяина, даже в самом малом. Но мне нужно, чтобы один из вас не боялся проникать в глубь земли и открывать все новые и новые драгоценные россыпи. Мне нужно, чтобы один из вас, только один, обладал полноценной человеческой душой. Раз этого не хочешь ты, Шедд, таким будет твой сын Кевин. Это даже лучше: ведь он молод и крепок, и более вынослив, чем ты. Завтра же он превратится в такое же точно чудовище, каков ты сейчас».

— Проклятый старик! — выдохнул мальчик. — Нет, я не просто убью его, я... я...

— Подожди, не горячись, Конан. Вспомни, что Кром презирает клятвопреступников... Я согласился помогать Буно, потому что видеть своего сына таким... — Шедд запнулся, словно что-то перехватило его дыхание. Камни на его шее разгорелись жарче. — Есть вещи, непосильные для человеческого рассудка. Если бы то был не мой сын, а ты, Конан, я не вынес бы этого точно так же... К тому же старик клятвенно обещал мне, что мы будем работать на него только три года. За это время он сумеет отыскать все необходимые ему камни и обретет то ли бессмертие,

то ли власть над всем миром, точно не знаю... Полгода уже прошло. Через два с половиной года Буно отпустит меня на Серые Равнины, куда так рвется моя растоптанная душа. Может быть, и раньше. Сыну же моему и его товарищам он вернет жизнь. Настоящую жизнь!

— Он обманет тебя! — хмуро возразил мальчик. — Он отправит их на Серые Равнины тоже. Зачем ему люди, которые будут знать о его злодействе и колдовстве?..

— Может быть, ты и прав, — согласился Шедд. — Но ведь и Серые Равнины неизмеримо лучше той участи, какая у них сейчас.

Конан о чем-то сосредоточенно размышлял. Мальчишеское лицо подергивалось от нетерпеливой досады.

— Но ты говоришь, что можешь свободно передвигаться в толще земли! — осенило его. — Значит, ты можешь выползти наружу! Ты можешь вернуться домой и рассказать всем о колдуне Буно. И тогда мужчины убьют его! Они повесят его вниз головой на дереве, потом проткнут его копьями, потом сожгут на костре, потом...

Шедд грустно и обреченно покачал головой.

— Никакая сила не заставит меня выползти наружу, Конан. Зачем? Чтобы до смерти испугать мою жену, мою дочку, всех маленьких детей в деревне?.. Если моя жена и не умрет от ужаса, то проклянет за то, что я посмел показаться им в таком виде. И будет права. Ты мальчик, ты будущий воин, Конан, но даже на твои глаза я решился выползти только после долгих уговоров Кевина.

— Ну ладно, ладно! — в отчаянии взмахнул рукой мальчик. — Не показывайся на глаза женщинам. Покажись только старому Меттингу. Он не поверил мне, когда я рассказал ему о Буно и о вас. Тебе же он не сможет не поверить, иначе ему пришлось бы вырвать себе глаза! Пойдем со мной, Шедд! Пойдем прямо сейчас! — Он качнулся было вперед и хотел схватить дядю за руку, чтобы потащить за собой к выходу, но тут же сообразил, что рук у него нет. К тому же прикоснуться к малиновому, блестящему и подрагивающему телу он вряд ли смог бы себя заставить.

Заметив невольное отвращение, которое все еще вну-

шал мальчику его вид, Шедд усмехнулся горько и понимающе, и отполз немного назад, чтобы большая часть его тела оказалась в тени.

— Есть еще одна причина, Конан, почему я не выйду на свет и не покажусь никому, даже старине Меттингу. Если наши мужчины убьют Буно, — а я в этом сильно сомневаюсь, потому что он способен на такое, что простой человек и представить себе не может — если его все-таки убьют, сожгут или пронзят стрелами, Кевин и другие молодые воины навечно останутся полулюдьми. Ведь никто не знает, где прячет Буно отобранные у них искры жизни. Да и что такое сами эти искры, как они выглядят — не знает никто. Буно не расскажет об этом даже под пытками.

— Ну уж под пытками-то расскажет! — сверкнув глазами, ожесточенно воскликнул мальчик.

— Ты не знаешь, Конан, как много могут его блестящие камушки. Недаром он увешивает себя ими с головы до ног. Они могут сделать так, что он не почувствует боли и будет смеяться под пытками, словно его щекочат перьями петуха. Они могут сделать так, что кожа его будет прочнее черепашьего панциря... Он не расскажет. Кевин и его друзья останутся рабами, теперь уже рабами мертвого колдуна. Они по-прежнему будут долбить породу, выискивая блестящие камушки, и затем шлифовать их ночами — долгие-долгие годы... Я не хочу этого, Конан. Ведь Кевин — мой сын!

— И мой брат, между прочим, — буркнул Конан. — И мой друг. Хотя он и вцепился в меня тогда по приказу колдуна, как охотничий пес в росомаху. Но я его прощаю, раз у него нет этой самой... искры.

— Заклинаю тебя, Конан, не пытайся бороться с Буно, — молящим голосом воскликнул Шедд, медленно отползая от него назад по узкому проходу. Голова его опустилась совсем низко, бородой подметая серую каменную пыль. Он не смотрел в глаза мальчику и говорил еле слышно. — Заклинаю тебя: забудь обо всем, что здесь видел, забудь тропинку к этому месту и никому о нем не говори. Ты рассказал Меттингу, и он не поверил, это

очень хорошо. Не говори же никому больше. Уходи, Конан. Я чувствую, что здесь скоро появится наш хозяин. Я слышу его появление за много шагов — кажется, стены начинают дрожать и камни осыпаться сильнее, когда он касается их своим нелюдским взором... Спешите же, Конан! Ты можешь не успеть и погибнуть.

Мальчик заколебался. Конечно, он с радостью унес бы ноги из этого мрачного подземелья, полного черного колдовства и искалеченных полулюдей. Но его не удовлетворило окончание разговора с Шеддом. Забыть обо всем? Никому не рассказывать? Но ведь это значит, что колдун по-прежнему будет одним из самых уважаемых людей в селении, будет звенеть по праздникам чужими охотничьими трофеями, будет прожигать Конана ненавидящими глазами... Если бы только прожигать! Конан ничуть не сомневался, что старик поставил себе цель уничтожить мальчика, проникшего в его тайну. Или еще хуже: превратить его в такое же немыслимое чудовище, каким стал павший славной смертью беспечный весельчак Шедд...

— Хорошо, хорошо — крикнул мальчик почти уже не различимому во тьме Шедду. — У Кевина нет искры, у тебя нет мужества, но у меня есть и то и другое! Хвала Крому, я пока что не раб и не мертвец! Я сдержу свою клятву. Этот старый паук, эта грязная вошь еще будет умолять меня...

Он не договорил. Как и в прошлое появление его здесь, в конце прохода возникла знакомая согбенная фигура. Видимо, Метью разродилась довольно быстро — ну еще бы, в пятнадцатый-то раз! — и старик поспешил в свое подземелье. Он даже не переоделся и был в том же наряде, обвешанном камнями, перьями и костями животных, в котором обычно совершал свои целительные и заклинательные действия.

— Старый паук? — переспросил он и тоненько захихикал. — Грязная вошь?... Вот как ты заговорил, мой мальчик!.. Но это последний раз, когда ты отзываешься обо мне непочтительно. Скоро ты запоешь иные слова...

Конан увидел, как за спиной старика выросли его молчаливые рабы — и Кевин в том числе. Видимо, Буно

уже отдал им приказ схватить мальчишку, и они, обойдя хозяина, двинулись в его сторону, бесстрастно тесня друг друга плечами в узком проходе, словно медленная лава, переклестнувшая через жерло вулкана.

Конан почти не испугался. Он знал, что сумеет выбраться так же, как и в прошлый раз. Мальчик осторожно отступал назад, не сводя взгляда с насупленных и целеустремленных полулюдей с такими знакомыми и симпатичными лицами... Вот и поворот. Теперь осталось сделать лишь несколько шагов, и заголубеет небесная прореха над головой. Но... где же она?! Тьма, полная тьма окружала его со всех сторон.

— Ага! — злорадно зашелся смехом невидимый за поворотом старик. — Попался, как крыса в ловушку! Ищешь свой выход? Ищи, ищи — нет его! Я завалил его камнем!

Чувствуя себя и впрямь загнанным в дальний угол норы зверем, которого атакуют мускулистые и сытые собаки, Конан, однако, продолжал двигаться назад, ощупывая руками стены. Главное — точно определить место, где он спрыгнул вниз, прямо на выпуклую спину жука. Может быть, жук опять лежит здесь, ведь это любимое его место?.. Хвала Крому! Икры мальчика коснулись чего-то жестко-мохнатого, а ладонь легла на гладкий кожаный щит. Этот лентяй дремлет на прежнем месте! Содрогнувшись от мгновенной мысли, что загнутый рог величиной с ладонь проскользнет под его животом, Конан одним махом вскочил на спину насекомого, оттолкнулся от нее пятками и стал карабкаться вверх. Ладонями и коленями он упирался в шершавые своды расщелины, а голову втянул в плечи, чтобы ненароком не расшибить темя о камень.

Злорадные и понукающие вопли Буно внезапно сменились проклятиями. От грязных ругательств, казалось, заколебались своды. «Ах ты, ничтожный земляной червь!», «Ползучая гадина, погоди же!» По колориту ругательств нетрудно было догадаться, что гнев старика направлен на Шедда. Как ни было ужасно его положение, Конан на миг приостановился и рассмеялся. Вот интересно было

бы взглянуть на них сейчас! Как может бороться Шедд, не имея ни рук, ни ног, но одно лишь туловище и крепкие зубы?.. Наверное, он обвился вокруг ног колдуна, подобно гигантской змее, и тот, худой и тщедушный, дергается и кудахчет, как схваченная хозяйкой курица...

Макушка его наконец уперлась в камень. Конан изо всех сил напряг ладони, шею и плечи, но обломок скалы не желал поддаваться. Он надавливал снова и снова, обдирая кожу на темени о жесткий гранит... Ругань старика становилась все громче и отчетливей. Судя по всему, несмотря на отчаянные усилия Шедда, преследователи приближались. Вот уже дымное пламя факела заплескало прямо под ступнями Конана, напряженно упирающимся в каменные выступы. Факел держит крепкая мужская рука, запрокинутое вверх лицо так знакомо... Хвала Крому, это не Кевин! Сангур. Правда, и Сангуру в прежние времена он не делал ничего плохого. Наоборот, всегда восхищался его меткостью и быстротой ног... Ярко-голубые, похожие на цветы, которые вырастают весной высоко в горах, глаза молодого воина, казалось, превратились в хорошо отшлифованные камушки. Красивые, прозрачные и пустые...

Ступни Конана уже начало припекать языками огня, вздымающимися все выше. Он предпринял еще одно отчаянное усилие, зажмурившись и напрягая шею, невзирая на страшную давящую боль в макушке. Казалось, бедная его голова сейчас расколется, как лесной орех... Хвала Крому, грозному и равнодушному! — камень наконец поддался. Подтянувшись на руках, Конан мгновенно протиснулся в образовавшуюся щель и вылез наружу.

— Эй! Старый паук! — крикнул он, наклонившись в зловещий мрак. — Уже второй раз ты остаешься в дураках! Хорошо бы ты лопнул сейчас и залепил своими зловонными внутренностями все свои норы!

— Я уничтожу тебя, ничтожный мальчишка! — донеслось из-под земли. — Ты доиграешься — и очень скоро! Очень скоро ты будешь ползать у меня в ногах и слизывать пыль с моей обуви, умоляя тебя простить!..

Конан расхохотался и бросил в расщелину горсть кам-

ней. Правда, он тут же пожалел об этом: камни посыпятся на Сангура с отшлифованными глазами, а вовсе не на голову проклятого колдуна.

* * *

На этот раз Конан возвращался в селение спокойно и неторопливо. К чему спешить? Вряд ли Буно выползет из своего подземелья и бросится за ним вдогонку. А если и бросится — что ему стоит справиться с щуплым стариком? Даже лучше было бы принять с ним бой здесь, один на один, а не вздрагивать каждый раз от прикосновения раскаленных до белизны глазок. Но колдун не вступит в открытую битву, нет, — он будет жалить исподтишка, словно затаившаяся в высокой траве гадюка...

Мальчик шел медленно еще и для того, чтобы привести в порядок возбужденные мысли и решить, что ему делать теперь. Забыть, махнуть рукой, как заклинал его Шедд?.. Если б он и хотел забыть, налитые ядом глазки колдуна будут напоминать ежедневно... Еще раз поговорить с Меттингом? Он скажет, что Конан клеветает и оскорбляет теперь уже своего дядю, павшего славной смертью на поле битвы... Рассказать еще кому-нибудь? Поверить во все это черное колдовство смогут разве что мальчишки младше его возрастом. Да и то лишь потому, что попробовали бы они не поверить! Кулаки Конана тут же показали бы им, кто врет, а кто говорит правду. Но какой с них прок, с малолеток? Если бы Кевин был живой, он бы ему поверил. Они верили друг другу всегда, с полуслова, полувзгляда. Вдвоем они обязательно что-нибудь придумали бы! Кевин, Кевин... И зачем он отдал эту свою искру, не мог вцепиться в нее покрепче и не уступать старику!..

Конан принимал решения очень быстро. Долго раздумывать, взвешивать и колебаться было не в его характере. Приняв же решение, он так же незамедлительно претворял его в жизнь. Колдуна Буно нельзя убивать до тех пор, пока неизвестно, где он прячет подло отобранные

им искры?.. Чудесно! Значит, надо найти эти самые искры — и как можно скорее. Лучше всего сегодня ночью.

План действий созрел в голове Конана молниеносно. Правда, ему был необходим союзник. Немного поколебавшись, он избрал для этой роли семилетнего Пэди, мальчишку, жившего по соседству с их домом. Пэди всегда заглядывал старшему приятелю в рот, гордился крохами покровительственной дружбы, которой тот устаивал его изредка, и любое его повеление выполнял бы беспрекословно.

Как только стемнело, Конан выманил мальчика из дома и долго внушал ему что-то горячим шепотом. Роль, которую он отвел Пэди, была нетрудной, но для надежности он повторил все несколько раз, строго упираясь взглядом в преданные, вытаращенные от напряжения глаза мальчишки. Когда Пэди, задыхаясь от важности возложенного на него поручения, клятвенно пообещал выполнить все в точности, не спрашивая, как и подобает младшему по возрасту, для чего это нужно, Конан отпустил его. На прощанье он небрежно посулил ему в случае удачи подарить свой новенький колчан для стрел и тростниковую свистульку, отчего глаза его маленького приятеля вспыхнули еще преданней и взволнованней.

Спустя недолгое время, когда все вокруг стихло и селение погрузилось в безмятежный сон, из соседнего дома раздались пронзительные детские крики. Их не заглушали даже толстые бревенчатые стены и крыша с плотным слоем земли. Пэди трудился на славу. Он орал и катался по своему ложу так, словно внутри у него грызлись между собой большие крысы. Испуганная мать с трудом разобрала сквозь вой и рыдания, что у него болит живот, и не просто болит, а режет, горит и щиплет так, что терпеть нет никакой возможности. Обеспокоенная женщина попробовала было положить ему на живот лед из погреба, затем пыталась тихонько его поглаживать, уговаривать, заговаривать боль, но мальчик не унимался. Наоборот, он стал биться и подскакивать на тощем тюфяке, как поджариваемая живьем рыба. Разбуженный и раздраженный отец велел наконец жене идти за знаха-

рем, пока мальчонка совсем не выпустил душу из корчащегося тела. Набросив на плечи накидку, мать кинулась к хижине Буно.

Как только женщина выбежала из калитки, Конан, наблюдавший за всем, что творилось у соседей, от своей изгороди, прошмыгнул к ним в дверь, изображая разбуженного среди ночи и встревоженного приятеля.

— Так и ори! — шепнул он, склонившись над мальчиком. — И не вздумай умолкнуть до тех пор, пока я не вернусь и не свистну три раза под окошком.

Он незаметно уцепился за пупок, да так сильно, что бедный ребенок взвыл еще громче, и уже неподдельные слезы горошинами покатались из зажмуренных глаз.

Выскочив во двор, Конан затаился за густой порослью можжевельника в пяти шагах от калитки. Вскоре мимо него быстрыми шагами пронеслась мать Пэди, а следом за ней — хмурый и нервно позевывающий Буно.

— Муж хорошо оплатит... — повторяла, задышавшись от волнения, женщина. — Так кричит, словно кто-то режет его изнутри... Самую лучшую шкуру, какую ты только выберешь... Мальчик мой... У нас есть еще прозрачный камень величиной с яблоко, если хочешь — возьми его тоже...

Перед тем как шагнуть в дом, Буно на миг остановился и оглянулся. Конан невольно сжался в комок. Ему показалось, что злобные глаза старика видят в темноте так же хорошо, как и на свету. Ему почудилась настоженная искра под клочковатыми бровями, когда взгляд Буно прошелся вдоль кустов, за которыми затаился мальчик. Он чуть было не отказался от своего плана, но вовремя прикрикнул на себя, пришпорил, как заколебавшегося перед пропастью жеребца, обозвав трусливой девчонкой. Лишь только соседская дверь хлопнулась, Конан ринулся к хижине колдуна, стараясь бежать бесшумно и стремительно, словно тень парящей в небесах птицы.

В киммерийских селениях не знали, что такое дверные замки и засовы, поэтому Конан беспрепятственно проник

внутрь довольно просторной и зажиточной хижины и внимательно огляделся. На его счастье было полнолуние, в небольшом окошке маячил хорошо надраенный серебряный щит луны, заливая комнату от земляного пола до потолка нежно-призрачным светом. Мальчик старался действовать как можно быстрее, но без суеты. Искры... искры жизни... Вряд ли старик будет хранить их в мешочках из травы и кожи, которых столь много навешано у него вдоль стен. Искры прожгут любую кожу и вырвутся наружу. Для надежности он все-таки развязал несколько мешочков. Из каждого в нос ему ударил резкий запах — то едкий, вызывающий кашель, то приторный, то тошнотворный. Нет, мешочки лучше не трогать, иначе гадость, хранящаяся там, может лишить его нюха, а то и зрения... Вряд ли также искры будут храниться в деревянном ларце, ведь дуб или сосну они прожгут тоже. На всякий случай он вскрыл и ларец, скрывнув нехитрый замок своим длинным и крепким ножом. Там оказалось что-то совсем непонятное: высушенные и скрученные на манер веревки змеиные шкурки, блестящие надкрылья жуков, хрупкие птичьи кости... Перерыв все, что только мог обнаружить на стенах, на лавках и на полу, мальчик в растерянности остановился. Его осенила неприятная мысль: а почему бы Буно не хранить присвоенные искры в том же подzemье, где вгрызаются в землю его молчаливые рабы?.. Под землей уж точно надежнее, чем в хижине без замка. Какой же он дурак...

— Клянусь Кромом, я полный дурак! — сокрушенно воскликнул мальчик, забыв об осторожности.

— Вот уж точно: ты полный дурак, да и наглый вор к тому же! — откликнулся ему от дверей хорошо знакомый, вибрирующий от сладкого злорадства голос.

При свете луны со своими пылающими глазами и возбужденно трясущимися конечностями старик совсем мало напоминал человека. Скорее, какой-нибудь болотный демон или пещерный дух, выползший на теплый запах живущих.

— Вор! — закричал Буно, на этот раз уже во весь голос. Казалось странным, что в хилом и согбенном теле

может таиться такой полновесный, колеблющий стены рев. — Эй, люди, просыпайтесь! Сюда! Сюда, скорее! Наглый вор забрался ко мне в дом! Хватайте его!

* * *

Конан знал, что его ожидает. По неписаным киммерийским законам вору, посягнувшему на добро соплеменника — не важно, соблазнился ли он дорогим оружием или облезлой козьей шкурой, — полагалось отрубить при всем народе правую руку, а затем навсегда изгнать из родного селения. На памяти мальчика такое случалось всего лишь раз. Конану было шесть или семь лет, когда взбудораженное, кипящее негодованием селение выгоняло за свои пределы Хоссу, жалкого и худого, вечно голодного из-за своей неприспособленности ни к какому делу человека. Вместо руки у него болтался с правой стороны тела замотанный в кровавые тряпки обрубок. Хосса попытался украсть козу из одного зажиточного двора, но бесславно попался за этим занятием. Когда его поймали, он ползал у ног мужчин, умолял простить его, выли, перемешивая слезы с землей, кричал, что погибнет от голода... Но старые воины и охотники, вершившие суд, были неумолимы. Воровство у своих соплеменников и трусость на поле боя — два преступления, которые никогда не прощались у суровых горских народов. Сыны племени мог уйти в иные края, разбогатеть там путем грабежа и разбоя, и никто по его возвращении не скажет ему или о нем дурного слова. Но стащить у соседа старый меч или продырявленный щит — так же низко, как ударить родного отца или показать врагу на поле битвы свою спину.

Конана заперли в пустой хижине на окраине селения. В той самой, где жил когда-то несчастный Хосса. Она пустовала, так как никто не хотел селиться в доме вора, отравившего своим грязным и презренным дыханием стены и потолок. Мальчик должен был сидеть взаперти, пока старые и авторитетные мужчины, посоветовавшись, не решат его участь. Сбежать оттуда не представлялось

никакой возможности, так как два воина с мечами и луками караулили дверь и единственное окошко.

Мальчик лежал на земляном полу, сжавшись в комок и охватив колени руками. Вокруг было пусто. Ни лавок, ни тюфяка, ни даже облезлой шкуры, которую можно было бы подстелить под себя. От нетопленных ветхих стен тянуло сыростью. Снова и снова Конан прокручивал в голове тот миг, неизбежный миг его недалекого будущего, когда резкий взмах сурового меча отрубит его правую руку выше локтя. Его живую, теплую, такую сильную и меткую, с древесным узором вен, подрагивающую на запястье от толчков веселой крови, руку... Должно быть, будет больно. Потом мать перевяжет ему обрубок, чтобы он не умер от потери крови. Вряд ли она скажет ему хоть одно ласковое слово на прощанье. Нет большего позора для киммерийской женщины, чем родить труса, предателя или вора. Позор свой Маев перенесет молча и мужественно, как носила все прочие страшные удары судьбы... Мать перевяжет его, положит в кожаную сумку хлеб и сыр, и Конан побредет неизвестно куда, одинокий калека. Он будет вымаливать у встречных остатки их обеда, а те будут отталкивать его с насмешками и презрением, ведь кровавый обрубок ясно покажет, что перед ними жалкий воришка... И все это из-за Буно. Из-за колдуна с черной душой и смрадным сердцем, будь он трижды проклят! Да напорется он на рог Нергала, да разорвут его на сорок частей черные псы ваниров, да пронзят его навывлет десять стрел надменных аквилонцев!..

Помимо бессильной ненависти к Буно, Конана трясла жестокая обида на Пэди. Неужели он не мог покричать подольше? Неужели это так трудно: вопить и подпрыгивать животом вверх на тюфяке?.. И колчан, и свистульку, и свое покровительство и защиту в драках пообещал ему Конан, а он... Пусть только встретится ему сопливый Пэди где-нибудь и когда-нибудь в жизни! Уж он сумеет отплатить за предательство!

Если б Конан мог знать, отчего мальчик перестал кричать раньше времени, ему было бы гораздо легче. Но некому было рассказать ему, что Буно, лишь только

взглянул на орущего ребенка, сразу же догадался о его притворстве. Он влил в распахнутую глотку Пэди изрядную порцию снотворного зелья, и мальчик тут же стих, прикрыл глаза и засопел носом. Важно и торжественно старик сообщил родителям, что злой демон, грызший внутренности ребенка, изгнан им и больше не вернется, и те, обрадованные и благодарные, вручили ему и прозрачный камень величиной с яблоко, и новенькую шкуру росوماхи.

«Попадись мне только этот предатель, — с мстительным вдохновением твердил про себя Конан. — Уж я ему задам!.. Уж я отплачу ему! Рука моя устанет гулять по его тощей шее!.. Рука... Какая рука? Левая?.. А хоть бы и левая!» — яростно перебил он сам себя. Не будет он нищим попрошайкой, он, Конан, сын кузнеца Ниала! Нет. Он научится владеть мечом левой рукой не хуже, чем правой. Он будет разить врагов без промаха и без усталости. Станет знаменитым воином, грозой ваниров и аквилонцев. Слава о нем побегит впереди него, как глупая и восторженная собачонка. Он вернется в родные места, израненный и немногословный, и Меттинг выйдет ему навстречу и введет в круг самых достойных и уважаемых воинов. А Буно... О, только бы старый колдун не умер своей смертью к тому времени! Только бы он дождался его мести!..

Яростно-сладкие мечты Конана прервал звук открывающейся двери. Он приподнялся и посмотрел на вошедшего взглядом брошенного в клетку волчонка. Навстречу ему кротко и сочувственно засветились серые глаза Гэллы.

— Чего тебе? — буркнул Конан.

— Я принесла тебе лепешки и молоко, — девушка пододвинула к нему глиняный кувшин и завернутые в листья лопуха теплые лепешки. — Старый Меттинг велел мне сделать это. Мужчины совещаются с утра, но они все еще не решили, какое наказание нужно тебе вынести.

Лицо Гэллы с заостренным подбородком и бледными губами было печальным и слегка напоминало мордочку симпатичной летучей мыши. Не хватало только больших мягких ушей и перепончатых крыльев за плечами. Гладко

зачесанные назад темные волосы подчеркивали бледность лба и щек. Она часто моргала, как делала всегда, когда грустила или волновалась. Трепет тяжело нависающих над глазами ресниц напомнил мальчику коричневую бахрому крыльев ночной бабочки.

Конан отпил глоток из кувшина и скривился, словно молоко было прокисшим. Лепешки он даже не развернул, но лишь презрительно щелкнул по лопуху пальцами.

— И что им так долго обсуждать? — усмехнулся он. — Наверное, они никак не могут договориться, кто из них будет рубить мне руку. Каждый кричит: «Я! Я! Я это сделаю!»

— Вовсе нет, — покачала головой Гэлла. — Они спорят не из-за этого. Меттинг уговаривает их не рубить тебе руку и не изгонять из селения. Ты ведь знаешь, как уважают все старого Меттинга. Обычно все всегда поступают так, как предлагает он. Когда он велел мне отнести тебе молоко и лепешки, он тихонько шепнул мне: скажи ему, пусть он не унывает раньше времени. Я попытаюсь спасти ему руку для будущих славных дел!

Надежда вспыхнула было в сердце мальчика, но тут же погасла.

— Он не сумеет уговорить их! — угрюмо возразил он. — Старика Буно уважают не меньше, а уж он-то постарается, чтобы меня наказали по всей строгости и вышвырнули прочь.

— И все-таки не отчаивайся! — участливо попросила Гэлла.

Она неожиданно нагнула его голову к себе и коснулась губами вороных волос на макушке. Конан, пробурчав что-то нечленораздельное, вырвался и отполз прочь. Теплые девчоночьи руки смутно взволновали и рассердили его.

Конан вспомнил, что Гэлла уже обнимала его однажды. Это было, когда закоченевшее тело Кевина опускали в такую же стылую и мертвую, что и он, яму в земле. Гэлла, стоявшая рядом, вдруг обняла его, и слезы ее прожгли ему шею. Тогда он не сразу вырвался из ее рук, а чуть помедлил, хотя ему и было мучительно стыдно,

что девчонка обнимает его, да еще на виду у всех. «Кевин... Кевин... — повторяла она распухшими от плача, непослушными губами. — О Конан, неужели он... навсегда... Ему холодно... Отчего они не постелят шкуры на дно... и не укроют его сверху?..» Ни для кого не было секретом, что Кевин и Гэлла договорились между собой пожениться сразу же после того, как Кевин испытает себя в настоящей битве. И Кевин испытал. Он выдержал испытание, как подобает мужчине, но вместо свадебного пира его ждало пиршество могильных червей...

— Послушай, Гэлла, — тихо сказал мальчик, охваченный порывом доверия. — Клянись никому не говорить того, что я скажу тебе сейчас?

— Клянусь Кромом, — очень серьезно ответила девушка.

— Кевин не умер. Он жив.

Ее глаза распахнулись так, что, казалось, все остальное худенькое, заостряющееся книзу лицо куда-то исчезло.

— Но я ведь... сама видела. И все видели... И разве не ты рыл ему могилу, Конан?..

Мальчик, придвинувшись к ней поближе, очень коротко, в двух словах рассказал о невероятных событиях, приключившихся с ним в последние дни.

— Кевин не умер. Но он и не жив, — так закончил он свой торопливый рассказ. — Если не вернуть ему отобранную искру — хотя я и не знаю, на что она похожа и для чего она вообще, — он навсегда останется рабом проклятого колдуна. Эти искры искал я в его хижине, когда он объявился на пороге и заорал, что я вор. Теперь ты понимаешь, что Буно настоит, чтобы мне отрубили руку и выгнали прочь. Он боится меня и оттого пойдет на все, чтобы от меня избавиться.

Гэлла отчего-то сразу поверила ему. Наверное, ей очень хотелось, чтобы Кевин и впрямь оказался жив, поэтому она поверила беспрекословно, жадно и прочувственно вникая во все детали рассказа, даже самые невероятные (правда, о Шедде Конан, жалея ее, упоминать не стал).

— О Конан! Он мне никогда не нравился, этот старик! Мне всегда казалось, что вместо глаз у него крючья,

которыми он сдирает с меня и одежду, и даже кожу... Хотя он всегда так сладко, так ласково говорит со мной... «Моя сероглазая девочка... мой горный хрусталик...» Но ведь надо скорее рассказать о нем всем! Мужчины схватят его и заставят вернуть искры. И Кевин вернется!

Конан усмехнулся с горечью.

— Если уж даже Меттинг, который мало похож на круглого дурака... — начал было он, но внезапно дверь хижины распахнулась, и один из охранявших ее мужчин набросился на Гэллу с бранью.

— Ты что, беспутная девчонка, не знаешь, что с ворами нельзя разговаривать? Хочешь заразиться от него и тоже стать нечистой на руку?.. А ну, прочь отсюда!

— Оставь ее! — захохотал появившийся из-за спины первого второй охранник. — Неужели не понимаешь: она хочет наобниматься с ним напоследок, пока он еще может сделать это двумя руками!

— Понимать-то я понимаю, но все-таки пусть выматывается отсюда поскорее! К тому же, руки в этом деле — не главное. Когда мы вышвырнем его из деревни, пусть любезничает и развлекается с ним, сколько захочет, где-нибудь на зеленой травке.

Гэлла залилась густым румянцем, но не растерялась. Дерзко стрельнув в охранников сузившимися от злости глазами, она воскликнула:

— Уж наверное я буду слушаться не вас, неотесанные наглецы, а старого Меттинга! Это он велел мне не уходить, пока пленник не съест всего, что я ему принесла, чтобы он не мог уморить себя голодом, прежде чем получит заслуженную кару! Это он велел мне разговаривать с ним, чтобы он проболтался, что именно он хотел стащить у Буно! А ну, прочь отсюда!

Охранники, опешие от дерзости и напора, так не вязавшихся с робким и трепетным обликом девушки, благоразумно решили не навлекать на себя гнев Меттинга и, ворча и огрызаясь, закрыли дверь.

— Послушай, — зашептала мальчику Гэлла, как только шаги за дверью удалились и все стихло. — Тебе надо отсюда бежать! Меттинг ведь может и не уговорить

всех не отрубить тебе руку. Но даже если он и уговорит, тебя все равно накажут, хотя и по-другому!

— Ты думаешь, я не пытался! — воскликнул Конан. — Самое первое, что я сделал, когда меня швырнули сюда — обшарил весь дом. Все глухо! Печная труба заколочена, дверь и окно стерегут. Даже если я превращусь в крысу, мне не удастся отсюда выбраться!

— Но я помогу тебе! — горячо предложила Гэлла. — Ты убежишь, а потом мы встретимся с тобой на кладбище, и ты проведешь меня к Кевину.

— Поможешь? Мне?.. — усмехнулся мальчик. — Но как ты мне сможешь помочь?

— О, очень просто! Я выйду отсюда и одного из охранников отошлю в хижину, где спорят мужчины, — скажу, что у Меттинга есть к нему важное поручение. Как только он уйдет, я начну второму заговаривать зубы. Он не слишком-то умен, это сразу видно. Ты в это время тихонько выскользнешь за моей спиной. Как только охранник тебя заметит, я схвачу его за руки, кинусь под ноги, в общем, придумаю что-нибудь... Ты уж сумеешь за это время убежать!

Глаза у Конана загорелись, а сердце сильнее забилося в груди.

— Пожалуй, Кевин не зря собирался на тебе жениться! Ты молодец.

Гэлла опустила глаза. Помедлив, она направилась к двери.

— Ну, так я начинаю!..

— Подожди! — схватил ее за плечо мальчик.

Новое соображение, пришедшее ему в голову, перечеркнуло всю его радость. Если ему удастся вырваться отсюда, то уж Гэллу-то схватят наверняка. И что будет с ней? По неписаным киммерийским законам тот, кто помог преступнику избавиться от наказания, подвергается этому же наказанию сам. Гэлле отрубят руку и вышвырнут за пределы деревни. Конечно, она сама предложила ему бежать, значит, отвечает за все последствия, но... Но получить свободу ценой чужой отрубленной руки ему почему-то не хочется. Да и что скажет ему Кевин, если

получит когда-нибудь назад свою искру? Что скажет Кевин, не найдя невесты или, еще хуже, встретив ее где-нибудь без руки?..

— Нет, Гэлла, — твердо сказал Конан. — Женщины очень глупы. Все. Не могу понять, как Кевин мог захотеть жить с тобой в одном доме! Ты даже не подумала о том, что если я убегу, тебе отрубят руку вместо меня.

— Но я тоже убегу! — пылко воскликнула Гэлла. — Я очень ловкая и быстрая, я вырвусь от них!..

— Нет и нет, — отрезал мальчик. С женщинами всегда надо говорить коротко и сурово, даже если тебе только тринадцать лет. — Уходи, Гэлла. Можешь поговорить с Меттингом, если он станет тебя слушать. Но вряд ли из этого что-нибудь выйдет. С Кевином же встречаться тебе сейчас незачем. Эта встреча совсем тебя не обрадует, можешь мне поверить.

— Обрадует! — возразила девушка.

Конан не ответил. В молчании он съел все лепешки, выпил молоко и протянул ей пустой кувшин.

— Теперь уходи, — коротко велел он.

— Обрадует!.. Меня очень обрадует, Конан!.. — умоляюще повторила Гэлла.

Крылья ночной бабочки затрепетали быстро-быстро. Благодаря этим взмахам слезы не выкатились из глаз, но удержались в их уголках.

Не глядя на нее и не дожидаясь, пока за девушкой захлопнется дверь, Конан снова свернулся калачиком на полу, стиснув зубы и сведя брови к переносице.

* * *

Все население деревни высыпало из домов и собралось возле Черной Ели — так называлось место на холме, вдали от хижин и огородов, где совершались публичные наказания, а также приносились самые страшные и торжественные клятвы. Черная Ель когда-то была обычным зеленым деревом, но в незапамятные времена в нее попала молния, превратив в обугленный столб. Это было сочтено ясным указанием Крома на значительность и священность

этого дерева и этого места. У Черной Ели когда-то отрубали правую руку Хоссе. Здесь же получали последние напутствия воины, отправлявшиеся в дальние походы.

Возле самой ели, едва не касаясь лбом обугленного ствола, стояла мать Конана, прямизной осанки не уступая дереву. Лицо ее было темным от горя и позора, но синие глаза смотрели спокойно и прямо, и голова не клонилась.

Конана привели и остановили в нескольких шагах от нее. Воины, сторожившие мальчика в хижине Хоссы, теперь стояли по его бокам, сжимая рукояти мечей. Конан почувствовал невольную гордость: его охраняют, словно могучего и опасного врага! Впрочем, гордость была мимолетной и быстро сменилась горечью и нетерпением: долго ли они будут тянуть, скорей бы уж говорили о предназначенном ему наказании! Скорей бы уж взмахнули мечом! Правая рука отчего-то невыносимо зудела.

Старый Меттинг, одетый торжественно и чисто, словно то была не казнь, а праздник, поднял руку, призывая всех к молчанию. Разговоры, выкрики и смешки стихли.

— Братья, — медленно начал Меттинг. — Нет нужды говорить, для чего мы собрались сегодня у этого священного, отмеченного самим Кромом места. Конан, сын Нила-кузнеца, сын достойного, погибшего славной смертью воина, был уличен сегодня ночью в одном из самых позорных деяний. Он попытался обокрасть нашего с вами соплеменника, всеми уважаемого Буно. Все мы знаем, какое наказание полагается вору.

— Знаем, знаем... — глухо поддакнула толпа.

Где-то там, в этой толпе были друзья Конана, была Гэлла, был маленький предатель Пэди. Интересно, они тоже бормочут: «Знаем, знаем...», или все-таки молчат, уперев глаза в жухлую осеннюю траву?..

— По законам нашего народа вору, посягнувшему на вещь соплеменника, отрубается правая рука, а затем он навсегда изгоняется из пределов своего селения. Так я говорю?

— Так! Так! — охотно откликнулась толпа.

— Мы все это знаем, Меттинг! — раздался чей-то

веселый мужской голос. — Хватит болтовни! Приступай скорей к делу!

— Не торопите меня, — с достоинством ответил старик. — С раннего утра до полудня обсуждали мы сегодня, подвергнуть ли Конана, сына кузнеца Нила, казни, уготованной всем вора, либо выбрать ему другое наказание.

— Другое? Почему другое? — заволновалась толпа.

— Я объясню вам. Во-первых, Конан не вступил еще в возраст мужчины. Ему исполнилось только тринадцать лет, и он не участвовал ни разу в испытаниях Крадущейся Рыси. Он не мужчина, но только мальчик пока. Вправе ли мы наказывать его по всей строгости?

Голоса в толпе разделились.

— Вправе! Вправе! — кричали одни. — Если он вырос до ночных краж, значит, годится и для наказания! Младенцы и малые ребята не забираются по ночам в чужие дома! Он вырос, Меттинг! Вырос!..

— Пощади его, Меттинг! — кричали другие. — Он мал и глуп! Нельзя наказывать неразумных детей так же, как и взрослых!..

Конан с любопытством рассматривал знакомые лица соплеменников с распахнутыми ртами, с гневными либо сочувственными глазами. На редкость интересно узнавать, кто именно жаждет его казни, а кто жалеет и громко требует о снисхождении. К несчастью, не всегда можно было разобрать голоса достаточно четко. Многие женщины требовали сурового наказания... Многие мужчины, грозные и грубые, кричали, что он — неразумный ребенок... Вот странно! Приятели его и друзья просто свистели и прыгали, толкая взрослых локтями. Впрочем, некоторые мальчишки орала во всю глотку: «Он вырос, вырос, Меттинг!..» Вряд ли они делали это от злобы или мстительности — скорее, им просто было любопытно взглянуть на захватывающее и редкое зрелище...

— И второе, — не обращая внимания на шум, продолжал старик. — Вынося решение, мы не могли не учесть просьбу Буно. Того самого Буно, всеми нами почитаемого человека, кого собирался ограбить Конан. Его великодушное сердце не жаждет мести. Он просил нас,

да-да, он просил не применять к мальчику таких суровых мер, которые искалечат всю его дальнейшую судьбу.

Конан отказывался верить своим ушам. Старик Буно просил за него?! Его великодушное сердце не горит жаждой мести?.. Как это понимать? Еще чуть-чуть, и у него лопнет голова, настолько трудно переварить все происходящее!

Он нашел глазами фигуру старика. Тот стоял в первых рядах толпы, скромно одетый, без обычных своих камней и побрякушек. Лишь черные перья ворона топорщились на мешковатой шее. Весь вид его выражал смирение и усталую доброту. Морщинистые пальцы теребили бахрому на крае одежды.

— Скажи им всем, Буно, — попросил Меттинг. — Боюсь, что мне они не верят. Да и впрямь трудно поверить, что кто-то, кого чуть не ограбил вор, может просить о снисхождении.

— Да, я прошу помиловать этого мальчика, — сказал Буно мягко и сокрушенно. — Он еще очень неразумен, несмотря на высокий рост и крепкие мускулы. Его ум — это ум ребенка. Конечно же, он не понимал, каким позором покрывает себя и свою достойную мать, забравшись ночью в мой дом. Да, я прошу, я очень прошу вас его помиловать!

Рты распахнулись даже у солидных густобородых мужчин, не то что у юнцов или женщин. Поражены были и те, кто требовал снисхождения. Подобные снисходительность и кротость были внове этим суровым сердцам. Если бы просьбу помиловать своего врага произнес кто-нибудь другой, его могли бы засыпать обидными насмешками. Но смеяться над знахарем никому не хотелось.

— Ну, раз Буно так просит... Пускай... Пусть мальчишке не рубят руку... Пусть не выгоняют... — заговорили растерянно требовавшие для Конана взрослой кары.

— Конечно же, совсем безнаказанным его поступок оставить нельзя, — снова заговорил Меттинг. — Посоветовавшись, мы решили, что будет справедливо, если накажет вора тот, кто дал ему жизнь, кто должен был воспитать его таким, каким надлежит быть мужчине.

Мать Конана, Маев, должна будет нанести сыну десять ударов плетью.

Толпа согласно и удовлетворенно загудела.

— Правильно... Конечно... Раз нет отца, должна мать... Рука у Маев крепкая, она справится...

Десять плетей! Конан чуть не подпрыгнул от радости, как сопливый мальчишка. Всего-навсего десять плетей!.. И рука его, теплая, родная рука останется с ним! И родная деревня останется с ним, Конан изо всех сил втянул щеки и сдвинул брови, чтобы на лице его не проступило лившееся через край ликование. Десять плетей!..

В руке у Маев оказалась услужливо поданная ей плеть, которой обычно деревенский пастух оглаживал самых непокладистых жеребцов. Охранники Конана подвели его вплотную к стволу Черной Ели, грубым толчком заставили наклониться и стянули со спины одежду. Повернув голову, мальчик исподлобья посмотрел на лица зачарованно притихших соплеменников. Его интересовало, правда, всего лишь одно лицо. Сморщенное, слащавое личико колдуна. Конан думал, что старик со злорадством вопьется в него своими белесыми глазками и будет сладко причмокивать от каждого удара. Но он ошибся. Буно и не думал смотреть на него. Прикинув направление его взгляда, мальчик догадался, что старик не сводит глаз с его матери.

Вжжжж!.. Первый удар рассек Конану спину. Он не позволил себе не то что вскрикнуть, но даже поморщиться. Лишь мелькнула короткая, но достаточно горькая мысленка, что уж родного и единственного сына можно было бы хлестать на с полной оттяжкой...

Вжжжж!.. Второй удар был сильнее первого. Буно все так же не сводил цепкого взора с лица Маев. Конан, едва не вывернув себе шею, посмотрел на мать. Ее побелевшие губы были закушены, а глаза... Глазами она вбирала в себя взгляд старика, хотя лицо ее, похожее на меловую маску, было повернуто в сторону оголенной спины сына.

Кром! Неужели та сила и жестокость, с которой опу-

скает свистящую плетъ его мать, тянется, как по невидимой ничточке, как по невидимой трубочке, из острых глазок, похожих на два белых когтя, обмакнутых в сладкий, но смертельный яд?.. И это его мать!.. Не боявшаяся в одиночку сражаться с толпой ваниров, метким выстрелом попадающая прямо в глаз разбуженного среди зимы и оттого особенно яростного медведя... Его мудрая, его гордая, его отважная мать Маев...

Маев подняла руку для третьего удара, но отчего-то медлила. Толпа зашелестела, недоумевая, что с ней случилось. В глазах матери, обращенных к колдуну, появилось что-то странное. Затем в них сверкнул гневный огонь, и занесенная рука опустилась. Женщина отбросила от себя плетъ и, ни слова не говоря, отошла прочь от ели.

Перебивая недовольный, осуждающий рокот толпы, заговорил Меттинг:

— Наказывать и карать — дело мужчин. Дело женщин — рожать, кормить и залечивать раны. Наверное, мы поторопились, заставив Маев творить расправу над собственным сыном. У Конана нет отца, нет старших братьев. Но может быть, найдется у него родственник из мужчин, пусть и не близкий, который мог бы вместо Маев закончить начатое ею?

Родственник нашелся быстро. Из толпы охотно протиснулся толстый Черок, не то двоюродный дядя, не то троюродный брат Конан, он точно не помнил. Похлопывая себя по ляжкам и подмигивая друзьям, он подошел к ели и поднял с земли плетъ.

— Тебе осталось восемь ударов, — напомнил Меттинг.

Вжжик!.. Черок был не столько силен, сколько толст, но хлестал он крепче матери. По силе ударов Конан чувствовал, что Буно теперь не сводит взора с его услужливого родственника.

Вжжик!.. Мальчик был уже на грани. Вот-вот он заскулит или вззоет, покрыв себя навеки позором. Чтобы этого не случилось, он еще раз взглянул прямо в лицо колдуну и, чувствуя, как ненависть выжигает ему глаза и сдавливает горло, крикнул:

— Эй, ты! Жалкий и грязный колдун! *Вжжик!..* Ты

просил меня помиловать?.. *Вжжик!..* Я плюю на твою милость, слышишь?! Клянусь Кромом... *Вжжик!..* я... тебя... *Вжжик!..* уничтожу!..

Казалось ли Конану, либо на самом деле с каждым его выкриком удары становились все яростнее, но только удар, последовавший за криком «уничтожу!» обрушился на него такой болью, что мальчик потерял сознание.

Словно сквозь мутную и душную пелену сна он слышал голоса, витающие вокруг него, сокрушенные, сочувственные, злорадные, — и среди них выделялся приторный ненавистный говорок Буно:

— Ну разве ж так можно? Так недолго засечь и до смерти. Ведь это же мальчик, а не рыжий ванир. Ах, Черок, Черок... Если бы ты был таким в бою... Но отойди-ка все от него! Я попробую его вернуть, если сумею.

Конан чувствовал, как на горящую его спину льют потоки теплой воды, как кто-то из женщин забинтовывает ее мягкой тряпичей... Ему растирали виски, дышали на веки. Голоса становились все отчетливей, в голове его понемногу прояснялось. Мальчик готов уже был открыть глаза и крикнуть насмешливо: «А я и не думал отправляться на Серые Равнины! Зря радуетесь!»

Но внезапно он почувствовал, как зубы его разжимают острием кинжала и в рот вливается жгучая горькая жидкость.

— Сейчас-сейчас, попробуем вытащить мальчишку с того света... — бормотал ласковый голосок. — Если уж и это питье ему не поможет, тогда я не знаю... Тогда уж ничем не сможешь ему больше... Ах, Черок! Неужто же твои удары оказались для бедного мальчугана роковыми...

Конану захотелось выплюнуть горько-сладкое и громко крикнуть, что старик поит его отравой. Но он не успел: яд уже проник в горло и заструился вниз, к желудку. Странное онемение разливалось по всему его телу. Конан перестал чувствовать свои руки, ноги, пылающая болью спина словно уплыла от него куда-то... Только искра сознания шевелилась под лобной костью. «Вот что, должно быть, та самая искра жизни, — вяло подумал мальчик. — То, что живет, когда все остальное умерло...»

Конан не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, не мог вздохнуть, не мог приоткрыть веки. Яд, которым опоил его Буно, сделал все мускулы холодными и безжизненными, как стоячая вода на дне колодца. Но он все слышал, все чувствовал, все осознавал.

Он слышал, как говорила с ним его мать. Киммерийские женщины никогда не плачут, даже когда теряют своих сыновей. Маев сидела возле недвижимого тела сына долго, очень долго. Порой она брала его холодную ладонь и держала в своей, словно пытаясь согреть, оживить, растопить застывшую кровь. Конан изо всех сил пытался шевельнуть пальцами, дать ей понять, что он жив, — но даже пальцы, даже легкие и чуткие пальцы не слушались его...

«Отчего ты ушел, Конан? — спросила Маев после долгого и черного, как беззвездная ночь, молчания. — В мир Серых Равнин не уходят от десяти ударов плетью. Ты обиделся на меня за два моих удара и ушел?.. Но разве моя обида не больше? Мой сын, сын могучего и славного Нияла стал вором. Может быть, ты ушел, чтобы не носить на себе всю жизнь позорное клеймо вора? Тогда я понимаю тебя. Я прощаю тебя, сын мой, если ты ушел от стыда. Прости и ты».

Конан слышал, как к ней подходили мужчины и говорили, что тело мальчика нужно предать земле. Они говорили, что нельзя держать тела умерших незарытыми слишком долго. Но Маев только молча смотрела на них, и они уходили.

«Но что ты будешь делать на Серых Равнинах, сын мой? — снова спрашивала она его. — Кром почитает и сажает с собой за пиршественный стол лишь тех, кто погиб славной смертью в битве. У тебя не будет там друзей. Не будет зеленых лесов для охоты, синей воды, в которую можно нырять с разбега... Не будет лугов и резвых коней, и верной собаки. Зачем ты ушел? Ты ведь еще так молод. Позорное клеймо вора ты мог бы смыть с себя воинской доблестью, кровью и жизнью врагов, своей

собственной, пролитой в честных битвах кровью. Отчего ты так поспешил? Ведь там, на Серых Равнинах, где нет битв, где мечи со звоном не ударяются друг о друга — клеймо вора будет пребывать на тебе вечно».

Мать сидела над ним всю ночь и весь следующий день. Вечером снова пришли мужчины, снова требуя похоронить тело, уже резче и тверже. «Ты сошла с ума, Маев, ты стала безумна, — слышал Конан их грубые, режущие слух по сравнению с тихим голосом матери, речи. — Посмотри на себя, Маев. Посмотри в полированный медный щит или в воды озера: ты стала совсем седой, ты стала совсем безумной. Если тело не опустить в землю до тех пор, пока на нем не появятся первые признаки разложения, дух умершего разгневается. Он оскорбится, он сочтет это надругательством над своим телом и будет мстить. Он будет мстить всем нам, Маев».

Невзирая на молчаливый протест матери, они взяли тело мальчика, завернули в грубую ткань и понесли на кладбище, к уже готовой, разверстой в земле яме.

«Не отдавай меня им, мама!» — беззвучно молил Конан, но Маев, даже если и слышала что-то в самой глубине души, уже ничего не могла поделать. Обычаи деревни были сильнее любых материнских чувств.

Голоса ее Конан больше не слышал. Как только холодную ладонь сына выдернули из ее руки, Маев замолчала и хранила молчание во все время недолгих похорон.

Другие голоса кружились над недвижимым, закутанным в холстину телом. Отрывистые, сокрушенные, хмуро-деловые... Чаше и громче всех жужжал приторный голос вездесущего колдуна. Он причитал, вздыхал, укорял Черока за то, что тот не мог сдержать праведный гнев руки... Он укорял и ругал сам себя за то, что не был достаточно настойчив и не смог убедить мужчин не наказывать мальчика вообще... Конана мучило от бессильной ненависти. Кром! Если б у него хватило сил хотя бы на одно движение — этим движением был бы плевок в наигранно сокрушающееся лицо...

И еще один голос — тонкий, отчаянный — плеснулся

над ним однажды. Это было, как только тело мальчика опустили в землю.

— Он не был вором! — кричала Гэлла. — Вы не должны были его наказывать! Он пытался спасти Кевина и всех остальных, а вы... вы убили его!.. Теперь Кевин не вернется к нам!.. Зачем, зачем вы поверили колдуну?!

«Замолчи, глупая! — хотел крикнуть ей мальчик. Он мучительно и безуспешно пытался хотя бы шевельнуть языком. — Замолчи, убегай, прячься... Буно уничтожит тебя. Он расправится с тобой так же, как и со мной...»

— Бедная девочка, рассудок ее совсем помутился... Потерять жениха, а теперь еще эта нелепая смерть... Но я попробую ее исцелить... Не отчаивайся, моя девочка... — скрипел сладкий голосок, в то время как Гэлла все кричала, вырываясь из рук рассерженных женщин.

Конан слышал, как ее силой оттаскивали от распахнутой могилы.

И наступило самое страшное. На грудь, на живот, на лицо мальчика, прикрытые тканью, полетели комья глины. Они больно ударяли его и царапали, и казалось, что это враги побивают его камнями. Конан напрягся в последнем, разрывающем изнутри жили усилия, чтобы крикнуть: «Не зарывайте меня! Я живой!» — но не смог издать даже слабого шепота.

Глина давила на рот и ноздри. Безжалостная, холодная тяжесть земли навалилась на грудную клетку. Конан стал задыхаться. Великая мука удушья охватила его, но даже от этой муки ни один мускул его тела не дрогнул, ни один звук не сорвался с его белых губ.

* * *

Конан очнулся от того, что кто-то рядом с ним громко прошипел:

— О, непокорный камень! погоди же, я сумею тебя укротить...

Мальчик открыл глаза и тут же зажмурился: тысячи разноцветных искр переливались прямо над его зрачками, и вынести их яркое сияние было совершенно невозможно.

— Я все-таки заставлю тебя работать на меня, мой чистенький, мой благородненький камушек... — раздалось возле него опять.

Хотя интонации были другими, чем обычно, голос узнать было нетрудно. Конечно же, это опять Буно. Вездесущий и омерзительный...

— Проклятый колдун... — пробормотал мальчик.

К его удивлению, язык и губы снова его слушались, и негромкие эти слова прозвучали вполне отчетливо.

— Очнулся, очнулся, мой мальчик! — радостно захихикал Буно. — Открой же свои синие глазки, не бойся!

Конан снова приоткрыл веки, на этот раз совсем чуть-чуть, и повернул голову, чтобы пляшущие вверх искры не слепили его. Веки, язык, губы и шея теперь его слушались. Но как он ни напрягал мускулы спины, рук и ног, встать или хотя бы приподняться он был не в силах.

— Не дергайся, не дергайся, — заметив его усилия, весело сказал старик. — Пока что ты мне нужен спокойненьким. Неподвижным, как камушек. Этаким большой, теплый камень, смиренно лежащий там, куда его положили... Совсем скоро ты забегаешь, можешь мне поверить! И даже не на двух, а на целых шести ножках! Ведь правда, здорово, мой мальчик? Шесть замечательных быстрых ножек, вместо вот этих двух неуклюжих столбов...

Судя по затхлому воздуху и пылающим факелам вдоль стен, он был в подземелье. Но как отличалось это помещение от сырой и грязной шахты, где долбили землю изможденные мертвецы! Низкий потолок был весь выложен прозрачными, как вода в лесном источнике, кристаллами. В их гранях дробился и умножался до бесконечности свет шести факелов, создавая ощущение сказочного дворца, достойного богатейшего из земных королей. Было почти так же светло, как на вершине горы в ясный полдень. Стены были выложены отполированным темным камнем с вкраплениями переливающихся сине-зеленых кристаллов. Из того же камня был и пол, и огромный стол, на котором лежал на спине Конан. За тем же столом на расстоянии одного локтя от головы мальчика сидел Буно, низко склонившись, как индеец

над горстью зерна, над россыпью мерцающих разноцветных камней. Внимательно разглядывая их, старик как будто что-то искал, передвигая камни узловатыми пальцами. Вот он ухватил один из них и торжественно поднял над столом, прицеливая языком от восхищения. Прекрасный изумруд, прозрачный и чистый, мерцал в стариковских пальцах кроткой и радостной зеленью. Он был того же оттенка, как самая первая майская листва на деревьях.

— Ты-то мне и нужен, мой чистенький камушек. Отправляйся-ка на свое место, рядом с влюбленными рубинами, и жди, пока я буду подбирать тебе пару...

Но зеленый камень внезапно раскололся прямо в его пальцах, просыпавшись на стол мелкими острыми осколками.

— О гордец! — огорчился старик. — Уже третий камень убивает себя у меня в руках, — сказал он со вздохом, посмотрев на мальчика. — Изумруд — очень трудный камень. Может быть, самый трудный. Он очень сильный и очень влиятельный, он талисман Орла, без которого мне никак не сделать настоящее звездное ожерелье из влюбленных камней. Нет больших гордецов и чистюль, чем изумруд! Он, видишь ли, не желает служить темным и грязным замыслам. Он кончает с собой в руках человека, который кажется ему колдуном, лжецом или убийцей... Гордый, гордый камушек! Но я перехитрю его. Когда я делал ожерелье для Шедда, погибло пятеро прекрасных камней, но все-таки я справился с ними. Справлюсь и сейчас...

Буно поднялся из-за стола и похлопал Конана по застылому плечу.

— Побудь еще недолго один, мой мальчик. Я скоро вернусь. Я только подберу в своей кладовой несколько стражников. Знаешь, какие камни сторожат лучше всего? Алмазы! Ох, и крепкие это ребята! Они помогут мне справиться с неженками и гордцами. Семь-восемь алмазов — и дело пойдет на лад...

Старик толкнул обшитую медью толстую дверь и вышел. Конан остался один. Он опять попробовал припод-

няться, но, как и в первый раз, ничего у него не вышло. Тогда он решил крикнуть — крикнуть как можно громче: может быть, Шедд услышит его и догадается, что он тоже отныне пленник проклятого колдуна.

— Я зде-е-е-есь! Я — Ко-о-о-нан! — закричал он, напрыгая ребра и легкие.

Получилось, правда, довольно слабо. Вряд ли этот крик, больше похожий на писк умирающего, сможет выплеснуться за пределы толстых земляных стен, обитых камнем и медью.

Дверь приоткрылась. Но то был не Шедд и даже не Буно, возвратившийся раньше времени. В мерцающую тысячу бликов комнату, испуганно пригнувшись и ошарашенно оглядываясь, проскользнула тоненькая фигурка.

— Гэлла! — изумленно воскликнул Конан. — Откуда ты здесь?!

Появление девушки так потрясло его, что он смог, на одном порыве, оторвать от стола голову и взмахнуть руками. Гэлла кинулась к нему, счастливая и безмерно испуганная одновременно. Она прерывисто дышала и моргала так часто, что глаза ее казались подернутыми дымкой.

— О Конан! Попробуй встать, умоляю тебя!.. Я не могу унести тебя на своих плечах, но я буду поддерживать тебя и помогать идти. Только встань! Скорее!..

— Ты думаешь, я не пробую это сделать с тех самых пор, как пришел в себя? — спросил мальчик, еще раз взмахивая руками и шевеля шеей. — Действие яда, которым опоил меня старик, стало слабее. Я могу разговаривать, могу шевелиться. Но встать пока не могу! Спина и ноги не слушаются меня...

— Их надо просто растереть! Они застыли, заочене-ли! — Девушка принялась быстрыми крепкими пальцами растирать Конану мышцы плеч, груди и спины. Приятное тепло заструилось и зацепало под кожей. — Ты встанешь сейчас, ты сможешь!..

— Но ты-то, ты откуда взялась здесь? — опять спросил он, с усилием ворочаясь с боку на бок, чтобы подставить ее рукам каждую мышцу. — Буно ушел нена-

долго. Если он заметит тебя здесь, он тебя уничтожит. Хуже, чем уничтожит, — поправился мальчик, вспомнив о той участи, о которой намекал ему старик, говоря о «шести ножках».

— Я спряталась на кладбище, когда все ушли, — негромко и торопливо стала рассказывать девушка, в то время как ее руки, горячие и маленькие, продолжали растирать оживающие мышцы Конана. — Я догадалась, что задумал Буно. Я ждала его. О, как же мне было страшно! Я спряталась за камнями и чуть не умерла от ужаса, совсем одна... Он пришел, как только стемнело, с ним был еще кто-то, огромный, как зубр. Кто это был, я не поняла: было темно, и он все время молчал... Буно приказывал ему, как своему рабу, а тот слушался. Когда он стал разрывать твою могилу, мне стало еще страшнее... Я все время ждала, что разгневанные духи мертвых выскочат и набросятся на них, и на меня заодно... К счастью, духи не выскочили... Огромный раб достал тебя из могилы и взвалил себе на плечи. И они пошли. Буно все время бубнил о чем-то. Что ему очень повезло и теперь у него есть мальчишка... Что ему пригодится твоя отвага и ловкость... Что какой-то жук не боится ожогов подземного огня... Он бубнил и хихикал, и прищелкивал языком, и оттого, наверное, они не слышали моих шагов за своими спинами... Потом они залезли в какую-то щель в скале. И я за ними. Сначала было очень темно, я все время спотыкалась, а один раз даже упала... Хвала Крому, они не слышали, потому что раб, несший тебя, тоже часто спотыкался, хрустел камнями и шаркал ногами, как глубокий старик... Потом появились факелы, стало светлее... Если бы они оглянулись и увидели меня, я умерла бы от страха! Буно не пришлось бы даже убивать меня специально... Но они не оглядывались, хвала великому Крому! Они дошли до двери в эту комнату и вошли в нее. Я осталась снаружи, погасила факел над дверью и затаилась в тени... Потом раб вышел, уже без тебя. Меня он не разглядел, но я увидела его лицо. О Конан, мне показалось, что то был Браг! Тело его было все в заживших шрамах и блестело, как живое... Мне очень хотелось

его окликнуть, но я не решилась, потому что помнила, как он слушался Буно, каждого его слова... Браг ушел, а я осталась под дверью. Если б не ужас, я бы заснула... Я прислушивалась, но из-за двери не доносилось ничего. Не было вообще никаких звуков, только глухие удары доносились издалека... Потом Буно вышел. Мне показалось, что ты зовешь на помощь, хотя слов было не разобрать... Я вошла... Ты не можешь еще подняться, Конан?..

Усилия ее маленьких рук не прошли даром. Руки и ноги мальчика оттаивали и оживали. Напрягшись, он выбросил вперед ладонь, ухватился за плечо девушки и сел. Затем согнул колено.

— О, ты совсем выздоровел, Конан! — обрадовалась Гэлла.

Но тут, заслышав скрежет открываемой двери, мальчик мгновенно оттолкнул ее под прикрытие выступающей длинной плиты стола. Гэлла сжалась в комочек и зажмурилась. Конан хотел было принять прежнее положение, но успел только упасть навзничь, больно ударившись затылком о холодный полированный камень.

Вошедший старик окинул быстрым взглядом его тело с раскинутыми руками и полусогнутой ногой, но не рассердился, а понимающе покивал головой.

— Скучно лежать без движения?.. Потерпи, мой мальчик. Скоро ты задвигаешься, забегаешь, заползаешь... Уже завтра наступит для тебя новая и такая увлекательная жизнь, мой славный, мой дерзкий... Если бы ты знал, как нужна мне твоя отвага, твоя дерзость, волчий твой блеск в синих глазенках!..

— И для чего же тебе все это? — поинтересовался Конан, стараясь потихоньку принять прежнее положение.

Он решил поддерживать разговор со словоохотливым стариком. Во-первых, Буно мог при этом выболтать нечто важное, что пригодилось бы ему для спасения — себя и всех остальных. А во-вторых, болтая, старик не расслышит шорохи и вздохи, которые неминуемо будет издавать безрассудная девчонка.

— А для того, чтобы добывать мне самые чистые, самые бесстрастные камушки! — охотно ответил Буно. —

За ними нужно спускаться в глубины гор, а там бывает жарко, очень жарко. Шедд рассказывал мне, что видел дивное скопление сапфиров, прозрачных и голубых, как сам воздух, но подобраться к ним не мог: кожа его чуть не полопалась от невыносимого жара. Твоя же кожа будет прочной, как щит, а для лица и глаз мы придумаем какую-нибудь защиту... Да ведь ты же уже познакомился со своей будущей кожей и ножками, разве не так?.. Нравится тебе эта прочная и красивая спинка, которую не проткнет ни стрела, ни меч? Скоро она будет твоей!

От мысли, что старик не шутит и действительно собирается превратить его в одно целое с гигантским жуком, голова мальчика закружилась и к горлу подступила тошнота. Он едва не потерял сознание. Но молчать и, тем более, валяться в обмороке было нельзя, поэтому, преодолев леденящее отвращение, он отозвался слабым, но заинтересованным голосом:

— Интересно, как это у тебя получится?..

— А так же, как получилось с Шеддом! — воскликнул Буно. В голосе его слышалась гордость. — Главное — сделать Звездное ожерелье. Для этого нужно подобрать двенадцать пар горячо любящих друг друга камней и выстроить их в цепь по особым знакам. Такая цепь сможет соединить и удержать вместе самые несоединимые вещи. Скажем, голову человека и туловище гигантского червя. Или жука, или медведки... Если снять с Шедда ожерелье, он тут же умрет, потому что человеческая плоть не может срастись с плотью более низкой твари. Но влюбленные камни творят чудо! Любовь вообще чудо, мой мальчик, даже у людей она кое-что может, а уж среди камней!.. Соединенные в ожерелье пары силой своей любви заставляют кровь человека течь по телу ползучей твари и наоборот.

— Разве камни могут любить? — спросил Конан, на этот раз уже с неподдельным интересом.

— И любить, и ненавидеть, и дружить, и враждовать — как и люди! Только нужно большое умение и большая зоркость, чтобы заметить их любовь или ненависть...

За разговором Буно продолжал перебирать свои камни, низко склонившись над столом и прищурившись. На этот раз на руках у него было что-то вроде грубо сшитых кожаных перчаток, на кончиках пальцев которых искрились небольшие алмазы.

— Смотри, смотри, — продолжал старик. — Я вижу, как тебе интересно. Твои синие глазенки сверкают не хуже двух лазуритов! Если тебя по-настоящему увлекут камни, я могу поведать тебе много-много секретов. Наверное, я совсем состарился: так и тянет передать кому-то свои знания. Так и хочется видеть возле себя пытливые и внимательные глаза ученика. Ты не глуп, Конан. Ты многое мог бы перенять у меня. Впрочем, — спохватился старик, — в твоём новом положении тебе будет трудно даже держать камушки, а не то что работать с ними... Трудно будет держать их в лапках, славных, мохнатеньких шести лапках... Но это ничего. Знание тебе не мешает. Ты будешь разбираться, какие камни чего стоят, и имеет ли смысл ради них забираться в раскаленные расщелины...

Буно выбрал из разноцветной россыпи два продолговатых изумруда и, соединив их вместе, долго разглядывал. Тонкие губы его удовлетворенно подергивались.

— Смотри, какие красавцы чистой воды! Мои славные ребятки немало потрудились, добывая их, а затем шлифуя долгими ночами. Как хорошо, что они не нуждаются в сне и отдыхе и могут шлифовать, шлифовать, шлифовать не разгибая спины... Но найти и придать им ослепительный блеск — это еще не все. Готовые камни я сыпая на пол в своей кладовой — о, какая там многоцветная волшебная груда!.. Много дней я не подхожу к ним и не касаюсь. Ведь нужно время, чтобы они успели познакомиться, кого-то между собой полюбить, а кого-то возненавидеть... Вот эти двое, видишь? — они любят, они полюбили друг друга крепко-крепко, может быть, навсегда. А ты заметил, как я перехитрил эти гордые изумруды? Я не касаюсь их пальцами, но только алмазами, прикрепленными к коже перчаток. Алмазы — мои лучшие помощники, самые стойкие и прочные ребята. Сквозь

алмазную плоть зеленые неженки не почувствуют ничего. Они не узнают, грязны мои помыслы или чисты, пока пальцы мои не коснутся их. Но они не коснутся! Я перехитрил их. Больше не будут рассыпаться в пыль самые чистые, самые ценные мои камушки... Будут смиренно стоять в ожерелье, поглощенные великой любовью, в ряду таких же безумцев... А знаешь, как находить влюбленные пары? Это не так-то легко, мой мальчик! Прежде всего надо отличить мужские кристаллы от женских. Мужские светятся ярче и жестче, женские же более нежны и прохладны. Затем их надо соединять попарно, и, если встретится влюбленная пара, я сразу это почувствую. Они тянутся друг к другу, неуволимо, незаметно для глаза тянутся. И они теплеют, словно разогреваемые внутренним огнем! А если соединить их вместе — вот так! — потом нужно большое усилие, чтобы разъединить их, разлучить... Разлуки влюбленные камни боятся так же, как и влюбленные люди.

Речи старика заворожили Конана, равно как и яркий блеск камней, с которых он не сводил теперь взгляда. Он увидел, как пару соединившихся изумрудов Буно положил рядом с такой же парой красных камней, а с другой стороны придвинул к ним два золотистых. Четвертая пара была светлой и переливчатой.

— А что ты делаешь с ненавидящими камнями? — спросил мальчик, шурясь от слишком яркого мерцания граней. — Вставляешь их в наконечники для стрел и копий?

— О нет! — откликнулся старик. — Хотя твоя мысль неплоха, совсем неплоха! Если бы я был воином или охотником, я бы обязательно прислушался к тебе и в каждый наконечник вставлял по паре смертельно ненавидящих друг друга кристаллов. Но я нашел им другое применение, и оно, поверь мне, не хуже. Если собрать вместе и построить хоровод из камней, не выносящих присутствия друг друга, получится отличная ловушка для того, что невидимо глазом. Лучше всего брать для этой цели гранаты. Самые темные, почти черные гранаты, славящиеся силой и длительностью своей злобы. Их не-

нависть наиболее устойчива и могуча. У меня есть колечко, совсем небольшое, из девяти злобненьких маленьких гранатов, — показал пальцами, какой величины это колечко, и хитро улыбнулся. — Помнишь, ты ринулся искать искры жизни, о которых сдуру выболтал тебе Шедд, у меня в хижине? О, смешной, глупый мальчишка! Искры эти, а вернее, нити, тонкие серебряные нити, невидимые нити — всегда при мне. Я не прячу их в хижине или где-нибудь еще. Маленькое колечко из темных гранатов, каждый из которых ненавидит своего соседа, я прикладывал к губам мертвых воинов, прежде чем впустить в них жизнь. Раскаленные от бессильной ярости камни задерживали своими острыми гранями то, что Шедд назвал искрами, а я повторяю за ним, потому что истинное их название — тайное, и его нельзя произносить вслух. Гранаты вцеплялись в это невидимое, неназываемое своими твердыми зубами и не пускали в ждущие, оживающие и теплеющие тела... И они будут держать крепко, как сторожевые собаки! Они не разожмут зубов, пока не распадется их цепь, либо пока они не умрут.

— Разве камни умирают? — спросил Конан.

Голова у него гудела и позванивала от блеска камней, чада факелов и невероятных знаний, которыми щедро наполнял его старик с готовностью истомившегося без учеников учителя. Мальчик с удовольствием отдохнул бы от всего этого, но долго молчать было нельзя. Он лишь позволил себе прикрыть воспаленные глаза веками.

— Камни умирают, еще как! Разве не на твоих глазах покончил с собой, рассыпался в прах прекрасный изумруд? Правда, обычно они живут очень долго, тысячи и даже тысячи тысяч лет. Влюбленные камни растут и увеличиваются в размерах. Те, что висят на шее у Шедда, за полгода выросли почти на четверть пальца, я измерял. Ненавидящие же — уменьшаются, гаснут от бессилия утолить свою ярость. Если их не разъединить, не разорвать цепочки, они тускнеют и умирают через какое-то время. Правда, я надеюсь, что за это время успею раздобыть все недостающие мне камни. Я успею создать Корону Бесстрастия, пока мои злобные гранаты не за-

чахнут и не отпустят на волю искры жизни моих трудолюбивых рабов.

Буно замолчал. Казалось, он выдохся или просто устал от долгого разговора. Внимательно и сосредоточенно раскладывал он на гладкой поверхности стола окружность из разноцветных каменных пар.

Конану послышался шорох и легкий вздох под столом. Видимо, Гэлла утомилась от долгого сидения скорчившись. Буно настороженно поднял глаза. Мальчик зевнул и почесался, всем своим видом показывая, что источник подозрительных звуков — он сам и никто больше.

— А что это за Корона и зачем она тебе? — спросил он громко и бодро.

— А это уже не твоего ума дело, мой мальчик, — сухо ответил старик.

Переход от возбужденной разговорчивости к угрюмо-сосредоточенному молчанию был слишком резким, и Конан слегка растерялся. Но предпринял, тем не менее, еще одну попытку нарушить опасную тишину:

— Мне очень любопытно еще вот что: где ты их берешь, этих самых гигантских червей и жуков? Или ты их здесь откармливаешь, как индюков, до таких размеров?..

— Откармливаю, — буркнул старик.

Кажется, что-то не ладилось в его ожерелье, и оттого он хмурился и покусывал тонкие губы. Буно менял камни местами, двигал их и переворачивал, сердито и невнятно бубнил, ругая то неженку-изумрудов, то строптивый аквамарин, то слишком ленивую и вялую бирюзу... Наконец он удовлетворенно вздохнул, потер пальцы и посмотрел на мальчика.

— Конечно же, откармливаю. Но не только. Вырастить таких дивных зверей мне опять-таки помогают мои камушки. Есть такой самоцвет — очень вздорный, обидчивый и капризный — опал. Его фантазия не знает пределов. Камушек этот не выносит скуки и все время что-нибудь придумывает, что-то творит... Несколько подземных тупиков я выложил изнутри крупными опалами, а для компании добавил к ним немного черного, как твои волосы, гагата и рыжего солнечного камня.

Гагат и солнечный камень — один своей меланхолией, другой — легкомысленным смехом — словно подстегивают опалы с двух сторон, не дают им дремать и лениться. В моих опаловых тупиках жуки не только растут, они еще и меняются! Предугадать, во что они превратятся, невозможно. Он очень большой выдумщик — опал... Жук, на котором ты так ловко проехался в прошлый раз, был маленьким невзрачным жучком, безмозглым, как все насекомые, когда я выпустил его в переливающуюся всеми цветами клетку. А вырос в какого красавца!.. И всего-то за три луны. Еще лучше моя медведка, мой третий любимый зверек. Ты ахнешь, когда ее увидишь. Она свирепа и всегда голодна, не то что жук, спокойный, как старая черепаха. Челюсти ее уже сейчас могут перегрызть толстое полено, а мощные лапы роют землю быстрее, чем шестеро рабов, вместе взятых. Конечно, учитывая твой дерзкий и необузданный нрав, тебя следовало бы соединить с медведкой, а не с жуком. Вот это было бы чудище: мощное, отважное и сообразительное! Но, к сожалению, медведка еще растет. Опалы еще не кончили фантазировать над ней, и мне не хотелось бы раньше времени их прерывать.

Буно полюбовался на красивую разноцветную окружность, выложенную на столе, затем вытащил откуда-то сбоку гибкую металлическую нить.

— Медь. — объяснил он мальчику. — Металл богини любви Иштар. Именно медью надо скреплять влюбленных.

Какое-то время он работал молча. Конан изо всех сил пытался придумать вопрос, который вновь потянул бы старика за язык, но в голову, как назло, ничего подходящего не приходило. К счастью, Гэлла больше не вздыхала и не шуршала. Может, она там от страха сознание потеряла?..

Неожиданно старик резко поднялся с места и хлопнул в ладоши. Звук этот, оттолкнувшись от каменных стен, запрыгал, как звонкий мячик.

— Готово! — радостно объявил он. — Ну разве Буно не молодец? Сотворить Звездное ожерелье всего за полночи!..

Он крутанулся на месте, а затем высоко подпрыгнул,

завенев всеми своими амулетами и побрякушками, словно был не стариком, а расшалившимся мальчишкой. От неожиданности Конан расхохотался.

— Смейся, смейся! — разрешил Буно. — Я хорошо поработал и сейчас я счастливый, ласковый и покладистый.

Он скорчил мальчику рожу и еще раз подпрыгнул. Затем подошел к стене и провел ладонью по полированной поверхности.

— Спасибо, спасибо, добрые мои друзья... Знаешь ли ты, что это за камень? — спросил он Конана.

Тот отрицательно повел головой.

— Это лабрадор, — торжественно объявил старик. — Мой любимый камень. Мой самый старый и самый преданный друг. Душа его глубока, как бездонная пропасть, и высока, как звезды. Благодаря ему претворяю я в жизнь свои самые безумные, самые великолепные замыслы! Он опускает меня на дно самых жутких тайн, и он же уносит меня в ночное небо, когда мне этого захочется. Он мудр, как змея, и коварен, как змея же. Он любит меня, несмотря на свое коварство, жестокость и спящие в нем кошмары... Он дает мне силу. Могуществом моего взгляда я во многом обязан этим сине-зеленым переливам...

Буно подошел ближе к мальчику и вперил в него свои полубезумные глаза.

— Встань! — неожиданно громко и резко приказал он.

— Зачем? — удивился Конан.

— Встань! Повелеваю тебе — встань!

Конан почувствовал, что его так и тянет подняться. Он едва не вскочил послушно, как раб или малый ребенок. Отчего-то ему вспомнилось, как мать его, гневно сверкнув глазами, отшвырнула плетль после второго удара. Напрягшись изо всех сил, мальчик остался на месте.

— Но я не могу, — сказал он как мог жалобнее. — Меня слушаются только шея и пальцы...

Буно взглянул на него с подозрением, затем покивал головой.

— Да-да. Яд мой действует очень хорошо. Если б не

он, ты сейчас вскочил бы, как верная собачонка на зов хозяина.

Мальчик благоразумно промолчал. Повернув голову, он уткнулся лицом в камень стола, так как глаза его совсем устали от сверкающих наверху бликов. Заметив это, старик горделиво усмехнулся.

— Да, хорошо светят мои камушки! Не хуже солнца. Но при этом они гораздо менее капризны и горды, чем это избалованное светило. Помимо того, что светят, они еще просветляют мой ум, позволяют увидеть будущее и отводят занесенную надо мной руку Рока.

Буно самодовольно задрал голову и посмотрел вверх, но тут же нахмурился, словно прочел в искрящихся переливах что-то не слишком приятное. То ли предупреждение, то ли грозный намек. Он встряхнул головой и провел по глазам ладонью.

— Устал я... Ослепили проклятые камни, и чудится теперь непонятно что... Надо пойти отдохнуть, а потом уже закончить начатое. Но посмотри же, мой мальчик, как оно хорошо!

Он взял со стола ожерелье и бросил на грудь мальчика. Камни ощутимо ударили его по ребрам, и Конан вздрогнул.

— Смотри, смотри, — повторил Буно. — Любишь, если у тебя есть глаза!

Мальчик дотронулся до прохладных камней, заигравших под его пальцами. Буно склонился над ним, показывая то на одну, то на другую самоцветную пару. Усталым и ласковым голосом он объяснял:

— Вот твой камень, Конан, камень неистового и отважного Волка — рубин. Поэтому ты будешь носить ожерелье так, чтобы он всегда находился в ямке у основания горла. Тогда твое мужество и твоя ярость в бою никогда не иссякнут. А оно очень и очень может мне пригодиться, твое мужество... Рубин — это даже не камень, это застывшая кровь древних драконов, пролитая ими на заре времен в жестоких схватках друг с другом. Если на пирушке тебя обнесут вином, погляди на рубин — и ты захмелеешь от одного его вида, и станешь веселее прочих...

Рядом с ним изумруды, к которым мне нельзя прикасаться. Обычно они не ладят с рубинами, им не по нутру жестокость и гнев красных камней, но сейчас они ничего не замечают вокруг — ведь они влюблены. На всем белом свете их только двое... А вот топазы — словно сгустки солнечного света, случайно прорвавшиеся под землю и навечно затвердевшие в ней... В агаты можно всматриваться бесконечно, пока не устанут глаза, находя в их рисунках то неземные леса, то пенящиеся волны, то тонкие и волнистые женские волосы... А если тебе случится упасть со скалы, имея на шее или груди бирюзу — веселую и ленивую простушку-бирюзу, — камень разобьется на мелкие осколки, ты же останешься невредимым...

Старик склонялся все ниже, его бормотание становилось все неразборчивей. От его душного дыхания у мальчика засвербело в носу, и он громко чихнул. Словно очнувшись, Буно выпрямился.

— А ну-ка, привстань, — велел он Конану. — Я одену его на тебя.

Конан потянулся вперед, но, вовремя сообразив, слабо застонал:

— Нет... Все еще не могу...

— Крепкий, крепкий моя яд... — пробормотал старик. Он приподнял затылок мальчика и надел ему на шею ожерелье, плотно закрепив медной нитью. — Это хорошо. Это и для тебя хорошо, мой мальчик. Значит, ты не почувствуешь боли. Будет немного страшно. Немного неприятно, но — не более того... Носи же эти дивные камушки, носи, не снимая. В них теперь твоя жизнь.

Старик подошел к двери, тяжело загребая ногами, и, прежде чем открыть ее, обернулся.

— Я отлучусь ненадолго: пришла пора поискать твоего приятеля. Твои будущие ножки — шесть проворных золотистых ножек... Твою будущую спинку с отличным, вросшим в нее доспехом... Пожалуй, отдыхать я буду потом, когда все будет кончено. Не скучай без меня, мой мальчик.

* * *

Лишь только старик вышел, Конан мгновенно соскочил со стола. Руки и ноги слушались его, хотя, конечно, и не так споро и ловко, как прежде. Пожалуй, бежать или драться он еще не мог, но вот идти быстрым шагом — вполне.

Мальчик осторожно приоткрыл дверь, чтобы увидеть, в какую сторону удаляется спина Буно. Затем он вытащил Гэллу из ее ненадежного убежища и подтолкнул к двери. Бедная девушка с трудом распрямилась — так онемели ее мышцы от долгого сидения скрючившись.

— Скорее! Сейчас он явится обратно вместе с жуком!..

Он тянул за собой девушку, громким шепотом кляня ее за глупость и неповоротливость, пока они не свернули в один из неосвященных тупиков. Здесь он позволил ей и себе остановиться и перевести дух.

— Я так боялся, что ты чихнешь или заворочаешься, — прошептал мальчик. — Проклятый старик — моя бедная голова чуть не лопнула от его разговоров...

— О Конан! — выдохнула Гэлла, и словно теплый ветерок пронесся по его волосам. — Мне было так страшно!.. Под столом совсем не было места, моя рука или нога все время торчала... Если бы он только догадался обойти вокруг стола... Но какое счастье, что ты уже можешь ходить! Теперь нам бы только разыскать Кевина...

— Кевин нам пока не нужен, — возразил мальчик. — Ты что, не помнишь, как он слушается каждого слова Буно? Шедд — вот кого нужно разыскивать. Он проведет нас к расщелине наверху, той самой, в которую я пролезал два раза. Без него я запутаюсь в этих ходах.

— Как?! — Гэлла заморгала часто-часто. — Ты хочешь уйти отсюда без Кевина?.. И это сейчас, когда мы знаем, где прячет Буно искры?.. Он же сказал, что они в кольце из гранатов, а кольцо где-то на нем... Мы должны найти это кольцо и спасти Кевина и всех остальных!

— Кром! — вздохнул мальчик. — Посмотрел бы я на тебя, когда ты будешь обшаривать Буно, а он при этом будет покорно поворачиваться во все стороны, чтобы тебе

было удобнее! Лучше не спорь, а иди за мной молча, как полагается женщине.

Он вышел из прикрития и, настороженно озираясь, двинулся вперед. Немного помешкав, Гэлла скользнула за ним. Она шла бесшумно, но глубоко и прерывисто дышала, чтобы справиться с обидой. Ее вздохи, укором шелестевшие за его спиной, действовали Конану на нервы.

— А ну-ка, затихни! — сказал он, останавливаясь. — Нечего сопеть и всхлипывать. Нужно прислушаться. Оттуда, где они работают, будет доноситься стук.

Оба затаили дыхание, но вокруг было тихо. Только потрескивали факелы, да шуршали осыпающиеся сверху мелкие камни.

— Сейчас ночь, — прошептала Гэлла. — Все они спят, а не работают.

— Да, пожалуй, еще ночь, — согласился Конан. — Но они не спят по ночам. Они шлифуют камни. Имеет смысл разыскать хотя бы Кевина. Он должен знать, где бывает по ночам Шедд.

— Да-да, разыщем Кевина! — радостно согласилась девушка.

Ход, по которому они шли, становился все уже и ниже. Реже попадались светильники. Конан снял со стены два факела, предусмотрительно погасив один из них.

— Мы прошли много боковых ответвлений, — сказал он. — Придется заглянуть в каждое из них — Кевин или Шедд могут оказаться в любом из них. Впереди мы вряд ли их найдем: дальше становится слишком низко и сыро. Пойдем вбок.

Во всех мальчишеских играх Конан обычно брал на себя роль вожака. Поэтому и здесь, в душной полутьме подземелья, где так легко было заблудиться или попасть под обвал, голос его звучал с решительными и властными интонациями. Гэлле ничего не оставалось, как покорно подчиняться мальчику.

Едва они свернули в ближайший от них боковой ход, как в ноздри резко ударила густая вонь гниющего мяса.

— Прощу тебя, Конан, давай вернемся! — закашляв-

шись и зажимая нос, попросила Гэлла. — Здесь не может быть Кевина. Да и Шедд — вряд ли...

Но мальчик, не слушая ее, шел вперед. Помимо вони он различал еще шорохи, поскрипывания и костяной скрежет. Вскоре факел в его поднятой руке осветил железную решетку с толстыми прутьями. За решеткой шевелилось что-то очень большое и бесформенное.

— Конан! — пискнула за его спиной Гэлла, и пальцы ее, ставшие ледяными от страха, впились ему в плечо.

— Кром! — прошептал мальчик, но в голосе его слышалось куда больше восхищения, чем ужаса.

За решеткой, дробя блики факела, переливалась и искрилась опаловая нора, в которой томилось гигантское насекомое. Должно быть, то была та самая медведка, о которой с такой гордостью рассказывал Буно. Причудливые опалы перемежались полосами гагата и дисками золотистого солнечного камня. Их праздничное великолепие странно и дико контрастировало с ворочающимся чудовищем. Очень отдаленно медведка напоминала коня, закованного со всех сторон в латы, но только длиннее его в два раза.

Когда прошел спазм первого потрясения, Конан шагнул вплотную к решетке и, поводя факелом, осмотрел медведку спереди и с боков.

— Ты только посмотри! — выдохнул он восхищенно. — Ты посмотри, какая у нее броня!.. А челюсти!..

— Я не хочу смотреть, Конан... — жалобно прошептала девушка, по-прежнему прячась за его спиной. — Я не могу смотреть на такое. Заклинаю тебя, уйдем отсюда!

— Подожди, подожди!

Поистине, Буно был прав: это похлеще, чем жук. Когда мальчишкам приходилось находить в земле медведок — обыкновенных маленьких медведок, — мало кто из них осмеливался взять насекомое в руку и рассмотреть, большинство с брезгливыми криками забрасывали его камнями, настолько противен его вид. Круглые глаза без зрачков, похожие на икринки рыб, выступающие вперед хитиновые челюсти, шевелящиеся усы, массивные ноги, похожие одновременно на лопаты и на щетки для раз-

гребания земли, длинное членистое брюшко — все это вместе вызывало отвращение и бессознательный страх даже к существу длиной не больше мальчишеской ладони. Каково же было видеть все это увеличенным в сотню раз!..

Но в то же время размеры и мощь подземного чудовища не могли не вызывать уважительного восхищения..

Гэлла прижалась к спине Конана, и от крупной дрожи, сотрясавшей ее тело, мальчик невольно покачивался.

— Прекрати, Гэлла! — прикрикнул он. — Разве ты не видишь, какая прочная здесь решетка? Она не вырвется.

Рядом с основанием решетки стоял большой деревянный ящик. Именно от него плотной волной исходило зловоние. Посветив факелом, Конан увидел, что ящик был забит доверху тушками кроликов и сурков. По всему было видно, что медведка предпочитала гниющее мясо свежему. Преодолевая брезгливость, мальчик подцепил ножом одну из тушек и просунул ее сквозь прутья. Костяные челюсти раскрылись и захлопнулись — Конан с трудом сумел выдернуть нож, защелкнутый рядом мелких треугольных зубов.

— Голодная зверюга, — пробормотал он. — Вечно голодная и вечно свирепая, как говорил Буно.

— Да пойдем же, Конан!.. — совсем уже слабым и жалким голосом попросила Гэлла.

Мальчик повернулся к ней и потряс за плечо, чтобы привести в чувство.

— Сейчас мы пойдем, — пообещал он. — Но какая ты странная, Гэлла. В тебе, должно быть, два сердца: сердце кролика и сердце рыси. То ты остаешься на кладбище ночью и лезешь следом за Буно в подземелье, а то падаешь в обморок от одного вида забавной зверюшки..

— Во мне одно сердце — сердце кролика, — вздохнула девушка. — И на кладбище, и в подземелье оно чуть не выскочило у меня из груди, а уж тем более здесь..

Конан снова повернулся к чудовищу. Что-то притяги-

вало его к ужасному творению опалов и не давало расстаться так сразу.

— Послушай-ка, Гэлла! — сказал он вдруг. — Мне сейчас пришла в голову отличная мысль! А что если мы выпустим эту красавицу из клетки и сядем ей на спину? Я серьезно. Не смотри на меня так, иначе твои глаза выпадут из-под бровей и покатаются на пол. Тому, кто сидит на ее спине, она ничего не сможет сделать. Я знаю точно, я ездил на таком же жуке, целых два раза. Ни Буно, ни его рабы не посмеют приблизиться к этому страшилищу, и мы свободно выберемся отсюда. Ну же, Гэлла! Решайся! Видишь, какая длинная у нее спина — там вполне хватает места для двоих!..

Девушка не могла даже вымолвить: «О нет, Конан!», она лишь крупно дрожала и не сводила с него умоляющих, распахнутых глаз.

Воодушевленный своей дерзкой идеей, мальчик продолжал уговаривать ее:

— Это совсем просто, смотри. Я залезу на самый верх решетки, ты отодвинешь засов, а потом убежишь и спрячешься за поворотом. Когда она проползет подо мной, я вскочу ей на спину. Она такая длинная, что не сможет развернуться и будет ползти лишь в одном направлении. Ты догонишь ее сзади, и я подтяну тебя наверх. Гэлла! Это единственная наша возможность вырваться отсюда! Она выползет наружу, и мы поедем на ней, как... как подземные короли!..

Поняв наконец бесполезность своих уговоров, Конан сплонул.

— Вот навязалась ты на мою голову!..

Впрочем, он тут же вспомнил, что, не будь Гэллы, голова его лежала бы сейчас на холодной плите лабрадора и, возможно, соединенная уже не с прежним туловищем. Его дремучей душе было ведомо, однако, чувство справедливости, и сейчас оно, заговорив в нем, побудило взять девушку за руку и вывести из зловонного тупика.

Пройдя несколько шагов, Конан выбрал относительно сухое и мягкое от толстого слоя пыли место.

— Давай посидим, Гэлла, — сказал он, опускаясь на

землю. — Да перестань ты дрожать! Отдышись... Если бы со мной была моя мать, она не испугалась бы. Она — настоящая киммерийка. А ты... Какой же Кевин дурак, что хотел на тебе жениться.

Гэлла не обиделась. Видимо, душевных сил на обиду у нее уже не было. Она глубоко дышала, полузакрыв глаза и опершись затылком о стену. Факел в руке Конана догорал. От последних его искр он зажег второй факел и воткнул его рукоятью в щель между камнями.

Девушка оправилась от потрясения довольно быстро. Лишь только Конан тоже прикрыл веки и собрался было немного подремать в тиши, как почувствовал на своей шее прикосновение прохладных пальцев. Он открыл глаза и повернул голову.

— О Конан!.. — Гэлла осторожно перебирала камни на Звездном ожерелье. В серых глазах ее, искрящихся не хуже камней, было восхищение. — Неужели Буно подарил тебе это чудо?.. И ему не жалко?..

— Подарил!.. — хмыкнул мальчик. — Еще бы! Да еще сказал, что теперь в нем будет моя жизнь. Ведь оно должно было держать мою голову на теле жука!

— На теле жука? — не поняла девушка.

— Ты что, разве ничего не слышала, когда сидела под столом?!

— Я слышала очень много, Конан... Он так интересно рассказывал о камнях... Но, наверное, я не все поняла, потому что все время думала, как бы не пошевелиться... Я даже сердце свое уговаривала стучать потише, чтобы не услышал Буно...

Конан усмехнулся.

— Глупая же ты! — Впрочем, он тут же вспомнил, что зря упрекает девушку: он не рассказывал ей о Шедде, и догадаться, что затеял сотворить с ним старик, Гэлла не могла. — Ну, ладно. Что ты так уставилась на эти камни? Бери их себе, раз они тебе так нравятся.

— Правда, Конан?!.. — Гэлла вспыхнула от радости. — И тебе не жалко отдавать такое чудо?..

— Разве воину подобает носить на шее блестящие

камни? Это только старик Буно может обвешивать себя побрякушками, да очень глупые женщины.

Мальчик попытался снять ожерелье, но через голову оно не пролезало.

— Ладно, потом, — сказал он. — Когда мы выберемся отсюда.

— Наверное, я действительно очень глупая, Конан... Но мне трудно отвести от них глаза... Двенадцать влюбленных пар.. Они теплые, Конан. Они светятся. Они живые... А про детей он ничего не говорил, Конан? У них будут рождаться дети?.. Если да, то через несколько лет у меня будет много-много таких разноцветных камушков, маленьких и побольше, и совсем больших... Я буду дарить их своим детям... Я буду одевать их на шею воинам перед битвой, чтобы бирюза и изумруды хранили их от зла, а рубины поддерживали мужество...

* * *

После недолгого отдыха Конан и Гэлла вновь принялись блуждать по сырым подземным лабиринтам, прислушиваясь к каждому стуку и шороху. Несколько раз до них доносились приглушенные голоса, слабые звуки шагов, но, направившись в ту сторону, они натыкались на стену, либо возвращались в тот самый хорошо освещенный проход, где блестела в стене обитая медью дверь.

По словам девушки, от медной двери до выхода на кладбище было совсем близко, шагов тридцать-сорок, но Конан не хотел рисковать. Конечно же, старик не позволит им так легко ускользнуть из его владений. Либо он сам сторожит их у выхода, либо его верные вялые рабы. Мальчик не терял еще надежды наткнуться на Шедда и с его помощью отыскать спасительную расщелину.

Гэлла начала уставать. Она не жаловалась, но все чаще спотыкалась, то и дело цепляясь за острые выступы породы. Конан с факелом шел впереди, и оттого дорога была видна ей намного хуже, чем ему.

Когда Конан совсем было решил остановиться и кое-как переночевать, скорчившись на земле, в одном из

глухих тупиков — хотя ночь, несомненно, была уже на исходе, и близился рассвет, — они слышали монотонный ритмичный гул. Пойдя по его направлению, они вскоре увидели провал в каменной толще, светившийся багровыми отблесками горевших где-то внизу факелов. Сделав знак девушке молчать и не трогаться с места, мальчик осторожно подошел к краю провала, встал на колени и заглянул в него. Глазам его предстало довольно большое помещение, почти такое же светлое, как и комната Буно. Такие же прозрачные кристаллы на потолке умножали свет нескольких факелов, дробили их тусклое сияние на тысячи веселых искр. Пол был усыпан множеством необработанных самоцветов. Прямо на каменном полу, не подстелив даже шкур, сидели на корточках, либо стояли на коленях полуголые мертвые воины. Руки их монотонно шлифовали на кожаных кругах кристаллы, а губы выводили столь же монотонную и унылую, и, по-видимому, бесконечную песню. Головы их мерно покачивались, как у пахущих в ярме волов. Одни голоса, безжизненные, шелестящие, как сухой песок, стихали, другие тут же подхватывали...

Будет камень чист, как слеза,
Будет камень весел, как солнце,
Будет камень тверд, как надежда.
Будет, будет, будет...

Возьми свой камень — верни мою душу,
Возьми свой камень — верни мое сердце,
Возьми свой камень — верни мое солнце.
Верни же, верни, верни...

Кевин пел и работал вместе со всеми. Голова его была низко опущена, из глаз струились слезы — видимо, от слишком яркого сияния хрусталей, от слишком острых искр голубого камня, который он, шлифуя, медленно перекатывал в пальцах.

Кричите, камни, ведь мы вас режем,
Кричите, камни, ведь мы вас колем,
Кричите, камни, ведь мы пытаем.
Кричите, кричите, камни...

— Что там, Конан? — спросила изнывающая от любопытства Гэлла.

Мальчик подвинулся и дал ей заглянуть в пролом, предварительно смерив ее строгим взглядом и прижав к губам палец.

— Там Кевин! — воскликнула девушка. Невзирая на предостережения Конана, она громко закричала: «Кевин! Кевин!..»

Конан заткнул ей ладонью рот, но было поздно. Кевин оторвал голову от своего камня. Сквозь пелену слез и чад факелов он пытался рассмотреть, откуда донесся зов. Наконец он заметил пролом в углу потолка, в котором белели чьи-то лица. Он медленно подошел к нему и задрал голову.

— Это ты, Конан? — спросил он. — Я плохо вижу. Ответь мне.

— Это я, я! — откликнулся мальчик. — Скажи мне, только поскорее: где твой отец? Где Шедд?..

— Кевин! — снова подала голос девушка. — А разве меня ты не видишь? Это я, Гэлла!

— Гэлла? — переспросил Кевин, всматриваясь вверх. Он протер воспаленные веки и снова спросил без всякого выражения: — Гэлла? Зачем ты здесь? Зачем ты привел ее, Конан?

— Как бы не так! «Привел!» Она сама сюда залезла следом за Буно, — ответил мальчик. — Если мы не найдем Шедда, мы пропали. Без него я не смогу отыскать ту расщелину, в которую пролезал сюда два раза. Я бы попросил об этом тебя, Кевин, но, сам понимаешь, ты уже два раза здорово подводил меня. Третьего я не хочу!

— Шедд вам не поможет, — сказал Кевин. — Буно завалил ту расщелину. Огромными камнями. Есть только один выход отсюда. Но его сторожит Браг. Он не выпустит, Буно приказал ему. Буно приказал нам тоже — поймать тебя, как только увидим или услышим.

— Ты ловил меня уже целых два раза! — усмехнулся Конан. — Попробуй еще разок!

Он спустил в провал одну ногу и, дразня, покачал ею.

Кевин шагнул вперед и выбросил руки, но нога мгновенно убралась назад. Конан расхохотался.

— О Кевин! — воскликнула Гэлла с горечью.

— Ты не забыл, Кевин, что Гэлла когда-то была твоей невестой? — спросил мальчик. — Ее ты тоже хочешь схватить и услужливо притащить к Буно?..

— Про Гэллу он не говорил, — ответил Кевин. В его бесстрастном голосе, казалось, появились нотки растерянности. — Он не знает, что Гэлла здесь. Пусть она уходит.

— Кевин! — ворвалась в их разговор девушка. Голос ее дрожал. — Это же я, Кевин! Вспомни меня!..

— Я помню, — ответил Кевин, словно один песчаный холм отозвался другому.

Конан не успел даже пошевелиться, как Гэлла проскользнула своим гибким телом в пролом и спрыгнула. Она бросилась к Кевину и обняла его, заглядывая в глаза.

— Вспомни, вспомни меня, Кевин! Очнись же!.. Прогнись!..

— Я помню, помню, помню... — тоскливо повторял Кевин, пытаясь освободиться из кольца ее рук.

— Да перестань же ты, — не выдержал Конан. Он предусмотрительно оставался наверху, готовый в любой момент вскочить и унести прочь. — Я ведь тебе говорил: тебя не обрадует встреча с ним! Ты мне не верила? Любишься теперь! Пойми же, глупая девчонка: это не Кевин! Кевина больше нет. Зачем ты трясешь его и целуешь?.. Он не проснется.

— Неправда! — всхлипывала Гэлла. — Он плачет! Он вспомнил меня!..

— Он плачет, потому что камни слепят ему глаза! — не унимался Конан. — Ты и не так заплачешь, если будешь шлифовать их всю ночь. Оставь его, Гэлла!

— Оставь меня, Гэлла, — повторил за ним Кевин. — Я помню, помню. Уходи, Гэлла. Скоро придет Буно. Уходи, пока он не увидел тебя.

— Да, да, уходи скорее! — поддержал его сверху Конан. — Браг пропустит тебя. Ведь Буно велел ему

изловить меня, а про тебя он еще не знает! Ты проводишь ее до выхода, Кевин?

— Я провожу ее, — отозвался Кевин.

Он взял девушку за руку и потянул к дверям.

— Но ведь я не для того сюда... Но ведь искры жизни... Кевин, мы знаем теперь, где они... О, не тащи же меня, Кевин! — сопротивлялась она.

Не глядя на нее и угрюмо набычившись, он продолжал тянуть ее к выходу. Справиться с ним Гэлла не могла и только жалобно оглядывалась на Конана, который делал ей отчаянные знаки, чтобы она не шумела.

«Вот глупая девчонка! Отчего она так вопит?! — сокрушался про себя мальчик. — Ведь Буно сейчас выползет на ее крики, и она пропала. Где была моя голова, когда я доверил ее Кевину? Ведь стоит только старику приказать...» Он с досадой ударил себя по колену. Придется, видимо, немедленно бежать за ними. Только бы не опоздать!..

Поколебавшись немного, Конан тоже спрыгнул в пролом и проскользнул мимо рабов, стараясь быть как можно незаметнее. Но те даже не повернули голов в его сторону, продолжая все так же шуршать по камням кожей, низко гудя не имеющую конца песню:

Будите, камни, подземных духов,
Будите, камни, детей Нергала,
Будите, камни, пусть все погибнет,
Рухнет, рухнет, рухнет...

Оставив за собой сверкающее всеми цветами радуги, но при этом безмерно гнетущее помещение, Конан вышел в главный подземный проход и собирался уже в три прыжка догнать маячащие впереди него спины Гэллы и Кевина. Девушка продолжала уговаривать бывшего жениха и сопротивляться, и каждое ее слово отчетливо звенело под узкими каменными сводами. В десятый раз помянув недобрым словом ее глупость и безрассудство, мальчик рванулся было вперед, но тут же осадил себя. Поздно!.. Проклятый старик услышал-таки ее вопли и,

приоткрыв обитую медью дверь, всматривался в приближающиеся фигуры.

Пока Буно не успел заметить его, Конан отбежал на несколько шагов назад и затаился в одном из тупиковых поворотов. Ему было слышно каждое их слово.

Разглядев, кого подталкивал и тянул Кевин, старик расхохотался, с противными всхлипываниями и повизгиваниями, словно ему выпала совсем уж невероятная радость.

— Неужели мои старые глаза не врут?! Ты ли это, Гэлла?! Вот так подарок! Такая нежная, такая маленькая девочка, и вдруг среди этих сырых камней!.. Давно мне не выпадало такой удачи!..

Гэлла молчала и лишь переводила расширившиеся глаза с неподвижного лица Кевина на кривляющееся личико старика и обратно.

— Ты смелая, моя девочка! О, ты очень смелая, раз сумела пробраться сюда! Неужели ты следила за мной с самого кладбища? Ты самая-самая смелая из всех юных и хорошеньких девушек, которых я знаю! А мне очень нужны отважные и смелые. Ах, что за подарок вручаешь ты мне, друг мой Кевин!

— Я не вручаю, я провожаю ее до выхода, — сказал Кевин, и Конану почудилось что-то человеческое в его голосе.

— Провожаешь? — удивился старик. — Но кто тебе велел ее провожать?

— Мне велел Конан. Пропусти нас, Буно. Дай нам пройти. Она не найдет без меня выхода.

— С каких это пор ты слушаешься приказов Конана?! — еще больше удивился старик. — Я приказал тебе найти и схватить мальчишку. Если он не дастся живым, убить его! Ты меня понял? А девушку проводи ко мне и оставь ее там.

— О Кевин! Умоляю тебя!.. — вскрикнула Гэлла.

Голос ее был таким жалобным и отчаянным, что Конан в своем укрытии скрипнул зубами от бессилия и крепко прикусил себе ладонь.

— Гэлла хочет домой, — тоскливо возразил Кевин. — Ей страшно. Я провожу ее к выходу.

Наступило молчание. Такое гнетущее и тягостное, какое бывает только перед чем-то совсем ужасным.

— Ты будешь слушаться меня, Кевин, — наконец произнес Буно, сухо, безжизненно и размеренно. — Ты будешь слушаться меня и только меня. Сейчас ты отведешь девушку ко мне и хорошенько свяжешь ей руки и ноги. Потом изловишь мальчишку. Иди же.

Послышался звук открываемой и закрываемой двери. Потом все стихло.

Спустя недолгое время дверь снова открылась, и Кевин, тяжело шаркая ногами, прошел обратно, в ту сторону, где тянули шелестящую песню его мертвые товарищи. Он едва не задел плечом Конана, высунувшегося из своего укрытия, но был так погружен в невидимую никому пустоту в собственной грудной клетке, что ничего не заметил.

* * *

Времени на долгие раздумья у Конана не оставалось. Да и выбирать ему особенно было не из чего. Идти вперед, к выходу, нельзя. Выход сторожит Браг, человек-скала — это не Кевин и даже не Сангур, из его мощных лап не вырвешься. Расщелина, манящая голубым небом, завалена камнями. С Гэллоу, глупой, как все девчонки, и отчаянной, как ни одна из них, в скором времени случится что-то совсем нехорошее — даже думать не хочется о том, что именно собирается сделать со своей пленницей Буно.

Подождав, пока стихнут звуки стариковских шагов Кевина, мальчик помчался назад, в сырость и тьму сужающихся подземных ходов. Он хорошо запомнил поворот в тот тупик, где шуршало и скрипело членистым брюхом по отшлифованным камням выращенное опалами чудовище. Ударившее в нос зловоние сказало ему, что он не ошибся и свернул в нужном месте.

Одной рукой зажав себе нос, Конан прежде всего

разбросал гниющие тушки на расстоянии пяти шагов одна от другой, чтобы медведка свернула в нужную сторону и поползла к выходу, а не в глубь земли. Когда кончилась последняя тушка, он вытер руки о стены и подошел к решетке. Морда медведки, словно выплывшая из самого кошмарного сна, была прямо перед ним, но смотрит ли она в упор на мальчика, либо вовсе его не видит, понять было невозможно. Глаза-икринки, покачивающиеся на двух стебельках, как у рака, не имели зрачков, и нельзя было определить направление их взгляда. Челюсти, похожие на сооружение из нескольких ржавых лопат, двигались из стороны в сторону с жестяным треском.

— Ну что, красавица? — кивнул ей Конан. Он старался говорить громко и звонко, чтобы заглушить неприятно ворочающееся в груди чувство страха. — Застоялась здесь?.. Сейчас побегаешь! Сейчас разомнешь все шесть своих хорошеньких резвых ножек!..

Конан отодвинул засов и с трудом приоткрыл тяжелую решетчатую дверь. Помедлив, словно прикидывая, стоит ли покидать свою красивую, искрящуюся всеми цветами клетку, чудовище медленно двинулось вперед. Когти на передних лапах царапали каменный пол, хитиновые покровы на боках, задевая о стены, грохотали, словно железные. Нагнувшись, медведка подобрала с пола первую тушку, и челюсти ее клацнули и задвигались быстрее.

Не сводя с нее глаз, мальчик пятился назад, в одной руке держа факел, другой нащупывая на поясе нож. Почувствовав за спиной поворот, он прошел несколько шагов в глубь подземелья и прижался к стене.

Чудовище было таким громоздким и длинным, что, дойдя до выхода из тупика, не могло развернуться. Нижняя часть туловища застревала в недостаточно широком проходе. Хитиновые доспехи скрежетали, высекая из камня синие искры. Отвратительно запахло чем-то, напоминающим паленные волосы. От тщетных усилий протиснуться и дотянуться до соблазнительной тушки медведка вдруг не то замычала, не то завывала. От замогильных этих звуков по спине Конана прокатилась ледяная волна.

— Ну, давай же! — прикрикнул он на нее, разозлившись на себя за свой испуг. — Ну, протискивай свое толстое брюхо! Поднажми! Постарайся!..

Брюхо у медведки было вовсе не толстым, скорее, обвислым и волочащимся по земле. Как видно, Буно не слишком сытно кормил своего «любимого зверька». Мешало пролезть не брюхо, членистое и подвижное, а жесткие хитиновые надкрылья.

Конан подошел к чудовищу вплотную, напрягшись от азарта и страха. Одна из скребущих по земле лап едва не задела когтями его босые ступни. Примерившись, мальчик уперся на миг ногой в жесткое и острое сочленение и ловко забросил свое тело на длинную спину. Скользящий коричневый покров на хребте насекомого напоминал кожаное седло. Отбросив факел, Конан двумя руками схватился за шевелящиеся усы, похожие на голые, без коры, гибкие прутья деревьев. Он крепко сжал их ладонями и потянул на себя, словно поводья. Медведка задрала голову и снова замычала.

— А ну, пошла! — прикрикнул на нее мальчик и еще сильнее натянул поводья-усы. — Вперед, моя лошадка!..

То ли от боли, то ли от изумления медведка рванулась вперед с удесятеренной силой и, расцарапав надкрылья о стены, вырвалась наконец в проход.

— Молодец, молодец, коняга! — похвалил ее Конан, пошлепав ладонями по спине. — Вперед!

Медведка поползла, со скрежетом и подвыванием. Нагнув голову, она хотела было подхватить валявшуюся на пути тушку, но мальчик дернул ее за усы и заставил оторваться от лакомства.

— погоди, зверюга! Ты мне нужна голодной и свирепой! Если будешь меня слушаться, скоро закусишь своим хозяином!..

Неуклюже, но довольно быстро для своего веса медведка продвигалась вперед. Когда до обитой медью двери осталось шагов десять, Конан изо всех сил потянул за усы.

— Стой! А ну стой, слышишь?!

Не сразу поняв, чего от нее хотят, медведка вновь

громко взвыла, затем остановилась. Буно не мог не услышать этого воя даже за медной дверью. Мальчик видел, как изменился в лице выглянувший в проход старик. Конан расхохотался, вызвав звонкое эхо.

— Где Гэлла? — громко и дерзко спросил он. — Живо отпусти ее наверх! Иначе моя некормленная лошадка быстро тебя растерзает!

Но старик растерялся лишь в первый момент. Опомнившись, он закричал, властно и пронзительно:

— Эй, все сюда, верные мои ребята! Быстрее! Да прихватите с собой луки со стрелами!

Мальчик, заслышав за собой топот множества ног, оглянулся. Послушные рабы теснились в проходе, почти наступая на подрагивающие лопасти раздвоенного хвоста медведки. Один из них, кажется, Сангур, держал в руке лук. Ни страха, ни даже удивления не было в их лицах, словно гигантские чудовища попадались им на глаза ежедневно.

Буно торжествующе рассмеялся и подмигнул Конану.

— Моих ребяток не так-то легко испугать, мой мальчик! Они ведь знают — что бы ни случилось, я заштопаю их снова. Мои замечательные, мои верные рабы никогда и ничего не боятся. А ну-ка, мальчики! Ну-ка, Сангур, подстрели мне этого выскочку! Только, умоляю тебя, не в голову!.. Голова его мне еще пригодится!..

Прежде чем Сангур успел выпустить стрелу, Конан низко пригнулся, почти распластавшись на гладкой спине, и ослабил хватку усов. Медведка поползла вперед. Буно быстро захлопнул дверь и исчез в своей каморке.

— Скорее! — погонял мальчик своего нерасторопного скакуна. — Кром!.. Скорее!

Он услышал, как стрела просвистела над ним совсем близко, едва не задев позвоночник. Следом за ней вторая выдрала клочок волос над правым ухом. К счастью, медведка увеличила скорость, понукаемая криками Конана, а также свистящими стрелами. Большинство из них отскакивали от ее хитиновых доспехов, но одна или две впились в незащищенные щели между щетинами на брюхе.

Сангур и прочие рабы не стали догонять Конана, а остались на прежнем месте, поскольку не получили соответствующего приказа. Охранявший пролом в скале богатырь Браг, увидев мчащееся на него чудовище, вжался в стену, подобрав живот. Медведка пронеслась мимо, не задев его, и вылетела на зеленую ложбину кладбища, словно ошпаренный барсук из своей норы.

Свежий ветер ворвался в уставшие от подземной затхлости легкие мальчика. Конан несколько раз глубоко вздохнул. У него мелькнула соблазнительная мысль двинуться прямо в селение, хохоча и покрикивая, чтобы все расступались с дороги. Все упадут от страха и изумления, даже старый Меттинг!.. Но тут же, со вздохом, он прогнал от себя эту ослепительную идею. Как ни противно и ни уныло, но придется еще раз заглянуть во владения Буно.

Дергая за усы, крича и колотя в бока пятками, Конан заставил медведку развернуться. Она не сразу поняла, чего от нее требуют, и какое-то время кружила на месте, пропахивая в земле огромные борозды всеми шестью лапами и хвостом. Не раз мальчик чуть было не слетал со скользкой спины. Он балансировал локтями, упирался в твердые бока коленями, и наконец старания его увенчались успехом. Догадавшись, что ей нужно вернуться в черный провал, из которого она только что вылетела, медведка с готовностью устремилась туда, так как яркий свет наводил на нее страх и растерянность.

Браг на этот раз уже не стал вжиматься в стену, но побежал впереди чудовища. Впрочем, спасался он довольно спокойно и неспешно, без каких-либо признаков паники.

— А ну, поддай, Браг! А то догоним! — весело покрикивал Конан.

Езда на скрежещущем и воющем скакуне приятно возбуждала его. Хотелось размахивать руками, подскакивать и беспричинно смеяться.

Браг добежал до молчаливой толпы остальных рабов, и все они, не сговариваясь, развернулись и устремились вперед, в глубину подземелий.

Мальчик не без сожаления прыгнул со спины своей

лошадки, лишь только они поравнялись с медной дверью. Медведка, взмахнув освобожденными усами, зашпенила вперед еще быстрее. Рабы убегали от нее, но в полном молчании, без криков или проклятий.

Конан рывком распахнул медную дверь, ввалился в комнату и обвел ее разгоряченным взглядом. Грудь его тяжело вздымалась от недавней скачки, лицо горело. Он бросился к Гэлле, ничком лежащей на лабрадоровом столе, и ножом перерезал ей путы на руках и лодыжках. Он сделал это так быстро, что Буно успел за это время лишь оторваться от своих камней и привстать из-за стола. Крепко сжав в ладони нож, мальчик шагнул к нему и замахнулся.

На счету Конана было несколько оленей, пара кабанов и один медведь. Ни разу еще не поднимал он руку на человека. Что ж, пусть это будет первый! Да и разве можно назвать гнусного колдуна человеком?..

— А ну-ка, брось нож, мой мальчик! — отчетливо произнес Буно.

Голос его был спокойным и тихим. Светлые глаза впились в зрачки взъерошенного противника. Конан хотел было презрительно рассмеяться, но смех застрял у него в горле.

— Брось свое оружие, — повторил старик.

Мальчик помотал головой. Он хотел отвернуться, но не мог. Хотел зажмуриться, но веки не повиновались ему... Глаза старика приказывали, давили, лишали сил. Мышцы правой ладони сами собой стали расслабляться... Еще миг — и оружие его со звоном покатится на пол, а Конан перестанет отличаться от послушного Кевина... Темно-переливчатый лабрадор со стен, стола и пола помогал своему хозяину, усиливая его взгляд и превращая в существо нечеловеческой мощи.

— Гэлла! — с великим усилием разжав губы, выдохнул мальчик. — Уходи отсюда... быстро... за дверью никого нет... Возвращайся домой...

Гэлла зашевелилась. Старик перевел свои яростные зрачки в ее сторону.

— Сиди, где сидишь! — приказал он.

Девушка замерла. Но за этот миг, что глаза колдуна были оторваны от глаз Конана, мальчик вышел из оцепенения. Сжав нож с такой силой, что заболела рука, он бросился на Буно. Тот ловко увернулся и перехватил руку Конана, вновь впившись в него приказывающим взглядом.

— Беги, Гэлла! Уходи, пока я держу его!.. — закричал мальчик, с тоской чувствуя, как опять все размягчается и застывает в нем под властными токами из зрачков старика.

Девушка подскочила к двери. Поняв, что с помощью взгляда с двоими ему не справиться, Буно изменил тактику. Он неожиданно и очень сильно оттолкнул мальчика, так что тот упал и ударился затылком о стол. В тот же миг он рванулся к двери и вцепился в Гэллу, готовясь вместе с ней унести прочь. Но, раскрыв дверь, Буно наткнулся на неожиданное препятствие и отступил назад.

Конан, с трудом приподнявшийся и ощупывающий голову, которая гудела, как медный щит от удара меча, услышал слабый и сдавленный от ужаса вскрик Гэллы.

В дверях, подергивая блестящей малиновой кожей на жутком теле, стоял Шедд. Его укоризненно покачивающаяся голова была на уровне груди старика.

— С дороги, раб! — приказал Буно. — Убирайся прочь, земляной червь!..

— Я не раб! — возразил Шедд. — Ты забыл, Буно. До сих пор я помогал тебе, но помогал добровольно.

— О Шедд! Как вовремя ты появился! — радостно воскликнул Конан.

Старик отпустил девушку и бросился на Шедда. В руке его сверкнуло что-то красное и острое.словно гигантский питон, Шедд обвил ноги и торс Буно своим длинным туловищем и, напрягая кольца мускулов, сдавливал его бока и грудную клетку. Старик взмахивал правой рукой с зажатым в ней остро граненым рубином. От каждого взмаха густая коричневая кровь толчками вырывалась из обхватившего его, затвердевшего от усилий тела...

Шедд смеялся. Глаза его искрились и казались хмельными. Словно Буно не ранил его, но щекотал...

Растерявшийся в первый момент мальчик бросился ему на помощь. Он подскочил сзади и схватил руку старика, наносящую удары. Острый рубин выпал и покатился по полу. От страшного давления на грудную клетку глаза колдуна закатились, все тело обмякло. Буно потерял сознание.

Шедд разжал кольца своих мускулов. Тщедушное тело повалилось навзничь, стуча амулетами и перстнями. Конан тут же подскочил к нему и крепко связал ремнями, сорванными с его же одежды.

— Займись пока ранами Шедда! — велел он Гэлле, все это время пребывавшей в испуганной окаменелости. — Шедд, Шедд! Какой же ты молодец! — радостно-возбужденно повторял мальчик. — Как я искал тебя! Облазил все ваши лабиринты... Мы бродили с Гэллой всю ночь... Помнишь, ты назвал меня клятвопреступником? Но я выполнил свою клятву! Вместе с тобой, Шедд! Взгляни на эту связанную дохлятину!..

Напоследок Конан оторвал полосу ткани от одежды старика и тщательно завязал ему глаза.

— Посмотрим, как теперь ты будешь приказывать своими ядовитыми буркалами!..

Вновь повернувшись к Шедду, мальчик увидел, что тот лежит на полу, перегородив дверной проем своим уродливым телом. Кровь продолжала сочиться из многочисленных колотых и резаных ран. Звездное ожерелье, видимо, порванное кинжалом Буно, рассыпалось. Многоцветные камушки блестели попарно на полу, перепачканные кровью и пылью.

— Что же ты смотришь! — набросился Конан на Гэллу. — Ждешь, пока он совсем истечет кровью?!..

В руках у девушки были приготовленные длинные полосы ткани, но она, видимо, никак не могла заставить себя прикоснуться к малиновой коже... Конан сердито вырвал ткань из ее пальцев.

— Не ругай девушку, Конан! — попросил Шедд. Лицо его побледнело, глаза были полуприкрыты от слабости,

но он улыбался. Улыбка его была такой же мягко-усмешливой и озорной, как в прежние времена. Шедд-балагур, Шедд-весельчак слегка подмигнул мальчику. — Она не грохнулась в обморок при виде меня и не превратилась от страха в камень — уже здорово. Значит, в груди ее отважное и крепкое сердечко.

— Это же Шедд, дурочка, — проворчал Конан, обращаясь к Гэлле. — Это старина Шедд! Он только что спас нас, между прочим.

Он встал на колени перед Шеддом и принялся перевязывать его раны.

— О, прости меня, Шедд! — прошептала девушка. Голос ее дрожал, хотя она изо всех сил старалась говорить твердо. — Сейчас я перевяжу тебя. Отойди же, Конан, дай мне это сделать!..

— Ни в коем случае! — мотнул головой Шедд, так что повязка, кое-как наложенная Конаном, сползла, и раны снова открылись. — Упаси тебя Кром подходить и дотрагиваться до меня. Таким большим и красивым глазам не следует смотреть на уродство. Отвернись, моя милая, чтобы сны твои были всегда спокойны и кошмары не мучали тебя!..

Мальчик вновь закрепил повязку на прежнем месте. Усмехнувшись, Шедд напряг свои кольцообразные мышцы, и ткань лопнула. Кровь заструилась сильнее.

— Ну зачем ты так, Шедд! — огорченно воскликнул Конан. — Я еле-еле ее закрепил!..

— Оставь, мой мальчик! Я буду срывать ее снова и снова!..

Конан вспомнил, что Шедд не сможет жить без своего ожерелья. Он быстро собрал с пола камушки и попытался сцепить их между собой. Но это оказалось непростым делом. Медная нить не гнулась, камни не слушались и рассыпались... Вспомнив, что такое же ожерелье висит на его шее, мальчик попытался снять его, но застежка оказалась прочной.

— Задница Крома!.. — выругался он. — Помоги же мне, Гэлла! Нельзя терять времени! Он уходит!..

— Я уйду, ты верно сказал! — откликнулся Шедд. — Оставь же свои камни. Мне они не понадобятся. Лучше подари их девушке.

— Но почему, почему?! — закричал Конан. — Он изранил тебя не так уж сильно. Ты выздоровеешь!

— Неужели это нужно объяснять? — спросил Шедд. Губы его посинели от потери крови, но прежнее, чуть хмельное веселье плескалось в глазах. — Буно оказал мне большую услугу своим острым камушком! Я благодарен ему. Разве я мог бы выйти отсюда с вами в таком виде?.. Гэлла, отважная девочка, едва не умерла от страха при виде меня...

— Неправда! Я только в первый момент! — пискнула Гэлла.

— ...что же говорить о других? — продолжал Шедд. — Не мешай же мне, Конан, мальчик мой, если тебе хоть немного дорог твой старый и беспутный дядя Шедд...

— Другие привыкнут к тебе, Шедд! — умоляюще воскликнула Гэлла. — Они быстро привыкнут!.. Как я. Вот смотри, мне уже совсем не страшно...

Она присела перед ним на корточки и погладила его подрагивающую от предсмертных страданий кожу, провела ладонью по щеке, убрала со лба волосы...

— О нет, не уговаривай меня, добрая девочка. Я так решил. Разве я раб, а не свободный человек? Разве не могу я свободно уйти, если мне этого хочется? Полгода я мечтал только об этом мире. Вот только жаль, что не смогу... с Кевином... хотя бы два слова...

— Оставь его, Гэлла! — неожиданно резко крикнул Конан. — Не трогай его! Лучше помоги мне, быстрее! Ты успеешь! Ты успеешь увидеться с Кевином! — пообещал он Шедду.

Тот благодарно улыбнулся ему, вздохнул и прикрыл веки. Крупная предсмертная испарина блестела на его лбу.

* * *

Лишь только маленькие руки стали обшаривать его, Буно очнулся. Он закричал и заворочался, пытаясь со-

рвать путы, а убедившись в тщетности своих усилий, умоляюще взвыл:

— О, развяжите, развяжите же меня!.. Выпустите!.. Я расплачусь с вами! Я отблагодарю вас!..

— Не сомневаюсь, что попытаешься... — пробормотал мальчик.

Он перевернул старика на живот и попытался стащить перстни, которыми были унизаны его пальцы. Но распухшие старческие суставы не позволяли этого.

— Кром!.. Придется отрезать их ножом, вместе с пальцами!

— Не надо, не надо ножом, мальчик мой! — запричитал Буно, извиваясь всем телом. — Разве ты не видишь: среди них нет гранатового кольца! Там только нефрит, лазурит и сердолик!..

— А где же оно? — сурово спросил Конан.

— Я отдам, я отдам! Только развяжите меня!..

— Нет, лучше я примусь за пальцы, — мальчик потянулся за своим ножом.

— погоди, Конан! — остановила его Гэлла. — Из его рассказов я поняла, что гранатовое кольцо совсем другое. Оно не может быть на пальце...

— Не может, не может!.. — согласно закричал старик.

Конан перевернул колдуна на спину и принялся рассматривать висящие на его груди костяные и каменные амулеты.

— А это что? — Гэлла потянула за ожерелье из перьев ворона, плотно прилегающих друг к другу и охватывающих основание шеи.

— А, это птичьё!.. — отмахнулся мальчик, но тут же запнулся.

Перья прикрывали кольцо из темно-красных камней, поблескивающее на черном шнурке. Разрезав шнурок, Конан взял его неуклюжими от волнения пальцами.

— Похоже, эта штука нам и нужна...

Буно заскрипел зубами и забился головой о плиты пола.

— Осторожнее, Конан! — боязливо попросила Гэл-ла. — Эти камни очень опасны!..

На ощупь кольцо было теплым, даже горячим. Заостренные зубья кристаллов, обращенные внутрь окружности, багрово светились, словно раскаленный металл.

— Они пылают от ненависти... — прошептала девушка, рассматривающая камни из-за плеча Конан. — О, как же сильно они ненавидят!..

Конан попробовал осторожно продеть указательный палец в отверстие. Но лишь только кончик пальца приблизился к одному из раскаленных зубьев, как его пронзила резкая боль.

— Проклятье!.. — на пальце выступил пузырь от ожога. Багровое сияние стало ярче.

Буно захохотал, хотя и не мог видеть того, что произошло, из-за повязки на глазах.

— Сунь туда еще что-нибудь, мой мальчик! Сунь туда свой язычок!.. О, как умеют ненавидеть мои славные камушки!.. Развяжите же меня, глупцы! Без меня вы не сумеете с ними справиться, и только погибнете зря или покалечитесь!..

— Надо расколоть эту штуку, — сказал Конан, не обращая внимания на вопли старика.

Поискав глазами, он выбрал самый большой кристалл из валявшихся на полу и три раза сильно ударил им по кольцу. Но оно даже не треснуло. Кристалл же после третьего удара зашипел, как живой, покрылся мелкими трещинами и рассыпался.

Старик чуть не захлебнулся смехом.

— О, глупцы! Вы хотите уничтожить ненависть ненавистью!.. Но от этого они лишь станут сильнее. Развяжите же меня! Без меня у вас ничего не получится!..

— Может, и правда развязать его? — спросила Гэлла, с сомнением глядя на дергающегося на каменных плитах колдуна. — Ведь он прав: без него мы ничего не сумеем. А времени мало. Ведь Шедд... он может уже скоро...

— Хорошо! — Конан кивнул и обратился к Буно: —

Скажи нам, как выпустить искры жизни, и мы развяжем тебя!

— О, вы обманете, обманете меня! — запричитал старик. — Отпустите меня прежде! Я клянусь вам, что сам выпущу искры на волю. Я клянусь, что хорошо награжу вас. Так награжу, как ни один король не смог бы вознаградить своих самых верных слуг!.. Помнишь, Конан, ты спрашивал меня о Короне Бесстрастия?.. Чтобы ее создать, нужно собрать ровно сорок сапфиров. Голубых звездчатых сапфиров самой чистой воды. Сапфир — камень бесстрастия и созерцания. Он никогда никого не любит и не ненавидит. Он спокоен, как голубое небо в ясный полдень. Если носить корону из сорока сапфиров, ни один враг никогда не сумеет тебя поразить. Ни враг, ни болезнь, ни старость, ни сама смерть. Бесстрастные камни оградят и защитят тебя от всего на свете. Конан! Если ты отпустишь меня, я клянусь, что сделаю две такие короны — тебе и мне. Девятнадцать из сорока камней уже найдено и отшлифовано. Придется потрудиться, но я сделаю!.. Ты станешь великим и непобедимым, Конан! Не будет тебе равных никого в целой Хайбории!.. Отпусти же меня! Ты видишь кристаллы на моем столе — там уже есть девятнадцать, прозрачных, как ледяное озеро высоко в горах... Решайся же! Иначе ты будешь жалеть и проклинять себя всю жизнь, Конан!

— Я и так стану великим, если только захочу! — запальчиво ответил ему мальчик. — Без всякой твоей короны. И с кольцом твоим я справлюсь.

Он подошел к столу и склонился над искрящейся самоцветной грудой.

— Что ты хочешь найти, Конан? — спросила его, подходя и тоже всматриваясь в разноцветные переливы, Гэлла.

— Эти камни, как люди, — ответил он. — Пусть они разберутся между собой. Должен же найтись кто-то, кто будет сильнее этих проклятых злобных гранатов.

— Посмотри! — Девушка держала в ладони, восхи-

шенно разглядывая, красивый голубой кристалл. В центре него мерцала золотая шестиконечная звезда. — Это не о нем ли говорил Буно? Бесстрастный и созерцательный... Никого не любит, не ненавидит, не боится...

— Дай-ка сюда! — Конан взял у нее камень и посмотрел на свет.

Подобной прозрачности, покоя и красоты ему прежде видеть не доводилось.

— Можно, я возьму его себе, Конан? — прошептала девушка.

— Можно, — разрешил он. — Но только прежде я попрошу его кое о чем.

Мальчик поднес сапфир к багровому кольцу и осторожно продел в отверстие между злобно горящими зубьями. Огоньки запылали ярче. Кольцо раскалилось так, что он едва удерживал его в пальцах.

— О Конан! — сокрушенно вздохнула за его плечом Гэлла. — Он же расколется! Погубить такой дивный камень!..

Конан ожидал того же. Он зажмурился, чтобы осколок ненароком не попал ему в глаз. Запахло чем-то резким и яростным. Раздался сильный треск...

— Конан! — крикнула Гэлла.

Но крик ее был не испуганным, а радостным. Открыв глаза, мальчик увидел, что голубой камень по-прежнему цел и бесстрастен. Лишь золотая искра светилась чуть по-иному. Кольцо же рассыпалось на девять узких дымящихся кристаллов.

— Вот и все, — выдохнул мальчик.

Он повернулся к Шедду. Тот лежал без движения, но судя по трепету ноздрей, дыхание его еще не покинуло.

— Продержись еще немного, Шедд, — попросил его Конан. — Совсем чуть-чуть!

Шедд с трудом приподнял веки. Глаза его уже почти не принадлежали этому миру, взгляд плавал далеко-далеко... Но он сделал усилие и вернулся. И ободряюще подмигнул мальчику.

— Последний недоумок! — внезапно вскричал Конан

и хлопнул себя по лбу. — Ведь за ними же понеслась медведка!..

* * *

— Конан! Это Конан! Сын кузнеца Ниала! Здравствуй, Конан! Ну и лихой же ты парень, Конан!..

Грубые натруженные руки шлепали его по спине, по плечам, ощупывали недоверчиво, словно стремясь удостовериться, что это живой мальчик, а не призрачное видение. Возбужденно-радостные лица светились вокруг, голоса гудели, перебивая друг друга.

— Гэлла! Смотрите-ка, это же Гэлла! Как она-то очутилась здесь?! Вот это девушка!..

К ней тоже тянулись руки, чтобы обнять и похлопать по спине, но Кевин быстро пресек подобные изъятия радости, загородив смущенную девушку от всех своими не слишком широкими плечами. Впрочем, они тут же исчезли с ней, после того, как Гэлла взволнованно прошептала ему что-то на ухо.

— Как вы одолели этого зверя? — спросил Конан, кивая на опаловую клеть, в которой, как и прежде, ворочалась и скрежетала медведка.

— Сами не можем этого уразуметь, Конан! — весело откликнулся Браг, поигрывая буграми мускулов на плечах и груди. — Когда она неслась за нами, мы нырнули в боковой проход и пропустили ее. А потом загнали в клетку, хорошенько похлопывая лопатами, если она норовила свернуть не туда. Когда гнали, казалось, ничего особенного — словно телка или коза отбилась от стада, и надо ее вернуть. А сейчас присмотрелись: о Кром, великий и справедливый! Как же мы справились с ней?! В ее ротик может вполне поместиться моя голова, да еще и с плечами в придачу!..

— Мы как будто прозрели, Конан, — добавил Сангур, сияющий и яркоглазый. — Сколько видели эту тварь прежде, а по-настоящему разглядели только теперь!..

— Неплохо было бы приручить ее, — сказал Конан. —

Представляете, если выехать на такой навстречу рыжим ванирам!.. Да они попадают с коней от страха, а их черные псы разбегутся, спасая собственные шкуры!

— Неплохая мысль, Конан! — одобрил его Браг, и остальные мужчины подхватили: — Отличная мысль! Вот и бери ее себе, Конан! Ты уже гарцевал на ней и, надо сказать, смотрелся довольно неплохо!

— А что? Этот скакун мне понравился! — лихо ответил мальчик. — Но с ней надо, конечно, еще поработать! А вот где моя смиренная лошадка? — он оглянулся вокруг, ища глазами жука. — Его и приручать не надо, он тих, как ягненок! Я решил взять его к себе в дом!

— Вот уж Маев-то обрадуется! — захохотали мужчины.

Но беспечный смех, восклицания и грубоватые шутки разом стихли, когда все они гурьбой ввалились в самоцветную каморку Буно.

Над мертвым телом Шедда, не двигаясь и не сводя взгляда с очень белого и очень спокойного его лица, сидел Кевин. Гэлла, опершись лбом о его плечо, тихо плакала. Но лицо ее при этом светилось так, что слезы казались бликами хрустала.

— Ты успел, Кевин?.. — тихо спросил друга Конан.

Кевин молча кивнул.

Связанный старик больше не дергался и не молил. Он застыл и затих, как мертвый, видимо, не желая привлекать к себе внимания бывших своих рабов, а особенно человека, отца которого он убил только что.

— Ты сам казнишь этого колдуна, Кевин, — негромко сказал Браг. — И ты сам выберешь ему казнь.

Кевин снова кивнул.

Тонкие губы Буно, едва видневшиеся из-под повязки, задергались.

— О, конечно, ты выберешь мне любую казнь, Кевин, и собственноручно ее исполнишь, — подобострастно забормотал он, мотая головой из стороны в сторону и пытаясь сорвать повязку. — Но только умоляю тебя, позволь сказать тебе несколько слов наедине! Попроси

их: пусть все выйдут и оставят нас с тобой ненадолго... Это очень-очень важно...

— Он будет предлагать тебе корону из камней, — сказал Конан. — И власть над всем миром. Мне он уже все это предлагал!

— И ты отказался?! — выпучил глаза Браг.

Мальчик пожал плечами.

— Я сам добуду все, если мне очень этого захочется.

Мужчины снова одобрительно захохотали. Правда, они тут же стихли, оглянувшись на Шедда.

— О Браг, верный друг мой! — не желая сдаваться, залопотал колдун. — Может быть, ты останешься и выслушаешь меня?.. Клянусь тебе, ты не пожалеешь!..

— Может быть, рот ему завязать тоже, как и глаза?.. — предложил Конан.

После недолгого совещания мужчины решили оставить пока колдуна здесь, крепко связанным и надежно запертым, чтобы не загрязнять возней с ним радость от встречи с родными.

Им все трудней становилось сдерживать радостное нетерпение. Досадливым вздохом встретили все заявление Конана, что он не выйдет из подземелья, пока не разыщет жука, к которому успел привязаться. Жука искали все вместе, высвечивая факелами тупиковые ходы и весело переругиваясь..

Что касается медведки, мальчик согласился заняться ею вплотную не сейчас, но на следующий день — это крайний срок.

* * *

Даже самые старые жители селения не смогли бы припомнить, случалось ли на их долгом веку пережить большее потрясение. Воскресшие мертвецы числом пятнадцать человек, полуголые и грязные, громко и радостно гомонящие, буйные, словно сорвавшиеся с привязи дикие псы — шли толпой со стороны кладбища...

Первыми заметили их играющие на окраине мальчиш-

ки и подняли страшный визг. Визг этот подхватили и усилили в несколько раз женщины, разглядевшие из окон лица и фигуры движущихся. Срочно закрывались все двери, загонялась в хлев скотина. Мужчины, осознав нешуточную опасность, натягивали луки, хоронясь за стволами деревьев и углами хижин.

Помимо мертвецов, что само по себе достаточно страшно, впереди всей процессии ползло невиданное чудовище, отдаленно напоминающее навозного жука, но только больше его в сотни раз. На его блестящей спине сидел — и не просто сидел, а подпрыгивал, хохоча и взмахивая руками, — тот самый воришка Конан, что только вчера был положен в свежевырытую могилу.

Именно Конан, чья дерзость и после смерти оказалась столь велика, что подвигла его вылезти из могилы, чтобы мстить живым, едва не получил в грудь первую стрелу. К счастью, она пролетела мимо, никого не задев. Мальчик хлопнул жука по спине, и тот сразу же остановился.

— Не стреляйте! — крикнул Конан как только мог громко. — Мы не злобные духи! Мы живые!

— Как бы не так! — раздался голос одного из мужчин, видимо, посмелее прочих. — Только вчера я сам рыл тебе могилу, мальчик. Что вам надо? Вам тесно на Серых Равнинах? Чего вы хотите от нас?!

— Мы хотим одного: вернуться в свои дома! — крикнул Благ, выступая вперед и заслоняя своим телом и жука, и мальчика. — Меня тоже опускали в могилу, это было полгода назад, но я жив. Поверьте мне! Дайте нам подойти поближе, и вы убедитесь!..

— Как бы не так! — опять откликнулся тот же голос. — Сделайте только шаг, и в ваши мертвые животы вопьется столько стрел, сколько есть волос на ваших головах!..

Конан громко захохотал, стараясь, чтобы его смех звучал естественно и весело.

— Но ведь мертвых-то как раз и нельзя убить во второй раз! Что же вы за олухи, а еще взрослые воины! Будь мы мертвы, мы шли бы и шли вперед, не боясь

ваших стрел. Но мы просим не стрелять, потому что мы живые!

Внезапно от толпы оживших мертвецов отделилась девичья фигурка. Не боясь стрел, она прошла вперед и встала на полпути между полуголыми фигурами и жителями селения.

— Гэлла! — истошно закричала ее мать из окна своей хижины. — Зачем же ты с ними, доченька! Вернись домой! Они уведут тебя за собой в страну мертвых! Они выпьют твою кровь!..

На шее девушки висело удивительной красоты ожерелье, которое она, волнуясь, то и дело перебирала пальцами.

— Они живые! — закричала она. — Вы можете их потрогать! Буно оживил их, а Конан выпустил на волю! Поверьте мне! Не бойтесь! Ведь меня вы не опускали в могилу!..

Самым отважным оказался самый старый. Притихшие жители напряженно следили, как Меттинг неспешно и с достоинством дошел до Конана, сидевшего на жуке, скрестив ноги, с беспечным и вызывающим видом. Помедлив, старик дотронулся до плеча мальчика. Все видели, как Конан сказал ему что-то, блеснув зубами, а Меттинг вместо ответа неожиданно крепко его обнял..

За Меттингом потянулись и другие смельчаки. Каждый, дотронувшись до руки или груди своего бывшего приятеля или родича, перебросившись с ним парой фраз, поглядев в веселые, ясные глаза, оборачивался к пока робеющим и не верящим и кричал им:

— Сюда! Скорее! Они и вправду воскресли! Они не врут!..

Гордая и молчаливая Маев подошла к сыну в числе самых последних. Не в силах вынести взгляд, которым она никогда не смотрела на него прежде, Конан отвернулся и, хлопывая по отливающей синью спине жука, принялся рассказывать о том, какой он толковый и послушный, несмотря на маленькую голову и большой рог,

и что запросто можно будет обучить его таскать на себе грузы...

Канахи радостно загомонили. Друзья обнимались, что было силы хлопая друг друга по плечам, женщины плакали, не стыдясь своих слез, смеялись дети, не понимая причин всеобщего веселья, но вдохновленные радостью родных... И лишь старый Меттинг, отойдя в сторонку, наблюдал за происходящим с печальной задумчивой улыбкой. Не меньше других он был рад возвращению друзей, которых давно оплакивал в своем сердце — но пока еще никто из членов общины не в силах был осознать что принесет им возвращение дважды рожденных. Будут ли эти люди, однажды переступившие границу Серых Равнин такими же, как прежде, или что-то неминуемо изменится в них? И как теперь сумеет найти смерть тех, кто однажды уже вырвался из ее цепких лап? Не откажется ли она от них навсегда — и что это будет значить для всех канахов? Сумеют ли они до конца преодолеть страх перед ожившими соплеменниками?..

Меттинг устало потрянул головой. Слишком много вопросов... И ответ на них может дать лишь время. А пока не след киммерийцу предаваться хмурым раздумьям — как положено воину, он должен приветствовать друзей, вернувшихся из дальнего и полного тягот похода. И, расправив плечи, пожилой канах направился на место торжества.

Там уже пылал большой огонь, источая аромат смолы и дыма, и женщины сутились, потроша туши баранов, оленей и кабанов, готовясь к небывалому празднику, — как вдруг радостные выкрики, пение и смех заглушил сильный грохот, донесшийся со стороны кладбища. Земля явственно задрожала под ногами, и деревья закачались, как при ураганном ветре.

— Землетрясение! Подземные духи затеяли битву!.. — взволнованно загомонили вокруг, оглядываясь на стены своих хижин.

По горькому опыту все знали, что жилища их могут сейчас рассыпаться, словно сделанные из щепок. Матери,

оставившие дома маленьких детей, со всех ног бросились к ним.

К счастью, земля дрогнула только один раз, и хижины устояли. Приготовления к празднику возобновились, и костер запылал ярче.

— Кевин! — окликнул приятеля Конан. — А не сбегать ли нам пока на кладбище? Грохот доносился оттуда. Сдается мне, это дело рук колдуна! Напрасно мы бросили его там...

— Ты думаешь, он может устраивать землетрясения со связанными руками и ногами? — засомневался Кевин.

— Почему бы и нет? С помощью своих камушков!

Кевин не стал спорить, и вскоре оба приятеля мчались по тропе, по которой незадолго до этого возвращались в селение. Третьей к ним присоединилась Гэлла, ни на шаг не отходившая от воскресшего жениха.

— Кажется, она теперь не будет оставлять меня ни на миг! — рассмеялся на бегу Кевин, но при этом укладкой крепко сжал ладонь девушки.

— Да, она такая! — поддержал его Конан. — Сколько я ни гнал ее из проклятого подземелья — она ни в какую!.. Нелегко тебе придется с такой женой, Кевин! Лучше передумай, пока не поздно...

Добежав до зеленой кладбищенской лощины, все трое удивленно замерли. Большой скалы, той самой, в которой находился вход в подземелье Буно, больше не было. Вместо нее пологим холмом возвышалась беспорядочная груда мелких и крупных камней. Некоторые надгробья с выбитыми на них крестами, мечами и елочками, скатились со своих мест. Иные раскололись пополам.

— Кром! — огорченно вздохнул Конан после того, как они долго и безуспешно искали хоть какую-нибудь щель в земле. — Бедная медведка! Я так мечтал поскакать на ней верхом в битву с ванирами!..

— Бедные камни, — прошептала Гэлла. — Бедные влюбленные камни... Как же они теперь будут на веки вечные под землей?

— Глупышка! — Кевин обнял ее за плечи. — Под

землей камням, уж наверное, лучше, чем на земле. Их мир — там, их дом — там.

Гэлла погладила пальцами искрящееся ожерелье на своей шее и промолчала.

— Все-таки отчего все это обрушилось? — спросил Конан. — Хотел бы я посмотреть, как связанный колдун разнес гору по камушкам.

— Он валялся на полу, скрученный по рукам и ногам, с завязанными глазами и скрипел зубами от злости... — принялась размышлять вслух девушка. — А его любимый лабрадор усилил его злобу в тысячи раз... Помнишь, как он рассказывал об этом странном камне?

— Да, уж если *его* злобу увеличить в тысячу раз, и вправду никакая гора не выдержит, — согласился Конан. — Вот ведь проклятуший старик!.. Но если бы вы только знали, до чего мне жалко медведку!

Не прошло и пяти дней, как Конан заскучал в гостеприимном замке Кельберга фон Брега, пятибашенной громаде из серого камня, хотя и старался изо всех сил этого не показывать. Кельберг, двадцативосьмилетний немедийский аристократ, был его другом и кровным побратимом, с которым не так давно они совершили на пару довольно-таки безрассудное и полное всяческих приключений путешествие к берегам Южного Океана. Правда, почти до самого конца пути Конан и не подозревал, что спутник, с которым столкнула его судьба в зловещей и мрачной Стигии, является отпрыском знатного немедийского рода, единственным сыном одного из самых влиятельных людей в Бельверусе. Он даже имени своего не назвал при знакомстве, отделившись кличкой — Шумри, — полученной где-то в туранских степях и означающей «ветер, пинающий перекасти-поле».

Теперь этот «ветер», покончив с бродяжничеством, получив в наследство от недавно умершего отца огромный родовой замок и женившись на женщине, которую любил с детства, выглядел как человек, счастливее которого нет во всей Хайбории. Счастливый же человек, как убедился Конан уже после нескольких дней, проведенных в замке, — существо хоть и светящееся, хоть и изливающее вокруг благоденствия, улыбки и подарки, но в чем-то, прямо скажем, скучноватое. Особенно, если он не имеет возмож-

ности поделиться своим счастьем с теми, кто его окружает.

Кельберг светился, как новенький серебряный доспех, только что вышедший из рук оружейника. Его молодая жена Илоис, несмотря на бледность и худобу — последствия долгой болезни — была сама грация и нежность. Правда, на придирчивый вкус киммерийца серые ее глаза были излишне строги и серьезные, лоб — слишком высок, а пальцы рук — чрезмерно тонки и длинны, но в целом он не мог не признать, что многолетняя верная любовь его друга имеет под собой определенные основания. Когда они были рядом — а рядом они были круглые сутки, — кто бы ни находился возле них третьим, непроизвольно начинал чувствовать себя лишним, даже если то был праздничный пир за длинным столом в сорок персон.

Конан искренне радовался счастьем друга. Но в собственной душе не зажила еще рана от гибели удивительной женщины, которая была ему очень дорога, хоть он и не сумел добиться от нее ответного чувства. Рана эта была причиной того, что порой во время оживленной беседы между ними тремя, расцвеченной взглядами, что бросали друг на друга Кельберг и Илоис, украдкой, словно юные влюбленные (хотя юными они уже не были давно, а Илоис имела даже двоих детей от первого брака), киммериец внезапно хмурился и резко отходил, едва кивнув на прощание.

Кельберг, чуткий и сострадательный, прекрасно сознавал, что творится в душе его друга. Не раз он подолгу говорил об этом с Илоис, и именно ей пришла в голову идея, которую он не мог не одобрить. Правда, для воплощения ее в жизнь им пришлось бы на несколько дней расстаться, но ради поддержки друга он готов был даже на такую серьезную, почти невыносимую жертву.

На пятый вечер, сразу после обильного ужина Конан спустился в сад. Прохаживаясь между тяжеловесно подстриженных кустов, вдыхая усилившиеся в сумерках ароматы лилий, он размышлял, сколько дней стоит провести ему в замке, чтобы не обидеть друга скорым отъездом.

Дней пять? Восемь?.. Может быть, пол-луны?.. А выдержит ли он здесь еще целых пол-луны? Самое досадное было в том, что киммериец не мог не заметить, как старается новый хозяин замка, чтобы другу его было весело и приятно у него в гостях, как он из кожи вон лезет, чтобы предупредить малейшее его желание. Вот хотя бы сегодняшний ужин. Чего только не было на низком дубовом столе, накрытом на них троих! И хрустящие жареные рябчики, и оленина с брусникой, вымоченная в уксусе и вине, и рыбы, названий которых Конан и упомнить-то не мог. И в то же время сам хозяин ел только овощи и фрукты — это было результатом влияния той самой женщины, чью гибель переживал Конан. Илоис, глядя на мужа, накладывала себе в тарелку то же, что и он. Все изысканные мясные и рыбные деликатесы уписывал один лишь гость! Ну, и слуги, конечно, неплохо попиrowали, когда убрали со стола все, что там оставалось.

Когда Конан, гуляя по замку, останавливался перед старинным мечом редкой работы с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями, либо за обедом невольно задерживал взгляд на золотой чаше с витыми узорами на блестящих боках, хозяин тут же заявлял:

— Я очень прошу тебя, Конан, возьми эту вещь в память обо мне! Не обижай меня отказом!

Киммериец отказывался, говорил, что его дорожная сумма не бездонная, что он жалеет своего коня и не хочет нагружать его, словно вьючного мула, бронзой, серебром и золотом, но все отговорки были тщетны.

Лишь только Конан решил про себя, что пол-луны выдержать в этом чрезмерно гостелюбивом замке он, похоже, никак не сможет, но восемь дней — постарается, как за спиной его раздались знакомые шаги.

— Я не помешал? — спросил Кельберг, подходя к другу и приобнимая его за плечи.

— Нисколько! — ответил киммериец. — Прогулка помогает мне переварить великолепный ужин. Но мне жаль твоего новара, Шумри: когда в замке нет гостей, он, верно, умирает со скуки!

— Как славно, что ты зовешь меня по-прежнему: «Шумри»! — счастливо рассмеялся немедиец. — Веришь ли, никак не могу привыкнуть к своему родовому имени. Кель-берг! Кельберrrr!.. Оно рычит на меня, как злой пес. Оно давит на меня, как седло, впервые одетое на спину лошади, привыкшей вольно скакать в табуне!..

— Да конечно, какой из тебя Кельберг! — Конан хлопнул друга по плечу тяжелой лапищей так, что тот невольно присел. — Бродяга, пинающий перекаати-поле, каким был, таким и остался, даже став хозяином самого огромного замка в Немедии! Кельберг бы уплетал сегодня за ужином не вареную капусту, но сочную оленину, и запивал ее добрым вином!

Шумри согласно покивал головой.

— Послушай-ка, — сказал он. — Сдается мне, что ты заскучал в этом самом огромном замке Немедии. И даже оленина и отличное вино перестали тебя радовать. Не спорь, не спорь! — поднял он руку, предупреждая возражения киммерийца. — Не только я это заметил, Илоис вчера вечером сказала мне то же самое. Поэтому у меня есть к тебе отличное предложение: а что, если нам с тобой поехать на несколько дней поохотиться? Только ты и я, да пара слуг, чтобы отвозили добытую дичь в замок. К северу от Бельверуса есть совсем дикие места, славящиеся обилием зверя. Ну, как?..

— Поохотиться, говоришь? — Конан не скрывал удивления. — Впервые слышу, что ты полюбил охоту.

— Вообще-то, я ее не полюбил, — честно признался Шумри. — Скорее даже — разлюбил окончательно. Но уж очень мне хочется побыть с тобой подольше, и не просто побыть, а — странствовать, как когда-то. Спать на голой земле, жарить на костре мясо, разговаривать до утра... Тебе не по нутру мой тяжеловесный замок с его пыльной роскошью, я же вижу. Мне он тоже не нравится, клянусь твоим Кромом! Кстати, я продаю его, и совсем скоро стану таким же бездомным бродягой, каким был до сих пор.

— Ты продаешь свой замок? — не поверил своим ушам

киммериец. — Ты не спятил случайно, старина, от чрезмерного счастья? А как же Илоис?

— Илоис будет только рада. Мы с ней решили это вместе, Конан. Помнишь, я рассказывал тебе, что когда мы были еще детьми и встретились в самый первый раз, она сказала, что ни за что не согласилась бы жить в этом угрюмом и холодном замке? А я тогда ответил, что продам его, раз он ей так не нравится, и мы будем путешествовать всю нашу жизнь. Я фантазировал тогда, врал безудержно — про дома-грибы, дома-острова... Пришла пора выполнять свое детское обещание.

— Я всегда знал, что ты сумасшедший, — заключил Конан. — Но, честно говоря, надеялся, что по Закону Равновесия, о котором мне когда-то кто-то рассказывал, жена тебе попадется нормальная.

— А зачем мне нормальная? — Шумри рассмеялся, махнув рукой. — Ты и представить себе не можешь, какое это счастье — претворить в жизнь сумасшедшие детские фантазии! Сначала я повезу Илоис туда, где мне что-то понравилось, что-то запало в душу во время моих десятилетних странствий. Потом мы поедем в те края, где я не бывал, где все будет в первый раз. Конечно, со временем мы устанем и постареем, да и дети, если они появятся, будут утяжелять наш путь... Поэтому в конце концов мы остановимся в самом прекрасном месте, какое только увидим. И будем там жить.

— Что ж, желаю тебе найти такое место, — сказал Конан. Он отвернулся, и взгляд его упал на ровно подстриженные в виде шаров, пирамид и усеченных конусов кусты. Ухоженный поколениями слуг, вылизанный до пылинки сад... Наверно, к лучшему, если Шумри продаст кому-нибудь эту роскошную скуку. Помолчав, он спросил: — Интересно, а озеро с синими лотосами ты покажешь Илоис? Оно вошло в число мест, которые запали тебе в душу?

Не обращая внимания на не совсем добрую иронию в голосе друга, Шумри горячо ответил:

— О, мне бы этого очень хотелось! Я столько расска-

зывал Илоис об Алмене, что она мечтает хотя бы взглянуть на те «дворцы», где она жила. Но ведь это несбыточно, Конан! Если только кто-нибудь перенесет нас туда на крыльях. Как твой кутруб или тот древний ящер, помнишь?..

Киммериец промолчал. Шумри нетрудно было прочесть в его молчании то, что он думает. «Ни тени грусти в лице, когда он произносит имя Алмены! А ведь эта женщина значила для него не меньше, чем для меня, хотя и совсем по-другому...»

— Ты, кажется, укоряешь меня, Конан, хоть и не произносишь этого вслух... — огорченно сказал Шумри. — Больно ли мне от того, что Алмена погибла? И да, и нет. Я не могу грустить об этом так, как ты, потому что...

— Потому что ты вообще не способен сейчас грустить! — резко перебил его Конан. — Даже если полмира провалится в бездну, ты вряд ли это заметишь!..

— Потому что, — продолжил Шумри, не обращая внимания на его выпад, — я твердо знаю, что увижу ее. Алмена обещала мне это, а я верю ей.

— Отчего же? Я тоже ее увижу, — пожал плечами киммериец. — Все мы когда-нибудь увидимся там, где будем веки-вечные слоняться серыми тенями.

— Я увижу ее не на Серых Равнинах! — горячо возразил Шумри. — Да и ты тоже!

— Ладно! — Конан махнул рукой. — Не будем об этом. А то еще разругаемся на потеху Нергалу. Мне кажется неплохой твоя идея насчет охоты. Я слышал, что в лесах Немедии встречаются гигантские зубры...

— И зубры, и лоси, и медведи, — охотно подтвердил Шумри.

— Лосей и медведей я встречал немало, а вот зубра еще никогда... Но как же Илоис? Разве она сможет расстаться с тобой?

— О, да! Если честно, это была даже не моя, а ее идея. Она сказала, что все равно собиралась оставить меня на несколько дней. Хочет пожить в доме отца,

попрощаться с ним перед нашим отъездом. А мне же прощаться не с кем...

— Тогда... завтра? — Конан невольно выдал этим вопросом, как опостылел ему роскошный замок, и Шумри не мог не расхохотаться, по-детски встряхивая наполовину седой головой.

* * *

Илоис рассчитала правильно: оставив далеко позади себя массивные ворота с высеченными над ними барельефами хмурых толстомордых львов, очутившись в лесу с луком за плечами и тугим, полным стрел колчаном, Конан сразу же воспрял духом.

Слава хвойных лесов к северу от Бельверуса была заслуженной: не проходило ни дня без азартной погони за красавцем-оленьем с разметающимися на три локтя рогами, либо за массивным зубром, напоминающим скалу, поросшую рыжим мхом, либо за бурым медведем, отъевшимся за лето и оттого не особенно поворотливым. Правда, Шумри только первые два дня неотступно сопровождал приятеля. На третий, сразу же после завтрака, он сообщил извиняющимся тоном, что разлюбил охоту не на шутку, и ему было бы гораздо приятнее поджидать нагруженного добычей друга в лагере, занимаясь костром, приготовлением еды и просушкой шкур. Конан расхохотался.

— Я удивляюсь, как ты еще выдержал эти два дня! Думаешь, я не замечал, каким кислым становилось твое лицо, лишь только я натягивал лук? Еще немного, и я бы сам попросил тебя об этом: боги охоты не любят недовольных лиц и отворачиваются от унылых охотников!

— Прости меня, Конан... Мне очень стыдно: я сам пригласил тебя на охоту и сам же отказываюсь разделить с тобой ее волнения, опасности и радости. Но пойми меня! Мне никак не забыть того олененка, убитого нами. Помнишь, Алмена сказала, что душа его очень испугана, и мечется, и ищет свою мать...

— Помню ли я? — Киммериец помрачнел и с горечью

усмехнулся — Уж лучше бы мне было это забыть, клянусь Кромом!.. Но не надо так долго извиняться. Я вовсе не в обиде. У нас ведь с тобой остаются еще вечера, разве не так?..

Вечера у лениво пляшущего костерка были долгими, незаметно переходящими в тихие летние ночи. Уставший за день, возбужденный и голодный охотник уписывал за обе щеки то, что приготовил ему Шумри, а тот сопровождал процесс насыщения приятеля тихой музыкой, легко пощипывая струны лютни. Наевшись, Конан разваливался на новенькой, только что высушенной шкурой медведя, и наступала пора долгих бесед. Каждому было что рассказать другу, ведь со времени их разлуки и Конан, и Шумри пережили и прочувствовали немало.

С каждым днем друзья вместе с парой неугомонных и сильных слуг забирались все глубже и глубже в глухие, труднопроходимые чащи. Уже с третьего дня им перестали попадаться какие-либо следы присутствия человека — ни мостков через ручьи, ни охотничьих избушек, ни пней. Тропы, по которым пробирались их кони, были протоптаны оленями и лосями. Лоси, медведи и зубры, встречавшиеся им, становились все более неосторожными, непугаными, что также показывало, как редко в эти края забредал человек. Несмотря на глушь, заблудиться они не боялись, так как на шее Шумри висел медальон с трепещущей стрелкой, чей конец всегда указывал точно на юг, тот самый, с которым они не так давно совершали свое долгое путешествие к берегам Южного Океана.

На утро восьмого дня, когда в поисках нового места для привала путники шли вниз по течению лесной речки, им показалось, что лес начал светлеть. Высокие сосны и мрачные ели все чаще сменялись легкомысленными березами. Речная вода постепенно меняла свой цвет от иссиня-черной до бурой, затем до прозрачно-зеленой. Наконец полог леса совсем раздвинулся и впереди показалось широкое матово-синее озеро, в которое с радостным плеском вливалась река.

Приятели решили пройти вдоль берега, чтобы выбрать

наиболее удобное место для ночлега. Копыта коней увязали в крупном желтоватом песке, поэтому путники спешились. От свежего влажного ветра, сменившего духоту леса, от солнечных бликов на воде хотелось смеяться и громко разговаривать о чем-то легком и необязательном.

— Гляди-ка! — неожиданно воскликнул Шумри. — Как это мы не заметили сразу?

Конан повернулся в ту сторону, куда смотрел его изумленный приятель. Пологий, усыпанный песком берег озера в двухстах шагах от них плавно вздымался скальным уступом. На плоской вершине уступа, утопая со всех сторон в зелени, виднелся замок. Он был совсем небольшим, из светлого камня, мрамора или известняка. Удивительная соразмерность всех его частей, чистота и близость стен и башенок придавали ему вид легкий и грациозный.

— Птица! — выдохнул немедиец. — Ты только погляди, Конан! Белая птица присела на уступе над озером. Если громко крикнуть, она испугается, взмахнет крыльями и взлетит!..

— Не взлетит, — возразил более приземленный его приятель. — Не такой уж он легонький, как кажется. Я думаю, комнат пятнадцать в нем есть. Мне вот что интересно: где селяне, которые кормят владельцев этого замка? Где их поля, огороды, хижины? Где, наконец, дорога, по которой можно к нему добраться, не рискуя поломать ноги лошадям?..

— Видимо, все это находится севернее и отсюда просто не видно, — ответил Шумри, не сводя зачарованных глаз с вершины скалы. — Ты как хочешь, Конан, а я умру, если не постучусь в эти мраморные ворота и не увижу хозяина этого дива.

— Сдается мне, что скорее ты умрешь, если поступишься, — усмехнулся киммериец. — Тайнственные замки в полной глуши и безлюдье не внушают мне особого доверия. Ты имеешь хоть какое-нибудь представление о том, кто его хозяин? Ведь это твои края, Шумри. Ты что-нибудь об этом слышал?

— Никогда и ничего! — ответил Шумри пылко. — Но, умоляю тебя, Конан, если мы промедлим еще немного, я опять-таки умру — меня разорвет изнутри неудовлетворенное любопытство.

— Я тебя умоляю! — Конан в комическом испуге взмахнул руками. — Только не рядом со мной!

Впрочем, препирались они недолго. Конан довольно скоро согласился посетить белоснежный замок. Предусмотрительный киммериец настоял лишь на том, чтобы слуги их вместе с лошадьми оставались на берегу озера. Если к вечеру следующего дня Конан и Шумри не вернутся, это будет означать, что они в плену — если не хуже, — и в этом случае слуги должны будут как можно скорее добраться до замка Шумри с этой печальной и побуждающей к действию вестью.

Со стороны озера добраться к замку было невозможно, поэтому друзья снова вошли в лес и с помощью трепещущей стрелки скоро вышли к уступу с северной стороны. Как и предполагал Шумри, здесь была дорога. Правда, была она столь узкой и поджимаемой со всех сторон можжевельником, что больше напоминала тропу. Ни огородов селян, ни полей с поспевающими колосьями по-прежнему видно не было. Лишь одну-единственную хижину заметили они шагах в пятидесяти от тропы. Она была очень старой, вросшей в землю по самые окна, с пучками бурого мха, пробивавшегося из всех щелей.

Заслышав шаги и звуки разговора путников, из хижины вышел старик. Маленький, сгорбленный, в ветхой одежде, он засеменил в их сторону, словно спеша сообщить что-то. Слабые ноги плохо его слушались, поэтому приятели, свернув с тропы, сами прошли несколько шагов ему навстречу.

— Добрый человек, — обратился к нему Шумри, — не скажешь ли ты, кто живет в этом красивом замке, что в пятистах шагах от твоей хижины?

Старик затряс головой. Лицо его, сплошь покрытое морщинами, скривилось, светлые выпцветшие глаза смотрели на путников с непонятной мольбой, изо рта выры-

вались невнятные, прерывистые звуки. Казалось, в груди его борются два человека: один пытается что-то сказать, другой затыкает ему рот.

— Да ты немой, старик? — догадался Конан. — Наверное, твой добрый хозяин за какую-нибудь провинность приказал вырвать тебе язык. Ведь так? Интересно, кто же он, твой хозяин? Знатный барон? Лесной разбойник, решивший в старости пожить спокойно? Колдун?..

Киммериец ждал, на каком из его перечислений старик согласно закивает головой, но все было тщетно. Старик по-прежнему смотрел на них с мучительным выражением непонятной мольбы и боли. Невнятные звуки, вылетающие из его беззубого рта, постепенно стихли.

— Тыфу ты! — наконец не выдержал Конан. — Он не только немой, но еще и слабоумный. Пошли отсюда, Шумри. Стоит ли тратить время на несчастного старого идиота?

— А ведь он не немой, — задумчиво произнес Шумри, когда они вернулись на тропу, ведущую к замку. — Он хотел нам что-то сказать, но и не хотел в то же время. Должно быть, боялся. И еще мне показалось, что в хижине кроме него живет еще кто-то. Я заметил, как в окне промелькнуло что-то похожее на человеческое лицо.

— Чего он там боялся, мы скоро узнаем, — бодро откликнулся киммериец. — А в хижине, наверное, его старуха, такая же слабоумная, если не больше.

— Мне показалось, что лицо не было старым...

— На обратном пути заглянем к нему в хижину, чтобы улажить твое драгоценное хваленое любопытство. И если там окажется молодая и голодная красотка, обязательно возьмем ее с собой!

От хижины странного старика до ворот замка они добрались без приключений. Вблизи замок уже не казался таким легким, похожим на готовую вот-вот вспорхнуть птицу. Мраморные стены и башни устойчиво и прочно покоились на поросшем ярко-зеленой травой уступе. Но по-прежнему выверенное мастерство и вкус безвестных строителей поражали и ласкали глаз.

Ров с водой, окружавшей белые стены со всех сторон, казался не слишком широким. В прозрачной воде видны были крупные толстые рыбы, важно шевелящие плавниками.

— Неужели не могли вырыть пошире! — присвистнул киммериец. — Его и мальчишка перемахнет в два счета!

Он отступил на несколько шагов, готовясь разбежаться и прыгнуть.

— Осторожно, Конан! — воскликнул Шумри. — Ворву могут оказаться опасные рыбы! Лучше покричать, и нам откроют.

Но Конан не слушал его и уже летел, сильно оттолкнувшись ногами от гранитного края рва. Ему не хватило каких-то пол-ладони, и он рухнул вниз, взметнув шумный фонтан брызг. Правда, уже через пару секунд, ухватившись за противоположный край рва и подтянувшись, он стоял и тряс головой, выливая из ушей воду.

— Бр-р-р! Водичка-то ледяная! — крикнул он. — Если бы знал, ни за что бы не стал прыгать! Ненавижу купаться в ледяной воде.

— Эй, осторожнее! — крикнул ему Шумри.

Киммериец успел вовремя отскочить в сторону — иначе чугунный мост на толстых цепях, опускаясь, обрушился бы ему как раз на голову. По-видимому, стража замка, заслышав их крики, решила пропустить двух неизвестных путников внутрь, не дожидаясь их просьбы.

Шумри важно прошел по мосту, отзывавшемуся на каждый его шаг низким мелодичным гулом.

— Это не мост, а музыкальный инструмент! — смеясь, крикнул он приятелю. — Вот послушай!

Он топнул ногой, выждал паузу и топнул еще два раза, затем постучал по чугунным плитам костяшками пальцев. Затем выхватил из-за пояса кинжал и выбил дробь его роговой рукояткой. Получавшиеся звуки привели его в полный восторг.

Из открытых ворот замка за его действиями бесстрастно наблюдали двое стражников в доспехах из светлого

блестящего металла. Оба они были молоды и очень хороши собой.

Конан первым остановился перед ними и, положив ладонь на рукоять меча, слегка склонил голову.

— Мы хотели бы навестить вашего хозяина, — сказал он как мог учтиво. — Извините, имя его как-то вылетело из головы.

Натешившийся наконец немедиец подошел и встал за его спиной.

— Нашу хозяйку зовут Прекрасная Госпожа Веллия, — ответил один из стражей. Прозрачные глаза его на точеном юном лице светились, как два сапфира. — Она будет рада гостям.

Второй стражник, с волосами длинными и блестящими, словно туранский шелк, услужливо распахнул ворота пошире.

— Клянусь Кромом, приятно, когда тебя так встречают! — заметил Конан, когда они шли от ворот до дверей замка, украшенных затейливой резьбой из слоновой кости. — Хотя и несколько подозрительно...

Из дверей выбежала красивая девушка и улыбнулась им, словно добрым друзьям. На вид ей было не больше семнадцати. Ее синие глаза искрились, волнистые светлые волосы свободно сбегали по плечам.

— Госпожа Веллия просит немного подождать, — сказала девушка. — Она скоро выйдет. Вы можете пока посидеть вот здесь, — она подвела их к изящной скамейке на гнутых ножках из светлого дерева, покрытого лаком.

— Постой, красавица! — Конан ухватил ее за локоть, когда девушка, с любезной улыбкой, готовилась их оставить. — Совсем случайно я провалился в ров у ворот замка, а водичка там оказалась очень холодной. Если я срочно не переоденусь или не выпью чего-нибудь разогревающего кровь, я рискую подхватить горячку!

В подтверждение своих слов он чихнул — да так громко, что девушка вздрогнула. Улыбнувшись с лукавым пониманием, она исчезла в дверях и тут же вернулась.

Протянув киммерийцу фарфоровый кувшин с бордовым напитком, она снова ускользнула.

— Можно представить, какая красotka их госпожа, если у нее такие слуги! — мечтательно проговорил Конан, смотря ей вслед. — Впрочем, даже если она стара и уродлива, я не жалею, что мы забрели сюда.

— Я думаю, она не только красива, но и очень добра, — отозвался Шумри. — Ты заметил, как роскошно одеты ее стражники и служанка? Я не только не жалею, я просто счастлив, что мы оказались здесь.

Киммериец отхлебнул глоток из кувшина. Питье было не слишком крепким, но очень сладким, с дурманным привкусом. Почему-то оно показалось ему подозрительным, и он не стал пить дальше и вылил багровую жидкость себе под ноги — шипя и пенясь, она тут же впиталась в землю.

— О нет, я не могу просто сидеть и ждать! — воскликнул немедиец, пребывавший в радостном возбуждении. — Пойдем осмотрим этот дивный замок снаружи! Я хочу как следует полюбоваться им.

Конан не возражал, и приятели, поднявшись с изящной скамьи, двинулись в обход замка. Обогнув фасад здания, они увидели цветущий сад, плавно поднимающийся к задней ограде. У Шумри разгорелись глаза. Киммериец, хоть и не был большим любителем цветов, тоже с удовольствием ступил на посыпанные измельченным горным хрусталем, сверкающие, скрипящие под ногами дорожки.

— Ты только посмотри! — с придыханием повторял Шумри, озираясь по сторонам. — Даже во сне мне бы не приснилось такого!..

Сад был особенный, и немедиец не сразу сообразил, чем именно отличается он от остальных, виденных им прежде садов. Все цветы, росшие там — и в траве, и на кустах, и на ветвях деревьев — были синими. Их лепестки играли многообразием оттенков, от светло-голубого, почти белого, до бархатно-лилового, но больше всего было васильково-синих, напомнивших Шумри те камни, что когда-то подарила ему Алмена. Голубое, лазурное, фио-

летовое дурмнящее и пьянящее сияние окружало их со всех сторон. Даже зелень листвы и травы терялась в этом торжестве синего и была почти незаметна.

Цветы казались живыми и одухотворенными. Они тихо-хонько раскачивались на длинных стеблях и древесных ветвях, они задевали ароматными лепестками щеки и волосы зачарованно озирающихся путников, и прикосновения эти казались лаской — то невинно-детской, то вкрадчиво-женской...

— Тихо! — Конан внезапно прижал палец к губам, прервав ахи и вздохи приятеля, и остановился. — Вот, кажется, и сама хозяйка.

В двадцати шагах впереди них стройная женская фигура склонилась над одним из цветков — гигантским, похожим на затейливую вазу из тончайшего кхитайского фарфора. Воистину, хозяйка (если это была она) была достойна и своего замка, и своего сада. Ее высокую, совершенно обнаженную фигуру с макушки до колен окутывали светлые пушистые волосы. Их нежная завеса, искрящаяся на солнце, подобно тонкой золотистой парче, скрывала почти все тело, оставляя открытыми лишь изящные руки, шею и часть высокой груди. Талию ее поверх волос охватывал пояс из голубоватого жемчуга. Такая же жемчужина, но только больше, в форме капли, спускалась на тонкой цепочке на лоб. Прекрасная Госпожа Веллия, казалось, о чем-то шепталась со своим цветком, и хотя сразу же заметила своих гостей, не спешила от него оторваться... Наконец ее тонкие пальцы выпустили чашечку с изогнутыми, как пряди волос, лепестками, и она закачалась на стебле — то ли с чем-то соглашаясь, то ли на что-то благословляя. Обернувшись, хозяйка бросила на Конана и Шумри мимолетный взгляд, улыбнулась и слегка кивнула им, а затем, шурша распущенными волосами, задевающими за листья и лепестки, исчезла.

Не успели приятели толком обменяться впечатлениями, как Веллия возникла перед ними вновь. На этот раз на ней было платье из переливчатого сине-голубого шелка,

а длинные волосы, заколотые на макушке, открывали затылок и шею и подчеркивали тонкое благородство черт лица. На вид ей было двадцать пять-двадцать семь лет. Удлиненные светло-голубые глаза с тяжелыми веками были прохладно-приветливы. Их голубизна казалась переливчатой, перламутровой, перекликающейся оттенком с жемчужиной на лбу женщины. Нос был слегка длинноват, но очень породистый, с небольшой горбинкой. На тонких губах играла неопределенная улыбка.

— Извините, что заставила вас ждать, — проговорила Веллия. Голос ее был под стать всему облику: прохладно-мелодичный и словно обволакивающий. — Я надеюсь, вы не скучали. Очень жаль, что лучшее мое вино, настоящее на целебных травах, не понравилось вам и досталось земле. Вода в моем рву действительно ледяная: она питается подземными источниками. Мой прекрасный и мужественный гость может переодеть свое платье, чтобы не простудиться.

На скулах киммерийца выступил чуть заметный румянец.

— Благодарю тебя, Прекрасная Госпожа! Переодеваться мне нет нужды — лишь только я увидел тебя, меня бросило в такой жар, что платье мгновенно высохло, — Конан не был силен в галантных речах и комплиментах, и этот дался ему с большим трудом, так что пришлось перевести дыхание. — Что же касается вина, то прошу меня простить, но... когда вокруг все слишком хорошо, когда стража у ворот встречает не хриплым ругательством и не тычком копыя, но приветливыми улыбками, то... сами понимаете...

— Понимаю! — рассмеялась Веллия. — И несколько на вас не в обиде. Сразу видно, вы оба многое пережили, и пережитое заставляет вас соблюдать мудрую осторожность. Но я надеюсь, вы не откажетесь пообедать вместе со мной? Обещаю вам, что буду есть те же самые блюда и пить то же вино, что и мои дорогие гости!

После того, как путники коротко рассказали, кто они, откуда и зачем странствуют в глухих немедийских лесах,

Веллия провела их в замок, где был уже накрыт изысканный стол на троих. Слуги и служанки, попадавшие на их пути, все как один были молоды и пригожи. Их одеждам могли бы позавидовать иные бароны и герцоги.

Прежде чем дойти до трапезной, они миновали несколько залов, не слишком больших, но чарующих глаз изысканным вкусом своего убранства. Шумри особенно поразили гобелены, висящие по стенам. Их было очень много; синими, лазоревыми, лиловыми и белыми нитями были вызваны к неслышимой жизни большеглазые одухотворенные лица, мужественные фигуры воинов, ниспадающие мягкими складками платья дам, тела оленей и единорогов, фантастические цветы и листья...

— Что за потрясающие мастера ткали эти гобелены! — воскликнул немедиец. — Кажется, эти люди и животные вот-вот зашевелиятся, выступают из стен и заговорят...

Улыбнувшись, Веллия подвела их к деревянной рамке с недоконченным гобеленом. Пальцы ее несколько раз прикоснулись к нитям, и к наполовину вытканному венку из лилий на голове мечтательной девушки добавился еще один цветок.

— Все эти гобелены выткала я в долгие часы и в дни одиночества, — заметила она с легкой грустью.

— В самом деле?! — восхитился Шумри. — Но... как же так? Ведь их очень много, не меньше сорока или пятидесяти, на каждый ведь должно уходить несколько лун, если не лет, работы?.. Наверное, вам помогали слуги?

— Ну, конечно, — кивнула Веллия. — Я начинала и разрабатывала сюжет рисунка, а мелкие детали заканчивали мои девочки. Я не думала, что такие мелочи достойны упоминания.

Обед, поданный тремя миловидными молоденькими служанками в белоснежных кружевных фартучках, был восхитителен. Как и обещала, Веллия ела и пила то же самое, что и ее гости. Особенно вкусным было нежное, янтарно золотящееся мясо рыб. Да и вино, которое Конан распробовал как следует, несмотря на странный дурманный привкус, оказалось совсем неплохим, и он был вы-

нужден признать, что был несправедлив к нему при первой встрече.

Когда гости насытились, хозяйка сняла со стены музыкальный инструмент, похожий на лютню, но больше и продолговатей, с двенадцатью серебряными струнами. Шумри, с разгоревшимися глазами, попросил у нее разрешения прикоснуться к этим струнам, хотя бы на краткий миг.

— С удовольствием, мой прекрасный гость, — ответила Веллия. — И не на миг, но сколько тебе будет угодно. Об одном лишь хочу попросить вас: выйдемте в сад! Я так люблю его, что в стенах замка провожу лишь ночи да ненастные холодные дни. Поверьте, что в саду эта певучая игрушка зазвучит нежнее и мелодичнее.

Пока они шли обратно по залам замка к выходу, Конан задал давно мучающий его вопрос: отчего, подъезжая сюда, не встретили они ни полей, ни огородов, и где те люди, селяне и ремесленники, чьей властительницей является Прекрасная Веллия?

— О, мои славные путники, я вовсе не богатая и знатная властительница, какой показалась вам! — ответила она, рассмеявшись. — Да и зачем мне селяне? Я не ем ни молока, ни хлеба. Прекрасные рыбы, чье мясо вы хвалили сегодня, в изобилии водятся во рву и озере. Дичи в лесу хватает и мне, и моим друзьям. Да-да, друзьям! Не удивляйтесь: язык мой не поворачивается называть слугами тех, кто близок мне и любезен, словно члены моей семьи или добрые приятели.

— Интересно, а куда ты деваешь старых и некрасивых слуг? — бухнул напрямик киммериец.

Шумри поежился от его бестактности и отвел глаза.

— Я скармливаю их рыбам, — ответила Веллия, мило улыбнувшись.

Немедиец рассмеялся с облегчением, радуясь, что она не обиделась и ответила шуткой на недостаточно галантный вопрос.

Выйдя в сад, Веллия провела гостей к самому высокому его месту, туда, где поросшая цветами земля со-

прикасалась с мраморной стеной замка. Присев на белоснежный камень ограды, она махнула рукой. Конан прилег на мягкую траву. Шумри опустился на одно колено и тронул струны длинного инструмента...

Сначала он просто перебирал их, осторожно, трепетно, вслушиваясь в звучание каждой. Затем заиграл. Без слов, что-то очень знакомое. Кажется, это была та самая мелодия, которой он утешал когда-то Конана, сокрушенного отказом Алмены. Но тогда он пел — и было что-то про ветер, глядящий волны, и про темные крики боли, которые когда-нибудь станут музыкой...

Когда стихло последнее трепетанье струны, и Шумри устало откинулся на траву, Веллия долго молчала. Глаза ее, обращенные на музыканта, подернулись влагой и блестили больше обычного.

— Простите меня, мои неожиданные и прекрасные гости, но мне хочется говорить стихами, — сказала она наконец.

Она протянула ладонь и коснулась пальцами волос немедийца, наполовину седых и как всегда взлохмаченных.

Душа твой высока.
Глаза твои зелены.
Скажи, отчего белы сады на висках твоих?
Мне кажется, что зима рано к тебе пришла.
Так незаслуженно рано!..

Смущаясь от ее пристального взгляда и прикосновения, Шумри попытался было тоже ответить стихами, но вышло у него довольно неуклюже:

Зима приходила ко мне,
о Прекрасная Госпожа!
Зима пришла и ушла.
Теперь же ласкает меня весеннее солнце.

— И вправду? — Веллия посмотрела ему в глаза испытующе. — Тогда я рада!

Но вот что скажи, мой гость:
Умеют ли пальцы твои музыку извлекать

не только из жестких струн,
но и из нежных тел?

От такого откровенного вопроса Шумри смутился еще больше. Побагровев, он мучительно — и тщетно — пытался выстроить в голове достойный и изящный ответ.

— О, прости же меня! — рассмеялась Веллия. — Я чересчур любопытна, прекрасный мой гость! Ты вправе не отвечать на столь праздный вопрос...

Она грациозно перегнулась назад, отвела голову и замерла, вперив взор в мерцающую во рву ледяную воду. Не дождавшись, пока немедиец поборет смущение и косноязычие, она снова заговорила, мечтательно и отрешенно:

Так шевелит плавниками рыба,
так лениво прохладные струи ее обтекают,
словно в истоке духи реки застыли
и ловят зрачками вечнотекущие облака...

Немного успокоившись и приведя в порядок мысли, Шумри откликнулся:

Там опускаются на самое дно
уставшие и заболевшие стремления,
и прохладные струи смывают боль,
как грязь, а грязь, как... как...

— Как растерянность, — подсказала ему Веллия, хоть и не слишком осмысленно, но мелодично.

Поблагодарив ее взглядом, Шумри продолжал:

— Как немоту мою мне превозмочь?.. — горячо вопрошил он, прижав ладонь к левой стороне груди.

Как сделать, чтобы наконец
вылилась нежная безымянная река,
запертая в глухом подземелье
и не имеющая даже русла?..

Конан в продолжение поэтического состязания чувствовал себя лишним, и мало-помалу это состояние начало его тяготить. Он открыл было рот, чтобы недвусмысленно высказаться, но вместо решительных слов из глотки его вылетело громкое чиханье.

Вдохновенные стихотворцы разом вздрогнули, затем рассмеялись.

— Весьма достойный вклад! — воскликнула Веллия. — Так коротко и так глубокомысленно!

— Могу еще глубокомысленней! — заверил ее киммериец. — И еще короче.

И он чихнул громче прежнего.

— К сожалению, я не умею говорить стихами, — сказал Конан, переждав второй взрыв смеха. — А из всех струн мне подчиняется лишь тугая тетива лука. Так что в вашей компании я, похоже, лишний.

— О, вовсе нет! — горячо запротестовала Веллия. — Возможно, вы обладаете способностями, о которых никто и не подозревает! Разве не так, Шумри? Попробуем открыть их вместе!

— О да! — подтвердил тот. — Мой друг умеет, к примеру, гадать по ступне.

Конан одарил его столь яростным взглядом, что немедиец тут же пожалел о сорвавшейся у него с языка нелепой и ранящей шутке, но было поздно. Он сам не мог понять, отчего ляпнул такое. Наверное, пахучее вино отуманило его мозги... да еще такие дурманные синие цветы со всех сторон!

Оживившись, Веллия опустила на траву возле киммерийца и сбросила с левой ноги легкую, как лепесток лилии, туфельку.

— Погадай же мне, мой мужественный и суровый гость! — горячо попросила она.

О, погадай мне на моей ступне!
Она — как книга с тайной, мудрой солью!
Пусть упоительно, легко и вольно
от вещей слов твоих произвольных
я поплыву, как в молодом вине!

Мои огромные зеленые глаза
взлетают выше, оставляя тело!
Я так смела, как будто бы посмелав
сех небожителей облобызывать!

— Он пошутит! — отрезал киммериец. — И, клянусь

Кромом, кому другому за подобные шутки здорово бы досталось! Глаза же у тебя, если мои собственные мне не изменяют, голубого цвета.

— Но ведь это же стихи, стихи!.. — томно протянула красавица.

Казалось, она была разочарована, что Конан не захотел раскрывать спрятанных в нем способностей.

— Простите меня, — сказал Шумри. — Это и впрямь неудачная шутка. Ваше чудесное вино ударило мне в голову. Мой друг замечательно одарен, но ни к поэзии, ни к музыке, ни к ясновидению его способности отношения не имеют.

— Как жаль! — воскликнула Веллия.

Неожиданно для себя немедиец зевнул. Сладкая тяга ко сну подступила незаметно и пропитала веки.

— Прошу простить меня... — пробормотал он.

— О, это мне нужно просить прощения! — прекрасная хозяйка резво поднялась на ноги. — Вы давно устали и мечтаете об отдыхе, я же пристаю к вам с разговорами и стихами, забыв о долге гостеприимства. Не хотите ли вы уснуть прямо здесь, в саду? В замке душно, здесь же — мягкая трава и свежий воздух. Мои цветы, склоняясь над вашими веками, будут навевать самые безмятежные, самые ароматные сны...

Она еще говорила, а Шумри уже погрузился в дрему, послушно склонив голову на траву. Самые ароматные... самые синие... самые... самые...

* * *

Конан лежал на спине, закрыв глаза, положив руки под голову, и грудь его мерно вздымалась. Со стороны могло бы показаться, что он спит, но это было не так. Киммериец думал. Несколько вяло тревожащих его мыслей шевелились под лобной костью, не давая преследовать примеру приятеля и окунуться в безмятежное беспамятство.

Во-первых, отчего Шумри так стремительно заснул, на полуслове, полувзгляде, уткнулся лицом в траву и поса-

пывает, как ребенок? Утром они встали довольно поздно, не было ни погони за зверем, ни изнурительных переходов, от которых можно было бы устать уже к середине дня. Может быть, его утомили стихи, унылые (на его взгляд) и занудливые? Да нет, Шумри это глупое занятие как раз возбуждало. Это его, Конана, их томные причитания могли бы погрузить в беспробудный сон. Но ему-то как раз спать почти совершенно не хочется...

Во-вторых, эти синие и лиловые цветы колышутся над его лицом, как живые, то и дело прикасаясь ко лбу и щекам мягкими и щекочущими лепестками. Отчего-то они вызывают у него необъяснимую неприязнь. Хорошо хоть он не чувствует их запаха: благодаря купанию в ледяной воде подхватил-таки насморк, чем сейчас даже доволен. Можно представить, какой аромат у этих назойливо-ласковых растений — въедливый, дурманящий, как то вино.

В-третьих... но додумать свою третью тревожную мысль Конан не успел. Чья-то тень упала на его лицо. Он еле заметно приоткрыл веки и сквозь завесу ресниц увидел склонившуюся над ним прекрасную Веллию. «Интересно, чего она хочет? — вяло промелькнуло в его мозгу. Неужели того самого?.. А ему-то, дураку, показалось, что Шумри ей понравился гораздо больше. Вот и хорошо, что приятель его крепко спит, не так ему будет обидно! А ну-ка...»

В следующее мгновение киммерийца прошиб холодный пот. Он широко распахнул глаза. Над ним склонялось не красивое женское лицо, но огромная птичья голова с острым и крепким клювом.

— А-а-а!!! — дико заорав, Конан взмахнул руками, отгоняя видение, и сел.

— Что с тобой?! — раздался над ним мелодичный голос, полный искренней тревоги.

Веллия — прекрасная женщина с точеными чертами и голубыми глазами, полными сочувствия и испуга, а не жуткая птица — наклонялась над ним.

— Должно быть, приснилось, — пробормотал Конан,

вытирая со лба испарину. — Привиделось... что-то кошмарное.

— Это бывает, когда сильно устаешь! — Она провела по его векам прохладными и мягкими подушечками пальцев. — Ты так напугал меня своим криком! Хорошо, что я не успела отойти далеко. Но теперь ты заснешь спокойно, спокойно...

Женщина продолжала легко поглаживать его веки. Киммериец снова откинулся на траву. От нежных прикосновений, от обволакивающего шепота ему в самом деле неудержимо захотелось спать. Сосредоточившись, он поборол в себе это расслабляющее желание. «Не успела отойти далеко!» Как бы не так! Вовсе она не отходила, но склонилась зачем-то над ним, склонилась низко-низко, а затем... В самом ли деле то был кошмар? Последний раз кошмарный сон Конан видел лет пятнадцать назад, в детстве, когда его трясла жесточайшая лихорадка...

Несмотря на мечущиеся в его голове мысли, киммериец старался дышать глубоко и размеренно. Вскоре Веллия перестала шептать и поглаживать ему веки. Но не уходила. Она пристально всматривалась ему в лицо, и из глаз ее перламутрового оттенка, казалось, исходили холодные и настороженные токи.

«Жди, жди, — подумал Конан, продолжая все так же незаметно наблюдать за ней сквозь ресницы. — Вряд ли твоего терпения хватит надолго!» Он не ошибся. Веллия не отличалась большой выдержкой. Внезапно точеные и благородные ее черты исказились, кожа покрылась бурными перьями, и женское лицо превратилось в голову хищной птицы. Изогнутый клюв нацелился прямо в левый глаз киммерийцу. Стремительный рывок вперед... Конан лишь на долю мгновения оказался быстрее и успел резко отвернуть голову. Острый, как костяная игла, клюв рассек ему кожу за ухом.

— Будь ты проклята, ведьма! — заорал киммериец и, вскочив, вцепился оборотню в горло.

Это опять уже была женщина, она билась в его руках и жалобно кричала. Чтобы на крик не бежались слуги,

Конан заткнул ей рот ее же пышными волосами. Затем крепко связал за спиной руки, оторвал для этого широкую полосу от подола ее платья. Оставалось самое главное: разбудить Шумри.

Его спутник долго не хотел возвращаться с тех заоблачных лугов, куда вознесли его душу дурманные ароматы сада. Он сладко причмокивал, мычал и даже пинался, когда киммериец толчками, щипками и окриками пытался заставить его открыть глаза. Наконец Шумри глубоко вздохнул, протер веки и сел, озираясь по сторонам глазами мутными и покрасневшими, словно у пьяного.

— Что это, Конан?.. — прошептал он в ужасе, увидев, что их прекрасная и изысканная хозяйка валяется в траве со связанными руками и заткнутым ртом.

— А то, что она — ведьма! — отрезал киммериец. — Я хотел ее задушить, но не смог — от омерзения. Лучше мы привяжем к ее ногам камень и сбросим в ров. Это не так противно.

— Ты сошел с ума, Конан! — Шумри вскочил на ноги и бросился к прекрасной хозяйке. — Сейчас же развяжи ее!

Конан встал на его пути, не подпуская к извивающейся на траве Веллии.

— Если ты еще дернешься в эту сторону, я вытащу меч, — сказал он.

Тон его голоса был таков, что немедиец не сомневался: именно это сделает варвар с побелевшими от ярости глазами, стоит ему двинуться в направлении связанной женщины.

— Но послушай, — заговорил он мягко и убедительно, — ты, верно, перегрелся на солнце, или вино ударило тебе в голову! Да, конечно, вино: оно только казалось некрепким... Прекрасная Веллия не может быть ведьмой. Скорее уж, меня можно назвать колдуном или оборотнем. Это вино и солнце! Пойдем же в тень, Конан, пойдем под крышу, в прохладу!

— А я тебе говорю, и не просто говорю, а клянусь Кромом, Митрой и всеми богами тех стран, где мне до-

водилось бывать, что она ведьма! — взревел киммериец. — Думая, что я сплю, она обратилась в какую-то мерзкого вида птицу и собиралась выклевать мне глаза!

— Это бред, Конан! — твердо сказал Шумри. — Зло не может жить в такой душе. Как она чувствует все прекрасное! И не просто чувствует, но творит вокруг себя красоту. Оглянись вокруг, Конан!

Веллия, пока они спорили, извивалась в траве, пытаясь ослабить путы на руках и выплюнуть кляп. Ни то, ни другое ей не удавалось. Она переводила выпученные, налившиеся кровью глаза с одного на другого, мучительно выжидая, кто же возьмет верх, за кем останется последнее слово.

— Значит, ты считаешь меня клятвопреступником, — спокойно сказал киммериец. — Хорошо. Знай же, если ты помешаешь мне прикончить эту сладкоречивую ведьму, нашей дружбе конец. Мы больше не побратимы, высокочтимый барон Кельберг. Храм нашей дружбы на далеком плато на берегу Южного Океана склевали по камушку стервятники и грифы.

Шумри побледнел. Какое-то время оба молчали.

Веллия еще неистовей забилась в траве, поскуливая, как новорожденный щенок.

— Даже ради нашей дружбы, Конан, я не стану убивать невинного человека, — наконец произнес немец. — И тебе не позволю. Лучше убей меня. Я же вижу: рукоять меча так и просится к тебе в ладонь, и лезвие дрожит, алча свежей крови. Убей меня, и ты успокоишь и меч свой, и сердце.

Конан расхохотался, горько и саркастически.

— Что мне за радость убивать тебя, несчастный ты недоумок! Если б удар моего меча мог прибавить тебе мозгов! Ладно. Эту мутноглазую тварь я тоже не трону, раз ты уж так умоляешь. Я уйду сейчас прочь. Только последняя просьба: не развязывай ее и не вынимай кляп, пока я не выйду за пределы замка. Мне не хочется крошить на мясо толпу ее красивых и нарядных маль-

чиков. Ты увидишь отсюда, с ограды, когда я перейду через ров.

— Хорошо, — тихо сказал Шумри. — Я выпущу ее, как только ты выйдешь за ворота.

Не прощаясь, киммериец развернулся и зашагал вниз по хрустящей осколками горного хрусталя, чистенькой и сверкающей дорожке.

* * *

Бессильный гнев и горечь теснились в груди Конана и подстегивали его шаги, словно удары плети по крупу горячей лошади. Он почти бежал. Прочь, скорее прочь от этого колдовского места! От проклятого места, где испытанный друг и кровный побратим предал его, поддавшись чарам полуженщины-полуптицы...

Он ничего не видел впереди себя от ярости и оттого едва не столкнулся с выросшей на тропе сгорбленной фигурой в лохмотьях.

— Кром! — ругнулся киммериец. — Прочь с дороги, старик!

Старик не отходил, и в следующий миг Конан узнал его — это был тот самый немой нищий, что встретился им с Шумри на пути в белый замок. Вот и вросшая в землю лачуга его проглядывает из-за ветвей...

— Прочь, прочь! Не до тебя сейчас! — повторил Конан.

По-видимому, за время, прошедшее с их первой встречи, старик излечился от немоты, потому что повторял теперь, хоть и сильно шамкая, но довольно внятно:

— Хвала Митре, ты жив! Но горе, горе — бедный твой спутник!.. Хвала Митре!.. Горе!.. Как же тебе удалось уйти, как?..

Когда смысл его назойливых причитаний дошел до киммерийца, тот взъярился еще больше. Схватив старика за плечи так, что хрупкие кости едва не хрустнули в его мощных ладонях, Конан заорал:

— А! Так ты знал, что она ведьма! Знал и не предупредил нас! Ты только прикидывался немой, чтобы заманить нас туда, грязный старикашка!..

— О нет же, нет, нет!.. — кричал старик, пытаюсь выговорить что-то в свое оправдание, но взбешенный варвар тряс его с такой силой, что беззубые челюсти стучали друг о друга, мешая вылетать жалобным словам.

— Эй, ты! — раздался вдруг со стороны лачуги незнакомый голос, хмурый и мужественный. — Оставь в покое старика! Если тебе не с кем померяться силой, померяйся со мной!

Конан отпустил старика и обернулся. Возле дверей лачуги стоял высокий мужчина лет тридцати. Судя по одежде и благородным чертам лица, он был знатного рода, хотя плащ и колет давно запылились и порвались во многих местах. Левый глаз его скрывала грязная белая повязка. Лицо было худым и изможденным, словно он только что перенес тяжкую болезнь, а может, и до сих пор еще был болен. Правой рукой незнакомец опирался на меч, левой держался за ручку двери.

— Ты думаешь, ты намного сильнее этого дряхлого старца? — усмехнулся, немного остыв, киммериец. — Сдается мне, если подует ветер, ты покатишься по земле, словно упавший лист. Я не дерусь со вставшими со смертного одра!

— Зато ты дерешься со столетними стариками, — заметил незнакомец.

Он действительно чуть покачивался, словно от порывов ветра, и был, видимо, очень слаб.

— Ну нет, со стариками я не дерусь, — возразил Конан. — Потряс его немножко — это верно. Но он заслужил. В следующий раз не будет притворяться немым и заманивать людей в ловушки!

— Нет-нет, я не заманивал! — возразил старик, слегка отдышавшись от бешеной тряски. — Я вам все объясню! Больд, друг мой, давайте пригласим доблестного незнакомца в дом и все ему расскажем!

Немного подумав, киммериец кивнул в знак согласия. Он уже двинулся было к дверям лачуги, так незаслуженно гордо именуемой домом, как вдруг услышал за спиной знакомый голос:

— Конан! Подожди, Митрой заклинаю тебя, подожди!..

Запыхавшийся от быстрого бега Шумри спешил к нему по тропе. В разгоряченном его лице была и радость, и облегчение, и следы недавней горькой обиды.

— Как хорошо, что я догнал тебя прежде, чем ты сел на коня! — проговорил он, подходя и кивая в знак приветствия старику и Больду. — Твой скакун не в пример резвее моего, и я бы тебя больше не увидел! Все выяснилось! Все замечательно! Послушай меня!..

Он взял киммерийца за локоть и отвел шагов на двадцать назад по тропе, не переставая взволнованно говорить:

— Веллия мне все объяснила! Все дело в цветах! Их запах действительно дурманит и навевает видения. Но если человек спокоен — видения эти светлые, волшебные. Если же что-то его гнетет, может привидеться мрачное и зловещее. Веллия так сокрушалась, что не учла этого, так просила тебя ее простить! Ей показалось, что в душе твоей мир и покой — ведь синие твои глаза обычно так невозмутимы... Тебе привиделась страшная птица, Конан, это так понятно! Разве коршун Кээ-Ту, зловещая облезлая птичка стигийских жрецов, не запала тебе глубоко в память?.. Это все цветы, это их волшебные и коварные ароматы!..

— А это тоже ароматы? — спросил Конан, повернувшись к приятелю боком и приоткрыв свежую царапину над левым ухом. — Никогда не знал прежде, что запах царапает, как клюв!

— О Конан! — вздохнул Шумри. — Конечно, она царапалась, когда ты ее связывал и затыкал рот. Я и представить себе не мог до сих пор, что ты способен так обращаться с женщиной. С хрупкой и пленительной женщиной!..

— Такой пленительной, что Илоис тут же вылетела у тебя из головы, — ядовито заметил киммериец.

Шумри вспыхнул. Его круглые глаза, обычно мягкие и мечтательные, затвердели. Какое-то время он молчал,

борясь с собой, затем сказал примирительным тоном, положив приятелю на плечо руку:

— Тебе не удастся обидеть ни меня, ни мою жену, Конан. Это не вина твоя, но, скорее, твоя печаль, что никаких иных отношений с женщиной, кроме любовных или скотских, не можешь ты и помыслить. От Илоис у меня нет и не будет тайн. Конечно же, она порадуетя за меня, когда я расскажу, с каким исключительным человеком свела меня ненадолго судьба.

— Великие боги!.. — только и мог выдохнуть Конан, не находя иных слов.

— И еще одно, Конан, — продолжал Шумри, чуть понизив голос. — Наверное, ты знаешь, что я могу чувствовать... с недавних пор научился немного чувствовать, что думает обо мне человек, который находится рядом. Как относится ко мне человек... Если б Веллия таила злобные мысли, я бы услышал это.

— Разве я говорил, что она таила против тебя злобные мысли? — воскликнул, теряя терпение, киммериец. — Не тебе, нет, не тебе — мне она собиралась выклевывать глаза! С тобой же, как мне показалось, она собиралась заняться куда более приятными вещами... Но с меня хватит! Видишь, мне кивает и машет этот полубезумный старик? Ты оказался прав: он не немой, и он обещает рассказать мне что-то интересное.

Отвернувшись от приятеля, Конан двинулся навстречу старику, нетерпеливо перетаптывающемуся у дверей своей хижины. Увидев, что Шумри стоит в нерешительности, старик замахал и ему тоже, и тот, пожав плечами, последовал за киммерийцем.

— Твой спутник тоже спасся?.. Как я рад! Какое счастье! — лепетал старик, пока приятели, пригнувшись, входили под замшелые своды и рассаживались на трухлявой лавке вдоль стены. Больд был уже внутри и лежал, подперев руками голову, на убогом ложе из тряпок и облезлых козьих шкур.

— Мне нечем угостить вас, любезные гости, — сокрушался старик, то открывая, то закрывая ветхие деревян-

ные шкафчики, словно надеясь отыскать в них что-то достойное быть выставленным на щербатый, изъеденный жуками стол.

— Мы сыты, — не очень вежливо перебил его Конан. — Не трать время, старик. Ты хотел рассказать нам о чем-то занимательном.

— Да-да, конечно, — старик перестал суетиться и тоже присел. — Но прежде скажите мне, любезные гости, как вам удалось вырваться из когтей Веллии?

— Благодаря моему насморку, — ответил киммериец. — Я не заснул от ее дурацких цветов, потому что не чувствовал их запаха. Что касается его, — он кивнул в сторону Шумри, — ведьма не тронула его, потому что сильно полюбила.

— Полюбила... — закивал старик понимающе. — Да, да, Веллия часто отдает свое сердце то одному, то другому... Правда, никого из своих возлюбленных она не выпускает из стен замка. Во всяком случае, живыми. Вам повезло, вам очень повезло... Должно быть, насморк послали тебе пресветлые боги...

— Покороче, старик, — прервал его Конан. — Я пришел услышать не о своем насморке. Что ты хотел рассказать? Отчего ты вначале притворился немой?

— Ну, что ж, все по порядку, — старик глубоко вздохнул, положил на доски стола свои сморщенные ладони и заговорил, глядя на них, словно вчитываясь в строки старой книги. — Хозяйка замка из белого мрамора сильна и могущественна. Не знаю, женщина она или демон. Ей много-много лет. О, она гораздо старше меня и даже старше моей прабабушки! Она владеет секретом вечной молодости. Я — один из немногих, кто знает, каким путем она поддерживает в себе вечную молодость и красоту. Это страшный способ, любезные мои гости! Когда случайные путники, поодиночке или вдвоем, забредают в ее замок и стучатся в красивые резные ворота, она ласково встречает их, вкусно поит и сладко кормит, улаживает стихами и музыкой. Но когда гости засыпают в ее чародейном саду из синих цветов, она обращается

в полуптицу и выклеывает им глаза. О, дурманный сон так крепок, что даже от боли они не в силах проснуться! Сначала левый глаз — при этом все годы, которые должен был бы в будущем прожить ее гость, переходят к ней, становятся ее достоянием. Потом правый — и этим выпитывает в себя силы, здоровье и таланты — если они есть — своего несчастного гостя. Наверное, она поразила вас своим мастерством во многих видах искусства?

Шумри, не сводящий со старика распахнутых напряженных глаз, молча кивнул.

— Все это краденые, вернее, отобранные, выпитые таланты, — продолжал старик. — Затем она перерезает беспомощным, ослепленным жертвам вены — они и при этом не просыпаются! — и кровью их поливает свои цветы. Синие цветы — самые верные ее слуги и помощники, и она щедро их поит. Людская кровь всасывается их корнями, и ароматы становятся слаще и гуще, а лепестки — ярче. Затем обескровленные тела бросают в ров, на корм рыбам. Наверное, она угощала вас, и вы не могли не заметить, какое нежное и сочное мясо у жареных рыб, которыми она потчует своих гостей?

Немедиец снова кивнул, не в силах произнести ни слова пересохшими губами.

— Но не всех ее гостей ожидает подобная участь сразу, — после паузы продолжал старик. — Если гость очень хорош собой, если он пришелся ей по душе своим мастерством в каком-нибудь виде искусства, Веллия не убивает его. Она предлагает ему остаться с ней навсегда. В качестве любовника, собеседника, слуги, красивой безделушки, домашнего зверька... Она без ума от всего красивого и не терпит вокруг себя невзрачных и старых лиц. Те, кто остаются, еще больше хорошеют со временем, ибо выпитывают в себя разлитые вокруг ароматы колдовских цветов. Если они послушны, милы и веселы с ней, она терпит их возле себя долго, иногда многие годы. В конце концов они неизбежно надоедают ей — даже самые цветущие, самые звонкоголосые, — и их постигает общая участь.

Старик замолчал. Он все так же не отрывал взгляда от своих морщинистых, узловатых ладоней, тихонько шевеля пальцами, словно ощупывая невидимую ткань. Голова его мелко и монотонно покачивалась.

— Ты так хорошо все про нее знаешь, старик, словно был, по меньшей мере, ее супругом, — заметил Конан.

— Я был ее игрушкой, — закивал старик. — Красивой игрушкой, румяным пышнокудрым зверьком, одним из многих, о которых я только что говорил. Надо вам сказать, что большинство ее игрушек не догадываются, отчего так юна и прекрасна их госпожа. Они искренне считают ее светлой феей и ежедневно возносят благодарения судьбе, выведшей их когда-то на дорогу к белому замку. И я был таким. Глядя на меня сейчас, трудно представить, что когда-то я был очень хорош собой, но так было. Боги не обделили меня — в придачу к внешности я был пылок, весел и остроумен, отлично пел и баловался стихами... Веллия долго любовалась мной и забавлялась со мной!..

— Ты как будто гордишься этим, старик, — пробормотал киммериец.

— Правда?.. — удивился старик. — О нет. Это просто обычные старческие вздохи по поводу отлетевшей молодости... Ее слугам и любовникам было строжайше запрещено приближаться к саду. Однажды я нарушил запрет и стал невольным свидетелем ее кровавого обряда. Можете себе представить, какой ужас я испытал! Ужас и омерзение... Веллия не заметила меня, но ужас и омерзение не почувствовать не могла и обо всем догадалась. Тогда она позвала меня к себе, горячо целовала, нежно ласкала, а в перерывах между поцелуями рассказывала о себе, о тайнах вечной своей юности... И она поставила меня перед выбором: либо мою кровь выпьют цветы, а телом будут лакомиться рыбы, либо — я стану как и прежде весел, игрив и ласков, и не омрачу негу ее души утрюмым или испуганным взглядом. Что бы выбрали на моем месте вы, любезные гости?..

— Тут и размышлять нечего, — пожал плечами Конан. — Задушить и выбросить ее любимым рыбам.

— О, не так все это просто... — вздохнул старик. — Ее окружали со всех сторон влюбленные и преданные слуги. Но даже когда мы оставались наедине, я не мог! Не знаю, поймете ли вы меня, но новые чувства — ужас и омерзение, не уничтожили старых, но только прибавились к ним. Когда я протягивал руки к ее шее — не душить, но гладить, но целовать иступленно тянуло меня... Я выбрал побег. Готовился к нему очень долго...

— Отчего-то меня ее красивые мальчики в блестящих доспехах выпустили без единого слова, — перебил его Конан. — Мне даже не пришлось вынимать из ножен свой меч.

— Да, это странно! — кивнул старик. — Особенно, если учесть, что ты проник в ее кровавую тайну. Тебе очень повезло, я уже говорил... За мной же Веллия велела следить днем и ночью. Под страхом смерти страже было запрещено выпускать меня за ворота. Мне все труднее и труднее было изображать веселье и игривость. Я чувствовал, что близится мой последний срок, близится пиршество рыб и синих цветов моим бранным телом. Но боги помогли мне! Однажды ночью случилась сильная гроза, ветром валило в саду деревья, и все слуги в спешке и панике бросились спасать от гибели синие цветы, укрывать их от режущих струй дождя и от ветра... Мне удалось незамеченным перелезть через ограду и переплыть ров. Я бежал изо всех сил и упал без чувств далеко от замка на глухой тропинке. А утром вернулся. Вернулся вот сюда, на это самое место, выстроил скромную хижину и стал здесь жить.

— Странное ты выбрал себе место! — хмыкнул киммериец.

— О да, вам это покажется странным. Но я не смог уйти от нее далеко. Мне казалось, что здесь до меня будут доноситься слабые ароматы ее цветов, слабые отголоски ее пения... И я действительно их слышу, по ночам, когда все вокруг затихает. Есть и другая причина, более

достойная, отчего я живу в этом месте. Я решил останавливать всех путников, направляющихся в замок, и предупреждать о страшной ловушке, поджидающей их там.

— Это и впрямь достойное занятие, — согласился Конан. — Отчего же ты не остановил нас? Тебе чем-то не понравились наши физиономии?

— О нет, что ты! — замахал руками старик. — Вы мне очень понравились! Знали бы вы, как болело за вас мое сердце, когда за вами захлопнулись резные ворота проклятого замка! Но дело в том, что все мои прежние предупреждения не помогали, совсем наоборот! Путники забредают в эти глухие края очень редко. За сорок с лишним лет, что я живу здесь, мимо меня прошло человек пятнадцать, от силы двадцать. Как правило, это были отважные люди: охотники, воины, искатели легкой добычи. Я останавливал всех. Самыми яркими красками рисовал я им, что их ждет за белоснежными стенами. Но результат был плачевным. Иные из путников не верили мне, смеялись, называли помешанным. Должно быть, я и впрямь немножко сошел с ума, не спорю... У тех же немногих, кто верил мне, загорались глаза и руки сжимали рукояти мечей и секир. «Ты говоришь, она ведьма? Прекрасно! Я давно мечтал померяться силами с настоящей нечистью!» Не возвращались ни те, ни другие. Ни те, кто смеялся, ни те, кто полыхал очами и рвался в праведный поединок. За сорок лет только трое вернулись оттуда, только трое: вы да несчастный Больд, — старик кивнул на раненого. — Наверное, Веллия начала стареть и чары ее ослабели, раз она выпустила за недолгий срок сразу троих... Я не предупредил вас, любезные гости — я знал, что после моего предупреждения вы все равно двинетесь туда, навстречу своей злой судьбе. Более того — рванетесь еще быстрее... И Больда я не предупредил. Только невнятными звуками пытался возбудить в нем подозрения и тревогу.

— Ты вздыхал, мычал и шепелявил, — глухо откликнулся со своего ложа Больд. — И еще ты бормотал от-

рывисто: цветы... цветы... Надо сказать, я вспомнил твое бормотание в самый критический миг, оно не прошло для меня бесследно.

— Спасибо на добром слове, любезный мой Больд, — сказал старик. — Видели бы вы, в каком состоянии я подобрал его на тропе вблизи моей хижины несколько лун назад. Я выхаживал его долго и терпеливо, хотя и не надеялся, что он выживет. А когда стало ясно, что душа не покинет его тело, я стал бояться за его рассудок. Очень долго Больд бредил и не понимал происходящего вокруг. О том же, что случилось с ним в замке и как ему удалось выбраться оттуда, он расскажет вам сам, если пожелает.

Конан и Шумри повернулись к лежащему Больду. Тот хмуρο молчал, поглядывая на них единственным уцелевшим глазом.

— Стоит ли? — после паузы спросил он старика. — Хватит твоей истории. Пусть возвращаются к себе домой, радуясь тому, что уцелели! К чему тешить их праздное любопытство? Я, конечно, могу рассказать об этом, но боюсь, что, разбередив в памяти этот ужас, я снова начну бредить и трястись в горячке.

— Но тогда, конечно же, ты не должен делать этого! — всполошился старик. — Снова выхаживать тебя, вытаскивать из горячки — на это больше не хватит моих стариковских сил. Пусть едут!

— Что ж, — Конан поднялся с лавки. — Спасибо за приют и рассказ. Только поедem мы сейчас не домой. Вернее, я не еду домой! — поправился он, бросив беглый взгляд на Шумри. — Я вспомнил, что кое о чем не договорил с прекрасной Веллией и мне нужно ненадолго вернуться в замок.

— Я иду с тобой, — сказал немедиец, также подымаясь и не глядя в глаза Конану.

Он был бледен до синевы. Конану показалось, что седых волос на его голове стало больше.

— Зачем? — саркастически поинтересовался кимме-

риец. — Чтобы хватать меня за руки и умолять не обращаться плохо с хрупкой и пленительной женщиной?..

— Нет, — тихо ответил Шумри. — Ты же сам знаешь, что нет.

— Тогда возьмите с собой и меня! — Больд, придерживаясь за стену, поднялся со своего ложа.

— Ты с ума сошел! — замахал руками старик. — Да ты и двух шагов не сделаешь, ты даже до ворот замка не доползешь!..

— Старик прав, — сказал Конан. — Мы ценим твой порыв, но будет лучше, если ты останешься в постеле. Боюсь, у нас там не будет времени то и дело подымать тебя на ноги и вкладывать в руку выпавший меч.

Больд снова опустился на ложе из козых шкур и вытер со лба испарину. Видимо, любое физическое усилие давалось ему с большим трудом.

— Выслушайте меня, — попросил он. — Я все-таки расскажу вам мою историю, и тогда вы поймете, отчего мое присутствие может оказаться для вас полезным.

— Время у нас пока есть, — не стал спорить киммериец. — Отчего не послушать?..

— Я не стану рассказывать вам свою родословную, — начал раненый. — Поверьте, род мой достаточно знатен. Я не бродяга, не лесной разбойник, не томящийся скукой искатель приключений. Меч мой не раз свистел и обливался кровью в битвах с врагами Немедии и короля. В эти глухие леса привела меня не скука, не поиск наживы, но потребность в подвигах. Да-да, не улыбайтесь! Хотя мне исполнилось уже двадцать пять лет, но сердце мое сохранило еще порывы пылкой, нерассуждающей юности. Год назад я обручился с самой прекрасной девушкой Бельверуса. Любовь моя к ней была чрезмерно сильна — так сильна, что я не мог просто взять ее в жены. Не знаю, понимаете ли вы меня. Она казалась мне существом иной, лучшей природы, чем я и все, кого я знаю. Все мои ратные подвиги, о которых она была, конечно, наслышана, казались мне такими ничтожными и обыкновенными в сравнении с ее необыкновенной красотой, чистотой и

высоким умом. Моя избранница любила меня, несмотря на все нелепости, которые я совершал в ее присутствии от робости и стыда, и ей были непонятны мои терзания. Я так долго тянул со свадьбой, что она стала уже подозревать, что я разлюбил ее и только ищу повода расторгнуть нашу помолвку. Я объяснился с ней: попросил подождать еще немного — пять-шесть лун — за которые я мог бы увенчать себя небывалыми прежде деяниями и стать достойным ее руки. Она согласилась, хотя и огорчилась отсрочке. В день прощания она одела на меня кольчугу — очень легкую, почти невесомую. Она сказала, что сплела ее сама из металла, секрет которого ныне почти неизвестен. Плела долго, каждое колечко согревая в руках и думая обо мне. С тех пор кольчугу эту я ношу, не снимая, тем более, что она совсем не мешает моим движениям, охлаждает в жару и согревает в ненастье... Первое время мне везло. Меч мой разил без промаха, удары же моих противников смягчала кольчуга. Перечислять врагов, которых я сокрушил за эти пять лун, я не буду, чтобы не затягивать мой рассказ. Я уже повернул назад и был на пути к моей избраннице, и смущало меня только то, что и эти мои новые подвиги казались мне недостаточно необыкновенными... Желая сократить путь, я свернул с широкой дороги и поехал напрямик через этот лес. Наверное, мне слишком много везло, и судьба спохватилась. Встретив на тропе взволнованного лепечущего старика, я не испугался и не насторожился, но возликовал. Наконец-то боги посылают мне возможность совершить небывалый подвиг! Что со мной произошло в замке, вы знаете не хуже меня. Никакими талантами в искусстве я сроду не отличался, красотой — как вы можете заметить — не блещу также. Поэтому Веллия не предлагала мне поселиться у нее насовсем. Она щедро поила меня и угощала — о, я бдительно следил, чтобы она ела и пила все то же, что и я!.. Она развлекала меня музыкой в своем саду, и синие цветы покачивали в такт мелодии лепестками... Я помнил, как бормотал старик: цветы... цветы... И я таращился на них

изо всех сил. Я пристально ловил каждое шевеление их лепестков, я ощупывал то и дело, висит ли по-прежнему на поясе мой верный меч... Но от запаха защититься я был не в силах! И я заснул. Мне приснился кошмар — привиделось, что моя кольчуга раскалилась и невыносимо жжет мне грудь и спину. Я ворочался, сон мой был некрепок, и оттого первый же удар клюва разорвал пути беспамятства. Я вскочил, кровь заливала мне половину лица. Веллия стремительно ускользнула. Я перемахнул через ограду и упал в ров с водой. Кольчуга помогла мне еще раз: ни одна из стрел стражников, дождем посыпавшихся мне вслед, не ранила меня серьезно. Потом... я плохо помню. Была долгая горячка и изнуряющий бред...

— Долгий-долгий бред, — подтвердил старик. — Я уж не чаял, что ты выкарабкаешься с того света.

— Неужели тебя изнурила до такой степени потеря одного-единственного глаза? — удивился Конан. — Ведь ты говоришь, ни одна стрела сильно тебя не ранила...

— Вы плохо слушали, что рассказывал вам старик, — с горечью отозвался Больд. — Вместе с левым глазом Веллия присваивает себе все годы, которые мог бы прожить человек в будущем. У меня впереди теперь ничего нет... Смерть касается меня ледяными пальцами, касается лба, груди, всего тела... Я долго не понимал, почему же все-таки не умер, почему же хлопоты старика оказались бесполезными. Я понял это лишь сегодня!

— И что же ты понял? — спросил киммериец.

— Капля жизни еще держится во мне для того, чтобы я пошел сейчас с вами, — ответил Больд. — Убить колдунью я не в силах. Но я в силах заслонить кого-нибудь из вас от меча или стрелы стражника. Мне же будет достаточно того, что последняя капля моей жизни будет потрачена не напрасно.

Какое-то время все молчали. Конан не знал, что ответить Больду. Брать с собой тяжелобольного человека казалось ему ненужной обузой. Но и отказать ему он не мог. Молчание нарушил Шумри.

— Конечно же, ты пойдешь с нами, Больд, — сказал

он. — Но только не думай о зловещем клюве, думай о чудесной своей кольчуге. Она помогла тебе здесь два раза, поможет и в третий.

Больд медленно покачал головой, но ничего не сказал.

— Не будьте же столь безрассудны! Ведь это верная смерть! — закричал вдруг притихший было старик. — Боги подарили вам жизнь, так возблагодарите их и поспешите к себе домой! Не возвращайтесь в замок! Я не все рассказал вам, да я и знаю о ней далеко не все!.. Я не знаю, к примеру, что за таинственная связь существует между цветами и ней! Я не знаю, на что еще способны эти цветы, кроме как усыплять людей своим запахом. Не обольщайтесь: вам не удастся уничтожить ее! Вы только погибнете сами!.. Одумайтесь, заклинаю вас всеми богами: одумайтесь!..

— Оставь свои причитания, старик, — оборвал его Конан. — Сдается мне, ты беспокоишься не о нас. Что тебе мы?.. Пуще всего на свете ты боишься, что в твою жалкую лачугу перестанут доноситься слабые ароматы ее цветов, слабые отголоски ее пения.

Старик сник. Голова его затряслась еще чаще, пальцы беспрерывно теребили край нищенского рукава.

— Я забочусь о вас, — выдавил он наконец. — Но и в твоих словах есть правда. Когда я перестану ощущать ее ароматы, ее пение — жизнь покинет меня.

— Ну так что же? — безжалостно возразил Конан. — Как я понял, тебе уже около сотни лет. И хватит с тебя. Нехорошо быть жадным: мало кто топчет зеленую травку так долго, как ты.

Старик совсем съезжился и стал таким жалким, что Шумри не выдержал.

— Прошу тебя, Конан, не добивай своими словами того, кто и так безмерно измучен. Лучше пойдем поскорее! Уже смеркается, скоро опустится непроглядная тьма.

— На такие дела как раз и надо идти во тьме, — откликнулся киммериец. — Ночью стрелы ее стражников будут куда реже попадать в цель. Может быть, и проклятые цветы по ночам засыпают...

— Подождите, — забормотал старик, — я кое-что вспомнил... Цветы не засыпают, нет-нет... — Он долго рылся в одном из своих ящичков, грозящих каждый момент рассыпаться в труху, потом протянул Шумри что-то, завернутое в грязную тряпицу.

— Что это? — удивленно спросил тот.

— Это порошок одной горной травки... Его надо нюхать... Не часто, время от времени. У него такой сильный запах, что перебивает все иные. Ароматы синих цветов не смогут вас усыпить...

Конан обмакнул палец в мелкий серый порошок и поднес к ноздрям. От резкого, как удар плетью, запаха его всего передернуло.

— Неплохо, старик, — одобрительно заметил он. — Если только ты не подсовываешь нам какую-нибудь отраву.

— Это не отравка, клянусь честью, — проговорил Больд, незаметно покинувший свое ложе и опирающийся на длинный, матово светящийся в полутьме меч. — Нам пора, любезные гости.

* * *

Прежде всего Конан, Шумри и Больд — несмотря на слабость, он шел довольно быстро, лишь изредка на миг останавливаясь, чтобы перевести дыхание — вышли на берег озера, к тому месту, где были оставлены слуги и лошади. Слугам, крепким молодым ребятам, отлично владеющим мечом и луком, коротко рассказали о сути предстоящей битвы. Разделили на пять равных частей пахучий порошок, запаслись мотком прочной веревки и, стараясь не производить шума, двинулись в сторону замка.

Ночь была светлой, так как недавно минуло полнолуние, и рыжеватая, похожая на новую бронзовую монету луна освещала все уступы и впадины. Было решено пробираться в замок со стороны озера, несмотря на то, что крутизна скал, даже при ярком дневном свете, представляла собой немалую опасность. Конан лез первым, вжимаясь в нагретые за день камни. В левой руке его был

свободный конец веревки, которую поочередно закреплял за устойчивые скальные выступы. Тем самым он значительно облегчал восхождение остальным спутникам, которые, обматывая веревку вокруг тела, уже не рисковали сорваться вниз. Шумри лез сразу же за Больдом, ненавязчиво оберегая его, в нужный момент подставляя колено или плечо. В ночной тишине раздавались только тяжелое дыхание, шорох мелких камней да слабый стук ножен о скалы.

Как только все благополучно добрались до вершины уступа, киммериец злобешим шепотом приказал издавать еще меньше звуков и осторожно, почти без всплеска, нырнул в черную воду рва, зажав предварительно в зубах тряпицу с пахучим порошком. Ногу его царапнуло чешуей одной из откормленных рыб, и Конана передернуло от отвращения. Подтянувшись на руках, он выбрался на узкий, шириной в полступни, карниз, отделяющий край рва от основания мраморной ограды замка. После нескольких неудачных попыток ему удалось перебросить конец веревки на одну из толстых ветвей дерева, растущего у самой ограды. Миг — и киммериец очутился на верху стены, над самым садом с синими цветами. Благодаря веревке и ловкости Конана остальные спутники были избавлены от купания в ледяной воде и довольно скоро, один за другим, перебрались к нему. Прежде чем прыгнуть в сад, каждый втянул ноздрями несколько пронзительно пахнущих крупниц порошка горной травки. Впрочем, запах синих цветов все равно ощущался.

— Послушай! — тревожно прошептал Шумри, коснувшись рукава киммерийца. — Они пахнут не так, как раньше! Намного сильнее и... по-другому. Запах уже не сладкий, но жгучий, ты чувствуешь?

— Понюхай еще порошка, — посоветовал Конан.

Насморк его не только не успел пройти, но еще усугубился повторным купанием, и он не мог проникнуться тревогой приятеля.

Шумри вдохнул несколько раз порошок и зажал нос. Конан осторожно двинулся по искрящимся в свете луны

осколкам горного хрусталя. Они захрустели, и он сошел с дорожки в усыпанную цветами траву.

— Хорошо бы эта ведьма спала в саду, — пробормотал он, внимательно оглядываясь вокруг. — Ведь в замке ей душно...

В тот же миг он увидел Веллию, действительно лежащую на траве, окруженную качающимися голубыми и лиловыми головками. Она была обнаженной, как и в их первую встречу. Пушистые, слабо блестящие в свете луны волосы укрывали ее, словно золотистая пена, словно нежные водоросли на морском дне. Они слабо вздымались в такт ее дыханию.

Конан оглянулся и дал знак своим спутникам, призывая к полному молчанию. Но сам тут же нарушил его, схватившись за правую голень, которую обожгло резкой болью.

— Копыта Нергала!

Он с трудом оторвал один из синих цветов, похожий на большой колокольчик, присосавшийся к ноге и прожегший прочную кожаную штанину. На том месте, где лепестки прикасались к коже, появилась кровоточащая язва.

— Остерегайтесь цветов! — громким шепотом предупредил он своих спутников.

Но было поздно. Молчание ночи прорезал хриплый вскрик. Один из слуг Шумри, захлебываясь воплем, отрывал от шеи цветок, протянувшийся к нему с ветки дерева. На месте вгрызшихся лепестков зияла рана — из порванной сонной артерии толчками выплескивалась кровь, казавшаяся в свете луны черной.

От крика Веллия тотчас проснулась и вскочила на ноги. Конан бросился к ней, словно голодный лев на готовую умчаться прочь антилопу. Прежде чем крепкие пальцы варвара сжали ей горло, женщина успела пронзительно закричать. На ее крик со стороны замка и ворот поспешили стражники, в воздухе засвистели стрелы.

— Не стреляйте! — во всю силу своих легких взревел киммериец. — Одно движение — и я задушу ее!

Увидев, что госпожа их полностью во власти Конана, красавцы-стражники опустили луки. Но стрелы их уже успели пронзить второго из слуг Шумри, который бился теперь в агонии на траве. Его товарищ, к шее которого присосался цветок, уже не двигался, испустив дух от потери крови. Вольд также лежал, упав навзничь.

— Ты ранен? — нагнулся над ним встревоженный немедиец.

Тот покачал головой, с трудом приподнялся и сел.

— Стрела ударила мне в грудь, — сказал Вольд. — Смотри.

Сквозь прорехи в одежде Шумри увидел кольчугу из очень мелких колец. В месте удара стрелы она блестела, точно посеребренная.

— Она спасла тебя еще раз, — прошептал Шумри. — Я же тебе говорил...

— Бросьте луки и мечи в одну кучу! — громко распоряжался между тем Конан. — И не вздумайте шутить или утаивать оружие. Иначе ее хрупкое горлышко в один момент хрустнет — точь-в-точь как куриная шейка!

Вольд поднялся на ноги, пошатываясь, подошел к киммерийцу и встал рядом.

— Не только мечи и луки, но также лопаты, подсвечники и все остальное, — добавил он.

Шумри поразило, что здесь были не только охрана и слуги-мужчины, но и девушки. Растрепанные, полуодетые, оставившие впопыхах постели красавицы сжимали в руках кто что успел схватить: бронзовый подсвечник, топор, шило, ножницы... На их лицах была такая ненависть и решимость, что не оставалось сомнений, насколько они преданы своей госпоже.

Неожиданно Вольд изо всех сил оттолкнул Конана. Краем глаза он успел заметить, как одна из молоденьких служанок — та, что встречала Конана и Шумри у дверей замка и угощала вином — сумела подкрасться в темноте за спину киммерийцу и, размахнувшись, занесла кинжал над его левой лопаткой.

— Получай же, зверь! — крикнула она, нанося удар

двумя руками, но кинжал просвистел мимо цели и вместо лопатки Конана вонзился в плечо оттолкнувшего его Вольда.

— Я убью ее! — взревел киммериец, и в падении не выпускивший ведьмы и увлекший ее за собой на землю.

Он сжал ее горло с такой силой, что Веллия захрипела и закатила глаза.

Шумри бросился к Вольду.

— Ничего, ничего, рана не глубока, просто царапина, — приговаривал он, разорвав рукав и стараясь рассмотреть в призрачном лунном свете узкий разрез, из которого струился темный ручеек крови.

— Рана не глубока, — пробормотал Вольд, отводя его руки. — Но эта милая девушка обмакнула кинжал в яд. Должно быть, цветы уступили его ей... Не суетись, друг. Я рад, что последние капли моей жизни истрачены именно так...

Он откинулся головой на землю и прикрыл глаза. По его изможденному, болезненному лицу прошла судорога, после чего все черты словно разгладились и налились покоем.

— Живо оружие в одну кучу, иначе я убью ее! — повторил Конан. — Шумри, разрази тебя Кром! Не забывай про порошок!

Немедиец отвел глаза от успокоившегося Вольда и послушно вдохнул несколько раз порошок горной травки.

Веллия, слабо извиваясь в мощных руках киммерийца, прохрипела, обращаясь к своим возлюбленным, игрушкам и слугам:

— Делайте... что он говорит...

Стражники и служанки нехотя стали бросать на землю свои стальные и бронзовые орудия. Двигались они как-то замедленно, словно в полусне. Шумри сообразил, что запах синих цветов — яростный, ненавидящий, жгучий — делал свое дело. Не защищенные пронзительным ароматом серого порошка, слуги Веллии изо всех сил боролись со сном, но он одолевал их. Спустя недолгое время на траве, рядом с тремя окровавленными трупами

валялась дюжина тяжело дышащих, постанывающих под бременем кошмарных сновидений тел.

— Пора кончать, — пробормотал киммериец.

Он швырнул на землю извивающуюся и шепчущую сквозь зубы то ли проклятия, то ли заклинания Веллию, отрезал мечом несколько длинных прядей ее волос и крепко связал ими ее руки и ноги.

— Найди мне камень, да покрупнее, — велел он Шумри.

Немедиец, бессильно опустившийся на искрящуюся хрусталем дорожку, посмотрел на Конана, словно не слыша его или не понимая.

— Ладно, я сам найду, — бросил варвар. — Порошок — смотри, не забудь про порошок!

Конан, в поисках камня, пошел вдоль ограды. Как только он отделился настолько, что не мог их слышать, Веллия, перекатываясь по траве, помогая себе зубами, локтями и коленями, добралась до ног неподвижного Шумри.

— О, благородный Кельберг! — жарко зашептала она. Глаза ее, увлажненные слезами, блестели в свете луны еще пленительнее, еще несказанней, чем днем. — Отпусти меня! Ведь ты совсем не такой, как этот грубый варвар, этот бездушный кусок плоти, чье назначение в жизни — лишь рушить, крушить и жечь!.. О, ты не такой! Душа твоя высока, глаза одухотворены и похожи на печальные звезды, сердце твое великодушно и чисто! А как ты чувствуешь музыку!.. О мой добрый Кельберг! Да, я отбирала у некоторых из моих гостей годы жизни, но у кого и зачем? Только у бездушных животных, подобных твоему спутнику, отбирала я их будущие годы, годы, которые иначе были бы наполнены лишь резней и обжорством, кровью и свистом мечей, воплями терзаемых женщин и слезами младенцев... О Кельберг! Во что же превращались эти отнятые у кровавых зверей годы? Разве ты не видел сам? В картины и гобелены, в глубокие и проникновенные разговоры под ночным небом... Кельберг,

Кельберг, послушай душу свою: она молит, она заклинает тебя спасти красоту! Кельберг, послушайся души своей!..

— Что она так пылко тебе обещает? — спросил подошедший с огромным камнем в руках киммериец. — Впрочем, понятно что. Вечную молодость и вечную красоту, и в придачу кровавые пиршества время от времени. Соглашайся, Шумри! О чем тут раздумывать?..

Он наклонился и крепко привязал камень к ногам ведьмы. Затем взвалил ее тело себе на плечо.

— Кельберг! — позвала она в последний раз, мелодично и жалобно.

Даже в таком положении, нагая, перекинутая через плечо варвара, со спутанными и обрезанными волосами, она была дивно прекрасна.

Шумри взглянул на нее и тут же отвел глаза.

— Ты бы лучше прогулялся, — посоветовал ему Конан.

Немедиец послушно поднялся и, опустив голову, медленно пошел прочь.

Подойдя к ограде, Конан перебросил через нее нежное женское тело. Взметнув в воздухе искристыми тонкими волосами, Веллия с глухим плеском погрузилась в черную воду рва.

* * *

К рассвету Конан и Шумри похоронили своих погибших — Больда и обоих слуг. Они зарыли их за пределами замка, на обочине тропы. Перед тем, как опустить в землю тело Больда, немедиец снял с него кольчугу. Она и впрямь оказалась на удивление легкой, словно была сплетена не из металла, но из затвердевших лунных лучей, чуть потемневших от времени.

— Кажется, я знаю, кто эта девушка и кто этот доблестный человек, назвавшийся нам Больдом, — сказал он Конану. — В Бельверусе его имя широко известно, да и ее тоже. Какая трагедия! Удивительная была бы из них пара!..

Киммериец взвесил в руках кольчугу, так же отдав должное ее легкости.

— Что ты собираешься с ней делать? — спросил он. — Носить сам?..

— Ну что ты! Отдам девушке... Мертвому телу она не нужна, ей же может пригодиться.

— Чтобы подарить следующему жениху? — спросил Конан — без всякого, впрочем, желания кого-нибудь обидеть.

Шумри взглянул на него с укором и промолчал.

Когда они уже собрались уходить, немедиец вспомнил о спящих в саду стражниках и служанках. По его настоянию они вернулись обратно и перенесли бормочущие и постанывающие тела подальше от цветов, к самым воротам. Киммериец с большой неохотой занимался этим вздорным, на его взгляд, делом, но Шумри уверял, что если оставить их в саду, они могут никогда больше не проснуться.

Цветы снова пахли сладко и дурманяще, и лепестки их при прикосновении не ранили и не обжигали, но лишь щекотали и нежили.

— Быстро же эти лиловые твари простили нам свою госпожу, — хмыкнул Конан, когда последнее тело было перетащено в безопасное место и приятели присели, чтобы перевести дыхание. — Впрочем, ты все-таки не забывай пока про порошок.

— Я и не забываю, — отозвался Шумри, разворачивая тряпицу, в которой серели уже последние крупницы спасительного снадобья.

Внезапно киммериец поднял голову и насторожился. Ему послышалось что-то похожее на мелодичный женский смех, доносящийся из-за ограды замка. В два прыжка он подскочил к стене и посмотрел вниз. Громкий рев — рев досады и ярости — чуть не разорвал его широкую грудную клетку.

Испуганный Шумри мгновенно очутился рядом. Внизу, на противоположной стороне рва сушила на солнце пушистые волосы нагая ведьма. В ответ на вопль кимме-

рийца она подняла голову, и звонкий, победный, счастливый издевательский смех прозвенел, словно пение утренной птицы.

— Проклятье! Она выплыла! Ну почему я прежде не придушил ее — а ведь хотел! — ревел Конан. — Где мой лук?!

Но пока он искал лук, Веллия, подарив на прощанье остолбеневшему Шумри нежную и укоризненную улыбку, скрылась в густых зарослях.

Первым порывом варвара было ринуться вслед за ней, и он уже закинул ногу через ограду, но через мгновение сообразил, что это бесполезно: местность ему незнакома, ловкая и наглая, как куница, колдунья ускользнет от него — а может, и заманит в смертельную ловушку. Ярость его не знала пределов.

— Будь я проклят, что не придушил ее! Что не разmozжил ей голову! Что не сжег ее, как тушку бешеного пса, повесив вниз головой! Вот почему эти проклятые цветы снова пахнут сладко! Они рады, что она жива, что больше ей ничто не грозит!.. Ну что же, держитесь, лиловые отродья!

И он принялся отводить душу, бешено размахивая мечом, сшибая головки цветов, рубя стебли, превращая в крошево нежные лепестки... Запах цветов снова изменился: стал таким резким и острым, колющим, как тысячи игл, что Шумри поскорее прижал к ноздрям остатки серого порошка. Извиваясь и дергаясь, цветы старались достать до тела киммерийца, ужалить его, обжечь, убить... Но он так стремительно и яростно вращал мечом вокруг себя, не останавливаясь ни на миг, что ни один из шевелящихся лепестков не достиг цели.

Скоро с волшебным садом было покончено. Последние цветы он срубил с деревьев вместе с ветвями и растоптал их ногами. Золотисто-зеленый сок блестел на срезанных стеблях, каплями стекал вниз по коре. Хотя то была не кровь, но всего лишь сок, зрелище было почти столь же тягостным, как поле битвы, усеянное свежими трупами.

Тяжело дышащий варвар вытер меч о край плаща и

вложил его в ножны. Но ярость его еще не утихла, не истощила себя. Подумав немного, он ринулся к замку, снял один из факелов, прикрепленных над дверьми, и зажег его.

— Что ты хочешь делать? — беспокоенно спросил немедиец.

— Сейчас увидишь! — Конан рывком распахнул резную дверь. — Сейчас мы с тобой славно погреемся!..

— Постой, Конан! — Шумри крепко схватил его за руку. — Не надо! Ведь ты же уничтожишь эти... эти...

Он не мог сказать приятелю, как ему жалко прекрасные гобелены, картины, фарфоровые вазы и мраморные статуэтки. В ушах его звенел умоляющий голос Веллии: «Только у бездушных животных отбирала я их будущие годы... Чье назначение в жизни — лишь рушить и жечь!..»

— Прошу тебя! — воскликнул он с мольбой. — Не разрушай, не жги!..

— Тебе жалко ее гобелены?! Ее ковры?!.. — захохотал киммериец. Когда он смеялся вот так, охваченный иступлением ярости, он был и ужасен, и величествен в одно и то же время. — Не жалей: она выткет новые! Ты ведь радуешься в глубине души, что она не сдохла, разве не так?!..

Он повернулся, готовясь ринуться с гудящим пламенем над головой в глубь изысканных и прекрасных залов.

— Подожди же!.. — еще отчаянней завопил Шумри. — Ты погубишь людей! Они сгорят или задохнутся во сне! Ты забыл, что говорил нам старик: почти все они не догадываются о том, кто она. Ее слуги не виноваты!..

— Да пропади ты пропадом со своей жалостью! — Конан швырнул факел на землю. — Не виноваты! Конечно, они всего лишь прикончили пару твоих слуг, да Больда!.. Как ты не понимаешь: ведь она же вернется сюда! Она все начнет сначала!..

— Хорошо, жги, — тихо сказал Шумри. — Подожди только, пока они не проснутся и пока я не расскажу им правду об их госпоже.

Солнце уже сползло за кромки деревьев, когда приятели неторопливой рысью отдалялись наконец от замка, еще утром напоминавшего присевшую на выступ скалы белоснежную птицу, сейчас же превратившегося в черные горячие руины.

Оба молчали. От едкого дыма першило в горле, лохмотья сажки застряли в волосах и складках одежды. Кони мягко стучали копытами по тропе, потряхивая гривами, словно не понимая и удивляясь подавленности своих хозяев.

На повороте тропы показалась знакомая, вросшая в землю лачуга. Но старик в рваных лоскутьях не вышел навстречу, не замахал руками и не затряс приветственно головой. Шумри придержал коня.

— Стоит ли? — спросил Конан. — Или ты хочешь его обрадовать, что ведьма осталась жива?

Не ответив, немедиец подъехал к хижине и соскочил с коня. Конан нехотя последовал за ним.

В лачуге было сумрачно. Старик лежал навзничь на старых шкурах. При появлении «любезных гостей» он не пошевелился и не издал ни звука. Шумри склонился над ним и прикоснулся пальцами к холодному лбу. На сморщенном лице старика застыло удивленно-жалобное выражение.

— Надо его похоронить, — сказал Шумри.

— Стоит ли? — спросил киммериец. — Лопату из замка мы как-то не догадались прихватить...

— Будем рыть мечом.

Когда они отдали последний долг столетнему страдальцу, была уже ночь. Но они все-таки решили не останавливаться для ночлега, а ехать дальше. Несмотря на смертельную усталость, и Конану, и Шумри хотелось как можно скорее оставить позади себя печальное и проклятое место.

В полном молчании они возвращались с веселой охотничьей прогулки. Слышался лишь перестук копыт, да фыркание коней.

Внезапно ночь разорвал отвратительный хриплый вой, и кто-то прыгнул с ветки дерева, нависшей над тропой, прямо на грудь киммерийцу. Острые когти вцепились ему в шею, лицо обдало смрадным дыханием.

— Кром! — Конан с силой оторвал хрипящую и плюющуюся тварь от своей груди и бросил с размаха под копыта коня.

Испуганный конь шарахнулся в сторону, едва не скинув с себя седока. Киммериец спешил, выхватил меч и подошел к лежащей на тропе твари, намереваясь довершить начатое. Но меч не понадобился.

Разметав космы спутанных седых волос, разбросав худые руки и ноги, на тропе недвижно лежала старуха. Ее оскаленное лицо было страшно, как может быть страшна сама злоба. На лице и теле темная сморщенная кожа висела такими глубокими складками, словно она прожила на свете не одну сотню лет.

— А этой красотке чем я успел досадить? — недоуменно спросил Конан, с удивлением и омерзением рассматривая обтянутые морщинистой кожей кости. — Ехал себе мимо, никого не трогал..

— Ты что.. не догадываешься? Ты не узнал?.. — тихо спросил Шумри.

— Кого я должен узнать в этом грязном чучеле?!

Вместо ответа немедиец показал на лоб старухи. Над переносицей на тонкой цепочке блестела в неверном свете луны большая жемчужина в форме капли.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Лэнгтон
КАРЕЛА РЫЖИЙ ЯСТРЕБ

Глава 1	7
Глава 2	33
Глава 3	59
Глава 4	84
Глава 5	110
Глава 6	137
Глава 7	162
Глава 8	186
Глава 9	211
Глава 10	236
Глава 11	260

<i>Д. Уолмер.</i> Дважды рожденные	285
Замок зла	393

Литературно-художественное издание

**Джорджия Лэнгтон
Даниэл Уолмер**

КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*

Редактор: *Михаил Нахмансон*

Художник: *Алексей Федоренко*

Технический редактор: *Сергей Арефьев*

Корректор: *Нина Натарева*

Издательство «Троль».
410027, г. Саратов, ул. Одесская, 9.

Лицензия № 010945 от 05.03.93 г.
Сдано в набор 10.09.96. Подписано в печать 15.09.96.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Школьная».
Тираж 36 000 экз.
Заказ № 196.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

